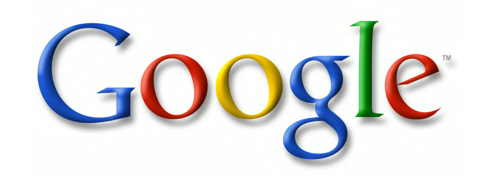
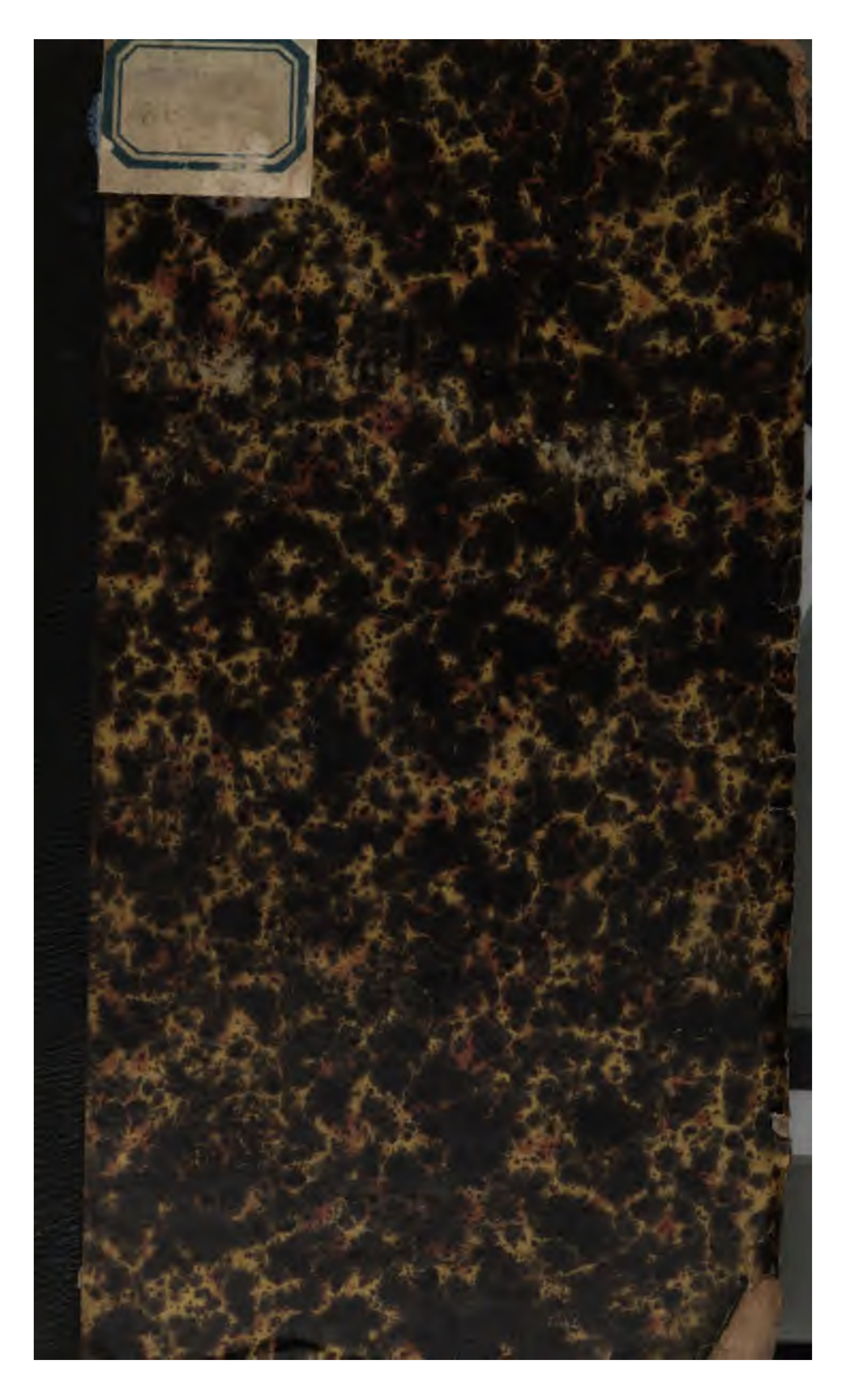

БИБЛИОТ
О. д. д. ср. Выс
скимъ Кур
№
Шкапъ
Полка
LELAND STANFO
STANFORD

…СТОРІЯ

…КАГО НАРОДА

Сочиненіе

…колая Полеваго.

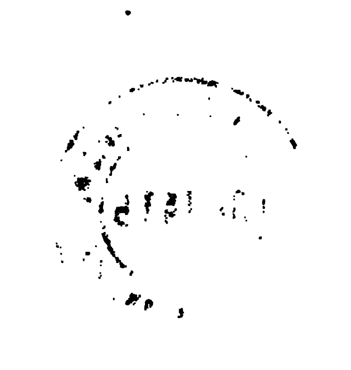
ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.

…типографіи Августа Семена,
при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1830.

ИСТОРІЯ РУССКАГО НАРОДА.

Сочиненіе
Николая Полеваго.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.
1830.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЕНО,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Августа 28 дня, 1830 года.

Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ИСТОРІЯ РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА III.

Отъ перенесенія Великаго Княжества изъ Кіева во Владиміръ Залѣсскій, до нашествія Монголовъ (отъ 1157-го до 1236-го года): *вторая половина* періода Удѣловъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I. Андрей, сынъ Георгія Долгорукаго, властитель Суздаля; борьба *Олеговичей* и дѣтей Ростислава (*Мономаховичей*) за Кіевъ. Андреева система политическаго единовластія: онъ покоряетъ Кіевъ; переноситъ *Великое Княжество* въ Суздаль, или Владиміръ Залѣсскій. Сопротивленіе Новгорода и Ростиславичей останавливаетъ успѣхи политической системы Андрея. Главныя дѣленія Руси: *дѣти Георгія Долгорукаго* во Владимірѣ, съ названіемъ *Великихъ Князей; дѣти Ростислава Смоленскаго* и *Олеговичи* въ Смоленскѣ, Черниговѣ и, попеременно, въ Кіевѣ; *родъ Владимірка* въ Галичѣ; *родъ Изяслава Мстиславича* на Волыни; *республика Новгородская* на Сѣверѣ. Смятенія во Владимірѣ послѣ смерти Андрея Георгіевича; Олеговичи вмѣшиваются въ сіи смятенія.

ГЛАВА II. Всеволодъ, младшій сынъ Георгія Долгорукаго, Великій Князь и преемникъ Андрея. Борьба Олеговичей съ нимъ и другими потомками Мономаха; слѣдствія сего: Святославъ (*Олеговичъ*) въ Кіевѣ; Всеволодъ (*Мономаховичъ*) во Владимірѣ. Отдѣльныя событія въ Рязани, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Галичѣ, Волыни, Кіевѣ, Черниговѣ, Новгородѣ. Литовцы, Нѣмцы, Булгары, Половцы.

ГЛАВА III. Система политики Всеволода Георгіевича. Что была тогда Русь? Слѣдствія сего. *Мстиславъ Мстиславичъ*, внукъ Ростислава Смоленскаго, сынъ Мстислава храбраго, *истинный рыцарь и герой своего времени*, Князь въ Новгородѣ. Смерть Всеволода. Мстиславъ безкорыстный геній-хранитель Руси: онъ уничтожаетъ Олеговичей; охраняетъ Новгородъ; рѣшаетъ распри между дѣтьми Всеволода; властвуетъ судьбою Галича. Система его дѣйствій.

ГЛАВА IV. Нашествіе Монголовъ. Мстиславъ идетъ на нихъ; *битва на Калкѣ*, пораженіе Мстислава; кончина его. Судьба Русскихъ земель въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, протекшихъ послѣ Калкской битвы до вторичнаго нашествія Монголовъ.

Мстиславъ Изяславичъ, и сынъ его Романъ Галицкій; Мстиславъ Ростиславичъ (Храбрый) и сынъ его Мстиславъ (Удалый); Святославъ Всеволодовичъ и сынъ его Всеволодъ Рыжій; Игорь и Всеволодъ, дѣти Святослава Олеговича; Ярославъ Владиміровичъ; Романъ и Рурикъ Ростиславичи; Всеволодъ Георгіевичъ, и дѣти его, Константинъ и Георгій; Якунъ, Посадникъ Новгородскій; Володиславъ, бояринъ Галицкій — замѣчательнѣйшіе представители сего періода.

ИСТОРІЯ
РУССКАГО НАРОДА.

ГЛАВА I.

Приступивъ къ изображенію періода *Удѣловъ* въ Исторіи Русскаго народа, мы отвергли несправедливую мысль, что сей періодъ былъ вѣкомъ какого-то безумія народнаго, какого-то непонятнаго смѣшенія страстей, и дѣйствій, ими произведенныхъ, послѣ патріархальныхъ, счастливыхъ первобытныхъ временъ Руси. Предварительное изображеніе политическаго и нравственнаго быта Русскихъ земель убѣдило насъ въ *необходимости* сего періода; изображеніе событій въ теченіе ста лѣтъ, прошедшихъ отъ кончины Ярослава до кончины правнука его Георгія Долгорукаго, доказало намъ, что сей періодъ развился въ строгихъ, неизмѣняемыхъ, изъ самаго начала Русскаго народа происшедшихъ условіяхъ, по коимъ Провидѣніе всегда правитъ судьбы царствъ и народовъ.

«Богъ,» говоритъ одинъ великій Историкъ, «Богъ держитъ въ рукѣ своей бразды всѣхъ царствъ, и всѣхъ сердца въ десницѣ Его. Иногда Онъ воздерживаетъ страсти, иногда послабляетъ имъ, и — возмущаетъ родъ человѣческій. Угодны ли волѣ Его завоеватели? Онъ ниспосылаетъ имъ своего духа мудрости и предвѣдѣнія, воспящающаго бѣдствія государствъ, и крѣпящаго основы общественнаго благотишія. Онъ вѣдаетъ мудрость человѣка, близорукую во многомъ, и просвѣщаетъ ее, дѣлаетъ дальновидною, или—предоставляетъ ее собственному ея невѣдѣнію, ослѣпляетъ, движетъ на гибель и губитъ ее ею самою: она запутывается, сбивается въ своихъ собственныхъ хитростяхъ, и уловляется самою своею предосторожностью. Таковы средства, коими исполняются недовѣдомыя судьбы Бога. Онъ готовитъ дѣйствія въ причинахъ самыхъ отдаленныхъ; онъ поражаетъ царства великими ударами, отраженіе коихъ разливается столь обширно. Когда погибнуть царству, все дѣлается слабо и нестройно въ его совѣтахъ (1)».

Посмотрите на начало Руси: какъ дивно воины Скандинавіи ведены были на югъ, черезъ моря и пустыни; какихъ смѣлыхъ дѣйствователей посылало имъ Провидѣніе; какъ оно давало имъ

(1) Боссюэтъ.

средства положить *основаніе Русскому народу*; какъ внушило оно честолюбивому Владиміру желаніе просвѣтиться Христіанскою вѣрою, послало послѣ него долгоденственнаго Ярослава, и отдѣлило міръ Востока въ зародышѣ маломъ отъ міра Запада, развивавшагося въ огромныхъ объемахъ!

Начало было положено. Самобытный Руссъ потекъ поприщемъ общественной жизни. Онъ не могъ уклониться отъ основныхъ законовъ Человѣчества. Когда Религія истребляла Язычество, и образовывала духъ народа, новый порядокъ правленія истребилъ Феодализмъ, перенесенный изъ Скандинавіи, и сдѣлался условіемъ будущей судьбы Руссовъ.

Пройдите мыслію столѣтіе послѣ Ярослава. Какія малыя, но вѣрныя причины, и какіе сообразные каждому времени дѣйствователи! Когда, кажется, все вело къ спокойствію—являлось новое препятствіе; когда мудрость человѣческая думала, что создала твердое и незыблемое—одна ошибка, одинъ ничтожный дѣйствователь, и все разлеталось въ обломкахъ!

Основаніе находилось въ самомъ образованіи Русскихъ Княжествъ; *стихіи* въ политическомъ отношеніи одного Княжества и одного рода Князей къ другому Княжеству, другому роду Князей; *средства*, отъ коихъ кипѣли сіи стихіи—характеры Князей.

Прежде всего явились три Князя, три брата, три врага: *Изяславъ*, можетъ быть, добрый по душѣ, но имѣвшій всѣ недостатки людей малодушныхъ; *Святославъ*, мужественный, но не знавшій союза совѣсти съ честолюбіемъ; *Всеволодъ*, робкій угодникъ, то Святослава, то Изяслава. Смерть двухъ другихъ братьевъ, Вячеслава и Игоря, дала имъ поводъ къ несправедливости. Первый шагъ былъ сдѣланъ, и Изяславъ заплатилъ за согласіе на обиду ближнихъ потерею престола. Смерть Святослава возвратила ему права его, но боязнь и мщеніе отразились въ бѣдствіяхъ и изгнаніи сыновъ Святослава. Надобно было, чтобы обдѣленные и оскорбленные племянники были люди, подобные *Володарю* и *Васильку*, *Олегу* и *Роману*, *Борису* и *Давиду* (хотя и злодѣю, но мужу крѣпкому душею). Борьба ихъ съ дядями была неудачна, но неудача только усилила взаимную ненависть. Изяславъ погибъ. Владиміръ Мономахъ, подъ щитомъ имени отцовскаго, умѣлъ стать противъ всѣхъ; но блестящія достоинства его помрачало холодное, своекорыстное честолюбіе. Законностью избранія Святополка онъ хотѣлъ добыть себѣ новое орудіе на враговъ, и не зналъ, что возводитъ на престолъ человѣка безъ души и безъ сердца. Затаивъ въ глубинѣ души сознаніе своей ошибки, когда смерть Святополка сняла позоръ съ трона Великокняжескаго, Мономахъ пожертвовалъ смиреніемъ вла-

столюбію, сѣлъ на тронѣ отцовъ, каралъ, ничтожилъ противниковъ—было поздно : самобытность Новгорода, Галича, Чернигова, была уже неистребима! Едва умеръ Мономахъ, все созданное имъ упало при слабыхъ сынахъ его, Мстиславѣ и Ярополкѣ. Руссы привыкали уже къ мысли, что только родъ Всеволода долженствовалъ быть на Великомъ Княжествѣ, потому что болѣе 25-ти лѣтъ они видѣли Великихъ Князей изъ сего рода. Но Всеволодъ Олеговичъ разрушилъ сіе повѣрье; умѣлъ завладѣть Великимъ Княжествомъ; держался на престолѣ; передалъ его братьямъ. Въ тоже время родъ Мономаха раздѣлился. Законный наслѣдникъ, Вячеславъ, былъ добрый, но неспособный человѣкъ, отверженный отъ престола, кажется, самою волею отца; другой, Георгій Долгорукій, губилъ свои права странною нерѣшительностью, робостью, безпечностью. Третій представитель Мономаховичей, Изяславъ Мстиславичъ, былъ противоположенъ Вячеславу и Георгію, но не имѣлъ законнаго права. Дерзкою отвагою, ловкостью ума и силою руки сдѣлавшись Великимъ Княземъ, онъ погубилъ достоинство сана, въ тоже время дѣлами своими показывая другимъ, *что* надобно было для успѣха въ тогдашнихъ обстоятельствахъ. Борьба Изяслава съ потомками Олега и съ Георгіемъ; странное лицо—Вячеславъ; безпрерывная мѣна удачь и неудачь между соперниками, сдѣлали наконецъ тронъ

Великокняжескій игрушкою Князей, дружинъ ихъ, и даже народа, который не ожилъ, не узналъ блага законной свободы, но съ клеймомъ рабства буйствовалъ при каждой неудачѣ повелителей. Краткое княженіе Георгія было какъ будто гранью, рѣзко отдѣлившею новый порядокъ политическаго быта Руси, изъ прежняго явившійся.

Совершенно отличенъ могъ-бы быть ходъ событій, если-бы Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ мирно соблюли завѣтъ отца; или Святополкъ, сынъ Изяслава, не былъ такъ ничтоженъ и черенъ душею; или дѣти Мономаха: Мстиславъ, Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, были подобны отцу своему; даже если-бы Всеволодъ Олеговичъ не успѣлъ на время одолѣть Мономаховичей. Какъ не рѣдко видѣли мы, что по причинамъ маловажнымъ Князья пятнали себя кровью ближнихъ, и въ тоже время, въ минуты самыя рѣшительныя, важныя, мечъ убійцъ какъ будто притуплялся.... Что̀ ихъ удерживало?... Есть Провидѣніе, есть судьбы, Имъ предначертанныя! Кого въ семъ не убѣждаетъ Исторія, тотъ—недостоинъ ея великихъ уроковъ.

Новый порядокъ дѣлъ, къ описанію котораго должны мы приступить, произошелъ отъ того, что съ униженіемъ достоинства Великаго Князя, въ борьбѣ за мечту власти, за право обладать благословенными горами Кіева, яви-

лась самобытная жизнь частей. Здѣсь видимъ предметъ для наблюденій. Непонятная вражда Русскихъ Князей съ Полоцкомъ ослабила сію естественную преграду между Югомъ и Сѣверомъ, положила пустыню на мѣстѣ жилищъ, и какъ будто очистила мѣсто для жизни новаго народа, новаго государства: тутъ увидимъ *Литовцевъ*. Съ другой стороны, серпъ судебъ пожиналъ дикихъ обитателей Приволжскихъ и Придонскихъ: въ собственныхъ междоусобіяхъ, и въ войнахъ Руссовъ, гибли Половцы: отъ нихъ и отъ другихъ народовъ оставались только мѣлкія сѣмена новыхъ поколѣній, очищалось обширное поприще чему-то грозному, чему-то страшному, темнѣвшему въ дали степей Восточныхъ! Руссы безпрерывно ожидали преставленія свѣта: не ему долженствовало наступить, но слѣдовало быть послѣднему изверженію изъ Азіи. Отъ смерти Георгія Долгорукаго протекло *не болѣе вѣка человѣческаго до появленія Монголовъ*. Пережившаго сей вѣкъ ожидали *трудъ и болѣзнь* (2).

Если здѣсь видимъ всюду какое-то разрушеніе, паденіе, въ тоже время посмотрите, какъ жизнь будущаго готовилась въ другихъ мѣстахъ, и не гасла но живилась. Волынь,

---

(2) Псаломъ LXXXIX.

и потомъ Галичъ, долженствовавше быть оплотомъ Руси отъ могущества Венгріи и Польши, были управляемы Князьями мужественными, сильными; тамъ княжили Володарь, Василько, Владимірко и, достойный сынъ его, Ярославъ— *Осмомыслы, подпиравшіе Угорскія горы желѣзными полками, заступавшіе путь Королямъ, затворявшіе ворота отъ Дуная* (3). — Если Черниговъ разрушался, будучи терзаемъ враждою съ Кіевомъ, въ тоже время вражда сія возстановила Рязань, Муромъ, Курскъ, Новгородъ Сѣверскій, наконецъ Владиміръ Залѣсскій, и отодвинула гнѣздо будущихъ событій въ Сѣверъ, на крайней оконечности коего жизнію народной свободы кипѣли Новгородъ и Псковъ.

Повѣсть о второй половинѣ періода Удѣловъ рѣшитъ намъ то, что еще кажется неяснымъ въ событіяхъ первой половины. Мы увидимъ ниспроверженіе, уже не Великаго Княжества — оно пало съ смертію Мономаха — но даже самаго мѣста, гдѣ оно существовало— Кіева, дотолѣ только для Половцевъ не бывшаго предметомъ благоговѣнія; увидимъ, какъ разгаръ страстей доведетъ до рѣшительнаго раздѣленія Сѣверъ, Югъ, всѣ части Руси, унизитъ характеръ однихъ до грубыхъ зло-

(3) Такъ сказано о Галицкомъ Ярославѣ въ *Словѣ о полку Игоревомъ*.

дѣйствъ перваго времени Руссовъ, сдѣлаетъ другихъ какими-то странствующими рыцарями удальства и чести, умалитъ души, истощитъ сердца, и доведетъ всю Русь до кровавой бани очищенія.

Но, прежде нежели начнемъ продолжать наше повѣствованіе, важный вопросъ долженъ остановить вниманіе наше. Хотимъ знать: какое существовало тогда отношеніе Руси къ Европѣ? Сему вопросу предшествуетъ другой: что̀ была Европа до первой половины XIII-го столѣтія?

Мы сказали, что «два столѣтія, IX-е и «X-е, были для всей Европы вѣкомъ пере-«хода народовъ, истребителей *древняго* граж-«данскаго общества, къ *новому* образованію об-«ществъ(4).» Это образованіе явилось совершенно въ новыхъ формахъ: новыхъ государствахъ, языкахъ, законахъ, обычаяхъ, новой вѣрѣ! — Смотрите на изображеніе древняго и изображеніе новаго міра: гдѣ Римъ, Иберія, Галлія, Германія, Британія, Скандинавія, Паннонія, Скиѳія, Сарматія? Мы видимъ — Италію, Испанію, Францію, Саксонію, Богемію, Англію, Данію, Норвегію, Швецію, Венгрію, Польшу, Русь! Все измѣнилось; даже древніе боги

---

(4) Ист. Р. Н. т. II, стр. 10.

пережили свое божество: они лежали во прахѣ и уступили власть свою истинному Богу!

Разсматривая потомъ Исторію Европы до XI-го столѣтія, мы указали на Имперію Карла Великаго, и въ составленіи и разрушеніи оной видѣли ходъ событій въ средоточіи Европы, коего дополненіемъ были всѣ другія страны Западной Европейской системы. Сущность событій мы нашли въ борьбѣ двухъ стихій гражданскихъ обществъ (*Монархіи* и *Церкви*), или, лучше сказать, четырехъ: *Церкви*, *Монархіи*, *Феодализма* и *Народа* (5).

Мы видѣли, наконецъ, различіе Западной и Восточной системы; убѣдились, что до періода Удѣловъ не было никакого прямаго отношенія Руси къ Европѣ; что Русь IX и X-го вѣка принадлежала къ погасавшей системѣ Востока, принявъ отъ Греціи религію, подвергнувшись сильному политическому вліянію, законамъ, мнѣніямъ, дѣйствіямъ Грековъ (6).

Въ *одиннадцатомъ* и *двѣнадцатомъ* столѣтіяхъ, въ Европѣ продолжалось развитіе духа человѣческаго по новымъ формамъ. Буря, сокрушившая міръ Древній, утихла; звѣзда путеводная, показавшая начала Новаго міра — Им-

---

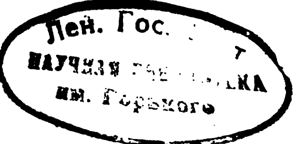
(5) Ист. Р. Н. т. II, стр. 19–23, 25–28, 60–63.

(6) Ист. Р. Н. т. II, стр. 23 и слѣд. до 40.

перія Карла Великаго погасла; стихіи волновались, колебались, и еще ничего не образовали рѣшительнаго.

Изъ Скандинавскихъ народовъ составились три державы: Швеція, Норвегія, Данія, и взаимно боролись, высились и низились: *Сѣверныхъ Людей* уже не страшилась Европа. Англія, покоренная въ половинѣ XI-го столѣтія Нордманнами, въ несчастномъ правленіи Іоанна Безземельнаго, предугадывала начало своего будущаго политическаго образованія; въ Испаніи возрастали Христіанскія Королевства, отбивая безпрерывно землю у Мусульманъ; съ другой стороны Европы Венгрія, Польша, Богемія вступили въ политическій міръ Европы и дѣйствовали одна на другую.

Основаніе всѣхъ событій было прежнее, то на что мы уже указывали: власть *духовная* боролась съ *монархическою*, и въ сей борьбѣ участвовали: Феодализмъ, защищавшій свое бытіе, и Народъ, искавшій, если не политической самобытности, то хотя возможности физическаго существованія. Главнымъ представителемъ Монархіи былъ *Императоръ Германскій*, главнымъ представителемъ Церкви *Папа*. Кровавая, страшная борьба ихъ потрясала Францію, Германію, Италію. Къ началу XIII столѣтія все пало предъ громами Ватикана; но

тѣмъ самымъ непобѣдимая власть Папъ укрѣпила основы Монархіи, подрыла сама себя своею побѣдою. Въ XIII-мъ вѣкѣ оканчивалось время необыкновеннаго перелома, который составили *Крестовые походы.*

За пять сотъ лѣтъ прежде, послѣдователи Мугаммеда, подъ властію Халифовъ Азійскихъ, сохранили для Европы свѣтъ наукъ и знаній (7). Въ XI-мъ вѣкѣ, они-же были причиною перелома дѣлъ въ Европѣ: Халифатъ палъ отъ внутреннихъ раздоровъ и меча *Турковъ;* сіи дикіе завоеватели овладѣли Гробомъ Господнимъ; восторгъ религіозный откликнулся на призывъ Папы, и Европа устремилась отнимать драгоцѣнный залогъ сей у Мусульманъ.

Первый Крестовый походъ былъ въ концѣ XI-го вѣка; послѣ того, въ теченіе XII-го столѣтія — монархи, феодальные владѣтели, подданные ихъ, духовные люди — все стремилось въ землю Обѣтованную. Въ Крестовыхъ походахъ участвовали собственно Германія, Венгрія, Греція, Италія, Франція, Англія. Но безчисленныя слѣдствія ихъ отразились и на

(7) Усиленіе Сррацииновъ было съ половины VII вѣка; эпоха блестящаго состоянія Халифатства, убѣжища наукъ и искуствъ, началась съ половины VIII-го столѣтія; періодъ паденія съ половины X-го.

остальныя Европейскія земли — коснулись и Русскихъ земель (8).

Не исчисляемъ здѣсь слѣдствій Крестовыхъ походовъ, и того, какія частныя обстоятельства споспѣшествовали имъ: *слѣдствій* потому, что въ началѣ XIII-го столѣтія они еще не были явны; *частныхъ обстоятельствъ* потому, что они не касаются Исторіи Русскаго народа. Укажемъ здѣсь только на одно политическое отношеніе, коимъ переломъ Европы означился и на Руси.

---

(8) *Первый* Крестовый походъ, когда, какъ говоритъ Анна Комнина, «Европа цѣлая казалась поколебавшеюся въ своихъ основаніяхъ и падающею на Азію,» начался съ 1096 года. *Второй* походъ, послѣ взятія Эдессы (Людовикъ VII и Конрадъ III), въ 1146 году; *третій* походъ, послѣ взятія Іерусалима Саладиномъ, начался въ 1187-мъ, продолжался до 1246 года (Филиппъ Августъ, Ричардъ Львиное Сердце, 1187—1192г.—Генрихъ VI, 1196 года.—Андрей, Король Венгерскій, 1217 года.—Фридрихъ II, 1228 года—Тибо, Король и поэтъ, 1240 года.—*Четвертый* походъ (Людовикъ Святой) съ 1246 года Завоеваніе. Птолемаиды, послѣдняго города Христіанскаго на Востокѣ, было въ 1291 году.—Но все сіе раздѣленіе Крестовыхъ Походовъ искуственное; собственно же, безпрерывно съ половины XI-го столѣтія Европейцы стремились въ Палестину; умы были готовы, когда Петръ Пустынникъ замыслилъ первый походъ: онъ только подалъ знакъ къ войнѣ, начатой гораздо прежде.

Крестовые походы довели до высшей степени *ревность распространять Христіанскую вѣру*, и съ нею соединили мысль воинствующей Церкви. Что прежде дѣлалось изъ политическихъ видовъ, то стали дѣлать по твердому увѣренію въ святости дѣла; тогда увидѣли новое явленіе: *рыцарскіе духовные Ордена*.

Въ 1099 г., въ больницѣ Іерусалимской Св. Іоанна, положено было начало Ордена братій Больничныхъ, получившихъ при Магистрѣ Раймондѣ назначеніе воинское, въ 1118 г.—Въ слѣдующемъ, 1119 г. двѣнадцать человѣкъ утвердили клятвою близъ Гроба Господня другой Орденъ *рыцарей Св. Храма*. Судьба первыхъ была: пережить потерю Палестины, и постепенно исчезать до нашего времени, подъ именемъ Родосскихъ и Мальтійскихъ рыцарей; судьба другихъ: послѣ потери Палестины обхватить почти всю Европу своими мечами. Они силою обратили въ Христіанство и покорили себѣ нынѣшнюю Пруссію, завладѣли обширными землями всюду, и были поводомъ, что въ концѣ XII-го вѣка, въ дикихъ Чудскихъ земляхъ, на берегу Балтійскаго моря, явился еще новый Орденъ военно-духовный, и его дѣйствія, его жизнь имѣли сильное вліяніе на Сѣверную Русь.

Кромѣ сего, такъ-же какъ прежде въ IX и X-мъ вѣкахъ, Русь не знала Запада Европы. Самое географическое приближеніе Запада къ Востоку, т. е. овладѣніе Царьградомъ, еще болѣе отдалило

Русь отъ Запада, раззнакомивъ ее на полъ-столѣтія даже и съ Греціею (9). Какъ прежде, не общее движеніе Европы, но частныя причины сближали съ Русью Польшу и Венгрію. Вѣра, законы, нравы, обычаи имѣли на Руси свою отдѣльную Исторію, измѣнялись, жили сами собою, не по вліянію Европы.

Какая изумляющая судьба! Пространство земель обширное, принадлежащее къ Европѣ, и чуждое оной, чуждое жизни ея, дѣлъ, великихъ вопросовъ, раждавшихся съ каждымъ вѣкомъ! Знала Европа, что на Востокѣ, за Польшею и Венгріею, живутъ народы многочисленные; но только отважные купечествующіе странники ѣзжали въ Русь, какъ нынѣ ѣздятъ въ Среднюю Азію, и въ разсказахъ своихъ смѣшивали имена Русскихъ властителей и названія земель; только посланники Западнаго Первосвященника ходили въ нее съ крестомъ въ рукѣ и честолюбивыми замыслами въ душѣ, и льстили владыкѣ своему раннею или позднею побѣдою надъ Первосвященникомъ Востока. А страсти бушевали между тѣмъ и въ Руси: Провидѣніе вело ее своимъ вѣрнымъ путемъ; Руссы передавали потомкамъ память своихъ благодѣтелей, своихъ губителей! Скоро

(9) Царьградъ взятъ былъ Крестоносцами въ 1204 году.

долженствовалъ наступить новый періодъ событій для Руси — дивныхъ, напомнившихъ о великомъ переселеніи народовъ съ V-го по IX-й вѣкъ, послѣднихъ событій сего рода!

Мы заключили повѣствованіе наше кончиною Георгія Долгорукаго—послѣдняго *Великаго Кіевскаго Князя*. Мы видѣли, что обладаніе Кіевомъ собирались уже исторгнуть у него другіе, хотя и сами не знали, кому изъ нихъ достанется Кіевъ и титулъ Великаго Князя. Кончина Долгорукаго остановила брань, готовую багрить берега Днѣпровскіе кровью Руссовъ и Половцевъ, и превращать въ пепелища города и селенія (10).

Изъ предшествовавшихъ событій мы уже знаемъ характеры дѣйствователей, оставшихся послѣ Георгія Долгорукаго. Главнѣйшіе были: *Андрей Георгіевичъ*, наименованный въ послѣдствіи *Боголюбскимъ*; *Ростиславъ Мстиславичъ*, Князь Смоленскій; *Мстиславъ Изяславичъ*, сынъ бывшаго достопамятнаго, Великаго Князя; *Изяславъ Давидовичъ*, Князь Черниговскій.

Мы видѣли Андрея пылкимъ, храбрымъ юношею, забывавшимъ себя въ опасностяхъ сѣчь, добродушнымъ въ мирѣ, негодовавшимъ на ухищренія и честолюбіе отца. Къ сему присовокуплялъ онъ умъ прямой, твердый, но дѣятельный только въ

---

(10) Ист. Р. Н. т. II, стр. 471.

опасности; безпечность отцовская отзывалась и въ характерѣ Андрея. Хотя не роскошный, не сластолюбивый подобно отцу, Андрей—левъ въ битвѣ, былъ уступчивъ, довѣрчивъ, слѣпо вѣрилъ добродѣтели другихъ, и доводилъ довѣренность свою до слабости.

Ростиславъ Смоленскій, всегда слабый, всегда подвластный чужой волѣ, всего болѣе походилъ на прадѣда своего Всеволода, такъ, какъ Изяславъ Черниговскій былъ выродившійся Олегъ Святославичъ. Но въ Изяславѣ не было доблестной честности Олега. Онъ опозорилъ себя въ самомъ началѣ гоненіемъ несчастнаго дяди, Святослава Олеговича, потомъ передавался всѣмъ сторонамъ, и никогда и нигдѣ не умѣлъ выиграть многаго.

Мстислава Изяславича мы видѣли крѣпкою опорою своего веледушнаго отца; потомъ союзникомъ, съ презрѣніемъ оставившимъ слабаго Ростислава въ виду рати непріятельской; противникомъ, выдержавшимъ натискъ силы Георгія и союзниковъ его: довольно для того, что-бы понять свойства Мстислава.

Другіе Князья были: *Олеговичи*—Святославъ, знаменитый любовію къ несчастному брату своему Игорю, столь долго страдавшій, гонимый, преслѣдуемый всѣми, успокоившійся подъ старость; другой Святославъ (сынъ Всеволода),

которaго мы болѣе узнаемъ въ послѣдствіи. *Мономаховичи*—Владиміръ Мстиславичъ, сотрудникъ Изяслава: онъ скажется намъ презрительнымъ ничтожествомъ; Ярославъ, братъ Мстислава Изяславича, уступавшій во всемъ мужественному своему брату, и не благодушный. Остальные Князья, ихъ современники, были не важны.

Замѣтимъ двѣ отдѣльныя политическія системы, существовавшія тогда для Русскихъ Князей: *одна* изъ нихъ стремила цѣлыя области и цѣлыя поколѣнія къ искательству надъ другими власти, облекаемой обольстительнымъ названіемъ *Великаго Княжества*; *другая* вела Князей къ образованію отдѣльныхъ сильныхъ Княжествъ. Сію послѣднюю, рожденную мѣстными обстоятельствами систему, первый вполнѣ понялъ Владимірко Галицкій, имѣвшій столько случаевъ и средствъ спорить за Великое Княжество. Она сдѣлалась ясною для поколѣнія, къ коему принадлежали Андрей Георгіевичъ и Мстиславъ Изяславичъ. Отецъ Мстислава первый открылъ тайну обладать, предоставляя другому право величаться титуломъ обладателя: эта мысль сдѣлалась господствующею мыслью Мстислава Изяславича, и была основою дѣлъ всей его жизни. Андрей Георгіевичъ, рожденный, воспитанный въ Суздальской области, любилъ сію далекую сѣверную сторону, болѣе нежели злачные, но усыпанные пепломъ селеній и увлаженные кро-

вію людей берега Днѣпра: онъ рѣшился быть Владимірскомъ Суздаля. Мы видѣли, что еще въ 1151 году, Андрей оставилъ отца своего и удалился въ Суздаль. Когда потомъ, черезъ четыре года, Георгій утвердился рѣшительно въ Кіевѣ, Андрей не взялъ отъ него удѣловъ на югѣ, и навсегда поселился на берегахъ Клязьмы.

Но старая система — *преобладанія надъ другими посредствомъ Великаго Княжества*, занимала умы Князей, принадлежавшихъ къ старому поколѣнію: Ростислава Смоленскаго и Изяслава Черниговскаго. Они оба стремились въ Кіевъ, и были представителями прежней вражды *Мономаховичей* и *Олеговичей*.

Подкрѣпленіе Ростислава заключалось въ повѣрьѣ народномъ: видѣть Мономаховичей на Великомъ Княжествѣ; въ союзѣ Мстислава Изяславича и другихъ родственниковъ; наконецъ, въ пособіи храбрыхъ и смѣлыхъ сыновъ Ростислава. У него было ихъ пятеро: Святославъ, Романъ, Рурикъ, Давидъ и Мстиславъ, въ послѣдствіи прозванный *Храбрымъ*. — Подкрѣпленіе Изяслава заключалось также въ пособіи родственниковъ, хотя разногласныхъ, не дружныхъ, но при борьбѣ съ Мономаховичами охотнѣе готовыхъ помогать старѣйшему изъ Князей Олегова рода, нежели столѣтнимъ гонителямъ своимъ, Мономаховичамъ.

Оставляя Кіевскую область, Андрей Георгіевичъ взялъ съ собою знаменитую икону Богоматери Пирогощей, дружину, Дворъ, и шелъ съ тѣмъ, что-бы основаться во Владимірѣ Залѣсскомъ (11). Въ одиннадцати верстахъ отъ Владиміра, конь, на которомъ везли икону, остановился и не шелъ съ мѣста; напрасно старались понуждать его. Набожный Андрей видѣлъ чудо въ семъ событіи; почелъ оное предзнаменованіемъ; на томъ мѣстѣ, гдѣ остановился конь, велѣлъ заложить церковь во имя Рождества Богоматери, и внесъ въ нее икону. Тутъ въ послѣдствіи построилъ онъ себѣ дворецъ, устроилъ обитель иноковъ; слѣдуя его примѣру, строились вельможи и граждане. Все это составило городъ, который Андрей обвелъ каменною стѣною и назвалъ Боголюбо-

---

(11) Сія святая икона называлась *Пирогощею*, по имени гостя Пирогощи, или Пироговищи, привезшаго оную изъ Царьграда (*Кен. сп.* рук. *л.* 212). Нынѣ она находится въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ, и именуется *Владимірскою*, будучи перенесена въ Москву изъ Владиміра при Василіи Димитріевичѣ. Объ этомъ будемъ говорить послѣ. Преданіе повѣствуетъ, что она писана Евангелистомъ Лукою. Нынѣшнее мѣсто иконы, въ особомъ кивотѣ, съ лѣвой стороны царскихъ дверей Успенскаго Собора. Украшеніе оной стоитъ величайшей цѣны: риза усыпана драгоцѣнными камнями. О ризѣ, сдѣланной Андреемъ Георгіевичемъ, см. Ист. Р. Н. т. II, прим. 252

вымъ (12). Онъ любилъ сей городъ, преимущественно въ немъ жилъ, и отъ него получилъ свое наименованіе — *Боголюбскаго*. Брашья Андрея—Борисъ, Глѣбъ и Свяшославъ, обладали Туровомъ, Переяславлемъ и Поросьемъ (13); дѣши умершаго браша Росшислава (Ярополкъ и Мсшиславъ) и брашья: Мсшиславъ, Василько, Михаилъ и Всеволодъ (меньшой сынъ Долгорукаго, въ послѣдсшвіи Великій Князь) были при Андреѣ. Слѣдуя сисшемѣ Владимірка, Андрей не давалъ имъ удѣловъ, и обладалъ самъ единовласшно. Услышавъ о кончинѣ родишеля, онъ благословилъ памяшь его слезами и церковными обрядами (14). Суздаль, Владиміръ Залѣсскій, Рос-

---

(12) Нынѣ село *Боголюбово*, въ 11 версшахъ ошъ Владиміра, и при немъ мужескій Боголюбовъ монасшырь, съ церковью Владимірскія Богомашери и сшаринными, каменными кельями, между рѣками Клязьмою и Нерлью. Города и слѣдовъ нѣшъ.

(13) Мѣсшами по рѣкѣ Роси; шакъ берега Волги, Семи, назывались *Паволожье*, *Посемье*.

(14) « По смерши отца своего велику памяшь сошвори, церкви украси, монасшыри посшави, и церковь конча, юже-бѣ заложилъ преже ошецъ его, Свяшаго Спаса, камену, въ *Переяславлѣ новомъ* » (Кен. сп. р. лисшъ 202). Сей *новый* Переяславль, нынѣ именуемый *Залѣсскимъ*, основанъ былъ Долгорукимъ въ 1152 г.—Церковь Спасская начаша была прежде шого въ Клещинѣ и перенесена въ Переяславль (гдѣ и донынѣ въ древнемъ видѣ сущесшвуешъ). Онъ находишся на берегу

шовъ, Дмитровъ, Москва, Юрьевъ Польскій, Переяславль новый, или Залѣсскій, были подъ властію Андрея, который именовалъ свое Княжество *Великимъ Княжествомъ Суздальскимъ или Владимірскимъ*, и не хотѣлъ знать смятеній южной Руси (15). Обратимся туда.

. Услышавъ о кончинѣ Георгія Долгорукаго, Изяславъ заплакалъ и, воздѣвъ руки къ небу, сказалъ: «Благословенъ Господь, разсудившій меня съ Георгіемъ смертію, а не кровопролитіемъ (16)!» Вскорѣ явились къ нему послы Кіевлянъ, и, какъ за два года прежде, звали его властвовать въ Кіевъ. Изяславъ поспѣшно пріѣхалъ, объявилъ себя *Великимъ Княземъ*, и утишилъ народный мятежъ, ибо Кіевляне, ненавидя Георгія, буйствовали и грабили дво-

---

Плещеева или Клешнина, отъ Владиміра въ 120 верстахъ, отъ Москвы въ 125 верстахъ.

(15) *Дмитровъ* основанъ былъ Долгорукимъ въ 1154 г. — Онъ на рѣкахъ Яхромѣ и Нетекѣ, въ 62 верстахъ отъ Москвы. — *Юрьевъ*, въ 59 верстахъ отъ Владиміра, въ 187 отъ Москвы, на рѣкахъ Колокшѣ и Кзѣ; наименованъ былъ во имя Долгорукаго, ибо *Георгій* (Егоръ), въ просторѣчіи называется *Юрій*: *Гурея*, какъ писали имя Георгія въ лѣтописяхъ.

(16) *Кіевск. лѣт.* (Ист. Г. Р. т. II, пр. 375). Изяславъ *заплакалъ*, слѣдовательно жалость его была непритворная. Но за что-же онъ хотѣлъ *разсудиться* съ Долгорукимъ? Странная смѣсь понятій!

рецъ его и домы бояръ, пришедшихъ съ нимъ изъ Суздаля. Другіе Князья вступились въ призваніе Изяслава, и, предоставляя ему титулъ Великаго Князя, требовали дѣлежа. На берегахъ Свини (17) съѣхались Олеговичи и Мономаховичи. Мстиславъ Изяславичъ первенствовалъ въ совѣтѣ ихъ. Положили: Княжество *Новгородъ-Сѣверское* отдать Святославу Всеволодовичу, а *Черниговъ* Святославу Олеговичу: сей Князь согласился, и оскорблялся тѣмъ только, что отъ Черниговскаго Княжества отдѣлили нѣсколько городовъ, давъ изъ нихъ удѣлъ племяннику Изяслава, Святославу, сыну Владиміра, убитаго въ 1151 году (18). Мономаховичи не ссорились, оставаясь каждый при своемъ, кто чѣмъ владѣлъ. Владиміръ Мстиславичъ и Юрій, сынъ Святополка Изяславича, были не довольны: имъ ничего не дали. Князья разъѣхались. Казалось, все остается мирно и дружно.

Ограниченный почти однимъ Кіевомъ, Вели-

---

(17) *Свинь*, или *Свина*, рѣка, впадающая въ Семь, не далеко отъ впаденія Семи въ Десну. На ней, въ трехъ верстахъ отъ Брянска, находится *Свинскій* Успенскій монастырь.

(18) Въ послѣдствіи Святославъ жаловался, что ему дали не все Черниговское Княжество, а только *семь* бѣдныхъ городовъ, *населенныхъ псарями*. Исчисляя города, Святославъ именуетъ: *Моравійскъ*, *Любечъ*, *Оргище*, *Всеволожъ*, и проч.

кій Князь думалъ однакожъ играть роль повелителя другихъ. Онъ захотѣлъ наградить друга своего, Владиміра Мстиславича. Своеволіе Юрія Святополковича подало къ этому случай. Юрій хотѣлъ самъ добыть себѣ удѣлъ, бросился въ Туровъ, изгналъ Бориса Георгіевича и завладѣлъ Туровомъ. Борисъ удалился въ Суздаль (онъ скончался тамъ въ 1159 г.), а Великій Князь отдалъ Туровъ Владиміру Мстиславичу — отдалъ, но надобно было *взять* его. Изяславъ выпросилъ войска у Галицкаго, Смоленскаго, Волынскаго Князей; десять недѣль осаждалъ Туровъ, и — возвратился безъ успѣха. Юрій осѣлся въ Туровѣ; Владиміръ Мстиславичъ остался безъ удѣла.

Ненадолго пробылъ и самъ Изяславъ на Великомъ Княжествѣ. Онъ утратилъ его своею безразсудною горделивостью.

Мы давно не упоминали о Берладникѣ, двоюродномъ братѣ Ярослава Галицкаго. Мы помнимъ, что Берладникъ былъ изгнанъ Владиміркомъ, служилъ Всеволоду Олеговичу, бѣдствовалъ съ братомъ его; наконецъ, онъ скитался и жилъ гдѣ могъ, но Ярославъ Галицкій страшился сего Князя и въ изгнаніи. Еще съ Георгіемъ Долгорукимъ договаривался онъ, въ 1154 г., о выдачѣ Берладника, который тогда жилъ въ Суздалѣ. Георгій, желая дружбы Ярослава, велѣлъ схватить его; Берладника ско-

ваннаго привезли въ Кіевъ; Духовенство заступилось за несчастнаго Князя, и Георгій усовѣстился, отправилъ Берладника назадъ въ Суздаль. Дружина Изяслава Черниговскаго отбила его на пути; съ тѣхъ поръ Берладникъ посвятилъ жизнь свою Изяславу, и съ нимъ пріѣхалъ въ Кіевъ. Сія дружба казалась подозрительною Галицкому Князю, который упорно потребовалъ выдачи несчастнаго брата. Въ этомъ убѣждали Изяслава послы Польскаго Короля и другихъ Князей. Изяславъ оказалъ великодушную твердость: не выдалъ Берладника (19). — Испуганный сильнымъ преслѣдованіемъ, Берладникъ бѣжалъ изъ Кіева, и, раздраженный злобнымъ преслѣдованіемъ сильнаго брата, собралъ шайку бродягъ, ограбилъ Галицкихъ гостей, нанялъ Половцевъ и вошелъ даже въ Галицкую землю. Половцы оставили Берладника, когда онъ не согласился дозволить имъ грабить жителей. Берладникъ явился снова въ Кіевѣ. Князь Галицкій грозилъ войною. Изяславъ спѣшилъ союзиться съ Княземъ Черниговскимъ, и обѣщалъ отдать ему Мозырь и Чечерскъ (20). «Ты правъ; на тебя напада-

---

(19) *Кіевская лѣтопись* (Ист. Г. Р. т. II, прим. 387) — «Изяславъ-же *препрѣвъ* всѣхъ, отпусти я . . . Иванъ-же тогда *уполошився*, ѣха въ поле, къ Половцемъ . . .

(20) *Мозырь*, на лѣвомъ берегу Припети, отъ

ютъ; ты мнѣ братъ: я съ тобою! Боже меня избави отъ мздоимства!» отвѣчалъ Святославъ Олеговичъ. Услышавъ о семъ союзѣ, Князь Галицкій престалъ спорить, ибо не хотѣлъ войны. Тогда безразсудно загордился Изяславъ; думалъ, что успѣетъ завоевать Галичъ для Берладника; объявилъ войну, и требовалъ, по обѣщанію, помощи Черниговской. Напрасно представлялъ ему Святославъ, что онъ всуе затѣваетъ войну, что Берладникъ не сынъ, не братъ его. «Скажите Князю,» отвѣчалъ Изяславъ, «что я посадилъ его въ Черниговъ, и что онъ поползетъ у меня снова въ свой Новгородъ» (21). — Князь Черниговскій оскорбился, напомнилъ о клятвѣ, о выдѣлѣ изъ его Княжества городовъ, не хотѣлъ враждовать, но не хотѣлъ и помогать. Половцы и Святославъ Владиміровичъ соединились съ Изяславомъ. Князь Галицкій указалъ Князю Волынскому на заносчивость Изяслава, и союзился съ нимъ; они выступили съ войскомъ и захватили Бѣлгородъ. Изяславъ не испугался, обступилъ ихъ со своими дружинами, и надѣялся побѣды. Но-

---

Днѣпра, прямою дорогою, въ 60 верстахъ. *Чечерскъ*, при впаденіи рѣчки Чечоры въ рѣку Сожу.

(21) «Начнеши попалзывати къ Новугороду (Сѣверскому) изъ Чернигова» (*Кіевск. Лѣт.* — Ист. Г. Р. т. II, прим. 388).

чью открылась измѣна въ его станѣ: Торки и Берендеи зажгли шаборъ, разграбили, и бѣжали къ непріяшелю. Изяславъ увидѣлъ опасность, ускакалъ отъ Бѣлгорода, съ Владиміромъ Мсшиславичемъ, Берладникомъ и Свяшославомъ Владиміровичемъ, и укрылся въ Гомьѣ (22); вскорѣ прибѣжала шуда изъ Кіева супруга его: Изяславъ упрашилъ Великое Княжесшво; дружины Волынскія и Галицкія заняли Кіевъ.

Мсшиславъ Изяславичъ, предводишельсшвовавшій ими, не хошѣлъ взяшь себѣ Великаго Княжесшва, удовольсшвовался добычею, и послалъ къ дядѣ Росшиславу Смоленскому, призывая его. Росшиславъ явился немедленно и объявилъ себя Великимъ Княземъ. Сшаршій сынъ его, Свяшославъ, княжилъ по прежнему въ Новгородѣ; Смоленскъ ошданъ былъ Роману; Рурикъ Росшиславичъ сѣлъ въ Овручѣ; Давидъ Росшиславичъ въ Торжкѣ.

Опомнясь отъ сшраха, Изяславъ началъ мсшишь — не побѣдишелямъ своимъ, но Черниговскому Князю, называя его измѣнникомъ, и приписывая ему всю неудачу. Желая мира, Князь Черниговскій, за одно съ Княземъ Новгородъ-Сѣверскимъ, всшупилъ въ дружескій союзъ съ врагомъ рода ихъ, Великимъ Княземъ, далъ ему помощь на

(22) Нынѣ *Гомель*, мѣсшечко Графовъ Румянцевыхъ, въ 45 версшахъ ошъ впаденія рѣки Сожи въ Днѣпръ.

усмиреніе разбойниковъ, засѣвшихъ при устьѣ Днѣпра, и Половцевъ, грабившихъ Приднѣпріе, но требовалъ помощи противъ Изяслава, который съ Половцами грабилъ земли своихъ родичей (23). Ростиславъ, вѣря старцу Князю Черниговскому, не вѣрилъ дружбѣ Князя Сѣверскаго; ему отдали въ залогъ сына Святославова, и онъ отправилъ войско. Черниговъ былъ уже въ осадѣ; осаждавшихъ отбили; Изяславъ бѣжалъ, возвратился опять, снова былъ разбитъ, и ушелъ грабить и жечь Смоленскія области. Княгиня его и богатства находились въ городкѣ Вырѝ; Берладникъ заперся въ этомъ городкѣ, и отбилъ дружины Кіевскія и Черниговскія, которыя оставили Вырь и осадили Вщижъ, гдѣ укрылся Святославъ Владиміровичъ (24).

---

(23) Князья свидѣлись въ Моравійскѣ, близъ Остера. Ростиславъ подарилъ Святославу нѣсколько соболей, горностаевъ, черныхъ куницъ, песцовъ, бѣлыхъ волковъ и *рыбьихъ зубовъ* (моржовыхъ клыковъ, которые вывозили Новгородцы отъ береговъ Сѣвернаго Океана); Святославъ отдарилъ его двумя *борзыми* конями, съ *коваными* сѣдлами, и *живымъ* леопардомъ (пардусомъ). Живыхъ леопардовъ доставали изъ Греціи: они считались рѣдкостью. Такъ въ 1147 г. Святославъ послалъ живаго леопарда Георгію Долгорукому, какъ драгоцѣнность.—Дружины Князей ходили отбивать Олешье (въ устьѣ Днѣпра) отъ набѣга Берладчанъ, грабившихъ тамъ Русскихъ гостей.

(24) *Вырь*, нынѣ селеніе Виры, Курской губерніи,

Здѣсь прекратились военныя дѣйствія, ибо Олеговичи, Князья Волынскій, Галицкій, Переяславскій (зять Изяслава), и другіе, не горячо вступались въ ссору Изяслава съ Олеговичами и Ростиславомъ, а Изяславъ успѣлъ найдти союзника сильнаго: за него заступился Андрей Георгіевичъ.

Поступокъ Андрея былъ слѣдствіемъ принятой имъ системы. Укрѣпляя силу Суздаля, Андрей думалъ, что для сего можно употреблять всѣ мѣры — кромѣ злодѣйства. Такъ онъ, презирая мнѣніе народа, не давалъ удѣловъ младшимъ братьямъ, при немъ бывшимъ (25), и, можетъ быть, досадуя на ихъ требованія, сдѣлалъ еще болѣе: изгналъ ихъ наконецъ изъ Суздальскихъ областей (26). Новгородъ обращалъ на себя его вниманіе: тамъ былъ сынъ Ростислава. Объяв-

---

на рѣкѣ Виръ, впадающей въ Десну. *Вщижъ*, нынѣ село, на берегу Десны, въ 40 верстахъ отъ Брянска, принадлежащее помѣщику Зиновьеву. Тутъ еще есть слѣды древнихъ укрѣпленій и кургановъ.

(25) «Крестнаго цѣлованія забывше (Суздальцы), цѣловавше-бо ко Гюргу Князю *на меньшихъ дѣтехъ*, и преступивше, посадиша Андрея, а меньшая выгнаша» (*Кен. сп.* стр. 255). Слѣдственно, самое удаленіе Андрея въ Суздаль было противъ желанія отцовскаго, предназначавшаго Суздаль младшимъ его братьямъ.

(26) Братьевъ: Мстислава, Василька, Михаила, Всеволода; Ярополка и Мстислава, дѣтей Ростисла-

ляя себя защитникомъ Изяславовымъ, Андрей имѣлъ причину объявить войну Ростиславу, и подчинить Новгородцевъ своей власти. Но Ростиславъ боялся вступить въ борьбу съ Суздальскимъ Княземъ, и узнавъ, что дружины Андрея идутъ освобождать Вщижъ, самъ немедленно предложилъ имъ миръ. — Изяславъ думалъ, что Андрей не остановится при первомъ успѣхѣ. Празднуя съ нимъ, въ Волокѣ-Ламскомъ, свадьбу Святослава Владиміровича, за котораго Андрей выдалъ дочь свою, Изяславъ нетерпѣливо дожидался отвѣта изъ Новгорода, куда отправленъ былъ посолъ Андреевъ, съ предложеніемъ вѣчу Новгородскому Князя отъ руки Великаго Князя Андрея. Гордые Новгородцы радовались чести, согласились, и желая соблюсти видъ правоты, стали подыскиваться подъ Святославомъ Ростиславиемъ. Угодливый, подобно отцу, Святославъ соглашался на все; ни коимъ образомъ вѣче не могло его сдѣлать виноватымъ. Потребовали наконецъ, что-бы Давидъ, братъ его, оставилъ Торжокъ: и это было исполнено. Тогда, раздо-

ва Георгіевича. Мстиславъ и Василько уѣхали въ Грецію, взявъ съ собою малолѣтнаго Всеволода. Михаилъ остался у Глѣба Георгіевича въ Переяславлѣ; сюда-же выѣхалъ потомъ изъ Греціи Всеволодъ. Ярополкъ и Мстиславъ Ростиславичи жили у Олеговичей: несчастную судьбу ихъ узнаемъ въ послѣдствіи.

садованные Новгородцы, безъ всякихъ причинъ схватили Святослава, сослали его въ Ладогу, заточили его жену, бояръ, дружину, и, торжественно приняли къ себѣ Мстислава, племянника Андреева. Святославъ убѣжалъ изъ тюрьмы, и ушелъ къ отцу, который сначала разсердился на Новгородцевъ, и бросилъ въ тюрьму Новгородскихъ гостей, бывшихъ въ Кіевѣ, но потомъ успокоился и замолчалъ. Въ то-же время, онъ казался вовсе не замѣчающимъ, что поступокъ Новгородцевъ былъ по волѣ Андрея. Изяславъ радовался, видя начало вражды; но, къ досадѣ его, получивъ подъ власть свою Новгородъ, Андрей не думалъ болѣе защищать оставленнаго всѣми Олеговича.

Ему оставалось искать новыхъ средствъ, и онъ нашелъ ихъ въ мятежной южной Руси. Прежде всѣхъ къ нему явились Половцы; потомъ присталъ Князь Новгородъ-Сѣверскій; наконецъ, хотя противъ воли — союзился съ нимъ и старый Князь Черниговскій. Сынъ его, Олегъ, посланный въ Кіевъ, *людей посмотрѣть* (27), былъ убѣжденъ злонамѣренными людьми въ умыслѣ Кіевскаго Князя на Олеговичей, уѣхалъ въ Черни-

---

(27) « Посла Ростиславъ ко Святославу, глаголя: посли ми сына, *да познаетъ люди лучшіе*: Кіяне, и Берендичи и Торкы (*Кіевск. лѣт.*, Ист. Г. Р. т. II, пр. 399).

говъ, и сталъ убѣждать отца воевать Кіевъ. Къ нему присоединились Черниговскіе бояре, говорили, что Ростиславъ *былъ лѣнивъ на помощь ему*, что съ нимъ утратилъ уже онъ Вятичскую область. Старикъ спорилъ, наконецъ согласился, далъ дружины. Изяславъ, и всегдашніе спутники его — Берладникъ и Владиміръ Мстиславичъ — Святославъ Всеволодовичъ и Олегъ пошли къ Кіеву. Въ Февралѣ 1161-го года, они прорвались до самой столицы Великаго Князя, который робко бѣжалъ въ Бѣлгородъ. Изяславъ вступилъ въ Кіевъ.

Если обладаніе Кіевомъ давало право называться Великимъ Княземъ, Изяславъ имѣлъ теперь это право. Всего страннѣе, что видя успѣхъ, никто не хотѣлъ его преслѣдовать. Напротивъ, начаты были переговоры. Не льзя-ли этого объяснить тѣмъ, что Мстиславъ Изяславичъ, главное дѣйствующее лицо, хотѣлъ сперва увѣриться въ томъ, для кого будетъ онъ стараться о возвращеніи Кіева Ростиславу, и что Изяслава хотѣли безъ кровопролитія склонить къ отдачѣ Кіева, обѣщая ему удѣлъ въ Курскѣ (28)? Изяславъ осадилъ между тѣмъ Ростислава въ Бѣлгородѣ, и отвѣчалъ на совѣтъ Святослава Черниговскаго, хотѣвшаго мириться — « Лучше здѣсь

---

(38) Мстиславъ принялъ Кіевъ послѣ кончины Ростислава безъ всякаго спора отъ другихъ.

умереть, нежели сидѣть въ Выри и умирать съ голоду!«— Наконецъ, Ростиславъ заключилъ договоръ съ Мстиславомъ, состоявшій въ томъ, что послѣ смерти онъ передаетъ ему Кіевъ. Волынскій Князь пригласилъ Галицкую дружину, Торковъ, Берендеевъ, и явился у Бѣлгорода. Носилась молва, предвѣщавшая смерть Изяслава: видѣли знаменіе въ мѣсяцѣ, когда Изяславъ поѣхалъ изъ Кіева. Едва защитники Ростислава явились передъ таборами Изяславовыми, онъ оробѣлъ, и, почти не сражаясь, бросился бѣжать. Воины непріятельскіе пустились за нимъ и его воинами, рубили ихъ безъ пощады и брали въ плѣнъ безъ защиты. Нѣкто Выйборъ Генечевичъ догналъ самого Изяслава, ударилъ его мечемъ по головѣ; другой воинъ поднялъ его на копье — Изяславъ упалъ на землю . . . Ростиславъ и Мстиславъ нашли несчастнаго Князя умирающимъ, упрекали его въ несправедливости, и плакали. Изяславъ мучился жаждою, просилъ пить, выпилъ немного вина, и — закрылъ глаза на вѣки. Берладникъ потерялъ въ немъ послѣдняго друга, оставилъ Русь, бѣжалъ въ Грецію, и вскорѣ умеръ въ Селунѣ. Сынъ его выѣхалъ потомъ въ Русь — только умереть. Владиміръ Мстиславичъ бѣжалъ въ Слуцкъ, и завладѣлъ имъ. (29)

---

(29) Слова Изяслава: « А въ Выри не могу голодомъ мерети, а лучше здѣ умрети. »—Знаменіе въ мѣсяцѣ,

Ростиславъ возвратился въ Кіевъ и хотѣлъ мирно провести послѣдніе дни своей старости. Онъ старался со всѣми помириться: не преслѣдовалъ Черниговскаго и Сѣверскаго Князей за соединеніе съ Изяславомъ, и предложилъ имъ дружбу; не трогалъ удѣловъ другихъ, и напротивъ далъ еще удѣлъ Владиміру Мстиславичу въ Смоленской области, утвердилъ Туровъ Юрію Ярополковичу, далъ городъ сыну Вячеслава, бывшаго Великаго Князя. Готовя Мстислава Изяславича въ наслѣдники, онъ придалъ ему къ Владиміру Волынскому города Кіевскіе, и не думалъ оскорбляться, когда Мстиславъ заспорилъ съ нимъ, грозилъ войною и уговаривалъ другихъ возстать на Кіевъ (30). Порадовавшись, что кончилъ уступкою сію непріятную ссору, Ростиславъ еще болѣе радовался, когда и Андрей Георгіевичъ, уважая старость его, согласился прекратить всю непріязнь. Они *урядились* съ

см. Ист. Г. Р. т. II, пр. 401— «Рекоша-же старіи людіе: «не благо есть се знаменіе, прообразуетъ Княжю смерть.»—Въ *Патерикѣ* сказано, что Изяславъ всегда надѣвалъ подъ броню власяницу дяди своего Николы Святоши, но въ день смерти, чувствуя за собою какой-то грѣхъ, не смѣлъ надѣть, и былъ убитъ.

(30) *Кіевск. Лѣт.* «Много рѣчей возста межи има — иде Мстиславъ изъ Кіева, разгнѣвашеся на стрыя.» (Т. II. пр. 403).

нимъ о Новгородѣ. Мстиславъ выѣхалъ оттуда и Новгородцы приняли къ себѣ прежняго Князя, Ростиславова сына. Ростиславъ далъ Новгородцамъ многія новыя льготы, и удовлетворилъ ихъ честолюбіе, испросивъ позволеніе отъ новаго Кіевскаго Митрополита именоваться Новгородскому Владыкѣ *Архіепископомъ*. Вольный народъ торговалъ и воевалъ самъ по себѣ.

При такихъ заботахъ о мирѣ, шесть лѣтъ, отъ послѣдняго вступленія Ростислава въ Кіевъ до кончины его, протекли спокойно. Кромѣ войны съ Половцами, похода Андрея Георгіевича на Булгаровъ и смятеній въ Полоцкѣ (31), важнѣй-

---

(31) Въ 1162 году, при набѣгѣ Половцевъ на Триполь, былъ убитъ Выйборъ, поразившій Изяслава Давидовича. Въ 1165 году Половцевъ разбили Олеговичи. Въ 1166 году Князья Русскіе проводили гостей Русскихъ, шедшихъ изъ Греціи, и боявшихся нападенія Половцевъ. И прежде и послѣ, такія воинскія охраненія были производимы совокупно разными Князьями: гости собирали свои суда въ устьѣ Днѣпра, и подъ прикрытіемъ дружинъ плыли всѣ вмѣстѣ до Кіева; охранители ихъ шли берегомъ Днѣпра. Такія соединенія судовъ купеческихъ называли *Греческими судами*, а самыхъ гостей, на судахъ бывшихъ, *Гречниками*. О волненіяхъ въ Полоцкѣ смотри ниже. — Андрей Георгіевичъ разбилъ сильное полчище Булгаровъ въ 1164 году; онъ ходилъ на Каму и взялъ нѣсколько городовъ Булгарскихъ, между прочими *Бря-*

шее событіе сихъ лѣтъ была кончина *Святослава Олеговича.* Онъ успокоился въ родной землѣ своей, Февраля 15, 1165 г. Только съ помощію Кіевскаго Князя дѣти его успѣли уговорить корыстолюбиваго племянника Святославова, Князя Новгородъ-Сѣверскаго не ссориться за наслѣдство. Не уважая печали дѣтей, онъ тотчасъ по кончинѣ дяди хотѣлъ захватить Черниговъ. Наконецъ условились, что-бы ему владѣть Черниговомъ, отдавъ Олегу, сыну Святослава Олеговича, Новгородъ-Сѣверскій, а трехъ братьевъ Олеговыхъ, Всеволода, Игоря и Владиміра наградить удѣлами.

Заботясь объ участи своихъ дѣтей, Князь Кіевскій рѣшился ѣхать въ Новгородъ, гдѣ Святославъ никакъ не могъ ужиться съ самовольными гражданами. Ласково встрѣчаемый повсюду, Ростиславъ не доѣхалъ до Новгорода, почувствовавъ тяжкую болѣзнь. Остановясь въ Великихъ Лукахъ, звалъ онъ къ себѣ Новгородцевъ, условливался съ ними, что-бы и послѣ его кончины Святославъ оставался Княземъ ихъ. Довольный

химовъ, «славный городъ Булгарскій.» Въ сей походъ Андрей возилъ съ собою икону Пирогощія Богоматери. Послѣ разбитія Булгаровъ, Князь Андрей, другіе Князья и дружины ихъ, повергпись передъ иконою, и со слезами благодарности приписали побѣду—ея заступленію (*Кен. спис.* стр. 240).

обѣщаніемъ Новгородцевъ, Ростиславъ, тяжко больной, пріѣхалъ въ Смоленскъ, и не хотѣлъ остаться тутъ, говоря: « Хочу лежать подлѣ отца моего, въ обители Св. Ѳеодора, а если выздоровѣю, то постригусь въ ней. » Онъ скончался на пути, въ селѣ Зарубинѣ, Марта 14, 1167. Тѣло его привезли въ Кіевъ, и похоронили въ Ѳеодоровскомъ монастырѣ (32).

---

(32) Чувствуя приближеніе кончины, Ростиславъ, съ кроткою укоризною, сказалъ своему духовнику, священнику Симеону: « Тебѣ воздати слово о томъ къ Богу, занеже взборони мя отъ постриженія. » Онъ былъ чрезвычайно набоженъ: призывалъ въ свой дворецъ Игумена и монаховъ Печерскихъ каждую недѣлю по два раза, обѣдалъ, бесѣдовалъ съ ними, и часто, особливо въ послѣдніе годы жизни, изъявлялъ желаніе постричься. « Не иноческій, но Княжескій подвигъ есть удѣлъ твой! » сказалъ ему однажды Игуменъ Поликарпъ — « дѣлай правду и блюди Русскую землю (*Кіевская Лѣт.* Ист. Г. Р. т. II, прим. 411, 412). Мысли Карамзина о Ростиславѣ: « Сей внукъ « Мономаховъ принадлежалъ къ числу *тѣхъ рѣдкихъ* « *Государей, которые въ своемъ блестящемъ вер-* « *ховномъ санѣ находятъ болѣе тягости, нежели* « *удовольствія* (неужели *такіе* Государи достойны « названія *рѣдкихъ* и признательной памяти потом- « ства?) — Нѣтъ сомнѣнія, что Государь истинно « набожный *скорѣе инаго* можетъ быть отцемъ на- « рода, если одаренъ свыше умомъ и твердостію. Ро- « стиславъ не отличался великими свойствами отца « и дѣда, но любилъ миръ, тишину отечества, спра-

Мирные, послѣдніе годы Ростиславова княженія подобились тишинѣ передъ бурею, и, кажется, кромѣ уваженія къ старости Князя, всегда уступчиваго, ничѣмъ болѣе не удерживались страсти. Но онѣ только таились, а не погасали совершенно. Едва скончался онъ, сбылось неслыханное дотолѣ: паденіе Кіева, позоръ и раззореніе древняго града Ольги, Святослава, Владиміра и Ярослава.

Мстиславъ Изяславичъ, обладатель Волыни, утвержденный наслѣдникъ Ростислава, союзникъ Галицкаго Князя, столь бодрый и мужественный, могъ обѣщать себѣ счастливое, по крайней мѣрѣ, крѣпкое княженіе. Его окружали Князья, не страшные ни силою, ни умомъ.

Но Суздаль—гроза отца его, долженствовалъ разразиться грозою и на главу Мстислава. Десять лѣтъ правленія, спокойнаго, безъ спора отъ другихъ, при политической системѣ Андрея и умѣ его, укрѣпили Суздаль. Современники говорятъ, что Андрей *не любилъ Мстислава* (33). За что ?

«ведливость, и боялся запятнать себя кровію Россі-«янъ» (*Ист. Г. Р.* т. II, стр. 305), то есть, если-бы Ростиславъ былъ одаренъ умомъ и твердостію, то былъ-бы Государемъ знаменитымъ при своей набожности.

(33) *Кіевск. Лѣтопись*: «Не имѣя Андрей любви къ [illegible]» (*Ист. Г. Р.* т. II, пр. 423.).

Можетъ быть, не терпя соперника въ доблести. Кромѣ того, Андрей видѣлъ возможность распространить свою систему на всю Русь. Кіевъ и Новгородъ, повинуясь его волѣ, имѣя Князей отъ руки его, сдѣлали-бы его обладателемъ всѣхъ Русскихъ Княжествъ. Такъ могъ располагать Андрей (34).

Пока Мстиславъ Изяславичъ сбирался ѣхать въ Кіевъ, Владиміръ Мстиславичъ, дѣти Ростислава, Владиміръ Дорогобужскій, и братъ Мстислава Ярославъ, составили союзъ и хотѣли требовать отъ Мстислава прибавки къ своимъ удѣламъ. Мстиславъ оскорбился, призвалъ дружины Галицкія, нанялъ Поляковъ, и шелъ къ Кіеву съ оружіемъ въ рукахъ. Кіевляне встрѣтили его усердно, и союзъ Князей расторгся; только Владиміръ Мстиславичъ не покорялся, но, стѣсненный въ Вышгородѣ, наконецъ и онъ просилъ мира. Мстиславъ согласился, взялъ съ него клятву, и черезъ три дня услышалъ, что Владиміръ снова умышляетъ зло. «Еще уста твои не обсохли, когда ты цѣловалъ мнѣ крестъ, и уже снова измѣняешь (35)?» говорилъ Мстиславъ, встрѣтивъ Владиміра въ Печерской обители. Поклявшись снова въ вѣрности, Владиміръ спѣшилъ къ боярамъ, обѣщавшимъ от-

---

(34) Онъ объявилъ Кіевъ своимъ *удѣломъ*; отъ Новгорода въ послѣдствіи требовалъ того-же.

(35) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. II, пр. 417).

даться ему, но они отреклись. «Я замѣню васъ отроками!» сказалъ Владимiръ и прiѣхалъ къ Торкамъ и Берендеямъ, собравшимся недалеко отъ Кiева. «Гдѣ-же Князья, твои союзники, гдѣ дружина твоя?« спрашивали его Берендеи. «Ты обманулъ насъ!» восклицали они, слыша неудовлетворительные отвѣты Владимiра, и едва не убили его. Онъ бѣжалъ, говоря: «Погубилъ я душу, а съ ними погублю и тѣло; зачѣмъ было вѣрить поганымъ!» Не смѣя оставаться въ южной Руси, онъ пробрался къ Андрею въ Суздаль. Андрей принялъ, обласкалъ его, обѣщалъ защиту; вступился и за другаго Князя: это былъ *Святославъ Ростиславичъ*. Не смотря на обѣщанiе, данное отцу его, Новгородцы безпрестанно съ нимъ ссорились. Святославъ оставилъ наконецъ Новгородъ, и уѣхалъ въ Великiе Луки. Новгородцы разсердились, прогнали его оттуда; Святославъ бѣжалъ къ Андрею, который послалъ сказать Новгородцамъ, что они должны принять къ себѣ Святослава. «Не хотимъ его!» отвѣчало вѣче.—«Вамъ не будетъ другаго,» говорилъ Андрей и послалъ Святослава съ дружинами раззорять Новгородскiя волости. Пока Посадникъ Якунъ отбивалъ Суздальскiя, Смоленскiя и Полоцкiя дружины отъ Старой Русы, послы Новгородцевъ пробрались въ Кiевъ, и просили Мстислава Изяславича послать къ нимъ сына его, Романа. Колебавшись нѣсколько мѣсяцевъ, Мстиславъ согла-

сился и отправилъ юнаго Романа въ Новгородъ. Сей Князь принялъ начальство надъ Новгородскимъ войскомъ и разбилъ Полоцкія и Смоленскія дружины. Андрей гнѣвался, и рѣшился страшно наказать гордый Новгородъ; но онъ отсрочилъ сей ударъ, и, почитая себя оскорбленнымъ отъ Мстислава, сперва хотѣлъ рѣшить его погибель.

Между тѣмъ, Ростиславичи и Олеговичи казались добрыми друзьями Мстислава. Онъ предложилъ имъ походъ на Половцевъ, ободренныхъ долгимъ бездѣйствіемъ Руссовъ. Дружины Кіевскія, Черниговскія, Сѣверскія, Смоленскія, Волынскія, и другихъ областей, ходили въ Половецкія степи, били поганыхъ, взяли богатства, плѣнныхъ, стада, и поссорились въ дѣлежѣ. Возникли и другія неудовольствія: Ростиславичи жаловались на злоумышленія Мстислава; Князь Дорогобужскій требовалъ отъ него городовъ; всѣ разстались недовольными (36).

Мстиславъ не думалъ, что неважныя сіи ссоры готовятъ ему страшное паденіе. Послы Ан-

---

(36) Князья утверждали, что воины Мстислава украли часть коней Половецкихъ изъ добычи, « и пятна своя (тавро) на нихъ вклали. » Лѣтописецъ прибавляетъ, что хотя наружно Князья и примирились послѣ того съ Мстиславомъ, но « сердце ихъ не бѣ право съ нимъ. »

древы явились къ Князьямъ, и легко склонили ихъ идти на Мстислава. Дружины Андрея Георгіевича были готовы и быстро двинулись къ Вышгороду, куда въ тоже время шли съ войсками Глѣбъ Переяславскій, Романъ Смоленскій, Давидъ Вышгородскій, Рурикъ Овручскій, младшій Ростиславичъ (Мстиславъ Храбрый), Владиміръ Андреевичъ Дорогобужскій, Всеволодъ Георгіевичъ (возвратившійся изъ Греціи), Мстиславъ (бывшій Князь Новгородскій, племянникъ Андрея), Олегъ Сѣверскій и братъ его Игорь. Суздальскій Воевода, Борисъ Жидиславичъ, и сынъ Андрея Георгіевича, Мстиславъ, были предводителями соединенныхъ полчищъ. Изумленный Мстиславъ Изяславичъ едва успѣлъ собрать малыя дружины Кіевскія, Волынскія, Торковъ, Берендеевъ, но не робѣлъ, ожидалъ всего отъ побѣды — тщетно! Участь Кіева была рѣшена.

Многочисленное воинство союзниковъ быстро явилось подъ Кіевомъ. Съ небольшими дружинами своими, Мстиславъ не могъ предупредить его въ полѣ, затворился въ Кіевѣ, и два дня бился жестоко. На третій учиненъ былъ приступъ со всѣхъ сторонъ; отчаянное сопротивленіе не помогло: Кіевъ взяли. Мстиславъ едва успѣлъ самъ пробиться, и ушелъ въ Волынь; братъ его, Ярославъ Луцкій, бѣжалъ съ нимъ; супруга, сынъ, бояре Мстислава остались въ плѣну. Князья не могли удержать воиновъ: начался грабежъ, какъ

будто въ землѣ Половецкой. Не только домы жителей, но церкви и монастыри были разбиты и разграблены: воины сдирали ризы съ иконъ, снимали колокола, брали святые сосуды, книги, ризы..... Три дня продолжалось неистовство, и было столь неожиданно, столь ужасно, что Лѣтописцы-современники не жалуются на него, и только говорятъ: « это было наказаніе за грѣхи наши (37).» — Наконецъ объявили Кіевлянамъ, что *Великій Князь Андрей* жалуетъ имъ *удѣльнаго Князя* отъ руки своей: Глѣбъ Переяславскій получилъ Кіевъ, и отдалъ Переяславль сыну своему Владиміру. Соединенныя дружины Князей разошлись съ добычею; однѣ пошли во свояси, другія спѣшили къ Суздалю и Смоленску. Андрей готовилъ Новгороду участь Кіева.

Бѣдствіе столь ужасное, быстрое, паденіе столь прискорбное, кажется, убили мужественнаго Мстислава Изяславича. Онъ не долго пережилъ свое несчастіе; можетъ быть чувствовалъ смерть въ груди своей, но еще хотѣлъ бодрствовать, сражаться. Въ то время, какъ Глѣбъ и братъ его Михаилъ, отражали толпы Половцевъ, отвсюду

---

(37) « Паче-же за Митрополичу неправду» (*Кіевск. Лѣт.*) Какую-же? Въ то время была ересь Поликарпа (*Ист. Р. н.* т. II, стр. 121), и Митрополитъ слабо преслѣдовалъ оную. Мнѣніе современниковъ, любопытное и замѣчательное!

сдетавшихся на опустошенную Кіевскую область, какъ враны на трупъ (38), Мстиславъ собралъ дружины Волынскія, взялъ войско у Галицкаго Князя, и вошелъ въ удѣлъ Владиміра Андреевича Дорогобужскаго. Владиміръ былъ при последнемъ издыханіи, не могъ ни защищаться, ни бѣжать, и на одрѣ смертномъ безпомощно слышалъ о раззореніи своихъ областей. Узнавъ о смерти его, Мстиславъ отдалъ Дорогобужъ Владиміру Мстиславичу, который, безъ пользы живъ въ Рязани, пришелъ къ Мстиславу, билъ ему челомъ, и вошелъ снова въ милость Кня-

---

(38) Половцы пришли съ двухъ сторонъ, и требовали переговоровъ о мирѣ: «порядъ положити, о всемъ утвердитися межу собою, и внидемъ въ роту, къ вамъ а ты къ намъ, да ни вы начнете боятися насъ, ни мы васъ.» Глѣбъ поѣхалъ договариваться съ Половцами, пришедшими отъ Переяславля, опасаясь, что-бы малолѣтный сынъ его, оставшійся Княземъ въ Переяславлѣ, не подвергся опасности (Владиміру было только 12 лѣтъ); другіе Половцы оскорбились, и стали жечь и грабить. Въ жестокой дракѣ малочисленная дружина Руссовъ одолѣла единственно отчаянною храбростью: Половцы сорвали знамя Княжеское съ древка (потяша стяговника нашего, и челку стяговную оторгоша со стяга); воевода надѣлъ на древко свой шлемъ (прилбицу), закричалъ: «*Потягнемъ!*» и бросился въ тѣсноту битвы. Князь Михаилъ получилъ три раны копьемъ, но не выходилъ изъ сраженія (*Кен. спис.* стр. 245–248).

зя. Жестокосердый Владиміръ Мстиславичъ изгналъ изъ Дорогобужа вдову бывшаго Князя, и она поѣхала въ Кіевъ: съ нею было тѣло супруга; за нею шелъ Мстиславъ Изяславичъ съ войскомъ. Вдова Владиміра Андреевича и Игуменъ Поликарпъ, присланный изъ Кіева для встрѣчи, требовали въ Вышгородѣ провожатыхъ къ тѣлу Княжескому, которые вели-бы коней и несли Княжеское знамя. Давидъ, укрѣплявшій Вышгородъ на случай ожидаемаго нападенія Мстиславова, отвѣчалъ: « Возьми поповъ: воины нужны живымъ: честь и знамя Владиміра прешли съ его смертію (39). «

Но Мстиславъ повернулъ прямо на Кіевъ. Глѣбъ не дождался его и бѣжалъ въ Переяславль. Овладѣвъ Кіевомъ, Мстиславъ спѣшилъ къ Вышгороду, окружилъ его, и хотѣлъ сражаться. Галичане объявили ему, что Князь ихъ не велѣлъ имъ долго мѣшкать, отступили, и пошли въ Га-

---

(39) Поликарпъ былъ посланъ «*правити* Володиміра до Кіева.» — Давидъ не пустилъ Княгиню Владимірову въ Кіевъ, страшась военныхъ смятеній; дружина Дорогобужская отреклась ѣхать, боясь мщенія Кіевлянъ. Тогда Поликарпъ говорилъ Давиду: «Се дружина его не ѣдутъ, а пусти своея нѣсколько; не кто ни конь доведа, ни стяга донесъ.» Давидъ-же рече: «Того стягъ и честь съ душею изшли» (*Кіевск. Лѣт.* Ист. Г. Р. т. III, пр. 3). Владиміръ Андреевичъ похороненъ въ Кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ.

личъ; Берендеи шакже расходились, и Мстиславъ, слыша, что Глѣбъ нанялъ Половцевъ и идетъ на него, оставилъ осаду Вышгорода, и ушелъ въ Волынь. Тамъ онъ готовился къ новому походу, но болѣзнь его усилилась. Чувствуя приближеніе смерти, онъ благословилъ дѣтей, передалъ ихъ защитѣ брата своего, Ярослава Луцкаго, и скончался, Августа 19, 1170 года (40).

Когда рука смерти тяготѣла надъ отцомъ, сынъ, Романъ Новгородскій, прославлялся достопамятною побѣдою.

Мы видѣли отношенія Андрея Георгіевича къ Новгороду. Вся Русь ждала необыкновеннаго: паденія Новгорода, столь ненавистнаго другимъ Руссамъ, дотолѣ столь гордаго, смѣлаго и непокорнаго! Князья думали, что наконецъ отмстятъ вольнымъ Новгородцамъ за столько позорныхъ изгнаній, коими послѣ Мономаха ознаменовалась Исторія Князей Новгородскихъ. Въ лѣтописяхъ остались слѣды ненависти, съ какою смотрѣли Рус-

---

(40) Онъ похороненъ во Владимірѣ Волынскомъ, въ церкви Св. Богородицы. *Ярополкъ*, третій сынъ Изяслава Мстиславича, скончался въ 1168 году; *Ярославъ Луцкій* былъ единственный представитель сего поколѣнія Князей. Мстиславъ Изяславичъ, кромѣ *Романа Новгородскаго*, оставилъ двухъ сыновей: *Святослава* и *Всеволода*; сей послѣдній въ послѣдствіи княжилъ въ Бѣльзѣ.

сы на Новгородъ (41). Всѣ желали успѣха Андрею, можетъ быть и потому даже, что *неуспѣхъ* былъ невозможенъ. Паденіе Кіева и неудачное стараніе мужественнаго Мстислава возвратить побѣду, отнимало всякую надежду на борьбу съ Великимъ Княземъ и съ Владиміромъ Залѣсскимъ, возносившимся въ юной силѣ противъ дряхлаго и обезславленнаго Кіева. Андрей владѣлъ пространствомъ земель отъ Торжка до границъ Смоленскихъ, Вятичскихъ и Рязанскихъ, Ростовомъ, Муромомъ, Суздалемъ, Москвою, Бѣлоозеромъ. Кіевъ, Рязань, Черниговъ, Полоцкъ Смоленскъ были подъ его рукою. Что противопоставляли ему Новгородцы? Только *одинъ Новгородъ и области Новгородскія*, лишенныя продовольствій, при войнѣ съ другими Русскими областями; слабый Псковъ былъ еще съ ними въ союзѣ.

Но когда Андрей пересталъ думать о покровительствѣ Святослава (42); казалось, забылъ на время о Новгородѣ; рѣшалъ судьбу Кіева, и сбиралъ грозныя ополченія на Сѣверѣ, вѣче Новгородское увидѣло, что дѣло идетъ уже не о защитѣ того или другаго Князя, не о томъ, что Святославъ, или какой нибудь Мстиславъ будетъ у

---

(41) См. Ист. Русск. народа, т. II, стр. 67.

(42) Святославъ Ростиславичъ скончался, вскорѣ послѣ прогнанія его отъ Русы, въ 1170 году, и былъ похороненъ въ Смоленскѣ.

Черниговскихъ, были многочисленны: «*поднялась вся земля Русская* (45)». Предводителемъ былъ сынъ Андрея, Мстиславъ, уже славный взятіемъ Кіева. Убійство и пожары означили слѣды дружинъ, въ коихъ, какъ пишутъ нѣкоторые изъ лѣтописцевъ, было однихъ Князей семьдесятъ два (46). Жители областей Новгородскихъ, бѣжавшіе отвсюду въ Новгородъ, приносили ужасающія извѣстія о силѣ и свирѣпости враговъ, печалили, но не приводили въ робость Новгородцевъ. Февраля 22-го пришла союзная рать подъ самый Новгородъ, требовала сдачи города и безусловнаго повиновенія. Новгородцы не хотѣли ни о чемъ слышать. Суздальцы уже напередъ дѣлили добычу, и, рано по утру, Февраля 25-го, непріятель двинулся на приступъ: началась битва; дрались отчаянно вокругъ всего города. Церкви были отворены, и когда юноши, мужья и отцы умирали на стѣнахъ города, дѣти, жены и старцы плакали и молились въ церквахъ. Владыка Илія уже три дня и три ночи, съ самаго появленія враговъ, былъ при алтарѣ Господнемъ въ Соборной церкви. Въ послѣднюю ночь, когда всѣ знали, что слѣдующій день рѣшитъ: быть-ли Новгородцамъ рабами Великаго Князя, или свободными

---

(45) Новг. Лѣт. стр. 38.

(46) Впрочемъ, въ древнихъ спискахъ лѣтописей сего нѣтъ.

людьми—Архипастырь слышитъ голосъ, повелѣвающій ему идти въ церковь Св. Спаса на Ильинской улицѣ, взять тамъ Чудотворную Икону Богоматери, вознести ее на городскую стѣну, и тѣмъ спасти Новгородъ. Въ слезахъ умиленія повергся на помостъ храма, и молился до самаго свѣта Архипастырь; потомъ велѣлъ благовѣстить въ большой соборный колоколъ, началъ молебенъ, и ждалъ посланныхъ за иконою. Они возвратились съ ужасомъ, говоря, что икона не двигается съ мѣста. Тогда самъ Илія торжественно пошелъ въ церковъ Спасскую, упалъ на землю и возгласилъ: «Дѣва Владычица, упованіе, надежда, заступница града! Ты стѣна, покровъ и прибѣжище всѣхъ, и мы на Тебя уповаемъ, грѣшные! Молись Сыну Твоему: не предай насъ врагамъ за грѣхи наши, но услышь плачъ и воздыханіе наше! Ниневія покаялась и была спасена; да явится и нынѣ милосердіе Божіе!» — Началось молебное пѣніе; очи всѣхъ были сквозь слезъ устремлены на икону. Когда запѣли кондакъ послѣ 6-й пѣсни: *Предстательство Христіанъ непостыдное*,» Икона заколебалась.... Тысячи голосовъ радостно воскликнули: «Господи помилуй!» Архіепископъ принялъ, облобызалъ икону, съ пѣніемъ понесъ ее на градскую стѣну, и поставилъ тамъ, гдѣ кипѣла сильнѣйшая битва. Насталъ шестой часъ дня, и вдругъ молва о чудѣ отъ Св. иконы разнеслась между воинами, уже изнемогавшими. Ту-

чи стрѣлъ летѣли на стѣну, и двѣ стрѣлы вонзились въ Святый Образъ. Оборотивъ ликъ Пресвятыя ко граду, Архипастырь видѣлъ, какъ слезы падали изъ очей Богоматери на фелонь его... Тогда внезапный восторгъ одушевилъ Новгородцевъ; они не хотѣли уже сидѣть въ городѣ, отбили городскія ворота, пошли рѣзаться въ самый таборъ вражескій, и все—пало предъ ними! Союзныя дружины дрогнули, побѣжали, ужасъ объялъ ихъ: спасались, не думая о защитѣ! Новгородцы били, брали въ плѣнъ. За гривну продавали потомъ по десяти плѣнныхъ Суздальцевъ. Такъ много было плѣнныхъ, такъ не дорожили ими Новгородцы! Пораженіе было столь всеобщее, что непріятель бѣжалъ по опустошеннымъ областямъ Новгородскимъ, до самыхъ предѣловъ не останавливаясь. Гордаго, многочисленнаго войска не стало, какъ будто Ангелъ Божій поразилъ его! Голодъ свирѣпствовалъ между бѣглецами до такой степени, что они принуждены были въ Великій Постъ ѣсть мясо, и притомъ мясо лошадей своихъ: эта черта ужасной крайности замѣчена во всѣхъ Лѣтописяхъ (47).

---

(47) Описаніе событія взято нами изъ разныхъ лѣтописей. О чудѣ Св. Иконы кратко упоминается почти во всѣхъ лѣтописяхъ; подробное описаніе находимъ въ древнихъ Минеяхъ, изъ коихъ перенесено оное и въ новую печатную *Минею-Четію* (Сентября

Новгородцы не думали о потеряхъ и опустошеніи ихъ областей. Всѣ Руссы съ благоговѣніемъ приписали спасеніе Новгорода *Знаменію* Образа Богоматери. Праздникъ чудотворной Иконѣ Знаменія, установленный Новгородцами, на вѣчныя времена, въ 27-й день Ноября, приняли всѣ Русскія области (48). Это памятный день униженія

7-го дня). О бѣдственномъ обратномъ походѣ, см *Кен. спис.* стр. 249, *Новг. Лѣт.* (изд. Строевымъ) т. I, стр. 199.

(48) Икона *Знаменія* представляетъ Богоматерь, подъемлющую обѣ руки въ умилительномъ видѣ молитвы; на колѣняхъ Ея находится Предвѣчный Младенецъ. *Ильинская улица* донынѣ есть въ Новгородѣ: она идетъ параллельно съ протокомъ, соединяющимъ Волховъ съ рѣчкою Копанью. Сохранилась-ли на ней *Спасская церковь?* — Во имя Знаменія Богоматери въ Россіи находится множество церквей и монастырей. Упомянемъ о *Московскомъ*, *Великоустюжскомъ* *Абалацкомъ* (близъ Тобольска), *Гороховскомъ*, *Иркутскомъ*, *Осташковскомъ*, *Тобольскомъ*. Но знаменитѣйшій изъ всѣхъ *Знаменскій Курскій*: въ немъ находится чудотворная икона Знаменія Богоматери, первоначально бывшая въ Коренной Пустынѣ, находящейся въ 27 верстахъ отъ Курска. Ежегодно, въ 9-ю Пятницу послѣ Святой недѣли, носятъ сію икону изъ Курска въ Коренную Пустынь. Тамъ въ это время собирается обширная ярмарка, и тысячи народа стекаются отвсюду. — Вотъ благодарственныя пѣсни, сложенныя въ память избавленія Новгорода, и поемыя ежегодно въ церквахъ нашихъ, въ 27-й день Ноября:

гордой силы, неуважившей слабыхъ, сильныхъ единодушіемъ независимости!....

Съ сожалѣніемъ оставляемъ разсказъ о народной доблести, и начинаемъ повѣсть о событіяхъ обыкновенныхъ. Такъ въ жизни нашей: минуты, когда быть гражданскій возносится выше вседневныхъ событій, такъ-же рѣдки, какъ минуты восторга для человѣка. . . .

Андрей, увѣренный, равно какъ и современники его, что чудо, ниспосланное Провидѣніемъ, спасло Новгородъ, не думалъ мстить. Новгородцы-побѣдители видѣли затруднительное положеніе свое. На слѣдующій годъ оказался въ Новгородѣ голодъ: кадь ржи продавали по 4 гривны, печеный хлѣбъ по 2 ногаты, пудъ меду по 10 кунъ, ибо подвозы были остановлены, торговля упала, гости бездѣйствовали (49). Съ обѣихъ сто-

---

(*Тропарь*) «Яко необоримую стѣну и источникъ чу-«десъ стяжавше Тя рабы Твои, Богородице Пречи-«стая! сопротивныхъ ополченіе низлагаемъ; тѣмъ-же «молимъ Тя: миръ граду Твоему даруй, и душамъ «нашимъ велію милость!» (*Кондакъ*) «Честнаго Тво-«его образа Знаменіе празднующе людіе Твои, Богоро-«дительнице! Имъ-же дивную побѣду на сопротив-«ныхъ граду Твоему даровала еси, тѣмъ-же тебѣ вѣ-«рою взываемъ: радуйся, Дѣво, Христіанъ похвало!»

(49) Новг. Лѣт. стр. 38.

ронъ хотѣли мира. Князь Романъ, можетъ быть, гордясь своею побѣдою, оскорбилъ Новгородское вѣче, и—ему указали путь изъ Новгорода! Романъ уѣхалъ въ Волынь. Новгородцы призвали къ себѣ Рурика Ростиславича, княжившаго доколѣ въ Овручѣ; избраніе было при посредствѣ Андрея Георгіевича, который заключилъ съ Новгородцами миръ на всей волѣ ихъ (50).

Глѣбъ Кіевскій отбивалъ между тѣмъ безпрерывные набѣги Половцевъ. Дружинами его предводили два младшіе брата: Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи, и напрасно рѣзали они плѣнныхъ Половцевъ: поганые вновь являлись безпрерывно(51). Глѣбъ вскорѣ скончался (20 Января, 1171 г.), и смерть его подала поводъ къ новымъ бѣдствіямъ и войнамъ. Это были послѣднія дѣла Андрея Георгіевича.

Ростиславичи, доколѣ послушные Андрею, перестали уважать его волю. Причина заключалась

---

(50) «Сдумавше Новгородцы, показаша путь Князю Роману, а сами послаша ко Андрееви по миръ, на *всей воли своей*» (*Новг. Лѣт.* стр. 39). Впрочемъ, въ *Кіевской Лѣтописи* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 8) сказано, что Романъ самъ выѣхалъ изъ Новгорода, услышавъ о кончинѣ отца.

(51) «Се держимъ колодники себѣ на смерть», говорили Кіевляне, и рѣзали плѣнниковъ (*Кен. спис.* стр. 250).

въ томъ, что младшій изъ Ростиславичей, *Мстиславъ Храбрый*, началъ дѣйствовать. Современники передали о немъ преданіе, что онъ отъ самой юности привыкъ бояться только Бога, но не боялся ни единаго изъ смертныхъ (52). Овладѣвъ умами старшихъ братьевъ, Романа, Рурика и Давида, онъ немедленно по смерти Глѣба призвалъ къ себѣ *старшаго изъ всѣхъ Мономаховичей*, безсовѣстнаго Владиміра Мстиславича, ввелъ его въ Кіевъ, и объявилъ Кіевскимъ Княземъ. Андрей оскорбился, ибо почиталъ себя *Великимъ Княземъ и повелителемъ Кіева.* Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи удалились изъ Кіева и княжили въ Торческѣ. Переговоры Ростиславичей и Андрея становились жарки. Двѣ другія партіи видѣли собственную свою пользу въ ссорѣ Андрея съ Ростиславичами. Сіи партіи составляли: *родъ Изяслава* — Ярославъ Луцкій, властитель Волыни, и дѣти Мстислава, изъ коихъ Романъ, бывшій Князь Новгородскій, находился тогда у дяди, и злобился на Андрея и Ростиславичей, и *Олеговичи*, по неволѣ казавшіеся мирными: Святославъ Черниговскій, коварный и хитрый, думавшій

---

(52) «Отъ юности навыклъ бяше не *ужасатися* никого-же но токмо Бога единаго блюстися» (*Кіевск. Лѣтоп.* — Ист. Г. Р. т. III, пр. 18). — Какое прекрасное, сильное выраженіе!

только о своихъ выгодахъ; племянники его, хотя доблестные, но послушные дядѣ. Смерть ничтожнаго Владиміра Мстиславича сначала утишила было ссору, когда, черезъ три мѣсяца по вступленіи въ Кіевъ, Владиміръ скончался, не любимый никѣмъ. — Андрей хотѣлъ единственно изгнанія Владиміра, и тотчасъ прислалъ съ кроткою укоризною къ Ростиславичамъ, что они, обѣщавъ слушать его, какъ отца, не слушаютъ, но что Андрей все забываетъ и отдаетъ Кіевъ старшему изъ Ростиславичей, *Роману* Смоленскому. Передавъ Смоленскъ сыну, Ярополку, Романъ въѣхалъ въ Кіевъ, благодаря Андрея. Все казалось спокойнымъ; но клеветники не дремали, и вадили Андрею на Ростиславичей; съ другой стороны Ростиславичей оскорбило покровительство Андрея Новгородскому своевластію. Рурикъ вздумалъ править Новгородомъ самовластно, даже смѣнилъ посадника Жирослава, и возвелъ на мѣсто его Иванка, вѣроятно сына Захаріи, нѣкогда убитаго за преданность Ростиславичамъ (53). Жирославъ бѣжалъ въ Суздаль; вѣче взволновалось; испуганный Рурикъ уѣхалъ къ братьямъ, Новгородцы выпросили себѣ Андреева сына, Георгія, и свели большую пріязнь съ Андреемъ. Архіепископъ Илія ѣздилъ къ

---

(53) См. выше, стр. 54.

Князю во Владиміръ на общій совѣтъ и' судъ (54). Еще терпѣли Ростиславичи, хотя и не боялись Андрея, когда новыя требованія его раздражили Ростиславичей гораздо болѣе. Злоумышленники успѣли увѣрить Андрея, что Глѣбъ скончался насильственной смертію, и что убійцы его, Григорій Хотовичъ, Степанъ и Алексѣй Стославцы живутъ у Ростиславичей.—« Выдайте мнѣ злодѣевъ на казнь, и оправдайте себя отъ грѣха » —говорилъ Андрей. Ростиславичи клялись въ невинности обвиняемыхъ, и на отрѣзъ сказали, что *не выдадутъ* ихъ. Разгнѣванный Андрей немедленно приказалъ Роману оставить Кіевъ, и возвратиться въ Смоленскъ, а Михаилу Георгіевичу ѣхать изъ Торческа и взять себѣ Кіевъ. Тотъ и другой Князья повиновались: Романъ, подобный отцу своему, уѣхалъ въ прежнюю свою отчину, а Михаилъ послалъ намѣстника въ Кіевъ, и сбирался туда ѣхать.

Но Мстиславъ Храбрый не вытерпѣлъ такихъ обидъ. Напрасно Романъ не хотѣлъ ни во что

---

(54) Мстиславъ Андреевичъ скончался въ 1172 г., во Владимірѣ, возвратясь изъ похода на Булгаровъ, не весьма удачнаго, ибо хотя Руссы и опустошили нѣсколько городовъ, но сами много потерпѣли отъ жестокой зимы и большихъ снѣговъ. Булгары шли за ними до самой Оки.—Архіепископъ Ілія пріѣзжалъ распорядить съ Андреемъ « на всю правду ».

вступаться: двое другихъ братьевъ, *Рурикъ*, бывшій въ Новгородѣ, и *Давидъ* Вышгородскій, соединились съ Мстиславомъ. Всѣ трое собрались они; ночью захватили Кіевъ; объявили Рурика Княземъ Кіевскимъ; осадили Михаила въ Торческѣ, и заставили его отказаться отъ Кіева и взять Переяславль.

Ростиславичи могли ожидать послѣ сего страшной бури, и — не обманулись. Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о занятіи Кіева, и, слѣдственно, явномъ неповиновеніи Ростиславичей, во Владиміръ явились посланники изъ Волыни и Чернигова. «Смотри,» говорили Андрею, отъ имени Ярослава Луцкаго и Святослава Черниговскаго — «смотри, что они дѣлаютъ! Ужели потерпишь? Вступись за честь свою. Мы всѣ съ тобою и за тебя!»

Такъ говорили коварные Князья, и успѣли въ зломъ дѣлѣ. Но Ростиславичи не дремали, собирали дружины, увѣрились въ дружбѣ и помощи Галицкаго Князя, узнали шаткость Ярослава Луцкаго, и укрѣпляли Вышгородъ, гдѣ хотѣли защищаться. Тогда явился въ Кіевъ Суздальскій мечникъ Михна, и отъ имени Андрея, сказалъ, что Андрей почитаетъ ихъ бунтовщиками, приказываетъ немедленно оставить Кіевъ, область Андрееву: Рурику идти въ Смоленскъ и быть у брата Романа; Давиду вовсе оставить Русь, и удалиться въ Берладъ, къ бродягамъ и разбой-

никамъ; Мстиславу идти во Владиміръ предъ лицо Андрея, ибо Великій Князь его считаетъ начинщикомъ всему злу. Мстиславъ пришелъ въ неописанную ярость, услышавъ укоризненныя слова, схватилъ посла за бороду, приказалъ выстричь ему бороду и голову, и обезчещеннаго такимъ образомъ отправилъ обратно. « Иди и скажи моему безсовѣстному дядѣ, » говорилъ онъ, « что такъ отдаюсь я въ руки его! Мы уважали его, пока онъ говорилъ съ нами, какъ съ Князьями; но когда онъ поступаетъ съ нами, какъ съ *голдовниками* своими, то мы не боимся его: идемъ на судъ Божій! » — Андрей поблѣднѣлъ отъ гнѣва, услышавъ рѣчи Михна, велѣлъ собирать войско, взять Кіевъ, изгнать Рурика и Давида, и притащить къ нему Мстислава (55).

Всюду загремѣло оружіе. Однѣ Суздальскія, Новгородскія и Рязанскія дружины, подъ предводительствомъ Георгія Андреевича Новгородскаго, и стараго вождя Андреева, Бориса Жидиславича, составляли до 50,000 человѣкъ. Къ нимъ присоединились Смольяне, ибо Романъ не смѣлъ преслушать Андрея; близъ Чернигова, гдѣ главное начальство принялъ Святославъ Всеволодовичъ, пристали Черниговцы и Сѣверцы. Все двинулось

---

(55) *Кіевск. Лѣт.* « И бысть образъ лица его *потускнѣлъ*, и взострися на рать, и собралъ вои » *Ист. Г. Р.* т. III, пр. 18).

къ Кіеву. Ростиславичи оставили Кіевъ; союзники заняли его безъ сопротивленія, никого не объявляли Кіевскимъ Княземъ, спѣшили къ Вышгороду: тамъ засѣлъ съ дружиною Мстиславъ Храбрый; Давидъ Ростиславичъ уѣхалъ тогда въ Галичъ, просить помощи, а Рурикъ Ростиславичъ заперся въ Бѣлгородѣ. Союзники окружили Вышгородъ. Таборъ ихъ казался безконечнымъ. Войско дѣлилось на три главные отряда: однимъ, среднимъ, предводительствовалъ Всеволодъ Георгіевичъ, имѣя дружины Олеговичей, Кіевлянъ, Переяславцевъ, Торковъ, Берендеевъ, Смольянъ; другимъ, составленнымъ изъ собственныхъ Андреевыхъ войскъ, Борисъ Жидиславичъ; третьимъ, дружинами Новгородскими, Георгій Андреевичъ.

Обложивъ Вышгородъ, союзники могли, казалось, руками разобрать стѣны его, тѣмъ болѣе, что Галицкій Князь обѣщалъ, но не давалъ еще помощи Ростиславичамъ. Девять недѣль прошло однакожъ въ совершенномъ бездѣйствіи; происходили только легкія стычки; Мстиславъ не сдавался. Вотъ причины: Святославъ Черниговскій переговаривалъ въ это время, и съ Мстиславомъ, и съ Ярославомъ Луцкимъ, просилъ себѣ Кіева, и обѣщалъ отступить. Ярославъ Луцкій тоже переговаривалъ, просилъ Кіева себѣ, и обѣщалъ, вмѣсто помощи союзникамъ, усилить собою войско Ростиславичей. Мстиславъ душевно презиралъ обоихъ предателей, но все обѣщалъ.

тому и другому. Между тѣмъ начальники союзныхъ дружинъ ссорились между собою. Наконецъ въ одно утро явились Волынскія дружины съ Ярославомъ Луцкимъ. Завидѣвъ ихъ вдали, Мстиславъ вышелъ изъ города и ударилъ на средній полкъ, говоря воинамъ: « Братья! Богъ и Святые Борисъ и Глѣбъ за насъ! потягнемъ!» — Сначала его небольшую дружину окружили было со всѣхъ сторонъ; но вскорѣ нестройныя толпы Берендеевъ и Торковъ начали отступать, побѣжали. Дружины Новгородскія и Суздальскія хотѣли еще сражаться. Вдругъ замѣтили, что Волынскій Князь повернулъ къ Ростиславичамъ. Раздался всеобщій кликъ: « Галичане идутъ! Олеговичи измѣнили! Волынцы измѣнили! Спасайтесь; насъ окружаютъ!» и многочисленное воинство двинулось, побѣжало, смялось . . . « Было сильное стенаніе, кликъ, общій шумъ; слышно было ломанье копей, звукъ оружія; отъ облаковъ поднявшейся пыли не льзя было разглядѣть ни коней, ни всадниковъ » (56). Пользуясь наступавшею ночью, Мстиславъ поражалъ, гналъ бѣгущихъ, которые тонули въ рѣкѣ, собирались толпами въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вышгорода, и поспѣшно бѣжали во свояси, въ Суздаль, Смоленскъ, Переяславль, Новгородъ, Черниговъ, Новгородъ - Сѣверскій,

(56) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, прим. 18).

страшась слѣдствій пораженія, ибо наступила зима.

Оставшись побѣдителемъ, почти безъ битвы, Мстиславъ забралъ кинутые непріятелемъ обозы и добычу, и указалъ Ярославу Луцкому на Кіевъ, говоря: « Ты *старшій въ родѣ Мономаховомъ*: (57) иди княжить. » — Ярославъ въѣхалъ въ Кіевъ. Мстиславъ остался съ братьями въ своихъ удѣлахъ.

Вѣсть о пораженіи подъ Вышгородомъ принята была Андреемъ Георгіевичемъ весьма равнодушно. Онъ не изъявилъ негодованія ни на кого, скорбѣлъ, и, становясь съ лѣтами набожнѣе, почиталъ всѣ свои несчастія наказаніемъ за разграбленіе Кіева въ 1169 году. Уже старость лишала его прежней дѣятельности, бодрости; болѣе молился онъ, нежели правилъ Княжествомъ; давалъ свободу вельможамъ грабить, утѣснять народъ, торговать правосудіемъ. Бѣдственныя слѣдствія слабости его увидимъ вскорѣ.

---

(57) Ибо послѣ кончины Владиміра Мстиславича оставались Князья всѣ одной степени: *внуки Мстислава Владиміровича, или правнуки Мономаха*. Изъ нихъ *Ярославъ* былъ *старшій*, потому что былъ сынъ старшаго брата, Изяслава Мстиславича, а Мстиславъ Храбрый и братья его были дѣти младшаго брата.

Новый Князь Кіевскій не долго прокняжилъ спокойно. *Старшій Мономаховичъ* скоро увидѣлъ въ Кіевѣ пословъ отъ *старшаго Олеговича*. Князь Черниговскій почиталъ себя обманутымъ послѣ Вышгородскихъ обѣщаній: ему досталася только стыдъ предателя, а не Кіевъ, отданный другому предателю. Онъ не посовѣстился обратиться къ Андрею Георгіевичу, снова увѣрять въ дружбѣ, и предлагать услуги для завоеванія Кіева. Андрей — не отвѣчалъ ему. Тогда Князь Черниговскій послалъ къ Ярославу. «Дай-же мнѣ что нибудь,» говорилъ онъ — «вѣдь мнѣ было подъ Вышгородомъ обѣщано. Не хочу спрашивать: право-ли, криво-ли сидишь ты въ Кіевѣ; требую должнаго. Я родня тебѣ, предки у насъ были одни, я не Ляхъ, не Угринъ.» Ярославъ отвѣчалъ, что не по его милости сидитъ онъ въ Кіевѣ. Святославъ собралъ войска, и ночью, какъ разбойникъ, напалъ на Кіевъ, захватилъ жену Ярославову, сына его, бояръ. Самъ Ярославъ убѣжалъ. Двѣнадцать дней провелъ Князь Черниговскій въ Кіевѣ, грабилъ что могъ, и съ богатствомъ ушелъ въ Черниговъ. Ярославъ, слыша, что Кіевъ «стоитъ безъ Князя ограбленный Олеговичемъ (58)», пріѣхалъ въ древнюю столицу, созвалъ Кіевлянъ, укорялъ ихъ, что они тайно подвели Святослава, и требовалъ денегъ на выкупъ своей Княгини и сына. Кіев-

---

(58) Кен. сп. стр. 253.

ляне не знали, что сказать. Ярославъ обложилъ всѣхъ тяжкою поголовною данью, не исключилъ игумновъ, священниковъ, монаховъ, монахинь, иностранцевъ, взялъ что могъ, поѣхалъ въ Черниговъ и выкупилъ жену и сына. Два *честные* Князя поцѣловали крестъ, разстались друзьями, и Черниговскій Князь пошелъ грабить Сѣверскую область, ссорясь за что-то съ Олегомъ Святославичемъ (59).

Такіе поступки должны были приводить въ негодованіе благомыслящаго Мстислава. Чувствуя превосходство Андрея предъ другими, и не гордясь побѣдою подъ Вышгородомъ, онъ не хотѣлъ выгнать Ярослава безъ согласія Андреева, прислалъ къ нему пословъ, просилъ мира и *дозволенія* Роману княжить въ Кіевѣ. Андрей охотно помирился; но о Кіевѣ желалъ посовѣтоваться съ братьями, Михаиломъ и Всеволодомъ, княжившими по прежнему въ Переяславлѣ и Торческѣ. Мстиславъ ждалъ отвѣта, и получилъ вѣсть неожиданную: Іюня 29, 1174 года, Андрей Георгіевичъ былъ зарѣзанъ, въ собственномъ своемъ дворцѣ, самымъ безчеловѣчнымъ образомъ....

Лѣтописцы передали намъ подробный разсказъ о смерти сего достопамятнаго Князя: она ужасала всѣхъ Руссовъ.

---

(59) Иностранцевъ; *Латину*, сказано въ *Кен. сп.* стр. 253.

У Князя Андрея Георгіевича былъ любимецъ, Якимъ Кучковитинъ, или Кучко, сильный вельможа (60). Разгнѣвавшись на брата Якимова, за какое-то преступленіе, Князь казнилъ его. Якимъ запылалъ злобою, нашелъ сообщниковъ и втайнѣ сдѣлалъ заговоръ. « Сегодня казнилъ онъ брата, завтра казнитъ меня; не потерпимъ и предупредимъ его » — говорилъ Якимъ. Онъ, Петръ Курковъ (зять его), Анбалъ Ясинъ (Казначей Князя), Ефремъ Моизичъ, и другіе, всего двадцать человѣкъ, положили собраться въ Боголюбовѣ, въ день Петра и Павла, ночью вломиться къ Князю и умертвить его. Вооруженные мечами и саблями, заговорщики собрались у Куркова, и узнавъ, что Князь совершилъ молитву, легъ и заперся въ ложницѣ, съ однимъ отрокомъ, пошли во дворецъ. Но страхъ обнималъ ихъ; тогда, отворивъ Княжескій погребъ, Анбалъ напоилъ сообщниковъ крѣпкимъ медомъ и виномъ.—Съ дикою яростью, бросились они ко дворцу, перерѣзали спящую

(60) *Кучковичъ*, *Кучко*, *Кучковитинъ*, сказано въ разныхъ лѣтописяхъ. Не значитъ-ли это: *урожденецъ* Кучкова, т. е. Москвы? — Что-бы Андрей Георгіевичъ былъ женатъ на дочери Боярина Кучка, и что-бы Кучковичи были его шурья, это выдумки новѣйшихъ лѣтописцевъ. Они разсказываютъ даже, что убійцъ подговорила супруга Андрея Георгіевича, разгнѣванная тѣмъ, что Андрей удалялся отъ супружескаго ложа. — Сказка, которой нѣтъ въ древнихъ лѣтописяхъ!

спражу, пришли къ ложницѣ. Пробужденный шумомъ, Князь спросилъ: «Кто тамъ?»— Прокопій! — отвѣчалъ одинъ изъ убійцъ — отвори, Князь Великій. — «Не отворяй!» сказалъ Князь отроку, съ нимъ бывшему, «это не Прокопій.»— Тогда сильнымъ ударомъ вышибены были двери ложницы. Князь вскочилъ съ ложа, искалъ меча Святаго Бориса, всегда висѣвшаго подлѣ его постели; меча не было: Анбалъ свечера спряталъ его. Убійцы вторглись толпою; двое схватили Князя. Будучи весьма силенъ, онъ боролся съ ними, бросилъ одного на полъ, и упалъ съ нимъ вмѣстѣ. Думая, что повер женъ Князь, другіе начали терзать товарища, но увидѣли ошибку, и всѣ бросились на Князя, повергли его, рубили саблями, кололи мечами и копьями. «Горе вамъ, окаянные, нечестивые!» говорилъ имъ Князь, истекая кровію. «Почто уподобляетесь Горясѣру? Что̀ я вамъ сдѣлалъ? Богъ отплатитъ вамъ за кровь мою и за хлѣбъ мой!» — Видя его наконецъ безчувственнаго, убійцы почли умершимъ, взяли раненаго товарища, и пошли вонъ. Князь очувствовался, въ безпамятствѣ поднялся, пошелъ изъ ложницы, стеная сошелъ съ переходовъ, и упалъ подлѣ крыльца. — «Я слышалъ голосъ его, и, кажется, видѣлъ его на лѣстницѣ!» закричалъ одинъ изъ убійцъ, останавливая товарищей. «Мы погибнемъ, если онъ спасся!» отвѣчали другіе, и снова бросились

въ ложницу, не нашли Князя, съ крикомъ: « Онъ пропалъ! Ищите его скорѣе! « зажгли свѣчу, пошли по кровавымъ слѣдамъ, и увидѣли Князя, сидящаго подлѣ столба крылечнаго. Множество ударовъ посыпалось на него вновь; неистовый Петръ отрубилъ ему даже правую руку.... Андрей Георгіевичъ испустилъ духъ, творя молитвы.

Пьяная шайка убійцъ довершала злодѣйство: убила Прокопія, любимца Княжескаго, разграбила погреба и казну Княжескую, неистовствовала и призывала всѣхъ на грабежъ. Чернь Боголюбовская перепилась, взяла оружіе, грабила дворецъ, домы бояръ, утащила тѣло Князя и бросила на огородѣ. Между тѣмъ послано было извѣстіе во Владиміръ. Народъ тамошній изумился, сошелся толпою на площади, и слыша о смерти Князя и бунтѣ Боголюбовцевъ, не зналъ что предпринять: не хотѣлъ взять участія въ злодѣйствѣ, но не смѣлъ и остановить его. Вѣрный слуга, Козьма Кіевлянинъ, нашелъ тѣло несчастнаго Князя, поверженное на огородѣ, окровавленное, нагое, и горько плакалъ надъ нимъ. « Побѣдитель многихъ странъ! Тебя-ли побѣдили презрѣнные злодѣи, враги твои!» вопилъ Козьма. Напрасно говорили ему, что-бы онъ не трогалъ тѣла, и пошелъ прочь, если не хочетъ быть убитымъ. Козьма не слушалъ. Въ это время извергъ Анбалъ шелъ во дворецъ, и Козьма обратился къ нему: « Брось мнѣ коверъ, или что нибудь, прикрыть на-

тому Князя, Анбалъ ворогъ!» говорилъ Козьма.— Оставь его — отвѣчалъ со смѣхомъ Анбалъ — мы хотимъ кинуть его псамъ на съѣденіе! — «Еретикъ!» воскликнулъ Козьма. «Помнишь-ли ты, Жидъ, въ какомъ рубищѣ пришелъ къ Князю? Теперь ты въ аксамитѣ ходишь, а Князь твой лежитъ нагъ — брось мнѣ что-нибудь!» — Получивъ коверъ, Козьма завернулъ тѣло Князя, и понесъ въ церковь. Она была заперта — «Отворите!» говорилъ Козьма. — Нѣкому — сказалъ церковный сторожъ — причетники пьяны. Положи его въ притворѣ. — Рыдая, положилъ тѣло Козьма, плакалъ и *пригитывалъ* свое сѣтованіе: «Никто не узнаетъ тебя изъ рабовъ твоихъ, тебя, который ласково привѣтствовалъ и вводилъ во дворецъ свой гостей изъ Царяграда, изъ Латини, угощалъ и награждалъ Булгара и Еврея. А тебя и въ Храмъ Божій не пускаютъ!» — Никто не думалъ о Князѣ; уже на третій день пришелъ игуменъ Арсеній, изъ обители Козьмо-Даміанской, и говоря—«Долго ему лежать безъ Христіанскаго погребенія, пока соберутся старшіе,» сыскалъ простую *буду* (деревянный гробъ), внесъ въ церковь, и отпѣлъ тѣло могущаго Государя Русскаго и неукротимаго воителя, съ немногими дьячками и вѣрными людьми Князя, проливавшими горячія слезы объ участи ихъ благодѣтеля. Въ Боголюбовѣ продолжался мятежъ: народъ бѣжалъ изъ окрестныхъ селеній, цилъ,

грабилъ, буянилъ, рѣзалъ. Наконецъ старый священникъ Микуличъ, препровождавшій Владимірскую Икону изъ Вышгорода, облекся въ ризы, собралъ причетъ, взялъ кресты, образа, и съ пѣніемъ пошелъ по городу. Мятежники ужаснулись, разбѣжались; все утихло. Тогда явились изъ Владиміра Духовенство и Градскіе люди, подняли гробъ Князя и повезли во Владиміръ. Толпы Владимірцевъ выступили изъ города, и едва показалось вдали Княжеское знамя, едва раздалось погребальное пѣніе, всѣ зарыдали, заплакали, пали на колѣна .... «Такъ-ли въѣзжалъ онъ, бывало, въ наши Золотыя ворота!» говорилъ народъ. — Андрея похоронили въ знаменитой Золотоверхой церкви Св. Богоматери (61).

---

(61) Все описаніе взято изъ *Кіевск. лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, прим. 23, 24), *Кен. сп.* стр. 254, *Софійскаго списка* (изд. Строевымъ) т. I, стр. 201. — *Золотыя ворота* построены были во Владимірѣ по примѣру Кіевскихъ, Андреемъ: они сохраняются донынѣ, хотя и измѣненныя временемъ, раззореніемъ и перестройками. Андрей устроилъ во Владимірѣ кромѣ того *Серебряныя ворота*: ихъ нѣтъ уже и слѣдовъ. Тѣ и другія назывались такъ потому, что главы церквей, надъ воротами находившихся, были на однихъ позолочены, на другихъ посеребрены. — Церковь *Золотоверхую* также Андрей устроилъ: она славилась великолѣпіемъ между другими знаменитыми въ Руси церквами, каковы были въ Ростовѣ Богородицкая, *дивная и великая, яко-же не было и не будетъ* (она

Оплакавъ память Андрея, Мстиславъ Ростиславичъ не ждалъ болѣе ни отъ кого рѣшенія о Кіевѣ, и велѣлъ Ярославу немедленно выѣхать от-

---

сгорѣла въ 1160 году), и въ Смоленскѣ Михайловская, построенная Давидомъ Ростиславичемъ, «*такое же нѣсть въ полунощной странѣ; и иконами, и златомъ, и сребромъ, и жемчугомъ, и каменіемъ драгимъ украшена.*» Вотъ описаніе Владимірской Золотоверхой церкви: «доспѣ (Андрей) церковь каменну соборную Святыя Богородицы, пречудну вельми; украси ю отъ злата и сребра, и пять верьховъ ея позолоти; двери-жь церковныя, трои, золотомъ устрои; золотомъ-же, и каменіемъ драгимъ, и жемчугомъ украси, и многими паникадилы золотыми и серебряными просвѣти, а амвонъ отъ золота и отъ сребра устрои, а служебныхъ сосудовъ, и рипидъ, златомъ и каменіемъ, вельми много; а тріе Іерусалими (дароносицы) вельми велиціи, иже отъ злата чиста и отъ каменія многоцѣннаго устрои, верхъ-бо (оныхъ) златомъ устрои, а комары позолоти, и извну церкве и по комаромъ же птахи золотыя, и кубки, и вѣтрила золотомъ устроена постави.» Къ Золотоверхой церкви приложены были Андреемъ «многа имѣнія, и *свободы* (слободы) купленныя, и съ даньми, и села лѣпшая, и десятины въ стадѣхъ, и торгъ десятый.» Великолѣпная церковь сія сгорѣла въ большомъ пожарѣ Апрѣля 13 1185 года, истребившемъ почти весь Владиміръ и 32 другія церкви. Боголюбовскую церковь, Андрей «удививъ паче всѣхъ церквей: подобна та Святая Святыхъ, юже бѣ Соломонъ создалъ — и устрои различными *цатами* и іаспидными цатами

шуда: сей поспѣшно убрался въ свой Луцкъ, а Романъ Ростиславичъ пріѣхалъ въ Кіевъ. Мстиславъ отправилъ потомъ помощь къ Олегу Сѣверскому, и отбилъ неотвязнаго Черниговскаго Князя. Но пользуясь удаленіемъ Мстислава, Князь Черниговскій снова объявлялъ требованія, жаловался на пособіе Олегу, просилъ управы у Романа, какъ старшаго изъ Ростиславичей, подущалъ Кіевлянъ, завладѣлъ Триполемъ. Романъ не зналъ что съ нимъ дѣлать; принужденъ былъ оставить Кіевъ; уѣхалъ въ Бѣлгородъ, и звалъ

украси ю, и златомъ и финифтомъ, и всякою добродѣтелью, и Іерусалимъ златъ съ камсніи драгими: извну церкве отъ верха и до долу, по стѣнамъ и по столпамъ ковано золотомъ, и двери златомъ же; бяше-же и сѣнь золотомъ украшена, отъ верху до деисуса.» Въ смятеніи Боголюбовскомъ были ограблены и художники, жившіе тамъ у Андрея. — Мы упомянули о сказкѣ, по коей Кучковичей почитали шурьями Андрея. Этимъ не кончилась сказка. Близъ Владиміра есть *Пловучае* озеро, на которомъ находится нѣсколько островковъ, составившихся изъ турфа, оброслаго землею и травою, и плавающихъ по водѣ. Выдумали, что Михаилъ Георгіевичъ разстрѣлялъ вдову Андрея за участіе въ злодѣяніи, а Кучковичей и сообщниковъ ихъ зашилъ въ коробья и бросилъ въ это озеро. Вода не приняла ихъ, говоритъ народъ, и они, оброслые землею, осуждены плавать до скончанія міра. Каждую полночь слышенъ бываетъ стонъ ихъ. Смотр. Татищева, *Ист. Росс.* т. III, стр. 217.

братьевъ на помощь. Они явились; Святославъ бѣжалъ, нанялъ Половцевъ, и веледушный Мстиславъ, видя жалкое, неукротимое властолюбіе Святослава Черниговскаго, велѣлъ сказать, что отдаетъ ему Кіевъ добровольно, требуя только, что-бы онъ прекратилъ междоусобія *и не тѣшилъ поганыхъ враждою.* — Святославъ принялъ даръ, и пріѣхалъ въ Кіевъ (62).

Вниманіе Мстислава, вѣроятно, обращалось не на жалкій, раззоренный Кіевъ, но на Сѣверную Великокняжескую столицу и Новгородъ. Тамъ постепенно болѣе и болѣе развивалась новая, отдѣльная система жизни Русскихъ Княжествъ. Смерть Андрея была поводомъ новыхъ событій, открывала новое обширное поприще честолюбію и страстямъ. Галичемъ владѣлъ Князь сильный, не вмѣшивавшійся въ междоусобія; Волынью Ярославъ Луцкій и Романъ, герой Новгорода, ждавшій происшествій важнѣе разбойническаго завладѣнія Кіевомъ. Укрѣпивъ себѣ берега Днѣпра отъ Смоленска до Вышгорода, Ростиславичи,

---

(62) *Кіевск. Лѣт.* — Святославъ говорилъ Роману: «Брате! я не ищу подъ тобою ничего-же, но *рядъ нашъ* такъ есть (условіе, обычай): еже ся Князь извинитъ (будетъ виноватъ), то волость (за вину отвѣчаетъ Княжествомъ), а мужъ въ голову (отвѣчаетъ головою).» Видимъ тогдашнее понятіе о Правѣ Политическомъ.

крѣпкіе братскимъ союзомъ, также не хотѣли мѣлкихъ, ничтожныхъ междоусобій: все это было предоставлено потомкамъ Олега.

Возобновились-ли древнія права наслѣдія, при системѣ, введенной Андреемъ? Кто долженъ былъ послѣ него наслѣдовать?

Андрей называлъ себя *Великимъ Княземъ*, и точно властвовалъ онъ надъ Кіевомъ, но не долго, и считая себя *первенствующимъ* Княземъ, Андрей собственно не имѣлъ власти первенства: его уважалъ кто хотѣлъ, или кто боялся. Взятіе Кіева, походъ на Новгородъ и походъ на Кіевъ походили болѣе на нашествія непріятеля, нежели на распоряженія законнаго, главнаго надъ всѣми властителя. Слѣдственно, другіе страшились только силы Андрея; но древняго *права Великихъ Князей* не было, и Андрей, не думавши объ ономъ сначала, пересталъ, кажется, думать и при концѣ жизни. Подобно Галицкому Князю, онъ оставался могущимъ удѣльнымъ владѣтелемъ, не болѣе, имѣя только *титулъ Великаго Князя*: увидимъ, что въ послѣдствіи сей титулъ принимали многіе Князья вдругъ (63). И такъ, послѣ смерти Андрея долженствовалъ наслѣдовать сынъ его, Георгій Новгородскій, по праву

---

(63) Всеволодъ Георгіевичъ и Святославъ Всеволодовичъ въ одно время, Романъ Галицкій и Всеволодъ Георгіевичъ въ послѣдствіи, и проч.

удѣловъ. Могъ наслѣдовать и старшій въ родѣ Георгія Долгорукаго, какъ были тому примѣры въ Кіевѣ и Черниговѣ, гдѣ старшій въ родѣ бралъ главный городъ, давая удѣлы другимъ представителямъ своего рода (64).

Такимъ образомъ, кромѣ Андреева сына, наслѣдниками представлялись: братья Андрея *Михаилъ* и *Всеволодъ Георгіевичи*. Но были еще два Князя: сыновья старшаго брата Андреева, Ростислава, *Ярополкъ и Мстиславъ*. Они находились у Олеговичей, ибо сестра ихъ была за Княземъ Глѣбомъ Рязанскимъ, внукомъ Ярослава, брата знаменитаго Олега Черниговскаго (65). Мы видѣли уже Михаила Георгіевича, всегда находившагося въ Южной Руси, сперва при братѣ Глѣбѣ, потомъ владѣвшаго тамъ Торческомъ и Переяславлемъ, Князя добраго, послушнаго братьямъ, и не участвовавшаго ни въ какихъ злодѣйствахъ.

(64) Отдѣльные роды составляли наконецъ особыя лиги; мы видѣли, что слова: «Ты *старшій*, иди княжить,» были условіемъ сихъ частныхъ союзовъ, для владѣнія первенствующимъ мѣстомъ соединенія союза. Для Олеговичей былъ такою степенью старшинства *Черниговъ*, а для Мономаховичей *Кіевъ*.

(65) См. томъ II, стр. 382. — У Ярослава было трое сыновей: Ростиславъ, Святославъ, Георгій; Глѣбъ былъ старшій сынъ Ростислава, слѣдственно, *старшій* изъ Рязанскихъ Князей, послѣ смерти отца и дядей.

Всеволодъ, юнѣйшій изъ сыновъ Долгорукаго, находился всегда съ Михаиломъ. Дѣти Ростислава были намъ донынѣ неизвѣстны: изгнанные въ 1164 году, дядею изъ Суздаля, они жили у Олеговичей, и преданные сему враждебному противъ Мономаховичей роду, послужили имъ средствомъ произвесть раздоръ между потомками Мономаха. Олеговичи надѣялись выиграть въ волненіи Князей и народа.

Глѣбъ Рязанскій, не смѣвшій ничего предпринять при жизни Андрея, и слѣпо ему повиновавшійся, воспользовался кончиною сего Князя и немедленно началъ дѣйствовать. Бояре его, Дѣдилецъ и Борисъ, пріѣхали во Владиміръ, ѣздили въ Ростовъ, Суздаль. Повсюду были неустройства въ Суздальской области: народъ, недовольный боярами и тіунами Андрея, волновался, своевольничалъ, даже грабилъ домы ненавистныхъ ему вельможъ (66). Рязанскіе бояре легко уговорили народъ показать силу свою и выбрать Князя по волѣ. Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и Владимірцы составили вѣче во Владимірѣ, шу-

(66) «Посадникъ и тіуновъ домы пограбиша, а самихъ, и дѣтскіе, и метники избиша, и домы ихъ пограбиша, *невѣдуще глаголемаго: идѣ-же законъ, ту и обидъ много*» (*Кен. спис.* р. *л.* 215). Подумаете что это извиненіе подсказано Лѣтописцу какимъ нибудь тіуномъ!

мѣли, спорили о старѣйшинствѣ городовъ своихъ и выборѣ Князя. Владимірцы утверждались на пребываніи у нихъ Князей; Ростовцы на древности своего города. Одни требовали Михаила и Всеволода Георгіевичей; другіе кричали: «Они далеко отъ насъ; пока они пріѣдутъ, Муромцы и Рязанцы раззорятъ насъ: пошлемъ лучше звать шурьевъ Князя Рязанскаго; онъ будетъ радъ и къ намъ милостивъ!»—Сей голосъ превозмогъ, при подкрѣпленіи Рязанскихъ бояръ, и послы явились къ Глѣбу, прося его уговорить Ярополка и Мстислава идти на Княжество. Глѣбъ обласкалъ пословъ, обѣщалъ помогать, и отослалъ ихъ къ старшему Олеговичу, въ Черниговъ, гдѣ были тогда шурья его. Тамъ нашли они и Михаила со Всеволодомъ.« Благодаримъ дружину, что она не забыла любви отца нашего!» отвѣчали Ярополкъ и Мстиславъ. Святославъ узналъ однакожъ всѣ подробности вѣча Владимірскаго; увидѣлъ выгоды не оставлять Михаила и Всеволода; вмѣшался въ дѣло, и убѣдилъ дѣтей Ростиславовыхъ отдать старѣйшинство Михаилу и ѣхать вмѣстѣ съ обоими дядями. Племянники спорили, согласились, и, давъ взаимную присягу, Михаилъ и Ярополкъ отправились впередъ; Георгій и Мстиславъ остались въ Черниговѣ. Глѣбъ Рязанскій понялъ коварство Князя Черниговскаго, началъ дѣйствовать сильнѣе, рѣшительно поссорилъ Ростовцевъ и Владимірцевъ, и когда

Михаилъ и Ярополкъ достигли Москвы, новое народное собраніе было учинено въ Ростовѣ, гдѣ присутствовало однихъ Владимірцевъ до полуторы тысячи (67). Владимірцы упорно стали за Михаила. Тогда, остановивъ Михаила въ Москвѣ, Ростовцы тайно призвали къ себѣ Ярополка и объявили его Княземъ. Владимірцы возопіяли на несправедливость. « Если хотите вѣчемъ дѣло судить » — говорили имъ Ростовцы — » смотрите какъ дѣлаютъ Новгородцы, Смольяне, Кіевляне и Полочане : что вздумаютъ старшіе, то младшіе утверждаютъ ; что положитъ *городъ*, на томъ *пригороды* станутъ. Старые города сутъ Ростовъ и Суздаль, а Владиміръ ихъ пригородъ; Князя мы выбираемъ, а вамъ, каменьщикамъ, холопамъ нашимъ, Князь дастъ посадника (68). » Напрасно ссылались Владимірцы

---

(67) Всѣ событія Владимірскія, послѣ кончины Андрея до восшествія на княжество Всеволода, подробно описаны въ *Кенигсбергскомъ спискѣ* (стр. 255—268); но повѣствованіе явно пристрастно. Мы предлагаемъ его, сличивъ съ *Новгородскою* и *Кіевскою* лѣтописями.

(68) « Противящеся Богу и Пречистой Его Матери, и правдѣ Божіей, слушающе злыхъ человѣкъ развратниковъ, не хотящихъ *намъ* добра, завистью граду сему и живущимъ въ немъ. » (*Кен. спис.* стр. 261). Эта черта народной зависти разныхъ городовъ любопытна. Видимъ, что здѣсь говоритъ Владимірчанинъ, оскорбленный Ростовцами, назвавшими Владимірцевъ: «*наши холопи каменницы.*» За тѣмъ

на основаніе города ихъ Владиміромъ, на пребываніе въ немъ Андрея. « Если, » сказали они наконецъ, « если вы несогласны, то мы не признаемъ ни Ярополка, ни Мстислава, хотимъ Михаила и Всеволода, и поставимъ на своемъ, или головы положимъ.» — Изъ Владиміра были отправлены послы въ Москву. Михаилъ, увидѣвъ хитрость Ярополка, пріѣхалъ во Владиміръ и былъ объявленъ Княземъ. Ростовцы собрались немедленно; явились Рязанцы, Муромцы, и осадили Владиміръ. Лучшая дружина Владимірцевъ еще не возвращалась съ Ростовскаго вѣча. Не смотря на отдѣленіе оной, неравенство силъ, пожары, коими опустошилъ Ярополкъ окрестности Владиміра, семь недѣль Владимірцы не сдавались и, принужденные голодомъ, сказали наконецъ Михаилу: « Мирись или спасайся! » — Не хочу, что-бы вы гибли ради меня — отвѣчалъ Михаилъ, и уѣхалъ въ Черниговъ. Со слезами проводили его Вла-

---

слѣдуетъ злая насмѣшка. Михаила и Всеволода, говоритъ Лѣтописецъ, избрали Богъ и Пресвятая Богородица, « но якоже во Евангеліи глаголетъ: *исповѣ-* « *даютися, Отче, Господи небеси и земли, яко утаилъ еси отъ* премудрыхъ *и* разумныхъ, *и открылъ* « *еси* младенцомъ. Тако и здѣ: неразумѣша правды « Божія исправити Ростовци и Суждальцы, *давніи* и « *старшіи* творяшеся; *новыи*-жь людіе, и *мизенніи* « (*малые*, отъ сего: *мизинецъ*) Володимерстіи ура- « зумѣша правду, яшась крѣпко. »

димірцы, выговорили себѣ прощеніе у Ярополка, и сдали городъ. Ростовцы торжествовали; но къ досадѣ ихъ, Ярополкъ объявилъ главнымъ городомъ Владиміръ, и остался въ немъ. Ростовцы отреклись отъ Ярополка, и избрали себѣ Мстислава, брата его. Княжество Андрея раздѣлилось на *Владимірское* и *Ростовское*.

Юные Князья радовались, торжествовали; Глѣбъ Рязанскій тоже; Князь Черниговскій молчалъ, ласкалъ Михаила и Всеволода, и ждалъ слѣдствій. Они оказались вскорѣ.

Новый успѣхъ ободрилъ еще болѣе Ярополка и Мстислава. Новгородцы изгнали отъ себя Георгія Андреевича, прислали въ Ростовъ къ Мстиславу и просили сына его Святослава (69). Мсти-

---

(69) У Андрея Георгіевича было пять сыновей, но всѣ, кромѣ *Георгія* Новгородскаго, скончались прежде отца. Изгнанный изъ Новгорода, Георгій удалился къ Половцамъ, и вскорѣ увидѣлъ себя— *Царемъ Грузіи*! Дочь Грузинскаго Царя Георгія III-го, Тамарь, героиня, побѣждавшая Персіянъ и Турковъ, любившая науки и поэзію, и царствовавшая съ 1171 по 1198 й годъ, по совѣту бояръ своихъ отдала ему руку и престолъ свой. Георгій нѣсколько времени правительствовалъ славно, но потомъ забылъ обязанности Государя, и былъ изгнанъ. Онъ скитался по Кавказу, былъ въ Греціи, наконецъ возвратился, собралъ войско, хотѣлъ отнять у Тамари престолъ, былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Тамарь приняла его ласково, отпу-

славъ охотно согласился. Между тѣмъ какъ Ярополкъ праздновалъ во Владимірѣ свадьбу свою, неудовольствіе народное безпрерывно увеличивалось. Бояре, народъ, духовенство, всѣ негодовали. Бояре видѣли въ чести и въ должностяхъ только пришельцевъ изъ южной Руси, были гонимы, презрѣны; народъ жаловался на своеволіе тіуновъ, подати, тягости, роскошь Князей и Бояръ; духовенство лишено было десятины, доходовъ: ихъ отдали чужимъ, бѣднымъ священникамъ, пріѣхавшимъ изъ Кіева, Чернигова, Рязани. Глѣбъ владычествовалъ, повелѣвалъ; наконецъ дерзнулъ отнять у Владимірцевъ драгоцѣнную святыню города: онъ перенесъ въ Рязань чудотворную Икону, привезенную изъ Вышгорода Андреемъ. — «Что-же дѣлаютъ съ нами Князья?» говорили Владимірцы. «Вѣдь мы люди вольные, выбрали ихъ, не Кіевлянъ, не Рязанцевъ, а сіи пришлецы грабятъ не только насъ, но и церкви наши!» — *Промышляйте, братья!* велѣли они тайно сказать Ростовцамъ, и, получивъ обѣщаніе помогать, послали въ Черниговъ къ Михаилу. «Иди къ намъ во Владиміръ, стар-

---

стила съ честью и богатствами. Георгій уѣхалъ изъ Грузіи, и неизвѣстно гдѣ кончилъ жизнь. [illegible] герой для романа: *Новгородъ и Кавказъ* [illegible] *скаго и Царица Грузіи* — какія [illegible]ныя сбл[illegible]нія! (См. *Историч. изображеніе* [illegible] Спб.

шій въ своемъ родѣ!» говорили Михаилу послы. «Если Суздальцы и Ростовцы измѣнять, мы умремъ за тебя!» — Михаилъ былъ боленъ; но дружески простился съ Святославомъ Черниговскимъ, взялъ сына его Владиміра, брата своего Всеволода Георгіевича, и отправился. Ярополкъ не смѣлъ дожидаться его во Владимірѣ, и когда Михаилъ, больной, несомый на носилкахъ, отправился изъ Москвы во Владиміръ, съ малою дружиною, Ярополкъ хотѣлъ напасть на него въ дорогѣ, ошибся путемъ, разошелся въ лѣсахъ, и узналъ, что Михаилъ уже далеко впереди. Догоняя его, Ярополкъ послалъ гонца въ Ростовъ, чтобы Мстиславъ перерѣзалъ Михаилу дорогу. Легкомысленный Мстиславъ поскакалъ налегкѣ, какъ будто на заячью травлю, и только въ пяти верстахъ отъ Владиміра встрѣтилъ Михаила. Всеволодъ Георгіевичъ обратилъ на него дружину, сталъ крѣпко, и заставилъ Мстислава бѣжать. Мстиславъ не смѣлъ ѣхать въ Ростовъ, и бросился къ сыну въ Новгородъ, а Ярополкъ ускакалъ въ Рязань къ Глѣбу. Михаилъ внесенъ былъ съ торжествомъ во Владиміръ, велъ плѣнныхъ, захватилъ мать и женъ обоихъ Ростиславичей: его встрѣтили съ Крестами и Иконами (70).

---

(70) О Мстиславѣ: «Вѣсть пріиде ему въ субботу, и [illegible] дружинѣ [illegible]ра, и поѣха съ Суждаля борзо, яко же [illegible] заецъ (*Кен. спис.* рук. л. 219).

Прежде всего Михаилъ изгналъ чуждыхъ бояръ, возвратилъ все отнятое у церквей, и сверхъ того далъ богатые вклады. Вскорѣ явились къ нему Суздальцы и Ростовцы. «Не держи на насъ лихаго сердца,» говорили они, «не мы были съ Мстиславомъ противъ тебя, а были наши бояре; поѣзжай къ намъ!» — Михаилъ простилъ всѣхъ, поѣхалъ въ Суздаль, Ростовъ, вездѣ принялъ присягу, отдалъ въ удѣлъ Всеволоду Переяславль, и велѣлъ сбираться ратной дружинѣ къ Москвѣ, желая наказать строптиваго Глѣба. Но Глѣбъ не смѣлъ уже противиться; прислалъ къ Михаилу въ Москву пословъ, велѣлъ кланяться, просить прощенія, признавалъ себя виноватымъ, обѣщалъ возвратить все имъ взятое, и не помогать шурьямъ. Михаилъ помирился съ нимъ, и вскорѣ Владимірцы радостно встрѣтили святыню своего города — славную Икону Богоматери. Глѣбъ возвратилъ все, даже книги, увезенныя имъ въ Рязань.

Михаилъ былъ сердечно доволенъ, что могъ избѣжать кровопролитія. Болѣзнь его продолжалась, и 20 Іюня 1177 года, добрый Князь скончался. Всеволодъ былъ тогда при немъ. Михаила положили въ церкви Золотоверхой, гдѣ уже два года покоился братъ его Андрей.

ГЛАВА II.

Отъ чего, почти всегда, происходило на Руси такъ, что преемникъ Князя встрѣчалъ затрудненія на новомъ поприщѣ своемъ, и долженъ былъ бороться со множествомъ препятствій; потомъ все затихало: княженіе его входило въ рядъ обыкновенныхъ событій, и новое движеніе опять начиналось съ его преемникомъ?

Такъ всегда бываетъ въ обществѣ полуобразованномъ, и, слѣдственно, смѣшенномъ, нестройномъ. Права взаимныя были на Руси неопредѣленны, измѣнялись; частная воля нарушала ихъ, а разныя части общества дѣйствовали каждая въ свою пользу: вельможи, народъ, угнетенные властію и невѣрующіе въ продолжительную будущность оной, при появленіи новаго повелителя, испытывали сего новаго борца: все, что успѣвали они вырвать у него, было выигрышемъ для нихъ, а *проиграть* могли они и безъ сопротивленія. Въ сей борьбѣ, болѣе мощный, болѣе сильный умомъ, поборалъ, и если этотъ болѣе мощный, болѣе сильный былъ *Князь*, то его владычество могло продолжать-

ся безъ дальнѣйшаго сопротивленія подвластныхъ до его смерти. Наслѣдникъ опять дѣлался человѣкомъ, долженствовавшимъ бороться.

Такимъ порядкомъ дѣлъ пользовались Князья, другъ противъ друга. Зная сей порядокъ дѣлъ, Князь Черниговскій и Князь Рязанскій, послѣ смерти Андрея, употребили орудіемъ хитрыхъ замысловъ своихъ дѣтей Ростислава. Князь Черниговскій разстроилъ партію Рязанскую, думая, что болѣе можетъ выиграть подкрѣпленіемъ Михаила. Рязанскій Князь уступилъ. Смерть Михаила снова открыла способы дѣйствовать. Съ любопытствомъ обратились взоры современниковъ на Владиміръ.

Тамъ прежде всего возобновились несогласія и распри о преимуществахъ между Ростовомъ и Владиміромъ, какъ было уже это по кончинѣ Андрея. Владимірцы, немедленно послѣ погребенія Михаилова, собрались у Золотыхъ своихъ воротъ, выбрали Княземъ *Всеволода Георгіевича* и присягнули ему въ вѣрности. Въ Ростовѣ было избраніе совсѣмъ другое: тамъ бояре, между коими находился и старый воевода Андрея Борисъ Жидиславичъ, избрали Мстислава Ростиславича, жившаго тогда въ Новгородѣ, присягнули ему и звали его въ Ростовъ, говоря: «Михаила нѣтъ, а безъ него ты нашъ Князь: на живаго Князя не хотимъ дру-

гаго (71)».— Мстиславъ поспѣшно пріѣхалъ, благодарилъ бояръ, собралъ дружину, и готовъ былъ гнать Всеволода изъ Владиміра. Всеволодъ вооружился, выступилъ, но хотѣлъ мира. «Если тебя выбрала *старѣйшая дружина*, я не оспориваю твоего права,» говорилъ Всеволодъ; «подѣлимся: возьми Ростовъ, я беру Владиміръ, а Суздальцы пусть выбираютъ изъ насъ любаго.» Мстиславъ соглашался; но онъ былъ во власти бояръ. «Не хотимъ мира со Всеволодомъ!» отвѣчали бояре, особенно Добрыня Долгій и Матвѣй Бутовичъ. «Мирись, но мы отъ тебя отступимся.» Мстиславъ отказался отъ переговоровъ. Всеволодъ посовѣтовался съ своею дружиною, сождалъ Переяславцевъ, и разбилъ Мстислава и Ростовцевъ близъ Липецъ, на рѣкѣ Кзѣ (72). Мстиславъ обратился въ Новгородъ.

Кажется, что послѣ смерти Михаила вообще шли большіе переговоры, ибо Липецкое сра-

---

(71) «Михалка Богъ поялъ на Волзѣ, на Городцѣ, а мы хочемъ тебѣ, а иного не хочемъ на живаго Князя» (*Кен. сп.* 263.).

(72) Битва была 27 Іюля 1176 года. Мѣста, гдѣ она происходила, достопамятны тѣмъ, что черезъ сорокъ лѣтъ потомъ (Апрѣля 21 дня 1216 года) на нихъ былъ бой Мстислава Удалаго съ дѣтьми Всеволода. *Кза*, рѣчка, впадающая въ Колокшу подъ самымъ Юрьевомъ-Польскимъ; *Колокша* впадаетъ въ Клязьму, съ сѣверной стороны.

женіе дано было 27 Іюля, слѣдовательно, *болѣе мѣсяца* не было рѣшительныхъ дѣйствій. Въ переговорахъ участвовали: Князь Черниговскій, Князь Рязанскій, и Новгородъ. Слѣдствія переговоровъ были слѣдующія:

Новгородцы не только не пустили къ себѣ Мстислава, но выгнали и Святослава, сына его. Мстиславъ унижался, просилъ. «Нѣтъ!» отвѣчало вѣче, «*ты ударилъ пятою въ Новгородъ* — иди-же отъ насъ! Когда ты послушался Ростовцевъ и шелъ на дядю, мы простили тебя, а когда Богъ взялъ дядю твоего, мы тебя приняли. Ростовцы подбили тебя на другаго дядю; Богъ разсудилъ тебя съ нимъ; пусть-же теперь Ростовцы тебя принимаютъ (73).» Новогородцы послали ко Всеволоду Георгіевичу, и отъ него просили себѣ Князя. Всеволодъ послалъ имъ племянника своего, Ярослава Мстиславича, *Краснаго* (74). Новгородцы такъ были довольны ласкою Всеволода, что услышавъ о вооруженіи на него Рязанскаго Князя, просили Всеволода не воевать безъ нихъ, и позволить «Новгородскимъ сынамъ идти съ нимъ за одно (75).»

---

(73) Кен. сп. стр. 265.

(74) Надобно вспомнить, что *красный* значило: *красивый*, *прекрасный*.

(75) Кен. сп. стр. 265.

Князь Рязанскій видѣлъ не успѣхъ Мстислава, но рѣшился помогать ему. Въ Рязань сбѣжались тогда бояре Ростовскіе, прибѣжалъ и Мстиславъ изъ Новгорода. Глѣбъ не испугался ни изгнанія Мстислава изъ Новгорода, ни вооруженія Всеволодова, ни союза его съ Черниговскимъ Княземъ, который послалъ уже войско, съ двумя своими сыновьями, ко Всеволоду. Осенью 1177 г. Глѣбъ выжегъ Москву и ушелъ въ Рязань, слыша, что Всеволодъ идетъ на него. Онъ думалъ предупредить противника дерзкимъ ударомъ, и Всеволодъ, дошедъ до Коломны, услышалъ, что Глѣбъ, набравъ Половцевъ, съ обоими Ростиславичами и съ Ростовскими мятежниками, перенесъ войну въ Суздальскую область, и находится уже близъ Владиміра. Предпріятіе Глѣба было придумано хорошо, но исполнено плохо. Онъ ожесточилъ сердца жителей, дозволивъ Половцамъ грабить и жечь; народъ съ ужасомъ увидѣлъ раззореніе бывшаго любимаго мѣстопребыванія Андреева, Боголюбова: варвары ограбили даже великолѣпную тамошнюю церковь, выбили въ ней окна, двери, ободрали и изрубили иконы. Всеволодъ быстро повернулъ назадъ и въ заморозы сталъ на Колокшѣ (76). Глѣбъ и его спутники были на другой

---

(76) См. выше, пр. 72. «Нельзя бѣ прейти рѣки за *твердью*» (Кен. сп. стр. 266).

сторонѣ рѣки. Цѣлый мѣсяцъ стояли войска одно противъ другаго, неподвижно, ибо Колокша не замерзала. На масляницѣ рѣка стала, и Всеволодъ велѣлъ обозу своему переѣзжать черезъ рѣку, съ малымъ прикрытіемъ. Воины Глѣба бросились грабить обозъ. Всеволодъ ударилъ на безпорядочное войско Глѣба: оно мгновенно побѣжало. Самъ Глѣбъ, сынъ его Романъ, Мстиславъ Ростиславичъ, старикъ Борисъ Жидиславичъ, смутникъ Рязанскій бояринъ Дѣдилецъ, были полонены и приведены во Владиміръ. Спасся только одинъ Ярополкъ Ростиславичъ. Всеволодъ полагалъ, что онъ ушелъ въ Рязань, и послалъ туда, требуя сего Князя. Испуганные Рязанцы схватили Ярополка въ Воронежѣ (77) и сами привезли его во Владиміръ.

Тогда въ первый разъ Всеволодъ показалъ истинный свой характеръ. Плѣнниковъ своихъ обрекъ онъ ужасному мщенію. Глѣбу предложили отрѣченіе отъ Рязанскаго Княжества, или вѣчную тюрьму. « Лучше умереть въ тюрьмѣ! » отвѣчалъ Глѣбъ, и 31 Іюля, черезъ пять мѣсяцевъ послѣ битвы Колокшинской, его нашли

---

(77) *Воронежъ*, на рѣкѣ Воронежѣ, отъ Рязани въ 390, отъ Курска, прямымъ путемъ, въ 200 верстахъ. Рѣка Воронежъ впадаетъ въ Донъ, въ 15-ти верстахъ отъ города Воронежа.

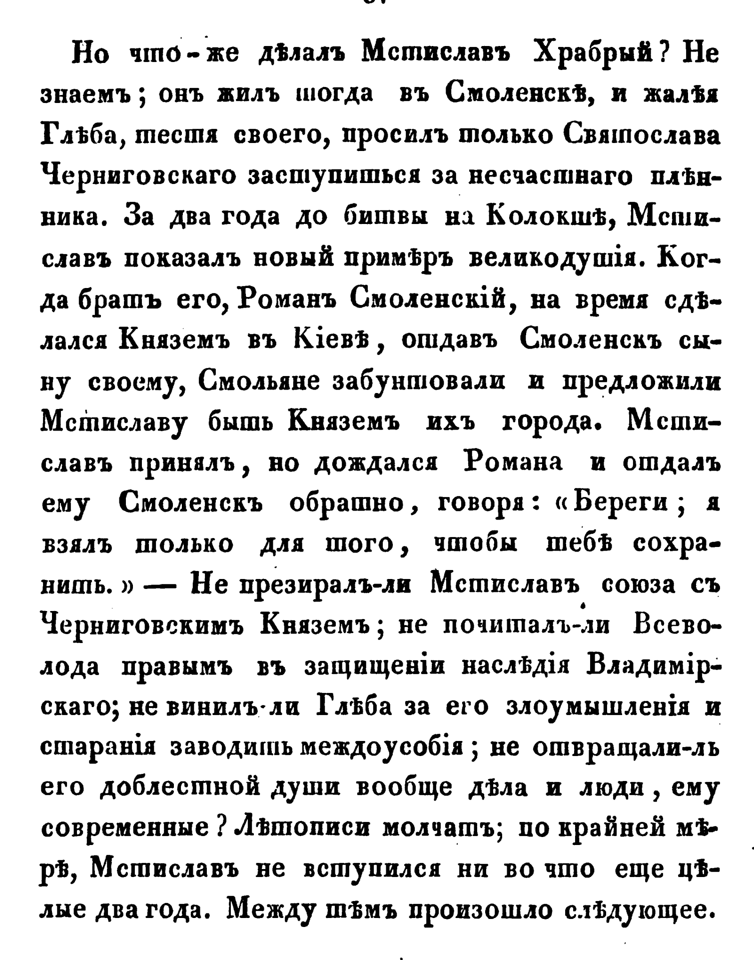
мершваго въ шемницѣ. . . (78) Участь другихъ полоненниковъ была рѣшена гораздо ранѣе : Мстиславу и Яропол ку Ростиславичамъ *вырѣзали глаза* (79), и отправили ихъ въ южную Русь . . . Романъ, сынъ Глѣба, билъ челóмъ Всеволоду: онъ отпустилъ его въ Рязань, какъ удѣльнаго Князя, и объявилъ себя *Великимъ Княземъ*, по примѣру Андрея Георгіевича. Участь несчастныхъ Ростовскихъ боярь осталась для насъ неизвѣстною. Все покорилось Всеволоду (80).

---

(78) «Мертвъ бысть» *Кіевск. лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, прим. 51).Кен. списокъ дополняемъ былъ приверженцемъ Всеволода (объ этомъ мы уже говорили), и потому, описавъ мятежъ Владимірцевъ, требовавшихъ смерти, или ослѣпленія плѣнныхъ Князей, лѣтописецъ молчитъ о жестокости, противъ нихъ употребленной. Карамзинъ говоритъ, что Князей *ослѣпилъ народъ*, но не приводитъ никакихъ свидѣтельствъ на коихъ онъ основывается, а въ лѣтописяхъ, или молчатъ объ ослѣпленіи, или обвиняютъ въ ономъ Всеволода. Слова Карамзина о смерти Глѣба — забавны (*Ист. Г. Р.* т. III, стр. 49)! Новгородскій Лѣт. говоритъ, что Глѣбъ именно умеръ въ *тюрьмѣ* (въ порубѣ).

(79) *Новг. лѣтоп.* стр. 42, 43. — Татищевъ объяснялъ, что имъ только надрѣзали кожу надъ глазами. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ утвердительно, что Князья *были ослѣплены, и глаза у нихъ гнили;* Мстиславъ послѣ того прозванъ былъ: *Безокій.*

(80) Кен. спис. стр. 268.

Но что-же дѣлалъ Мстиславъ Храбрый? Не знаемъ; онъ жилъ тогда въ Смоленскѣ, и жалѣя Глѣба, тестя своего, просилъ только Святослава Черниговскаго заступиться за несчастнаго плѣнника. За два года до битвы на Колокшѣ, Мстиславъ показалъ новый примѣръ великодушія. Когда братъ его, Романъ Смоленскій, на время сдѣлался Княземъ въ Кіевѣ, отдавъ Смоленскъ сыну своему, Смольяне забунтовали и предложили Мстиславу быть Княземъ ихъ города. Мстиславъ принялъ, но дождался Романа и отдалъ ему Смоленскъ обратно, говоря: «Береги; я взялъ только для того, чтобы тебѣ сохранить.» — Не презиралъ-ли Мстиславъ союза съ Черниговскимъ Княземъ; не почиталъ-ли Всеволода правымъ въ защищеніи наслѣдія Владимірскаго; не винилъ-ли Глѣба за его злоумышленія и старанія заводить междоусобія; не отвращали-ль его доблестной души вообще дѣла и люди, ему современные? Лѣтописи молчатъ; по крайней мѣрѣ, Мстиславъ не вступился ни во что еще цѣлые два года. Между тѣмъ произошло слѣдующее.

Сдѣлалось странное чудо, по крайней мѣрѣ произошло событіе, для насъ неизъяснимое. Два несчастные брата-слѣпца, наказанные столь жестоко Всеволодомъ, отправлены были въ Южную Русь черезъ Смоленскъ. Остановясь на Смядыни, они усердно молились въ церкви Св. Бориса

и Глѣба, и вдругъ *прозрѣли*! Исцѣленные вышли они, славя Бога и Святыхъ Помощниковъ, предковъ своихъ. Народъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на угодившихъ Богу; молва о чудѣ разнеслась повсюду (81).

Новгородцы, столь усердные ко Всеволоду, въ это время уже не любили его. Вѣроятно, они увидѣли опасность, грозившую вольному городу ихъ отъ самовластія Всеволодова. Узнавъ объ исцѣленіи Мстислава и Ярополка, Новгородцы съ честію прислали звать ихъ къ себѣ. Князья явились. Мстислава объявили Княземъ Новгородскимъ; Ярополка Краснаго послали въ Волоколамскъ (82). Принять бѣдствовавшихъ племянниковъ, значило враждовать со Всеволодомъ. Онъ потребовалъ немедленнаго изгнанія Князей; посланные застали Мстислава уже во гробѣ: онъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ въ Новгородъ (20 Апрѣля, 1178 г.), и братъ его Ярополкъ княжилъ тогда въ Новгородѣ, пере-

---

(81) «Спостиже я Божія благодать, и Святыя Владычицы нашея, Богородицы, и Святую новоявленную мученику Бориса и Глѣба, и ту прозрѣста.» (*Новг. Лѣт.* стр. 43).

(82) См. т. I, пр. 112. — *Волокъ Ламскій* былъ отъ Ламы, впадающей въ Шошу, до рѣки Рузы, впадающей въ Москву рѣку. Городъ Волоколамскъ находится на рѣкѣ Ламѣ, въ 101 верстѣ отъ города Москвы.

веденный Новгородцами изъ Торжка. Вѣче не хотѣло слушать требованій Всеволода. Всеволодъ разсердился, захватилъ гостей Новгородскихъ, бывшихъ въ областяхъ его, бросилъ ихъ въ тюрьмы и готовилъ войско. Новгородцы рѣшились выслать Ярополка, но не хотѣли слушаться Всеволода. Вольный городъ обратился къ Князю Смоленскому, умолялъ его вступиться, и избавить отъ Суздальскаго самовластителя. Добрый Романъ Смоленскій колебался: рѣшеніе его должно было непремѣнно завести новыя междоусобія. Въ это время Всеволодъ двинулся къ Торжку и обложилъ его. Торжковцы требовали переговора. «Развѣ мы цѣловаться съ ними пріѣхали?» закричали дружины Всеволодовы. «Они давали уже обѣщаніе именемъ Божіимъ, и обманули Бога и Князя нашего.» Всеволодъ согласился съ ними. Воины *толкнули въ кони*, завладѣли беззащитнымъ Торжкомъ, забрали въ плѣнъ мужей, женъ, дѣтей, и сожгли городъ до основанія. Отославъ плѣнныхъ во Владиміръ, Всеволодъ *пустилъ на воропъ* къ Волоколамску, и видя, что жители разбѣжались, сжегъ городъ, захватилъ Ярослава Краснаго, и возвратился успокоиться во Владиміръ. На другой годъ, онъ вмѣшался въ споръ Рязанскихъ Князей. Дѣти Глѣба: Романъ, Игорь, Владиміръ, Всеволодъ и Святославъ, дѣлили наслѣдіе и ссорились; два старшіе и младшій обижали среднихъ. Сіи Князья

просили защиты у Всеволода: «Ты нашъ господинъ и отецъ!» говорили они; «вступись: старшій братъ обижаетъ насъ!» Всеволодъ вступился за покорныхъ Князей и пошелъ къ Рязани, не боясь, что Святославъ Черниговскій, тесть Романа Глѣбовича, вмѣшался въ споръ его съ братьями и помогалъ ему. Всеволодъ засталъ въ Коломнѣ (83) сына Князя Черниговскаго, захватилъ его въ плѣнъ и послалъ во Владиміръ. Романъ Глѣбовичъ хотѣлъ было противиться, доходило до битвы, но сила была неравна; Всеволодъ раздѣлилъ Рязанскимъ Князьямъ удѣлы, и возвратился готовиться на новыя битвы, ибо Новгородъ съ одной, Черниговъ съ другой стороны становились для него непріятелями значительными.

Лѣтописцы Владимірскіе, описывая сожженіе Торжка и Волоколамска, жестоко бранятъ клятвопреступниковъ Новгородцевъ. «Горе преступающимъ клятву!» говорятъ они; «за неправду Новгородскую погибъ Торжокъ. Сбылось слово Пророческое: напрасно поражалъ я васъ различными казнями, стеръ винограды ваши, нивы и дубравы: злобы вашей не могъ я стереть. Но, помните, клянущіеся ложно, помните видѣніе

---

(83) *Коломна*, на Москвѣ рѣкѣ, во 100 верстахъ отъ города Москвы.

Пророка Захаріи: узрѣвъ огненный серпъ, съ небесъ нисходящій, Пророкъ вопросилъ: «на кого, Господи! послалъ Ты серпъ сей?» и Богъ отвѣщалъ: «на клянущихся именемъ моимъ и преступающихъ клятву!» — *Клятволюбецъ* потребленъ будетъ: таково слово Господне (84)!»

Это говорили Суздальцы; но Новгородъ не почиталъ себя виноватымъ, защищая права свои, и оскорбляясь поступками Князя, который набѣгомъ на беззащитныхъ жителей доказывалъ справедливость своихъ требованій. Мѣлкая война всего болѣе была страшна Новгороду, отнимая у него продовольствіе и прерызая торговыя занятія. Новгородцы искали Князя, которыйномужествовалъ бы съ ними, и рѣшился на борьбу важнѣйшую. Мы уже видѣли, что они обращались къ Ростиславичамъ. Романъ Смоленскій согласился наконецъ ѣхать въ Новгородъ. Но, добродушный и тихій, непривыкшій править шумнымъ вѣчемъ, неумѣвшій и раздумать, когда грозили сильные враги, онъ вскорѣ выѣхалъ изъ Новгорода.

Надобно было покориться Всеволоду, или обратиться къ Чернигову. На Волыни жилъ бывшій

---

(84) *Кен. спис.* рук. *листъ* 238. Тутъ Всеволодъ является не виноватымъ въ сожженіи Торжка и Волоколамска: все сдѣлали его воины. Но мы должны помнить сказанное выше о продолжателѣ Кенигсбергскаго списка, въ прим. 78-мъ.

защитникъ Новгорода, Романъ Мстиславичъ; будущіе поступки его пояснятъ, почему не потерпѣли его Новгородцы прежде, почему и теперь, по прошествіи десяти лѣтъ, не звали его. Вблизи отъ Новгорода, въ Смоленскѣ, жилъ Князь, подпора братьевъ и ужасъ враговъ: мы говоримъ о *Мстиславѣ Ростиславичѣ*. Новгородцы давно уже умоляли его не дать погибнуть вольному Новгороду, пожаловать къ нимъ и править ихъ землею. Мстиславъ не соглашался: онъ предвидѣлъ, что приметъ на себя тяжелое бремя. — Отдавъ Кіевъ Черниговскому Князю, не вступаясь въ дѣла Михаила и Всеволода, довольствуясь тѣмъ только, что гроза имени его составляла безопасность Смоленскихъ областей, Мстиславъ ничего не желалъ болѣе. «Нѣтъ!» всегда отвѣчалъ онъ Новгородцамъ, «не пойду я отъ братьевъ, и отъ своей отчины.» — А мы развѣ не отчина твоя будемъ? — отвѣчали Новгородцы, и умоляли снова. Наконецъ, осенью 1179 года, Мстиславъ согласился на моленіе Новгородцевъ, простился съ братьями, и пріѣхалъ въ Новгородъ 1-го Ноября. Радостно зашумѣлъ вольный городъ. Мстислава встрѣтили торжественно, съ крестами, иконами, привели въ Софійскую церковь, и съ восторгомъ слушали клятву его: блюсти и защищать Новгородъ. Скоро загремѣлъ голосъ Мстислава на вѣчѣ; собрались дружины: 20,000 воиновъ стали подъ хоругвь Князя. Всеволодъ

не смѣлъ уже ничего предпринять. Мстиславъ какъ будто хотѣлъ оживить духъ Новгородцевъ предуготовительною войною, и повелъ ихъ въ Чудскія земли; Чудь спасалась отъ него бѣгствомъ или покорялась (85). Остановясь потомъ во Псковѣ, Мстиславъ посадилъ тутъ Намѣстникомъ племянника своего Бориса Романовича, и провелъ остатокъ зимы и весну въ Новгородѣ, думая съ мужами Новгородскими о пользахъ новой своей отчизны. Весною положили походъ на Полоцкъ: Мстиславъ пріучалъ Новгородъ къ смѣлымъ дѣламъ воинскимъ, готовя важнѣйшее. Романъ началъ просить брата не раззорять Полоцка, ибо Князь Полоцкій готовъ былъ удовлетворить всѣ его требованія. Согласясь на убѣжденія брата, Мстиславъ возвратился въ Новгородъ, и сдѣлался боленъ. Скоро жестокая болѣзнь приковала его къ одру: окруженный дружиною храбрыхъ, чувствуя уже коснѣющій языкъ, онъ призвалъ супругу свою и трехъ юныхъ дѣтей, посмотрѣлъ на нихъ, тяжело вздохнулъ, слезы потекли изъ глазъ его. . . «Препоручаю ихъ добрымъ моимъ братьямъ,» сказалъ умирающій Князь, «берегите наипаче моего юнаго Владиміра. Борисъ Захарьичъ! тебѣ отдаю его

(85) Онъ воевалъ въ окрестностяхъ Очела. «И пожже всю землю ихъ (Чуди), а сами отбѣгоша къ морю, но и ту ихъ *до сыти каде* (Новг. Лѣт. стр. 44)

на руки (86)!» Всѣ окружавшіе Князя рыдали; вскорѣ возрыдалъ весь Новгородъ. Іюня 14-го 1180 г. Мстиславъ почилъ на вѣки. Его схоронили въ Софійскомъ соборѣ, и положили въ древнюю гробницу Владиміра Ярославича, основателя Софійскаго собора, памятнаго Новгородцамъ. — «Когда Мстиславъ преставился,» сказываетъ намъ Лѣтописецъ, «плакала вся земля Новгородская, а особливо мужи знаменитые. *Зачѣмъ не умерли мы съ тобою, Князь славный, съ тобою, сотворившимъ толикую свободу Новгороду! Теперь уже не ѣхать намъ воевать земли поганыхъ твоимъ копьемъ! Сколько разъ ты говаривалъ о будущихъ дѣлахъ твоихъ... И гдѣ-же ты? Зашло наше солнце!* Мстиславъ былъ средняго роста, прекрасенъ лицемъ. «Братья!» говаривалъ онъ дружинѣ, «не бойтесь умереть за отчизну; павшій въ битвѣ очищается отъ грѣховъ, а смерть обыкновенная легко въ грѣхахъ застать можетъ.» *Налюбезнивый* для дружины, онъ дѣлился съ нею, такъ, что и Черные Клобуки долго не могли позабыть *приголубленія* его (87).

---

(86) Вѣроятно, знаменитый какой нибудь Новгородецъ. Не сынъ-ли Захаріи Посадника, убитаго за преданность къ Ростиславичамъ, въ 1167 году? Борисъ Захарьевичъ, крѣпко помня завѣщаніе Мстислава, по кончинѣ его совершенно посвятилъ себя воспитанію Владиміра и братьевъ его. См. ниже, прим. 92.

(87) *Кіевская лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 54.)

Остановимся у гроба Мстислава Храбраго, отъ юности привыкшаго *бояться только Бога, и никого изъ смертныхъ* (88), остановимся, не плакать подобно современникамъ его, но сказать, что это былъ послѣдній Скандинавской крѣпости Князь Русскій. Все вокругъ него умалилось — духомъ, цѣлью жизни и страстями; періодъ развитія высшихъ силъ духа человѣческаго не могъ еще настать, а періодъ развитія грубой силы кончился съ нимъ на Руси. Отъ кончины его до появленія Монголовъ оставалось менѣе пятидесяти лѣтъ: сіи годы были годы разрушенія, совершеннаго паденія Русскихъ Княжествъ, и сыну Мстислава предоставлена была участь — оживить своего отца, но въ духѣ уже новаго поколѣнія, и оживить для того только, что-бы дожить до временъ глубокой тмы, временнаго несуществованія, или тяжкаго сна Руси, и плакать не о сыновьяхъ своихъ, но объ отчизнѣ, на грудахъ тѣлъ и костей! — Когда Мстиславъ Храбрый скончался, главными представителями Олегова и Мономахова рода остались *Святославъ Всеволодовичъ* и *Всеволодъ Георгіевичъ*. Родъ Ростислава Смоленскаго, потерявъ мужественнаго Мстислава, былъ уже незначителенъ.

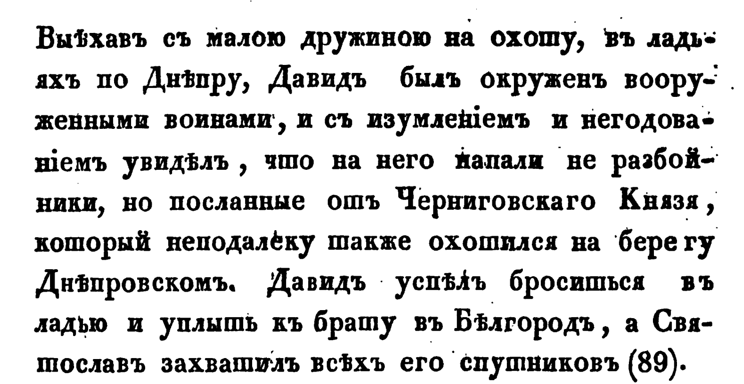
И Святославъ и Всеволодъ, какъ будто жда-

---

(88) См. выше, стр. 62. пр. 52.

ли кончины Мстислава. Немедленно началась взаимная борьба ихъ.: она не ознаменовалась ни одною замѣчательною чертою величія духа, и дѣйствовавшія лица только падали болѣе и болѣе къ бездушію, ничтожеству, грубымъ злодѣйствамъ первыхъ временъ Руси.

Мы видѣли, что дружба Всеволода съ Святославомъ была непродолжительна. Они почти поссорились за своевластіе Всеволода въ Рязани. Святославъ не предпринималъ однакожъ ничего рѣшительнаго: онъ собиралъ силы. Владѣя уже Кіевомъ и Черниговомъ, скоро подкрѣпленъ онъ былъ нечаянною кончиною Олега, Князя Сѣверскаго: будучи зятемъ одного изъ Ростиславичей, Олегъ постоянно держался ихъ стороны и ссорился съ Черниговскимъ Княземъ. Братья, Игорь и Всеволодъ, раздѣлили наслѣдіе послѣ Олега: Игорь взялъ Новгородъ Сѣверскій, Всеволодъ Курскъ; оба Князя повиновались Святославу, какъ *старшему изъ Олеговичей*. Чувствуя себя довольно сильнымъ, Святославъ спѣшилъ воспользоваться кончиною Мстислава Храбраго: онъ предложилъ Новгородцамъ сына своего, Владиміра. Новгородцы согласились, видя, можетъ быть, усиленіе Черниговскаго Князя. Всеволодъ собиралъ дружины и готовился къ войнѣ, а Святославъ вздумалъ изгнать Ростиславичей изъ Кіевскихъ областей: тамъ Давидъ мирно княжилъ въ Вышгородѣ, а Рурикъ въ Бѣлгородѣ.

Выѣхавъ съ малою дружиною на охошу, въ ладьяхъ по Днѣпру, Давидъ былъ окруженъ вооруженными воинами, и съ изумленіемъ и негодованіемъ увидѣлъ, что на него напали не разбойники, но посланные отъ Черниговскаго Князя, который неподалѣку шакже охошился на берегу Днѣпровскомъ. Давидъ успѣлъ бросишься въ ладью и уплышь къ брашу въ Бѣлгородъ, а Свяшославъ захвашилъ всѣхъ его спушниковъ (89).

Неловкое злодѣйство Свяшослава оскорбило Росшиславичей. Рурикъ выступилъ немедленно, занялъ Кіевъ, и звалъ къ себѣ Волынскихъ Князей. Давидъ поѣхалъ къ сшаршему брашу въ Смоленскъ. На пуши онъ услышалъ, что Романъ уже скончался. Онъ засшалъ Романа во гробѣ. Печальная вдова его сидѣла подлѣ гроба, плакала и говорила:« Князь мой крошкій! кому шворилъ шы зло въ жизнь свою!» (90) Сими словами и Исторія можешъ означишь добраго сына Росшиславова. Давидъ принялъ Смоленскъ; къ Рурику пришли не шолько Волынцы, но и Галичане:

---

(89) Слова Свяшослава при семъ случаѣ: «Я мъсшился быхъ Всеволоду, но не лзѣ Росшиславичи (*мѣшаютъ Ростиславичи*), и ши мнѣ во всемъ пакосшяшъ въ Русской земли, а въ Володимери племени кшо ми ближній, шошъ добръ (кому ближе мсшишь, шошъ и хорошъ).» *Кіевск. Лѣт.* (Исш. Г. Р. ш. III, пр. 58).

(90) Кіевск. Лѣш. idem.

Ярославъ Галицкій, другъ Ростиславичей, охотно послалъ свои дружины. Но Рурикъ не хотѣлъ начинать битвы, и только былъ на сторожѣ противъ Черниговскаго Князя. Не успѣвъ измѣннически захватить Давида, Святославъ пріѣхалъ въ Черниговъ, собралъ Олеговичей, и жаловался, что необходимость велитъ ему начинать войну. «Начнемъ,» отвѣчалъ Игорь Новгородъ-Сѣверскій, «но кто причиною? Впрочемъ, не наше дѣло разбирать: мы тебѣ повинуемся, какъ отцу.» — Куда-же идти? спрашивалъ Святославъ — «къ Смоленску или къ Кіеву?» Все это предоставили ему на волю. «И такъ,» говорилъ Святославъ, «Ярославъ съ Игоремъ пусть берегутъ Черниговъ, а я пойду къ Суздалю со Всеволодомъ.» Взявъ половину Половцевъ, Святославъ спѣшилъ соединиться съ Новгородцами, которыхъ сынъ его велъ изъ Новгорода: они сошлись на устьѣ Тверцы, пошли по берегамъ Волги, *положили всю Волгу пусту и города всѣ пожгли.* Не доходя 40 верстъ до Переяславля Залѣсскаго, Святославъ остановился: Всеволодъ двинулся на встрѣчу ему, собравъ Суздальскія, Рязанскія и Муромскія дружины. Два враждебныя воинства стали на рѣкѣ Вленѣ (91), одно по одну, другое по другую

(91) Вѣроятно, *Вели*, рѣкѣ, впадающей въ Дубну, и составляющей нынѣшнюю границу между Московскою и Владимірскою губерніями, отъ впаденія въ Дуб-

сторону. Чѣмъ-же рѣшилось сближеніе Сѣвера и Юга Руси въ грозныхъ ополченіяхъ?

Ничѣмъ! Стоя въ неприступномъ мѣстѣ, на крутоберегой Вленѣ, между горами и пропастями, Всеволодъ ждалъ Черниговскаго Князя, и хотѣлъ принудить его къ нападенію на крѣпкое становище Суздальцевъ. Воины Всеволодовы выбѣгали, дразнили воиновъ Святослава, и прятались, когда доходило до драки. Напрасно Святославъ, не смотря на старость свою, болѣе Всеволода пылкій, посылалъ къ нему, вызывая на битву и приказывая сказать: «Ты меня оскорбилъ: заплатилъ мнѣ неблагодарностью за добро, и захватилъ моего сына. Хотя ты и младшій меня, я пришелъ: иди на судъ Божій, сразимся!» — Всеволодъ упорно молчалъ и не трогался. Видя опасность дальнѣйшаго медленія, Святославъ отступилъ, сжегъ Дмитровъ, и пошелъ въ походъ, но не къ Чернигову, а къ Новгороду. Всеволодъ Георгіевичъ возвратился во Владиміръ,

---

ну до сближенія истоковъ Вели съ истоками рѣки Торгоши, впадающей въ Ворю, которая пересѣкаетъ дорогу Ростовскую между Талицами и Воздвиженскимъ. — Вотъ случай узнать голоса двухъ противныхъ партій: *Кен. списокъ*: «Всеволодъ, благосердъ сый, не хотя крови проліяти, не ѣха нань. — *Новг. Лѣтописецъ*: «Богъ своею милостію крови не пролья крестьянстей; слипали-бо ся, но бяху на малѣ часу.»

не преслѣдовалъ Святослава, ждалъ, что будетъ.

Новгородцы обрадовались приходу Святослава, величали его побѣдителемъ, и снова охотно дали ему свои дружины. Святославъ привелъ съ собою Ярополка Ростиславича, столь чудесно прозрѣвшаго въ 1177-мъ году, и, съ согласія Новгородцевъ, посадилъ его въ Торжкѣ. Святославъ думалъ, что прошлогодняго похода и осторожности довольно для удержанія Всеволода Георгіевича; онъ выступилъ громить Ростиславичей. По его повелѣнію двинулись къ Полоцку изъ южной Руси дружины Черниговскія, Сѣверскія и наемные Половцы. Князья Полоцкіе пристали къ Святославу, всѣ кромѣ Князя Друцкаго. Приготовленія были велики, ибо Святославъ пришелъ изъ Новгорода также съ войскомъ. Ростиславичи конечно знали, что Богъ не далъ Святославу доблести воинской; Давидъ выѣхалъ изъ Смоленска къ Друцку и ждалъ его; Рурикъ оставилъ Кіевъ и затворился въ Бѣлгородѣ. Святославъ сжегъ предмѣстія Друцка, не смѣлъ сражаться съ Ростиславичами, провелъ свое войско въ Кіевъ и былъ доволенъ. Рурикъ разбилъ часть Половцевъ, его союзниковъ (92), и предложилъ

---

(92) Битвы сіи были незначительны; но онѣ замѣчательны тѣмъ, что въ нихъ участвовалъ Борисъ Захарьевичъ, предводительствуя Трепольскимъ пол-

ему миръ. Въ это время Новгородцы отреклись отъ Олеговичей, и выгнали отъ себя Святославова сына. Ихъ принудили къ тому военныя движенія Всеволода. Раздраженный тѣмъ, что старый врагъ его, Ярополкъ, княжитъ въ Торжкѣ, Всеволодъ напалъ на него, цѣлый мѣсяцъ осаждалъ, голодомъ принудилъ Торжковцевъ сдаться, и въ другой разъ выжегъ сей несчастный городъ (93). Жителей увели во Владиміръ; Ярополкъ, раненый, былъ закованъ въ цѣпи и также увезенъ Всеволодомъ. Видя, что Святославъ ушелъ въ Кіевъ, и не заботится объ участи Новгородцевъ, что онъ только начинаетъ грозно, а не оканчиваетъ, Новгородъ предложилъ миръ Всеволоду и отрекся отъ Святослава. Всеволодъ радъ былъ кончить четырехъ-лѣтнюю вражду съ Новгородомъ, послалъ туда Князя Ярослава Владиміровича, и отпустилъ плѣнныхъ Торжковцевъ.

Тогда помирился и Святославъ съ Ростиславичами. Онъ требовалъ—*только Кіева*. Рурикъ

комъ. Онъ жилъ въ Треполѣ съ дѣтьми Мстислава Ростиславича, и былъ ихъ пѣстуномъ, или дядькою. Треполь былъ отданъ дядями симъ знаменитымъ сиротамъ.

(93) «Изнемогаше во градѣ, зане не бяше имъ корма, друзіи-бо и конину ядяху, и устрѣлиша Князя Ярополка, и бѣ имъ бѣда велика.» (*Новг. Лѣт.* стр. 46).

согласился; Кіевъ снова отдали Святославу. Переяславлемъ продолжалъ владѣть родъ Глѣба Георгіевича. Волынь была во владѣніи дѣтей Мстислава и Ярослава Изяславичей. Рурикъ владѣлъ Вышгородомъ и Бѣлгородомъ. Примирясь съ Ростиславичами, Святославъ помирился и съ Всеволодомъ Георгіевичемъ. Всеволодъ отпустилъ сына Святославова, отпустилъ и Ярополка Ростиславича.

Слѣдующіе за тѣмъ семнадцать лѣтъ не представляютъ намъ никакого *общаго* событія: все было раздѣлено, все было частно; связь Русскихъ княжествъ* растерглась совершенно. Погодное повѣствованіе о событіяхъ въ разныхъ мѣстахъ Руси было-бы сбивчиво, и не давало-бы надлежащаго понятія. Представимъ общій обзоръ политическихъ отношеній въ сіи годы, и опишемъ событія отдѣльно, какъ отдѣльно происходили они.

Всеволодъ былъ сильнѣйшимъ изъ Князей въ Сѣверной Руси: владѣя *Суздальскою*, или Владимірскою, областью, имѣя подъ рукою *Новгородъ*, (тѣмъ болѣе прочный ему, что Новгородцы опытомъ узнали непрочность покровительства Святославова, а кромѣ Святослава и Всеволода не куда уже было имъ обратиться), Всеволодъ Георгіевичъ былъ покровителемъ *Смоленскаго*, *Вышгородскаго* и *Переяславскаго* Князей. Такимъ образомъ, онъ соединилъ подъ свое владычество всѣ прежніе удѣлы Мономахова рода, весь правый

берегъ Днѣпра до южныхъ границъ Руси, и еще болѣе, ибо Полоцкъ повиновался волѣ Смоленскаго Князя, а Рязань была въ совершенной зависимости отъ Всеволода.

Святославъ былъ гораздо слабѣе Всеволода, ибо только *Черниговъ, Новгородъ-Сѣверскій* и *Посемье* повиновались ему, подвластныя потомкамъ Олеговымъ. Владѣніе Кіевомъ давало Святославу только суетный титулъ *Кіевскаго Князя:* малый округъ земли составлялъ все пространство владѣній древней знаменитой столицы. Но Святославъ казался на югѣ Руси Государемъ сильнымъ; онъ былъ крѣпокъ дружбою, соединявшею Олеговичей, родныхъ и двоюродныхъ его братьевъ; нерѣшительнымъ характеромъ Всеволода; недовѣрчивостью потомковъ Мономаха другъ къ другу; Половцами, которыхъ никогда не совѣстился нанимать во время войны, хотя при первомъ мирѣ ходилъ разбивать ихъ вежи. Наконецъ, хитрая уклончивая политика Святослава, и старость, внушавшая уваженіе къ нему Князьямъ, юнѣйшимъ его лѣтами, были также его опорами.

Словомъ: Всеволодъ и Святославъ считали себя *старшими въ числѣ Русскихъ Князей*, берегли другъ друга, заключали взаимные брачные союзы и уступали другъ другу взаимно. Сынъ Глѣба, внукъ Святослава, женился на Княжнѣ Ясской, своячинѣ Всеволода, а дочь Рурика Ростиславича выдана была за самого Глѣба; племянникъ Свя-

тослава женился на дочери Всеволода Георгіевича. Святославъ былъ и съ другихъ сторонъ въ родствѣ знаменитомъ: сынъ его, Всеволодъ Рыжій, женился на дочери Польскаго Короля Казиміра; дочь Глѣба Святославича выдана была за сына Греческаго Императора (94).

Важнѣйшую уступку Святослава Всеволоду составляла Рязань. Сіе княжество Олегова рода беззащитно предано было отъ него волѣ Всеволода. Святославъ такъ тщательно соблюдалъ въ семъ случаѣ свою систему уступчивости, что споря съ Рязанскими Князьями о границахъ, и думая воевать, спросился прежде у Всеволода, и когда тотъ не изъявилъ согласія, Святославъ перестаʌъ спорить и уступилъ Рязанцамъ (95).

---

(94) «Ожени два сына, за Глѣба поя Рюриковну, а за Мстислава *Ясыню*, Всеволожу *свѣсть* (своячину); бысть-же бракъ великъ (*Кіевск. Лѣт.* Ист. Г. Р. т. III, пр. 62).» — Всеволодъ былъ женатъ на Ясской или Кавказской Княжнѣ. — На дочери Всеволода, Всеславѣ, женился Ростиславъ, сынъ Ярослава. — О Польской Княжнѣ, женѣ Всеволода Рыжаго, см. *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 90); она черезъ годъ умерла, передъ кончиною принявъ схиму. — О супружествѣ Евфиміи Глѣбовны, см. *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 89).

(95) «Бяше имъ рѣчь про волость, и послашась ко Всеволоду въ Суздаль, просячися у него на Рязань (въ 1194 г.). Всеволодъ-же воли ихъ не створи, и возвратися (*Кіевск. Лѣт.* Ист. Г. Р. т. III, пр. 89).

Пользуясь такими обстоятельствами, Всеволодъ тяготилъ и ничтожилъ Князей Рязанскихъ, какъ будто боясь, чтобы новый Глѣбъ не явился въ Рязани; какъ будто предвидя, что Рязань будетъ однимъ изъ сильныхъ препятствій возвышенію потомковъ его.

Несчастное междоусобіе Рязанскихъ Князей давало ему всѣ средства. Мы видѣли уже, что пятеро сыновей Глѣба составляли *двѣ* враждебныя партіи: Всеволодъ и Святославъ Глѣбовичи рабски кланялись и служили Всеволоду Георгіевичу; Романъ, Игорь и Владиміръ, напротивъ, искали средствъ избавиться отъ его власти. Не прошло и семи лѣтъ послѣ 1180 года, когда Всеволодъ Георгіевичъ мирилъ ихъ оружіемъ, ссора между братьями возобновилась. Романъ, Игорь и Владиміръ соединились снова. Они осадили Святослава Глѣбовича въ Пронскѣ, пока Всеволодъ велъ къ нему помощь изъ Владиміра. Въ Пронскѣ свирѣпствовалъ голодъ. «Чего-же ты ждешь?» говорили братья Святославу. «Или хочешь переморить народъ? Мы тебѣ родные, мы не съѣдимъ тебя; соединись только съ нами!» — Святославъ, утѣсненный и оробѣвшій, сдалъ Пронскъ; соперники его взяли въ плѣнъ и Суздальскую дружину, бывшую въ Пронскѣ. Услышавъ о семъ, Всеволодъ грозно потребовалъ своей дружины и стращалъ ужаснымъ мщеніемъ. «Ты выбилъ ее у меня челомъ,» говорилъ онъ Святославу. «Самъ ты началъ рать,

и я былъ съ тобою ратенъ; за что-же терплю позоръ?» Романъ испугался, послалъ во Владиміръ плѣнниковъ и говорилъ Всеволоду: «Ты отецъ, ты господинъ, ты братъ! Если потребуешь, мы сложимъ за тебя свои головы; можемъ-ли сражаться съ тобою? Кланяемся тебѣ, и мужей твоихъ отпускаемъ.» Всеволодъ былъ доволенъ, мирилъ братьевъ, а между тѣмъ жегъ Рязанскую область, говоря: «брань славная лучше мира студнаго (96)!»

Наученные симъ новымъ опытомъ, Князья Рязанскіе жили мирно. Прошло двадцать лѣтъ; осталось изъ пяти братьевъ только двое: Романъ и Святославъ. Дѣти Владиміра, Олегъ и Глѣбъ, возстали на дядей, оклеветали ихъ передъ Всеволодомъ, и призывали его въ Рязань. Въ 1207 году, сильное войско Всеволодово выступило къ Рязани. Всеволодъ скрывалъ свое тайное намѣреніе, можетъ быть, опасаясь отчаяннаго сопротивленія. Онъ употребилъ хи-

(96) Посредникомъ былъ Епископъ Черниговскій Порфирій, но онъ хотѣлъ болѣе добра Рязанскимъ Князьямъ, и «рѣчи извороча, не яко святительски, но яко перевѣтникъ и *ложь*, и тако исполнися срама и безчестія, иде инѣмъ путемъ въ страну свою» (*Кен. сп.* стр. 283). Это пишетъ приверженецъ Всеволода; Всеволодъ такъ разсердился на Порфирія, что «хотяше послати по немъ и яти его» (см. о Рязанской войнѣ, *Кен. сп.* стр. 279—283).

тростъ. Сказавъ, что идетъ въ Кіевъ (гдѣ сынъ Святослава Черниговскаго ссорился тогда съ Рурикомъ Ростиславичемъ), Всеволодъ остановился на Окѣ. Шесть Князей Рязанскихъ пріѣхали къ нему, были обласканы, и посажены за трапезу въ Княжескомъ шатрѣ. Тогда явились клеветники: Глѣбъ безстыдно оговаривалъ своихъ родичей въ измѣнѣ и умыслѣ на Всеволода. — «Ядый хлѣбъ мой возвеличилъ на мя препинаніе!» воскликнулъ Всеволодъ, какъ будто изумленный измѣною, велѣлъ заковать въ цѣпи Романа, Святослава и четырехъ племянниковъ ихъ, объявилъ Рязань областью своею, Олегу отдалъ Пронскъ, и отослалъ другихъ несчастныхъ Князей Рязанскихъ во Владиміръ, а потомъ въ дальніе сѣверные предѣлы.

Не смотря на взятую предосторожность, опасенія Всеволода оправдались. Рязанцы заступились за самобытность своей отчизны, возстали, разграбили суда Всеволодовы, плывшія по Окѣ, дрались, гдѣ только могли. Жители Пронска упорно не слушали никакихъ предложеній. Слыша о бѣдствіи родственниковъ, Князь Пронскій, Киръ-Михаилъ Всеволодовичъ бѣжалъ. Братъ Глѣба, Изяславъ, пріѣхалъ въ Пронскъ, и отбивалъ всѣ нападенія войскъ Всеволодовыхъ. Сражаясь за каждую каплю воды, ибо Всеволодъ не допускалъ жителей къ рѣкѣ, и умирая отъ жажды, черезъ три недѣли Прончане сдались. Всеволодъ пошелъ

къ Рязани. Арсеній, Епископъ Рязанскій, умолялъ его не губить сего главнаго города Рязанскихъ областей. Всеволодъ окончательно объявилъ, что Рязань присоединяется къ Владиміру, далъ только удѣлъ въ Пронскѣ предателю Глѣбу, и посадилъ по всѣмъ другимъ мѣстамъ своихъ правителей, поставивъ надъ ними главнымъ сына своего Ярослава-Ѳеодора. Рязанцы выдали Всеволоду всѣхъ своихъ остальныхъ Князей, кромѣ Изяслава и Кира-Михаила, бѣжавшихъ изъ предѣловъ Рязани. Сіи Князья казались опасными Всеволоду. Черезъ два года (въ 1209 г.) опять явился онъ близъ Рязани, и обвинялъ жителей въ неповиновеніи и бунтѣ. Надѣясь на свою правоту, Рязанцы пришли оправдываться въ таборъ Всеволода. Сынъ его также оправдывалъ Рязанцевъ; ничто не помогло: Всеволодъ обьявилъ Рязанцамъ гнѣвъ свой, велѣлъ выйдти всѣмъ жителямъ изъ Рязани, *и сжегъ Рязань до основанія*. Жители были разселены по Суздальскимъ областямъ; Епископъ Арсеній увезенъ во Владиміръ. Всеволодъ также уничтожилъ и Бѣлгородъ Рязанскій. Киръ-Михаилъ и Изяславъ явились къ бѣдствующимъ Рязанцамъ, собрали воиновъ, и напали на Москву, но были разбиты и бѣжали. Все затрепетало и покорилось Всеволоду (97).

(97) *Софійск. Лѣт.* (Строева), т. I, стр. 216, 217; *Новг. Лѣт.* стр. 74, и слѣд. — *Ист. Г. Р.* т. III, пр. 123—125.

Смоленскъ не былъ позорищемъ событій столь печальныхъ, но волновался мятежами. Кроткій Романъ пріучилъ подданныхъ къ своеволію, и новый Князь, Давидъ Ростиславичъ, казался Смольянамъ властителемъ жестокимъ и тяжкимъ. Въ 1186 г. Смольяне явно забунтовали. Князь укрощалъ ихъ казнями. « Много пало тогда головъ лучшихъ мужей, » говоритъ лѣтописецъ (98).

Мы давно уже не упоминали о Полоцкѣ. Судьба сего Княжества, съ тѣхъ поръ какъ оружіе Мстислава, въ 1129 году, уничтожило на время самобытность тамошнихъ Князей, зависѣла отъ окружавшихъ оное сосѣдей. Семидесятилѣтняя, безпрерывная почти борьба съ Кіевомъ нанесла самобытности Полоцка первый ударъ. Мстиславъ унизилъ его еще болѣе (99). Раздѣленіе удѣловъ

---

(98) «*Встань* бысть въ Смоленскѣ,» и проч. (*Нове. Лѣт.* стр. 48).

(99) Въ числѣ Полоцкихъ удѣловъ находимъ: *Изяславль*, *Минскъ*, *Стрѣжевъ*, *Витебскъ*, *Герсику*, *Друцкъ*, *Логожскъ*. Всѣ Князья Полоцкіе безпрестанно враждовали другъ противъ друга; не говоримъ о мѣлкихъ подробностяхъ ссоръ ихъ. О войнѣ 1185 года: «Иде Давидъ изъ Смоленска, и сынъ его Мстиславъ изъ Новгорода, изъ Логожска Василько, изъ Дрютска Всеславъ.» Полоцкій Князь вышелъ на границу (*сумежье*), «съ поклоны и честью, и даша дары мнози» (*Кен. спис.* стр. 282). Вообще при многочисленности

между потомками Всеслава завело междоусобія и внутреннія брани; ими пользовались Новгородъ, Смоленскъ, Кіевъ. Прунужденные слѣдовать волѣ сильнѣйшаго, раздѣленные Полоцкіе Князья потеряли единодушіе и силу. Одинъ приставалъ къ одной сторонѣ, другіе къ другой; все рѣшалось мечемъ и уничтожало значительность Полоцка и Князей его. Тамъ въ 1151 г. Полочане изгнали Князя Рогволода, и отдали Полоцкъ Ростиславу Минскому. Подкрѣпленный Святославомъ Новгородъ-Сѣверскимъ, въ 1158 г. Рогволодъ овладѣлъ Друцкомъ; Ростиславъ осадилъ его и принудилъ покориться. Но Полочане тайно звали къ себѣ Рогволода; въ тоже время приглашали на сборище народное Ростислава и хотѣли убить его. Ростиславъ узналъ обманъ, мстилъ измѣнникамъ, и утвердилъ свое владычевство. Мы видѣли уже Полоцкъ въ войнѣ съ Кіевскимъ Княземъ и съ Смоленскимъ. Въ 1185 г. была война у Полоцка съ Смоленскомъ и Новгородомъ.

Но къ бѣдствіямъ Полоцка присоединилась та

Полоцкихъ Князей и отдаленіи ихъ отъ Руси, Исторія Полоцкихъ областей весьма темна и сбивчива. П. И. Кеппенъ писалъ, что Гнъ Гарижскій особенно занимается Исторіею Полоцка (*Списокъ Русск. Пам.* стр. 48); желательно имѣть скорѣе сей трудъ почтеннаго Литтератора.

самая причина, которая вначалѣ была, кажется, одною изъ важнѣйшихъ опоръ самобытности сего Княжества.

Она заключалась въ томъ, что Полоцкое Княжество составлялъ собственно одинъ, болѣе другихъ поколѣній многочисленный, родъ Славянскій, *Кривичи*, коихъ часть называлась *Полочанами*. Истребленіе сего рода при нападеніяхъ Кіевскихъ Князей, переселеніе его и замѣщеніе другими поселенцами поколебали въ основаніи твердость Полоцка. Когда Полоцкъ былъ еще силенъ, всего болѣе онъ удерживалъ западныхъ сосѣдей Руси, обитавшихъ между Польшею, Туровомъ, Смоленскомъ, Полоцкомъ и Чудскими народами, которые занимали берега Балтійскаго моря. Сіи сосѣди были древнія Славянскія, или Венедскія племена: *Литва, Зимегола, Летгола, Ливь, Корсь, Ятвяги, Голяды*. Мы видѣли, что Кіевскіе Князья ходили въ ихъ области, сражались, брали дань; но никогда не покоряли они совершенно тамошнихъ туземцевъ, отвлекаемые событіями на Днѣпрѣ. Съ Сѣвера Новгородцы также впадали въ сіи дикія страны, но не покоряли ихъ, ибо искали не завоеваній, но данниковъ (100). При могуществѣ Полоцка, запад-

(100) О Латышскихъ народахъ, см. т. I, стр. 42, 46. Владиміръ воевалъ *Ятвяговъ* въ 983 году, Ярославъ

ные сосѣди его служили ему помощью, принуждаемые ходить съ дружинами Князей Полоцкихъ. Но когда Полоцкъ ослабѣлъ, упалъ, они сдѣлались ему страшны: безпрерывно выходили они толпами въ Чудскія, Новгородскія, Полоцкія области изъ своихъ дебрей, жгли, грабили и скрывались отъ преслѣдованія въ лѣса свои, какъ Половцы въ степи. Вообще, въ XII-мъ вѣкѣ Руссы начали называть всѣхъ сихъ народовъ *Литовцами*. Отселѣ будемъ мы называть западныхъ сосѣдей Полоцка симъ именемъ.

Въ послѣдствіи, когда имя Литвы было уже знаменито, придумана подробная Исторія Литовцевъ. Родословіе Князей ихъ было выведено отъ Цезаря Августа. Все это не заслуживаетъ никакого довѣрія. Въ 1183 году упоминается о жестокомъ нападеніи Литовцевъ на Псковскія области: вотъ *первое* достовѣрное извѣстіе о Литовцахъ, пришедшихъ въ силу, и самобытно дѣйствовавшихъ. Съ тѣхъ поръ начались безпрерывныя битвы ихъ съ Руссами и Поляками (101).

въ 1038 г. — Въ 1040 г. Ярославъ воевалъ *Литву*; въ 1058 году Изяславъ побѣдилъ *Голядовъ*.

(101) Матвѣй Стриковскій, писатель XVI вѣка, первый изобразилъ Литовскую Исторію, въ своей: Kronika Polska, Litevska, Ruska, Pruska, Moskievska, Tatarska (изд. въ 1582 году). Кояловичъ, въ XVII вѣкѣ,

Земли Чудскія въ тоже время сдѣлались мѣстомъ дѣйствія еще новыхъ пришельцевъ. Доселѣ только Новгородцы ходили по онымъ, сбирая дань, усмиряя непокорную, хотя и бѣдную Чудь; кромѣ ихъ Литовскіе народы, Князья Полоцкіе и Смоленскіе нападали также на Чудскіе народы.

Но когда въ XI-мъ столѣтіи воинское защищеніе Христіанской вѣры сдѣлалось главною мыслью народовъ западной Европы, Чудь испытала власть новыхъ завоевателей. Съ мыслью о защитѣ, соединялась другая мысль — распространеніе Христіанства. Что прежде производила политика Папы, и что изъ ревности Апостольской дѣлали немногіе благочестивые люди, то сдѣлалось предметомъ соревнованія множества людей. Искали каждаго уголка, дотолѣ неизвѣстнаго, гдѣ мож-

---

сдѣлалъ изъ нея выписку. Стриковскій писалъ безъ всякой критики. Вотъ нѣсколько изъ его разсказовъ: Палемонъ, начальникъ Римскаго флота, бѣжалъ, послѣ разбитія Помпея, и поселился въ Литвѣ, съ 500-ми рыцарей, надъ рѣкою Дубиссою; въ древнѣйшія времена были уже въ Литвѣ три сильные Князя: *Боркусъ, Спера, Куносъ*, и построили *Юрбургъ, Сперу; Ковно;* тогда-же Юліанъ Дорспрунусъ основалъ Вилькомірь; Кернусъ Куносовичъ въ 1058 г. завоевалъ Браславъ; Завибундъ наслѣдовалъ Кернусу въ 1089 году, и проч.—Въ 1192 г. Король Казиміръ жестоко воевалъ Ятвяговъ.

но-бъ было водрузить кресшъ, искали народа, которому можно-бъ было провозвѣстить имя Іисуса Христа.

Чудскіе народы, погруженные въ глубокое невѣжество, были язычники, и со всѣхъ сторонъ пошли къ нимъ проповѣдывать Христіанскую вѣру. Новгородцы не думали обращать въ Христіанство своихъ данниковъ; Нѣмцы и Шведы, напротивъ, не требовали отъ нихъ дани, но хотѣли только ихъ обращенія.

Когда Крестовые походы заволновали всю Европу, Чудскія земли постепенно наполнялись пришельцами изъ Германіи. Держа въ рукахъ крестъ и мечъ, они низвергали Чудскихъ идоловъ, заставляли народъ креститься, рѣзали непокорныхъ, славились своими подвигами, и радовали Папу извѣстіями о покореніи владычеству его отдаленныхъ береговъ Балтійскаго моря. Изъ Швеціи, изъ Даніи пріѣзжали проповѣдники цѣлыми флотами, и, въ надеждѣ отпущенія грѣховъ, крестили, били несчастную Чудь, ходили и къ Литовцамъ, обращали ихъ, сражались съ ними, думая, что совершаютъ такіе-же подвиги, какими отличались собратія ихъ, освободители Гроба Господня и завоеватели Палестины.

Въ то время, какъ хищеніе и изувѣріе багрили кровію берега Бальтики, Русь безпрерывно сра-

жалась съ восточными сосѣдями своими, Булгарами, на берегахъ Волги. Всеволодъ Георгіевичъ видѣлъ необходимость укрѣпить свои владѣнія оружіемъ съ сей стороны, и обратилъ войско на Булгаровъ. Мы уже упоминали о походахъ Андрея. Всеволодъ совершилъ походъ новый и значительный (102). «Слава Богу, что и въ наши дни совершится рать на поганыхъ!» говорилъ Святославъ Черниговскій, посылая ко Всеволоду сына своего съ дружиною. Всеволодъ отправился по Волгѣ, въ ладьяхъ, съ войскомъ многочисленнымъ. Ладьи оставлены были въ устьѣ Цывили, и войско шло сухимъ путемъ. Одинъ изъ Булгарскихъ Князей привелъ Половцевъ. «Кланяемся тебѣ, Князь!» говорили Половцы. «Мы также пришли воевать Булгаровъ.» Ихъ приняли, и осадили городъ *Великій*, принадлежавшій *Серебрянымъ Булгарамъ*. До битвъ сильныхъ не дошло. Племянникъ Всеволода, Изяславъ Глѣбовичъ (сынъ Глѣба Переяславскаго) былъ убитъ на первомъ приступѣ. Всеволодъ заключилъ миръ, слыша, что Булгары напали на оставленныя на

(102) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 63); *Кен. спис.* стр. 272. — Это было въ 1183 году. — Цывиль впадаетъ въ Волгу, съ правой стороны, 15 верстъ ниже Чебоксаръ; тутъ находится нынѣ городъ Цывильскъ, въ 115 верстахъ отъ Казани; вокругъ живутъ Чуваши, именующіе себя: *Сюрби* (не отъ того ли: *Серебряные*)?

Волгѣ ладьи Руссовъ. Конное войско его возвратилось во свояси черезъ земли Мордвы.

Князья Южной Руси безпрерывно дрались между тѣмъ съ Половцами. При началѣ междоусобій, они шли нанимать ихъ; въ мирное время шли грабить ихъ вежи. Война съ Половцами сдѣлалась какою-то охотою, для каждаго Князя, желавшаго отличиться удальствомъ. Привозя *сайгаты* (103), младшіе Князья дарили ими старшихъ. Причина войны всегда бывала одна: *надобно бить поганыхъ.* Отъ времени до времени были совершаемы большіе походы въ степи Половцевъ. Черезъ шестнадцать лѣтъ послѣ похода Мстиславова (въ 1184 г.), примирясь со Всеволодомъ, Святославъ Черниговскій собралъ дружины Кіевскія, Смоленскія, Волынскія, Галицкія, и другихъ Князей. Узнавъ, что Князья уже выступили, и получивъ поздно приглашеніе къ походу, Игорь -Сѣверскій воскликнулъ: «Боже избави отказаться идти на поганыхъ!» Онъ думалъ только о томъ, какъ-бы скорѣе догнать войско Князей, и предлагалъ дружинѣ ѣхать прямо черезъ степи. «Нѣтъ! Князь!»

---

(103) *Сайгаты* — трофеи. Въ *Словѣ о полку Игоревомъ*: «Червленъ стягъ, бѣла хоругвь, червлена чолка, сребрено стружіе храброму Святославичу.» Такой сайгатъ привезъ еще прежде Игорь Роману, въ 1171 году.

отвѣчала ему дружина, « вѣдь птицею не перелетишь! » (104) Съ горестью оставшись дома, Игорь вскорѣ услышалъ о побѣдахъ надъ погаными. Въ Заднѣпровскихъ степяхъ встрѣтили Князья Половцевъ. Владиміръ Переяславскій, говоря что ему должно мстить Половцамъ за недавнее опустошеніе Переяславской области, просилъ дать ему передовой полкъ, первый ударилъ на Половцевъ, и заставилъ бѣжать многочисленное полчище Половецкое. « Сей день егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь! » восклицалъ Владиміръ. Половцевъ преслѣдовали, и, на берегахъ Углы, или Орели (105), забрали у нихъ множество добычи и плѣнныхъ: однихъ плѣнныхъ Князей Половецкихъ насчитали болѣе 400. Знаменитый Ханъ Кобякъ и двое сыновей его были въ семъ числѣ. Но съ другой стороны

---

(104) « Князь! птахомъ не можешь перелетѣти» — и бяше *серенъ* великъ (гололедица?) — *Кіевск. Лѣт.* (Карамзина, т. III, пр. 68).

(105) « На мѣстѣ нарицаемомъ: *Ерель*, его же Русь зоветъ *Уголъ* » (Кіев. Лѣт. — Карамзина, т. III, пр. 67). *Орель*, рѣка, впадающая въ Днѣпръ, при мѣстечкѣ Орликѣ. Слова Владиміра: « моя волость пуста отъ Половецъ; пусти мя, отче, напередъ въ сторожъ. » Вотъ нѣсколько именъ Половецкихъ Князей: *Кобякъ*, *Осулукъ*, *Баракъ*, *Тарѣъ*, *Данило*, *Башкордъ*, *Тарсукъ*, *Иза*, *Глѣбъ*, *Тирій*, *Ексна*, *Алакъ*, *Тольеій*, *Тѣтій*, *Турундай*.

шелъ на Руссовъ Кончакъ, врагъ свирѣпый и сильный. Молва говорила, что онъ рожденъ на гибель Руссовъ. Когда Мономахъ, сказываютъ лѣтописи, билъ и гналъ Половцевъ, завладѣлъ ихъ землею *и пилъ золотымъ шеломомъ воду изъ рѣки Дона* (106), два славные Хана были побѣждены имъ: одинъ ушелъ въ Абазинскую землю, за Желѣзныя Ворота (107); другой, Сорчанъ остался у Дона. Услышавъ о смерти Мономаха, Сорчанъ послалъ къ брату въ чуждую землю, гдѣ жилъ онъ. « Скажи брату « — заказы-

---

(106) Это выраженіе, подобно выраженіямъ: *идти на судъ Божій* (идти на битву); *идти на поганые* (на идолопоклонниковъ); *лучше потяту быти, нежели полонену быти* (лучше умереть, нежели быть въ плѣну) было общеупотребительнымъ у Русскихъ Князей въ отношеніи похода на Половцевъ. Въ *Кіевск. Лѣт.* (Карамзина, т. III, пр. 68): « Тогда Володимеръ *пилъ золотымъ шеломомъ Донъ.* » Въ *Словѣ о полку Игоревомъ*: « Хощу копіе приломити конецъ поля Половецкаго. . . главу свою приложити, а *любо испити шеломомъ Дону.*

(107) *Дербентъ.* Тамъ была воздвигнута Хозроемъ, Царемъ Персидскимъ, огромная стѣна, для защиты отъ набѣга Хазаровъ. Во время походовъ Петра Великаго въ Персію, Князь Дмитрій Кантемиръ видѣлъ и описалъ ея развалины (см. Баера, De muro Caucaseo). Дербентъ былъ знаменитъ на Востокѣ, и служилъ предметомъ басенъ, подъ символическимъ именемъ *Желѣзныхъ воротъ.*

валъ онъ своему послу, « скажи, что Мономаха уже нѣтъ на свѣтѣ; пой ему наши родныя Половецкія пѣсни; если-же онъ не захочетъ и послѣ сего идти съ тобою, дай ему понюхать зеліе родныхъ степей! » Онъ вручилъ посланнику зеліе, называемое, по-Половецки, *емшанъ*. Братъ Сорчана слушалъ рѣчи посла, и былъ непреклоненъ; но когда понюхалъ онъ зелія, то заплакалъ, воскликнулъ: « Лучше лечь костьми въ родной землѣ, нежели быть славну на чужбинѣ! » и пріѣхалъ къ брату. Отъ него родился *Кончакъ* (108). Кромѣ многочисленнаго войска, Кончакъ имѣлъ съ собою невиданные воинскіе снаряды: машины, *стрѣлявшія живымъ огнемъ* (ими управлялъ какой-то *Бесерменъ*), и огромные самострѣлы, которые едва могли натягивать пятьдесятъ человѣкъ. Не сіи-ли неловкіе снаряды погубили Кончака (109)? Онъ былъ разбитъ и бѣжалъ. Одна

---

(108) « Молви-же ему моя словеса; пой-же ему пѣсни Половецкія. Аже итти не восхощетъ, дай ему поухати зелія, именемъ *Емшанъ*.... Отъ него родившуся Кончаку, *иже снесе Сулу пѣшь ходя, котелъ нося на плечу* (что это значитъ?). » Вотъ слѣды и поэмъ нашихъ и Востока! (см. *Кіевск. Лѣт.* Карамзинъ, т. III, пр. 68).

(109) « Пошелъ бяше треклятый Кончакъ на Русь, *похопься*, яко плѣнити хотя грады Русскіе и пожещи огнемъ, бяше бо обрѣлъ мужа таковаго *Бесурменина*, иже стрѣляша *живымъ огнемъ* (*Бесерменъ*, *Басур-*

изъ женъ его, множество добычи и плѣнныхъ достались Руссамъ. Въ Кіевѣ торжествовали побѣду веселыми пирами. «Грозенъ Князь Кіевскій!» восклицали пѣвцы. «Онъ притрепалъ Половцевъ своими сильными полками и *харалужными* мечами; наступилъ на землю Половцевъ, притопталъ холмы и яруги, возмутилъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота, и поганаго Кобяка, изъ Лукоморья, отъ желѣзныхъ, великихъ полковъ Половецкихъ, какъ вихрь выторгнулъ — и палъ Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святослава (110).»

манъ, значитъ *Мусульманинъ*; это испорченное произношеніемъ слово: *бессерменъ*, т. е. правовѣрный). Что значитъ: *стрѣлять живымъ огнемъ*? Машины, кидавшія Греческій огонь, или родъ пушекъ, для коихъ употреблялся порохъ? Извѣстно, что не Бартольдъ Шварцъ (какъ прежде думали) изобрѣлъ порохъ, ибо за долго до Бартольда на Востокѣ знали его, и губили уже имъ людей. — Бессерменъ Кончаковъ былъ взятъ въ плѣнъ, но, нелюбопытные до басурманскихъ вымысловъ, предки наши не думали вывѣдывать отъ него тайны, а тѣмъ менѣе перенимать у него и сказывать намъ, ихъ любопытствующимъ потомкамъ. Первобытные огнестрѣльные снаряды были весьма неудобны; они столько-же вредили употреблявшимъ оные, сколько и непріятелямъ.

(110) Описаніе, помѣщенное въ *Словѣ о полку Игоревомъ*. Можетъ быть, оно взято изъ пѣсенъ, пѣтыхъ въ то время Святославу.

Побѣда надъ Кончакомъ была одержана 1-го Марта 1185 года. Игорь Сѣверскій не могъ слышать равнодушно о сихъ побѣдахъ, горѣлъ нетерпѣніемъ самъ идти на поганыхъ, и хотѣлъ себѣ также чести воинской. Не дожидаясь пособія другихъ Князей, онъ послалъ только къ брату своему, Всеволоду Курскому. Сей Князь, *Буй туръ*, «удалѣйшій изъ всѣхъ Олеговичей *рожаемъ*, возрастомъ, всею добродѣтелію, любовью ко всѣмъ и мужественною доблестію» (111), отвѣчалъ, что онъ готовъ. Взявъ съ собою сына, свою Черниговскую дружину и *Ковуевъ* (112),

---

(111) «*Буй туръ, яръ туръ*»— такъ названъ Всеволодъ въ *Словѣ о полку Игоревомъ*. «Бѣ въ Ольговичехъ всѣхъ удалѣе рожаемъ и возрастомъ, и всею добродѣтелію, и мужественною доблестію, и любовь имѣяше ко всѣмъ.» *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. 73).

(112) *Ковуи*. Ихъ, и другія, упоминаемыя въ лѣтописяхъ дружины съ названіями Азіятскими, кажется, должно почитать дружинами Торковъ и Берендеевъ, вѣрно и храбро служившихъ Русскимъ Князьямъ. Такъ въ *Словѣ о полку Игоревомъ* находимъ *Могутовъ, Татрановъ, Шельбировъ, Топчаковъ, Ревуговъ, Ольберовъ*, «безъ щитовъ, съ одними *засапожниками* (ножами), кликомъ полки побѣждающихъ.» Такъ въ лѣтописяхъ видимъ *Бастіеву* чадь, *Каепичей*, и проч. — Дружины Торковъ и Берендеевъ назывались по имени своихъ Хановъ. Вотъ нѣсколько именъ начальниковъ Берендейскихъ: *Тудоръ, Сатмозъ, Каракозъ, Міюзъ, Карасъ, Коней, Олбыръ, Шерешъ*.

Игорь соединился съ Всеволодомъ, переправился черезъ Донецъ, и шелъ къ Дону. «Развѣ мы не Князья?» говорилъ Игорь. «Пойдемъ, добудемъ хвалы себѣ!» Мая 1, 1185 года, было великое солнечное затмѣніе, такъ, что днемъ видны были звѣзды, и солнце казалось мрачно, какъ мѣсяцъ. Воины встревожились, говорили, что это недоброе знаменіе. «Братья и дружина!» сказалъ Игорь, «кто знаетъ тайны Божіи? А знаменіе сіе намъ-ли однимъ? Нѣтъ, оно цѣлому міру! Увидимъ на дѣлѣ, добро или зло оно предвѣщаетъ.» Между тѣмъ Половцы собирались отвсюду, слыша о новомъ походѣ Русскихъ Князей. — «Давно-ли избили и изымали они братію и отцевъ нашихъ, и идутъ уже снова!» говорили Половцы. Кончакъ и пять другихъ Хановъ спѣшили встрѣтить Игоря. Скоро дружины Русскія сошлись съ передовыми Половецкими полками. Воины узнали, что враги многочисленны, ужаснулись, и совѣтовали Князю отступать. «Мы ихъ искали», сказалъ Игорь, «чего-же бояться — потягнемъ! Неужели, не обнаживъ мечей, предаться бѣгу и быть осмѣянными? Нѣтъ! смерть легче такого стыда!» Половцы были разбиты, оставили добычу и бѣжали. Три дня пировали Руссы на мѣстѣ битвы и хвалились побѣдою. «Братья наши ходили съ Святославомъ, и бились смотря на Переяславль, тогда Половцы пришли къ нимъ,» говорили Князья [illegible]. «А мы въ самой землѣ Половецкой изби-

ли поганыхъ, и забрали женъ и дѣтей ихъ. Пойдемъ за Донъ, и до конца изобьемъ ихъ; пойдемъ за Лукоморье, гдѣ не были ни отцы, ни дѣды наши, и возьмемъ до конца свою честь и славу! «— Но вскорѣ они *отпали своего величія, увидѣли, что нѣсть мудрости, нѣсть мужества, нѣсть думы человѣку противъ воли Божіей* (113). Видя сборъ лучшихъ Половецкихъ Хановъ, Игорь хотѣлъ отступать. Отвсюду окружили его Половцы на берегахъ Кагальника (114), отрѣзали отъ рѣки, и

---

(113) Описаніе затмѣнія въ Лѣтописяхъ: «Маія въ 1-й день, на память Св. Пророка Іереміи, въ среду, на вечерни, бысть знаменіе въ солнцѣ, и мрачно бысть вельми, яко и звѣзды видѣти человѣкомъ; во очію яко зелено бяше, и въ солнцѣ учинися мѣсяцъ; изъ рогъ его, яко угль жаровъ исхождаше, и страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменіе Божіе (*Кен. сп.* стр. 276).—«Игорь-же воззрѣ на небо, и видѣ солнце, стояще яко мѣсяцъ, и рече бояромъ: *видите-ли?* Они-же поникоша главами и рекоша: *Се есть не на добро!*—Игорь-же рече: *братія и дружино! тайны Божія никто-же не вѣсть, а знаменію Творецъ Богъ и всему міру своему, а намъ что сотворитъ Богъ, или добро, или наше зло, а то намъ видѣти*». *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. 69).—«Притягоша къ нимъ дружина вся, многое множество, наши-же видѣвше ихъ ужасошася и величанія своего отпадошась,» и проч. (*Кен. сп.* стр. 277).

(114) Игорь разбилъ сначала Половцевъ на берегахъ *Сюурліи* (Сурѣ?); потомъ Руссы перешли къ рѣкѣ

Руссы, изнемогая отъ жажды, на голой, палимой горящимъ солнцемъ степи, должны были сражаться.

«Сѣча была зла вельми,» не смотря на многочисленность враговъ и безводье. Воины бросали изнеможенныхъ коней, бились пѣшіе, Князья, бояре на ряду съ воинами. Игорь видѣлъ гибель, но не хотѣлъ бѣжать. «Если мы побѣжимъ, то можемъ еще сами спастись; но можемъ-ли оставить черный народъ?» — говорилъ онъ. «Умремъ всѣ или спасемся также всѣ!» —Въ жестокой схваткѣ, его ранили въ лѣвую рѣку; онъ не оставлялъ битвы, ѣздилъ, ободрялъ воиновъ, и, видя Ковуевъ дрогнувшихъ и побѣжавшихъ, бросился останавливать ихъ, былъ увлеченъ, окруженъ Половцами и взятъ въ плѣнъ. Съ горестью смотрѣлъ онъ на избіеніе своихъ дружинъ. Не вдалекѣ отъ него дрались остальные, лучшіе Ковуи. Среди ихъ Игорь распозналъ своего добраго брата Всеволода. Пѣшій сражался онъ, бился крѣпко, «стоялъ на боронѣ, прыскалъ на вои стрѣлами, гремѣлъ о шеломы мечемъ булатнымъ (115).» Въ сокрушеніи

Сальницѣ (Салу), впадающей въ Донъ, близъ Семикараковской станицы; разбитіе Игоря было на берегахъ *Каялы* (Кагальника, впадающаго въ Донъ, между Ведерницкою и Троилинскою станицами).

(115) «Добріи (Ковуи) вси біяхуся, идущи пѣши, и посреди ихъ Всеволодъ... Игорь видѣвъ брата крѣп-

сердца, Игорь каялся въ грѣхахъ своихъ, молилъ Бога лучше послать ему смерть, нежели допустить его видѣть паденіе брата. Битва рѣшилась уничтоженіемъ Русскихъ дружинъ: « кроваваго вина не достало; Руссы кончили пиръ; сватовъ попоили и сами полегли (116). » Спаслось не болѣе пятнадцати Руссовъ и еще менѣе Ковуевъ: «нельзя было утечь, ибо какъ стѣнами сильными огорожены они были полками Половецкими (117).» Игорь, Всеволодъ, сынъ Игоря, племянникъ его,

---

ко борющася, и проси души своей смерти, яко дабы не видѣлъ паденія брата.» — *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. 70) Вотъ описаніе того-же, поэтическое: » Яръ туре Всеволоде! стоиши на боронѣ, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными; камо туръ поскочяши, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая, тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя, поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскіе отъ тебе, яръ туре Всеволоде... Сице и рати не слышано: съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя, гремлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя, въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкія. Черна земля подъ копыты, костьми была посѣяна а кровію польяна, тугою взыдоша по Русской землѣ! Что ми шумитъ, что ми звенитъ давеча рано предъ зарями? Игорь полки возворочаетъ, жаль-бо ему мила брата Всеволода (*Слово о полку Игоревомъ*)...

(116) Сл. о полку Игоревомъ.

(117) *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. 70).

были въ плѣну; бояре, дружина избиты; нѣкому было даже принести вѣсть на Русь о бѣдствіи Князей. Какой-то гость, чужеземецъ, проѣзжалъ мимо, и ему поручили Половцы сказать въ Кіевѣ, что теперь есть имъ обмѣняться на Хановъ ихъ, взятыхъ на Углѣ и близъ Хороля. Половцы раздѣлили плѣнниковъ и повели въ свои вежи.

Въ Кіевѣ, въ Черниговѣ, въ Княжествахъ Игоря и Всеволода слушали вѣсть о пораженіи Князей Русскихъ съ ужасомъ и горестью. Недавнее торжество только увеличивало печаль. Одни винили Князей за неумѣренную гордость и похвальбу; другіе за то, что они не смотрѣли на зловѣщее знаменіе; третьи, что они не послушали совѣтовъ Святослава; всѣ печалились, говоря, что никогда еще не видала Русская земля такого бѣдствія отъ Половцевъ. Святославъ узналъ сію вѣсть близъ Чернигова, съ горестію заплакалъ, и сказалъ: «Негодовалъ я на васъ, братья мои любезные, за то, что вы своевольно начали битву; еще болѣе горюю теперь о бѣдѣ вашей; мнѣ пособилъ было Богъ *притомить* поганыхъ, а вы теперь отворили имъ ворота въ Русь по буйству юности вашей.»— «Да будетъ-же воля Божія!» прибавилъ онъ, и, слыша, что Половцы уже идутъ къ Кіеву, послалъ за войскомъ въ Кіевъ, Смоленскъ, а сына отправилъ въ Посемье, гдѣ « какъ въ мутной водѣ, вол-

новался народъ безъ Князя » (118). Не думали уже о побѣдѣ надъ Половцами; хотѣли только защищаться, и стали по Днѣпру, Деснѣ, Семи. Половцы шли подъ предводительствомъ Кончака и Кзы; сіи вожди поссорились: одинъ хотѣлъ ударить на Кіевъ, и мстить за Боняка и побѣду Святослава; другой требовалъ пути на Посемье, говоря, что тамъ остались только жены и дѣти и нѣкому защищаться. Несогласіе кончилось тѣмъ, что Половцы раздѣлились, и узнавъ о готовности Князей встрѣтить ихъ, не осмѣливались идти далеко. Кза выжегъ только Путивль, гдѣ жители и супруга Игоря заперлись въ городкѣ (119). Кончакъ обманулъ Князей, и прошелъ

---

(118) Тамъ же, т. III, пр. 71.

(119) Кто изъ насъ не помнитъ жалобъ, которыя сочинитель *Слова о полку Игоревомъ* влагаетъ при семъ случаѣ въ уста супруги Игоревой? Многіе изъ нашихъ новѣйшихъ стихотворцевъ старались передать ихъ въ стихахъ; но естественная, изящная простота ихъ бѣжитъ отъ рифмы и размѣрннаго стиха! Выписываемъ сѣтованія супруги Игоревой вполнѣ.

« Ярославнинъ гласъ слышитъ; зегзицею незнаемь рано кычетъ: » Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви; омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ; утру Князю кровавыя его раны на жестоцемъ его тѣлѣ! »

« Ярославна рано плачетъ, въ Путивлѣ на забралѣ аркучи: » О вѣтре, вѣтрило! чему господине насильно вѣеши! Чему мычеши *Хиновскія* стрѣлки на своею нетрудною крильцу, на моея лады воевъ! Мало-

обманомъ отъ Днѣпра къ Переяславлю, когда Смольяне уже отправились отъ Кіева во свояси. Владиміръ Глѣбовичъ сражался съ Половцами, былъ жестоко раненъ, и едва не убитъ. Переяславль отбили, но Половцы обратились къ Ромну, выжгли его. Владиміръ послалъ къ Святославу за помощью; Святославъ не могъ пособить ему, ибо Смольяне не слушались своего Князя и отступали (120).

ли ти бяшетъ горъ подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на сине морѣ! Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя!»

«Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забородѣ, аркучи:» О Днѣпре словутицу! ты пробилъ еси каменныя горы сквозь землю Половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до полку Кобякова! Возлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано!»

«Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: «Свѣтлое и пресвѣтлое солнце! всѣмъ тепло и красно еси; чему, господине, простре горячую свою лучу на ладѣ вои, въ полѣ безводнѣ жаждою имъ луки сопряже, тугою имъ тули затче!»

(120) «Се у *Римѣ* кричатъ подъ саблями Половецкими, а Володиміръ подъ ранами: туга и тоска сыну Глѣбову!» (*Слово о Полку Игоревомъ*). *Роменъ*, городъ при впаденіи рѣки Ромна въ Сулу, въ 758 верстахъ отъ Москвы, донынѣ въ простонарѣчіи называется: *Рымъ*.—«У Переславля бишася весь день; Володиміръ-же Глѣбовичъ, видя острогъ взимаемъ, выѣха изъ города къ нимъ въ малѣ дружинѣ,

Вскорѣ Руссы обрадованы были возвращеніемъ Игоря. Онъ достался въ дѣлежѣ Кончаку. Уважая храбраго Князя, Кончакъ обходился съ нимъ, не какъ съ плѣнникомъ, но какъ съ Княземъ, давалъ ему свободу, и Половцы уважали его, какъ будто *стыдясь воеводства его* (121); позволили ему даже вызвать и имѣть при себѣ священника. Одинъ крещеный Половчанинъ, Овлуръ или Лаверъ, взялся наконецъ освободить Игоря. Конюшій Князя передалъ ему сію вѣсть; но Игорь долго не соглашался, говоря, что онъ не хотѣлъ уйдти съ битвы, не хочетъ и изъ плѣна уйдти измѣною. Наконецъ Князя уговорили. Лаверъ приготовилъ коней. Игорь притворился спящимъ; стражу напоили кумысомъ, и когда Половцы, пьяные, обезпечились, Игорь всталъ тихонько, помолился, взялъ крестъ и икону, и ушелъ изъ вежи. Вмѣстѣ съ Овлуромъ, одиннадцать дней скитался онъ по степямъ, скрываясь отъ преслѣдованія Половцевъ, всюду разсыпавшихся по слѣдамъ его. Благополучно достигнувъ отчизны, Игорь спѣшилъ въ

и поточе конемъ, и бишася съ ними крѣпко, обступиша Князя злѣ: и видѣвше горожане изнемогающихъ своихъ, выринушась изъ города, и бишася, одва изотяша Князя, боденаго треми копьи, а дружины много избіено, и вбѣгше въ городъ, и затворишася, а они (Половцы) возвратишася со многихъ полономъ въ вежи (*Кен сп.* стр 278).

(121) *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. 73.)

Кіевъ, молиться въ Печерской обители. Кончакъ не оскорбился бѣгствомъ Игоря. « Упустивъ сокола, онъ хотѣлъ опутать соколенка (122) », и отдалъ дочь свою за сына Игорева, оставшагося въ плѣну. Сей Князь *и Буй Туръ* Всеволодъ возвратились въ Русь уже черезъ два года. Игорь увидѣлъ сына своего съ молодою женою, и съ дитятемъ внукомъ; дочь Кончака крестилась; Священникъ благословилъ бракъ юнаго Князя, съ дозволенія Игорева.

Сей походъ, разбитіе и плѣнъ Игоря, составляютъ содержаніе драгоцѣннаго для насъ *Слова о полку Игоревомъ*, единственнаго памятника древней поэзіи Руссовъ. Мы уже говорили о немъ, и будемъ еще говорить (123).

Не описываемъ другихъ битвъ съ Половцами: ими ознаменованы были десять лѣтъ послѣ похода Игоря. Большею частію Князья отбивали набѣги Половецкіе, не думая уже о походахъ: имъ *нѣкогда* было помышлять о войнѣ въ земляхъ пога-

---

(122) *Слово о полку Игоревомъ*. Буй Туръ Всеволодъ жилъ послѣ того еще десять лѣтъ и скончался въ 1196 году. Онъ похороненъ въ Черниговской церкви св. Богородицы. Несчастную судьбу Владиміра, сына Игорева, женатаго на дочери Кончака, увидимъ въ послѣдствіи. Онъ умеръ въ 1212 году.

(123) Смотри сію драгоцѣнность въ концѣ тома, *Дополненіе* I.

ныхъ. Увидимъ, что занимало ихъ, особливо послѣ смерти Святослава Кіевскаго въ 1194 году (124).

---

(124) Буй Туръ и сынъ Игоря возвратились въ 1187 году. Въ томъ-же году Рурикъ и Святославъ ходили на Половцевъ; Владиміръ Глѣбовичъ опять выпросился у нихъ въ передовой полкъ, «зане бѣ дерзокъ и крѣпокъ на рати.» На возвратномъ пути, онъ сдѣлался боленъ, въ Переяславль принесенъ былъ на носилкахъ, скончался Апрѣля 18-го и положенъ въ церкви св. Михаила; «бѣ всякими добродѣтелями украшенъ, о немъ-же *Украйна* много постона (*Кіевск. Лѣт.* Карамзинъ, т. III, пр. 74). Кончакъ тогда-же опустошалъ берега Роси. Святославъ и Рурикъ хотѣли сражаться, но Ярославъ Черниговскій отказался идти въ походъ, по причинѣ жестокой зимы и снѣга. Въ 1188 году Русскіе Князья разбили Половцевъ за Днѣпромъ: они шли къ Дунаю; въ 1190 году помирились съ ними; но Ханъ Торскій, обиженный Святославомъ, вызвалъ ихъ снова; Князья Русскіе разбили ихъ; тутъ отличился Ростиславъ Руриковичъ. Въ 1191 году били Половцевъ Игорь съ братьями. Въ 1192 году, Святославъ и другіе Князья цѣлое лѣто стояли у Канева и стерегли Половцевъ. Въ 1193 г. безпрерывно дрались съ ними; тогда отличились *Мстиславъ Мстиславичъ*, сынъ Храбраго, (ополонишась скотомъ, и коньми, и челядью, и Княжичевъ, и добрые мужи има, и возвратишася со славою великою), и Ростиславъ. Онъ послѣ того нарочно ѣздилъ въ Смоленскъ, и возилъ дядѣ Давиду *сайгатъ*; изъ Смоленска позвалъ его къ себѣ Всеволодъ Георгіевичъ, которому онъ также представилъ *сайгатъ* Половецкій. Въ 1198 году, Всеволодъ Георгіевичъ

Въ 1198 году Всеволодъ Георгіевичъ рѣшился совершить походъ на Половцевъ: онъ самъ ходилъ цѣлый мѣсяцъ въ степяхъ Половецкихъ, и возвратился съ побѣдою и добычею.

Сей походъ—былъ *послѣдній*. Черезъ двадцать лѣтъ не было уже ни Половцевъ, ни Руссовъ (125). Обратимся къ событіямъ въ другой сторонѣ Руси, имѣвшимъ слѣдствія болѣе важныя.

Волынь и Галичъ издавна казались отдѣленными отъ другихъ Русскихъ Княжествъ. Съ нѣкотораго времени, Волынь, охраненная рукою храбраго и свирѣпаго Романа Мстиславича, была безопасна отъ враждебныхъ нападеній другихъ Князей. Еще безопаснѣе казалось Княжество Галицкое. Уже тридцать пять лѣтъ находилось оно подъ державою Ярослава, Князя мужественнаго, умнаго, политика превосходнаго. Вступивъ на княженіе послѣ незабвеннаго Владимірка, Ярославъ

ходилъ съ 30 Апрѣля по 5-е Іюня въ Половецкихъ земляхъ, по теченію Дона и Донца.

(125) *Послѣднимъ* въ томъ отношеніи, что какъ сей, такъ и другіе походы предпринимаемы были отчасти только въ отмщеніе за обиды, а болѣе изъ какого-то удальства. Романъ въ 1204 году совершилъ нападеніе сильное и блестящее, но онъ не входилъ въ глубь степей Половецкихъ, *не пилъ золотымъ шеломомъ воды изъ Дона*; дѣло кончилось въ Заднѣпровскихъ мѣстахъ страшнымъ избіеніемъ Половцевъ, толпами собравшихся на Грецію.

укрѣпилъ еще болѣе Галичъ, сдѣлалъ его сильнымъ и страшнымъ для сосѣдей, Королей Венгерскихъ и Королей Польскихъ, былъ другомъ, союзникомъ Греческихъ Императоровъ: Андроникъ, столь знаменитый своими похожденіями, искалъ въ Галичѣ помощи и покровительства (126). Оле-

---

(126) Похожденія Андроника—истинный романъ, въ родѣ повѣстей рыцарскихъ! См. Hist. de la décadence et de la chute de l'emp. Romain, Гиббона, съ примѣчаніями Гизо, т. IX, стр. 239-256. Онъ былъ сынъ Исаака и внукъ Алексія Комнина. Отличаясь красотою, мужествомъ, умомъ, Андроникъ былъ страшенъ для враговъ мечемъ, а для женщинъ обольщеніемъ. Двоюродная сестра его, юная Принцесса Евдокія, была его любовницею, и слѣдовала за нимъ во всѣхъ походахъ, которые совершалъ онъ въ Азіи. Развратъ въ Царьградѣ достигъ тогда высшей степени: Мануилъ Императоръ, дядя Андроника, жилъ открыто съ сестрою Евдокіи. Брошенный въ тюрьму Мануиломъ, Андроникъ сидѣлъ въ ней 12 лѣтъ, бѣжалъ, и тогда-то пробрался онъ въ Галичъ (Mem. populorum, II, 1019) Здѣсь, обласканный Ярославомъ, Андроникъ изумлялъ своею силою, ловкостью на охотѣ, руками ловя и убивая зубровъ и дикихъ звѣрей. Успѣвъ наконецъ собрать толпу бродягъ, Андроникъ такъ испугалъ Мануила, что тотъ примирился съ нимъ. Поссорясь снова, Андроникъ начальствовалъ войсками въ Киликіи, обезславилъ любовною связью Филиппу, дочь Раймонда Герцога Антіохійскаго, и бѣжалъ отъ мщенія родственниковъ ея въ Іерусалимъ, гдѣ дали ему Финикійскую область. Новая связь, со вдовою Іерусалимскаго

говичи и Мономаховичи равно уважали Ярослава, умѣвшаго помогать и враждовать кстати, не

Короля, Бодуина III-го, внукою Алексія Комнина, снова принудила Андроника бѣжать; вдовствующая Королева бѣжала съ нимъ вмѣстѣ. Андроникъ скитался въ Дамаскѣ, Багдадѣ, соединился съ Турками, и славился въ набѣгахъ на Греческія земли, какъ первый Турецкій наѣздникъ. Его прокляли торжественно въ Царьградѣ; но онъ умѣлъ еще разъ помириться съ Мануиломъ, послѣ смерти его овладѣлъ престоломъ, употребивъ безчестныя, постыдныя средства, и умертвивъ сына Мануилова, Алексія. Три года царствовалъ потомъ Андроникъ, представлялъ странное смѣшеніе неслыханныхъ тиранствъ и дѣлъ знаменитыхъ. Гибель Андроника произошла отъ того, что страшась Исаака Ангела, внука Алексія Комнина, онъ велѣлъ зарѣзать его, но Исаакъ убилъ присланнаго къ нему палача, убѣжалъ въ Софійскій соборъ и возмутилъ народъ. Андроникъ безпечно праздновалъ свою свадьбу съ Агнесою, невѣстою удавленнаго по его повелѣнію Алексія, сына Мануилова, и дочерью Людовика VII, Короля Французскаго. Услышавъ о бунтѣ народномъ, Андроникъ тщетно старался утишить бунтовщиковъ, потомъ хотѣлъ бѣжать, но былъ схваченъ. Ему выдрали волосы, выбили зубы, выкололи одинъ глазъ, отрубили одну руку, и возили его въ такомъ ужасномъ видѣ, на ослѣ, по Царьграду. Наконецъ Андроникъ былъ повѣшенъ за ноги, и въ семъ положеніи томился, подверженный поруганію черни. « Господи, помилуй меня! » твердилъ въ это время несчастный, и былъ изъ жалости дорѣзанъ какимъ-то Итальянцемъ.

вмѣшивавшагося въ распри за Кіевъ, и не желавшаго войны безъ пользы.

Но Ярославъ съ горестію видѣлъ ненадежность судьбы Галича послѣ своей смерти. У него былъ только *одинъ* сынъ, Владиміръ, юноша, одаренный счастливыми способностями, но развращенныхъ нравовъ, не уважавшій отца, преданный пьянству и распутству. Къ несчастію, мать Владиміра, дочь Георгія Долгорукаго, потакала слабостямъ сына, ибо Ярославъ не любилъ ея, не жилъ съ нею съ давняго времени, привязанный къ любовницѣ своей, красавицѣ, именемъ Анастасіи, отъ которой имѣлъ сына, Олега. Въ 1170 году Владиміръ, мать его и нѣсколько Галицкихъ бояръ, бѣжали изъ Галича и объявили явную вражду Ярославу. Волынскіе Князья приняли бѣглецовъ, обѣщали имъ помощь. Могло возгорѣться гибельное междоусобіе, тѣмъ болѣе, что въ Галичѣ оказался бунтъ: мятежники вооружились, избили отборную стражу Ярослава, захватили его самаго, и, окруживъ жилище несчастной Анастасіи, сожгли ее, а юнаго Олега отправили въ заточеніе. Ярославъ уступилъ народу, далъ клятву, что будетъ жить съ женою своею *въ правду*, и простилъ бѣгство и злые замыслы сына. Но смиреніе Ярослава было притворное: онъ жестоко наказалъ бунтовщиковъ, не принялъ жены, и требовалъ полнаго

повиновенія отъ сына (127). Въ 1173 году Владиміръ съ матерью снова бѣжали; мать уѣхала во Владиміръ Залѣсскій, тамъ постриглась, и умерла въ 1181 году (128). Сынъ искалъ пособія на Волыни. Ярославъ грозно потребовалъ выдачи его, двинулъ наемныхъ Поляковъ, сжегъ два Волынскіе города. Князья Волынскіе не смѣли противиться, и только дали средства Владиміру бѣжать въ Торческъ, гдѣ тогда княжилъ Михаилъ Георгіевичъ. Припомнимъ обстоятельства тогдашнія: въ тотъ годъ Андрей Георгіевичъ отдалъ Кіевъ Михаилу, выславъ Романа Ростиславича; братья за него вступились, захватили въ Кіевѣ Всеволода и осадили Михаила въ Торческѣ. Въ числѣ договорныхъ статей съ Михаиломъ была выдача Владиміра отцу его, за что Ростиславичи возвратили свободу Всеволоду Георгіевичу. Владиміръ привезенъ былъ въ Галичъ. Отецъ простилъ его (129); но Владиміръ былъ сынъ погибшій невозвратно. Ни лѣта, ни семейственная жизнь не могли его исправить, и черезъ десять лѣтъ, въ 1183 году, Ярославъ объ-

---

(127) *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. 16.)

(128) Она похоронена въ Золотоверьхой церкви Владимірской, подъ именемъ инокини Евфросиніи; прежнее имя ея было Ольга. *Кіевск. Лѣт.* (Карамз. т. III, пр. 78).

(129) *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. 16).

явилъ Владиміра лишеннымъ наслѣдства, и изгналъ навсегда изъ Галича. Владиміръ скитался изъ страны въ страну: жилъ у Романа на Волыни, Ингваря въ Дорогобужѣ, Святополка въ Туровѣ, Давыда въ Смоленскѣ, Всеволода во Владимірѣ: нигдѣ не принимали его, никто не смѣлъ за него заступиться. Наконецъ, онъ нашелъ себѣ пристанище у зятя, Игоря Сѣверскаго. Съ честію принялъ тестя добрый Игорь, два года держалъ его у себя, старался умилостивить Ярослава. Чувствуя приближеніе старости, боясь крамолъ послѣ смерти, Ярославъ еще разъ простилъ сына, но не хотѣлъ уже его видѣть, далъ ему въ удѣлъ Перемышль, и обязалъ клятвою не искать Галича послѣ его смерти (130).

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ жестокая болѣзнь приковала Ярослава къ одру смертному. Онъ чувствовалъ приближеніе кончины; раздавалъ богатые вклады по церквамъ и монастырямъ, созвалъ бояръ духовенство, дружину, и совѣтовалъ съ ними объ участи Галича. « Благодарю Бога! » говорилъ Ярославъ ». Одинъ, *своею худою головою*, я уберегъ столько времени Галичъ, но что съ нимъ будетъ послѣ меня! » Онъ требовалъ, чтобы всѣ присягнули побочному сыну его, Олегу, юношѣ благонравному, и поклялись не давать Галича Владиміру. Бояре обѣщали, присягнули;

(130) idem, т. III, пр. 78.

Ярославъ успокоился; велѣлъ пускать къ себѣ всѣхъ Галичанъ: богатые и нищіе, знатные и незнатные шли къ нему. Пока были у него силы, онъ со всѣми говорилъ, плакалъ, каждаго умолялъ простить его въ грѣхахъ и самъ прощалъ всѣхъ... Октября 1, 1187 года, Ярославъ почилъ на вѣки. «Князь мудрый, реченъ языкомъ, чтенъ въ земляхъ, славенъ полками....» (131).

Онъ унесъ съ собою въ могилу честь и счастіе Галицкой земли. Опустошаемый иногда врагами, стѣсняемый властію грозныхъ повелителей, бывшій нѣсколько разъ позорищемъ внутренныхъ смятеній, Галичъ казался могущественнымъ и мирнымъ въ сравненіи съ другими Русскими землями. Вскорѣ онъ сдѣлался мѣстомъ бѣдствій и ужасовъ, не возсталъ при всѣхъ усиліяхъ Князей достойныхъ, и наконецъ утратилъ свою самобытность....

Едва схоронили Ярослава, какъ обѣтъ, данный ему, былъ нарушенъ. Бояре Галицкіе раздѣлились на партіи, и вскорѣ юный Олегъ принужденъ былъ бѣжать. Онъ удалился въ Овручъ, къ Ру-

---

(131) Лѣтописцы прибавляютъ еще: «Милостыню сильно раздаваше, странные любя.... честь подавая отъ сильныя своея, и во всемъ законѣ Божіи ходя, къ церковному чину самъ призирая и строя добрѣ (*Кіевская Лѣт.* Карамзинъ, т. III, пр. 77).

рику: на Волыни не было ему мѣста; тамъ жилъ Князь, тайно участвовавшій, кажется, въ самыхъ первыхъ смятеніяхъ Галичанъ, раздувавшій огонь, и думавшій только о своей пользѣ — *Романъ Волынскій.* Галицкіе Бояре немедленно объявили Княземъ развратнаго Владиміра. Дворъ сего недостойнаго внука Владиміркова представилъ зрѣлище разврата и безчинія. Не думая о дѣлахъ, Владиміръ пилъ, распутствовалъ, отнялъ у какого-то священника жену и обвѣнчался съ нею, отнималъ женъ и дочерей у бояръ и низшихъ людей. Вельможи своевольствовали; народъ роптал, волновался; оказались заговоры. Душею сильнѣйшаго изъ нихъ былъ Романъ Волынскій. Безъ всякаго зазора производилъ онъ переговоры съ Галичанами, совѣтовалъ имъ свергнуть Владиміра и принять его. Заговорщики спорили, недоумѣвали, собирались явно, но хотѣли еще договариваться съ своимъ Княземъ, требовали отъ него выдачи попадьи и казни ея. Малодушный Владиміръ не дожидался дальнѣйшихъ слѣдствій, и ночью, взявъ свою попадью и богатства, бѣжалъ въ Венгрію. Немедленно явился въ Галичъ Романъ Волынскій, нашелъ все въ неустройствѣ и смятеніи, но былъ объявленъ Галицкимъ Княземъ и отдалъ Волынь брату Всеволоду, бывшему удѣльнымъ Княземъ въ Бельзѣ (132).

---

(132) Романъ потакалъ сначала всѣмъ беспутствамъ Владиміра, и даже выдалъ дочь свою за сына его (гдѣ

Въ Венгріи царствовалъ тогда Король Бела. Онъ принялъ бѣгствующаго Галицкаго Князя дружески, горевалъ объ его несчастіи, и немедленно далъ ему войско. Владиміръ, и Андрей, сынъ Белы, въ послѣдствіи названный *Іерусалимскимъ* (133), выступили къ Галичу съ сильнымъ Венгерскимъ войскомъ. Романъ не успѣлъ еще ни собрать дружинъ, ни утишить волненій. Слыша о приближеніи Венгровъ, онъ бѣжалъ немед-

---

дѣвался потомъ зять Романа, неизвѣстно). Въ нѣсколькихъ словахъ Лѣтописи, просто, но ясно, высказаны всѣ обстоятельства дѣлъ: «Бѣ (Владиміръ любезнивъ питію много, и думы не любяше съ мужи своими, и поя у попа жену, и постави себѣ жену. Романъ-же Володимірскій сватася съ нимъ, и даде дщерь свою за сына его, за старшаго. И увѣдавъ Романъ, иже мужи Галицкіе недобрѣ живутъ съ Княземъ своимъ, про его насиліе, зане гдѣ улюбивъ жену, или чью дочь, то поймаше насиліемъ. Романъ-же сла безъ опаса къ мужемъ Галицкимъ, подтыкая ихъ на Князя, да быша его выгнали, а самаго быша пріяли. *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. 77).

(133) По причинѣ похода Крестоваго, который, въ исполненіе обѣта, даннаго отцомъ, принудилъ его предпринять, въ 1217 году, Папа Гонорій III-й. Андрей безславно возвратился, оставя своихъ товарищей сражаться съ невѣрными. Патріархъ Іерусалимскій предалъ его за сію измѣну проклятію.

ленно, и безъ всякаго сопротивленія Венгры вступили въ Галичъ.

«Тогда оказалось вѣроломство Венгерскаго Короля,» говорятъ лѣтописи; ибо Король преступилъ обѣщаніе защищать Владиміра, и, къ изумленію Галичанъ, Андрей, сынъ Белы, былъ объявленъ *Королемъ Галицкимъ*. Бояре Галицкіе сами выбрали его, выговоривъ, что онъ будетъ править независимо отъ отца, и соблюдать права ихъ. Несчастный Владиміръ былъ увезенъ въ Венгрію и заключенъ въ темницу, какъ государственный плѣнникъ.

Пріобрѣтеніе сдѣлано было весьма легко, но удержать его было довольно трудно. Казиміръ Справедливый, успѣвшій возстановить нѣкоторый порядокъ въ Польшѣ (134); Святославъ Кіев-

---

(134) Онъ былъ младшій изъ пяти сыновъ Болеслава Кривоустаго: Болеславъ раздѣлилъ всю Польшу четыремъ старшимъ сыновьямъ, въ 1139 году (см. т. II, пр. 368): *Владиславъ* получилъ Краковъ, Силезію, Померанію и старѣйшинство; *Болеславъ Кудрявый* (kędzierzawy) Мазовію и Куявію, *Мечиславъ* Великую Польшу, *Генрихъ* Сендомиръ и Люблинъ. Начались волненія и междоусобія; они утишились на время, когда Казиміръ, не имѣвшій удѣла, въ 1178 году возведенъ былъ на престолъ, и льстя вельможамъ и духовенству, далъ имъ большія преимущества на Ленчицкомъ сеймѣ (1180 года), успѣвъ испросить у Папы Александра III-го утвержденіе Королевскаго достоинства своему потомству.

скій и Олеговичи; Романъ Волынскій; Рурикъ и братъ его, съ другими Ростиславичами — всѣ жадно устремились къ отнятію у Венгровъ Галича и обладанію имъ. Явился еще одинъ забытый искатель: сынъ несчастнаго Берладника, Ростиславъ; ему надобно было только найдти средства. Всѣхъ соперниковъ раздѣляла вражда, зависть; слѣдствіемъ для каждаго былъ неуспѣхъ и усугубленіе бѣдствій Галича.

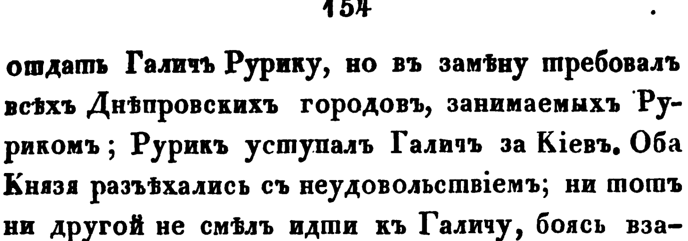
Прибѣжавъ на Волынь, Романъ думалъ снова владѣть родною волостью, и идти на Галичъ; но братъ его Всеволодъ напомнилъ бѣглецу, что онъ уступилъ Волынь добровольно, и не можетъ снова обладать ею. Отправивъ жену къ тестю своему, Рурику, въ Овручъ, Романъ бросился въ Польшу; тамъ ему обѣщали помощь, и дали въ самомъ дѣлѣ, но только не для Галича, а для возвращенія Волыни. И здѣсь оказалась неудача: Поляки осадили Владиміръ, но безуспѣшно, ибо Всеволодъ храбро защищался. Романъ помышлялъ между тѣмъ всего болѣе о Галичѣ, выпросилъ у Рурика дружину, говоря, что Галичане зовутъ его. Венгры предупредили сей умыслъ, и разбили малую дружину Романову. Снова прибѣгнулъ онъ къ Рурику, кланялся, просилъ защиты, обѣщалъ быть вѣрнымъ другомъ, и не думать уже о Галичѣ, если только возвратятъ ему Волынь. Рурикъ помышлялъ самъ завладѣть Галичемъ, и, желая умирить Романа, угрозами принудилъ Всево-

лода уступить брату Волынь по прежнему. Всеволодъ занялъ старый удѣлъ свой, Бельзъ. Романъ, усмирился, ждалъ случая, велъ переговоры...

Между тѣмъ Рурикъ сносился съ Галичанами, и съ удивленіемъ узналъ, что Святославъ Кіевскій уже предупредилъ его. Самъ Король Венгерскій объявилъ тайно Святославу, что онъ согласится отдать ему Галичъ добровольно, и только требовалъ выгодъ за сію уступку. Сынъ Святослава велъ переговоры. Рурикъ прислалъ уличать Святослава въ коварствѣ. «А развѣ я на него подговаривалъ Венгерскаго Короля?» отвѣчалъ Святославъ. «Я веду переговоры о своемъ дѣлѣ: что̀ онъ вмѣшивается (135)!» Споръ доходилъ до ссоры за добычу, которая не была еще въ рукахъ ни у Рурика, ни у Святослава. Митрополитъ Кіевскій вмѣшался въ посредничество. «Благо вамъ прежде отнять Галичъ у иноплеменниковъ, и потомъ подѣлиться честно,» говорилъ онъ. Рурикъ и Святославъ согласились, съѣхались, сперва поклялись въ дружбѣ, потомъ поссорились за дѣлежъ. Святославъ соглашался

---

(135) Слова Рурика: «Како еси послалъ къ Королеви, а съ мною не спрошался; соступился еси ряду.»—Отвѣтъ Святослава: «Брате и свату! азъ сына послалъ ци на тя приводя Короля? Но азъ послалъ на свое орудіе.» *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. 77).

отдать Галичъ Рурику, но въ замѣну требовалъ всѣхъ Днѣпровскихъ городовъ, занимаемыхъ Рурикомъ; Рурикъ уступалъ Галичъ за Кіевъ. Оба Князя разъѣхались съ неудовольствіемъ; ни тотъ ни другой не смѣлъ идти къ Галичу, боясь взаимнаго сопротивленія. Венгры радовались, что успѣли перессорить Князей, и еще болѣе, когда искатель Галича, болѣе другихъ смѣлый, погибъ въ несчастномъ своемъ предпріятіи.

Это былъ сынъ Берладника, Ростиславъ, о которомъ мы упомянули выше. Сей юноша жилъ въ Смоленскѣ, и слышалъ, что есть и его приверженцы въ Галичѣ, еще помнящіе несчастнаго Берладника. Съ малою дружиною, Ростиславъ хотѣлъ рѣшить побѣду быстротою и смѣлостью. Онъ и успѣлъ-бы можетъ быть, но Андрей былъ дѣятеленъ, встрѣтилъ его съ сильнымъ войскомъ и принудилъ къ битвѣ. Съ горестью видѣлъ Ростиславъ, что призвавшіе его не являются. «Богъ судья тѣмъ, кто звалъ меня и обманулъ; но лучше умереть, нежели скитаться на чужбинѣ, какъ скитался отецъ мой и я—» сказалъ онъ и началъ битву. Смертельно раненаго взяли его Венгры, и привезли въ Галичъ. Тронутые несчастною участью юноши, Галичане заволновались. Андрей велѣлъ унять ихъ, и избавить его отъ сына Берладникова. Къ ранамъ Ростислава приложили отраву, и показали народу мертвое тѣло его...

Галичане успокоились, утаили досаду (136). Вскорѣ неожиданное событіе сдѣлало то, чего не успѣвали, или не смѣли сдѣлать сильные Князья.

Темницею Владиміра Ярославича въ Венгріи была высокая башня. Онъ успѣлъ обмануть стражей, спустился въ окно, и бѣжалъ въ Германію. Тамъ умолялъ онъ Императора Фридриха Барберуссу вступиться за него, обѣщалъ покорность Имперіи и дань. Фридрихъ готовился тогда въ Крестовый походъ, и отправилъ Владиміра къ Королю Польскому, съ просьбою оказать ему пособіе. Казиміръ, уважая Императора, и самъ имѣя въ немъ добраго защитника, согласился. Поляки пошли къ Галичу, гдѣ жители взволновались и начали рѣзать Венгровъ. Галичанъ оскорбило своевольство вельможъ Венгерскихъ, и всего болѣе неуваженіе ихъ къ религіи. Венгры такъ крѣпко были увѣрены въ прочности владѣнія Галичемъ, что начали презирать Галичанъ, отнимали женъ и дочерей у знатнѣйшихъ вельможъ, и въ церквахъ устроивали лошадиныя стойла. Испытавъ тяжесть и униженіе иноплеменной власти, Галичане ждали беспутнаго Владиміра съ торжествомъ. Венгры были изгнаны. Владиміръ спѣшилъ укрѣпить себя дружбою съ Польскимъ Королемъ, послалъ съ покорною просьбою и ко Всеволоду

---

(136) idem, т. III, пр. 77, стр. 59.

Георгіевичу, признавая его своимъ повелишелемъ. Сынъ гордаго Ярослава Галицкаго писалъ къ Суздальскому Князю: « Я Божій и швой, *и шолько швой; шебѣ одному* хочу повиноваться, со всѣмъ Галичемъ (137)! » — Великодушный покровишель Владиміра, Фридрихъ уже не существовалъ шогда: онъ погибъ на пуши въ Палесшину, гдѣ ждали его два замѣчашельные современника: Филиппъ, Король Французскій и Ричардъ Львиное сердце(138). Всеволодъ послалъ ко всѣмъ Русскимъ Князьямъ съ объявленіемъ, что на шого падешъ гнѣвъ его, кшо шронешъ Владиміра. Всѣ дали слово Великому Князю, дозволишь власшишелю Галича мирно довлачишь осшашокъ бѣдной жизни. Онъ вскорѣ запился (139).

Менѣе шрехъ лѣшъ прошло ошъ возсшановленія Владиміра на Галицкое Княжесшво до собышія подавшаго поводъ къ послѣдсшвіямъ значишельнымъ — кончины Свяшослава Всеволодовича Кіевскаго. Приближаясь къ глубокой сшаросши, Свяшославъ былъ еще дѣяшеленъ и бодръ, духомъ и шѣломъ. Онъ находился въ Карачевской обласши, и спорилъ съ Рязанскими Князьями

---

(137) Исш. Гос. Росс. ш. III, сшр. 79.

(138) Эшо былъ шрешій Кресшовый походъ, начавшійся въ 1188-мъ году.

(139) Или былъ ошравленъ. Впрочемъ, ни смершь его, ни годъ смерши, не означены въ Лѣшописяхъ.

о предѣлахъ, когда почувствовалъ сильную боль въ ногѣ, такъ, что спѣшилъ возвратиться въ Кіевъ; до берега Днѣпра принужденъ былъ ѣхать лѣтомъ въ саняхъ; потомъ отправился по Днѣпру въ лодкѣ. Боль усиливалась. Доѣхавъ до Кіева, Святославъ почувствовалъ приближеніе кончины, съѣздилъ въ Вышгородъ, со слезами приложился къ мощамъ Св. Бориса и Глѣба, хотѣлъ поклониться гробу отца своего, но придѣлъ, гдѣ покоится Всеволодъ, былъ запертъ, и, не дожидаясь ключей, Святославъ отправился въ Кіевъ. Здѣсь привезли его прямо къ церкви Св. Кирилла; отслушавъ обѣдню, Князь прибылъ во Дворецъ свой, скоро обезпамятѣлъ, лежалъ въ забытьи, бредилъ, едва говорилъ, вдругъ поднялся, спросилъ: «Когда будетъ Маккавеевъ?« (день смерти отца его), и услышавъ, что черезъ недѣлю, сказалъ: «О! мнѣ ихъ не дождаться!» Онъ отправилъ посла звать къ себѣ Рурика, велѣлъ постричь себя, читалъ молитвы, и умеръ 25 Іюля, 1194 года (140).

Говорить-ли о семъ Князѣ, почти пятдесятъ лѣтъ бывшемъ дѣйствующимъ лицомъ въ Исторіи Русскаго народа, свидѣтелѣ бѣдствій Игоря и Святослава Олеговичей, дѣлъ Изяслава Мстиславича, Георгія Долгорукаго, Андрея Боголюб-

---

(140) Кіевск. Лѣт. (Карамзинъ, т. III, пр. 89).

скаго, современникѣ нѣсколькимъ поколѣніямъ, пережившемъ столько другихъ замѣчательныхъ Князей? Мы описали жизнь его. Пусть она за него все выскажетъ (141)!

Послѣ Святослава, старшимъ въ родѣ Олеговичей остался братъ его Ярославъ Всеволодовичъ. Обладая Черниговомъ, онъ всегда отличался послушаніемъ своему брату. Рурикъ Ростиславичъ немедленно явился въ Кіевъ, послалъ звать къ себѣ брата, Давида Смоленскаго, для распоряженія удѣлами, и увѣдомилъ Всеволода Георгіевича, что онъ беретъ себѣ Кіевъ, признавая Всеволода Великимъ Княземъ всѣхъ Русскихъ Княжествъ. Всеволодъ отвѣтствовалъ ему ласково, а братъ Давидъ пріѣхалъ немедленно, разсуждалъ объ удѣлахъ и пировалъ съ Рурикомъ. Вѣроятно, что былъ договоръ, по которому Кіевъ долженствовалъ по кончинѣ Святослава поступить во владѣніе Рурика и Давида, какъ старшихъ Князей. Олеговичи не противились исполненію договора. Рурикъ и Давидъ почитали

(141) Первое дѣло, гдѣ самобытно началъ дѣйствовать Святославъ Всеволодовичъ, тогда Князь Владиміра Волынскаго, была защита дяди, Игоря Олеговича, Великаго Князя Кіевскаго, въ 1146-мъ году; слѣдственно, сорокъ восемь лѣтъ Святославъ игралъ, болѣе или менѣе значительную, ролю во всѣхъ событіяхъ, особенно южной Руси. Онъ похороненъ былъ въ Кіевскомъ Кирилловскомъ монастырѣ (что нынѣ Богословскій).

все оконченнымъ, угостили большими обѣдами монаховъ, нищихъ, Кіевлянъ, были на обѣдѣ, который давали Кіевляне (142), и испугались, услы-

---

(142) *Кіевск. Лѣт.* (Карамзина, т. III, пр. 89) По случаю сихъ пировъ, Карамзинъ говоритъ: « Сіи *народныя* угощенія, обыкновенныя въ древней Россіи, *установленныя въ началѣ гражданскихъ обществъ* и долго поддерживаемыя *благоразуміемъ государственнымъ*, представляли *картину*, можно сказать, *восхитительную*· Государь, *какъ истинный хозяинъ*, подчивалъ *гражданъ*, пилъ и ѣлъ вмѣстѣ съ ними; вельможи, тіуны, воеводы, знаменитыя духовныя особы *смѣшивались съ безчисленными толпами гостей всякаго состоянія*; *духъ братства* оживлялъ сердца, *питая въ нихъ любовь къ отечеству и къ Вѣнценосцамъ* » (Ист. Г. Р. т. III, стр. 91). — Ничего этого не было: Князья пили и пировали съ боярами, духовенствомъ и дружинами (такъ на примѣръ, и здѣсь: « Давыдъ позва монастыри всѣ на обѣдъ, позва Черніи Клобуци, и ту попишась вси у него »). Народъ кормили особо; бѣднымъ раздавали милостыню; когда Кіевляне звали Давида на обѣдъ, то это было « *подаваючи честь велику и дары.* » Гдѣ-же патріархальное равенство? И гдѣ *восхитительная картина*? Какія слѣдствія бывали сихъ пирушекъ Княжескихъ, для народа и для самихъ Князей? Черезъ нѣсколько лѣтъ, Рурикъ, этотъ « истинный хозяинъ, подчивавшій гражданъ, пившій и ѣвшій съ ними въ духѣ братства », какъ Половецкій Ханъ разграбилъ Кіевъ, сжегъ его и опустошилъ, а гораздо прежде сего разграбленія, Кіевляне, при первомъ нападеніи Романа Волынскаго, отреклись отъ Князей, которые

шавъ, что въ одно время и Всеволодъ Георгіевичъ и Олеговичи негодуютъ на нихъ.

Олеговичи оскорбились тѣмъ, что отъ нихъ потребовали отрѣченія навсегда отъ Кіева, и клятвы, что ни они, ни потомки ихъ не будутъ искать Кіева. «Развѣ мы Ляхи или Венгры?» — отвѣчали они — «Нѣтъ! отцы наши были братья. Уступаемъ Всеволоду, уступаемъ Рурику, какъ старшимъ насъ; будемъ блюсти Кіевъ за ними; но Богъ пошлетъ по нихъ, и пусть тогда Кіевъ достанется достойнѣйшему: Олеговичу или Мономаховичу, какъ Богъ разсудитъ (143)!»

Всеволодъ разсердился совсѣмъ за другое. Рурикъ, учреждая удѣлы, хотѣлъ обласкать зятя своего, Романа Волынскаго, и желая крѣпкой дружбы его, подарилъ ему пять Кіевскихъ городовъ: Торческъ, Каневъ, Триполь, Корсунъ и Богуславъ. Всеволодъ не терпѣлъ, боялся предпріимчиваго Романа, и велѣлъ спросить у Рурика: «Какъ смѣетъ онъ самовольно раздавать города,

---

великолѣпными обѣдами «питали въ нихъ любовь къ отечеству и къ Вѣнценосцамъ»!

(143) Олеговичамъ вовсе не кстати напомнили при семъ случаѣ старинное дѣленіе по Днѣпру, хотя послѣ того все уже было измѣнено, и именно въ одной изъ древнихъ областей Олегова рода находилось даже и самое Великое Княжество.

забывая, что и самъ владѣетъ Кіевомъ по милости Всеволода? Дѣлись съ кѣмъ хочешь, но защищаютъ-ли тебя друзья твои — посмотримъ!» прибавлялъ Всеволодъ. Напрасно Рурикъ предлагалъ ему любой Кіевскій городъ; Всеволодъ требовалъ именно отданныхъ Роману городовъ. Въ недоумѣніи, Рурикъ совѣтовался съ Митрополитомъ, спрашивалъ: можетъ-ли онъ нарушить договоръ съ Романомъ? «Я поставленъ отъ Бога мирить Князей; ты не согрѣшишь, ибо послѣдуешь волѣ сильнѣйшаго. Если Романъ почтетъ тебя клятвопреступникомъ, беру упрекъ на себя, а ты дай ему другіе города; но паче всего страшись пролитія крови Христіанской.» Такъ отвѣчалъ Митрополитъ (144). Романъ видѣлъ затруднительное положеніе тестя своего, и охотно согласился уступить города Всеволоду. Но странная политика Всеволодова привела въ сильный гнѣвъ Романа. Всеволодъ умилостивился; желая усмирить Олеговичей, грозилъ имъ войною, взялъ города, и тотчасъ отдалъ одинъ изъ нихъ, Торческъ, сыну Рурика. «Ты коварствуешь съ Всеволодомъ; ты ищешь удѣловъ дѣтямъ!» говорилъ Романъ тестю, объявилъ ему вражду, прогналъ отъ себя дочь Рурика, даже хотѣлъ насильно постричь ее, и, предвидя слѣд-

---

(144) Ист. Г. Р. т. III, стр. 92.

ствія, послалъ къ Олеговичамъ, приглашая ихъ овладѣть Кіевомъ, и увѣряя въ дружбѣ и пособіи. Рурикъ разсердился, и самъ прислалъ къ нему пословъ, приказывая повергнуть предъ нимъ договорныя грамоты. Романъ отправился въ Польшу искать союзниковъ, а Рурикъ послалъ просить и бить челомъ о помощи ко Всеволоду. «Государь, братъ и отецъ! *Романко* измѣнилъ намъ» — говорили послы Рурика. «Вотъ онъ сносится съ врагами нашими; пособи намъ (145)!»

Олеговичи могли надѣяться на мужество Романа, слабость силъ Рурика и нерѣшительность Всеволода, но за всѣмъ тѣмъ боялись слѣдствій неблагопріятныхъ. Они еще болѣе стали опасаться, когда Всеволодъ объявилъ имъ сильный гнѣвъ свой, а Романа постигла жестокая неудача. Въ Польшѣ были смятенія: Казиміръ Справедливый скончался въ 1194 году. Сынъ его, Лешекъ Бѣлый, избранъ былъ Королемъ; но дядя, Мечиславъ Старый, царствовавшій прежде Казиміра и потомъ низверженный, возобновилъ свои притязанія на престолъ: дѣйствовали оружіемъ и хитростію. Елена, вдова Казиміра, опекунша Лешка, соединилась съ Николаемъ, воеводою Краковскимъ. Она знала мужество Романа, и просила его присовокупить Волынскія дружины къ ея войску. За

(145) Idem, т. III, стр. 93.

то обѣщали Роману послѣ побѣды всякую помощь. Гордясь, что можетъ оказать заслугу Королевѣ Польской, и всего надѣясь отъ будущаго, Волынскій Князь рѣшился сражаться. Сверхъ ожиданія, приверженцы Лешка были разбиты. Романъ, не жалѣвшій себя, былъ жестоко раненъ, и съ горестью отправился во свояси, несомый воинами на носилкахъ. Напрасно уговаривали его остаться и защищать Краковъ. « Съ кѣмъ-же стану я защищать? « говорилъ Романъ. » Моихъ воиновъ и самого себя погубилъ я (146)! » Оставивъ Польшу судьбѣ ея, Романъ прибылъ на Волынь, и послалъ униженно просить мира у Рурика. Въ тоже время прислали пословъ къ Рурику и Олеговичи, говоря: « У насъ съ тобой никогда лиха не было; за что мы ссоримся? »

Рурикъ радовался миру, тѣмъ болѣе, что съ братомъ, Смоленскимъ Княземъ, оказались у него неудовольствія. Рурикъ подарилъ Роману два города, поручился за отдачу Витебска Ярославу Черниговскому, и взялся мирить Олеговичей съ Всеволодомъ Георгіевичемъ (147).

---

(146) См. слова Кадлубка, описывавшаго сіе событіе въ своей Hist. Pol. (*Ист. Г. Р.* т. III, пр. 93).

(147) Это непонятно: почему Олеговичи требовали Витебска, города отдаленнаго, и мирно правимаго особымъ Княземъ, который былъ еще притомъ зять

Дѣла шли медленно; Давидъ не соглашался на отнятіе Витебска у Василька Брячиславича, мирно тамъ княжившаго, и на отдачу его враждебному роду Олеговичей. Всеволодъ не говорилъ ни слова. Олеговичи принялись за оружіе, дали знать Роману Волынскому, и получили его обѣщаніе помогать, ибо Романъ радъ былъ отмстить тестю за всѣ оскорбленія и за всѣ неудачи. Многіе изъ Полоцкихъ Князей были съ ними за одно. Смольяне готовились возстать противъ Давида; зимою, войска Черниговскія напали на Смоленскую область; начался грабежъ. Племянникъ Давида, Мстиславъ (сынъ Романа Ростиславича), встрѣтилъ хищниковъ, разбилъ одну часть ихъ; другая окружила его, смяла дружины, захватила въ плѣнъ самого Мстислава. Романъ Волынскій воевалъ и грабилъ съ другой стороны. Рурикъ, не ожидавшій столь скораго начала войны, напрасно посылалъ къ Черниговскому Князю, уговаривать его и напоминать ему о совѣсти. Тогда-же послы его явились и ко Всеволоду Георгіевичу, прося помощи. « Пусть начинаетъ: я готовъ! » отвѣчалъ Всеволодъ. Рурикъ послалъ и въ Галичъ. Посломъ отъ него былъ Князь, столь замѣчательный въ послѣдствіи — *Мстиславъ*,

---

Князя Смоленскаго? Всѣ другіе Князья не отрицали сего требованія, и возстали на Олеговичей тогда только, когда тѣ вздумали воевать.

сынъ *Мстислава Ростиславича Храбраго*. — Князь Черниговскій шелъ къ Смоленску, когда Руриковы послы бросили передъ нимъ клятвенныя грамашы договорныя, и объявили, что Рурикъ желаетъ ему счастливаго успѣха, а самъ идетъ взять Черниговъ. Нанятые Рурикомъ, *дикіе* Половцы уже пустошили Черниговскую область. Всеволодъ двинулся; Романъ Волынскій возвратился вспять, ибо Мстиславъ Мстиславичъ съ Галицкими дружинами воевалъ Волынь. Все приходило въ сильное движеніе, и Олеговичи были въ положеніи опасномъ. Князь Черниговскій прислалъ къ Рурику. «Ты съ чего вступаешься въ дѣло чужое, воюешь мою волость, *и полнишь руки поганыхъ?*» велѣлъ онъ сказать ему. «Развѣ я ищу Кіева подъ тобою? Витебскъ обѣщанъ мнѣ, а Давидъ не отдаетъ его; но я согласенъ мириться съ тобою и съ Давидомъ, отдамъ безъ выкупа плѣннаго Мстислава, отступлюсь и отъ Витебска; мирись-же, отпусти Половцевъ, не вели грабить Галичанамъ Волыни, уладь меня съ Давидомъ, и не вмѣшивайся въ распрю нашу со Всеволодомъ Георгіевичемъ.» Рурикъ, слыша, что Всеволодъ уже вступилъ во владѣнія Князя Черниговскаго съ войскомъ, не слушалъ ничего, и продолжалъ войну.

Тогда Олеговичи рѣшились на отчаянное защищеніе. Они оставили Смоленскую область, и

собрались вокругъ Чернигова; Олегъ и Глѣбъ (дѣти Святослава Всеволодовича) остались защищать Черниговъ и Посемье; Ярославъ, съ другими Князьями, пошелъ на встрѣчу Всеволода Георгіевича, который занялъ уже Вятичскую область; съ нимъ были Смоленскіе и Рязанскіе Князья и дружины. Два ополченія сошлись; Рурикъ и другіе Князья ждали битвы, которая рѣшила-бы, можетъ быть навсегда, участь Олеговичей. Но Всеволоду суждено было еще разъ, съ другимъ представителемъ Олегова рода, обмануть ожиданія современниковъ! Случилось тоже, что было, пятнадцать лѣтъ назадъ, на берегахъ Влены.

По крайней мѣрѣ, тогда Всеволодъ былъ не столь силенъ, не онъ нападалъ, а Олеговичи, и дѣло кончилось перемѣнною борьбою. Теперь, напротивъ, Всеволодъ былъ Князь сильный, шелъ поражать, и — заключилъ миръ, на условіяхъ, во все не тягостныхъ для слабѣйшей стороны.

Не смѣя напасть на войско Всеволода, Ярославъ старался только препятствовать своему пораженію. Онъ испортилъ дороги, подрубилъ мосты, подѣлалъ засѣки, и, остановясь въ лѣсахъ, послалъ сказать Всеволоду: « Братъ и сватъ нашъ! Ты занялъ отчину нашу и поѣлъ хлѣбъ нашъ. Если хочешь праваго ряда и любви, мы не прочь, и повинуемся твоей волѣ; если умыслилъ иное, и отъ того не бѣжимъ: да раз-

судитъ насъ Богъ и Святой Спасъ (148)! » Всеволодъ потребовалъ свободы Мстислава Романовича, изгнанія бѣднаго, прозрѣвшаго Ярополка (который все еще проживалъ въ Черниговѣ) и разрыва дружбы съ Романомъ Волынскимъ. Олеговичи отвергли послѣднее, говоря, что Романъ всегда будетъ ихъ другомъ; два первыя условія они исполнили-бы и безъ похода изъ Суздаля. Всеволодъ удовольствовался, не слушалъ негодованія, противорѣчія Князей Смоленскихъ и Рязанскихъ, заключилъ миръ и поворотилъ дружины во свояси. Давидъ также примирился съ Олеговичами и отправился въ Смоленскъ.

Послы Всеволодовы извѣстили Рурика о мирѣ. «Онъ вѣроломецъ, онъ обманщикъ!» возопилъ Рурикъ. « Самъ онъ затѣялъ вражду, самъ возбудилъ

---

(148) Соборная Черниговская церковь была во имя Спаса Преображенія. Отъ того Спасъ Преображеніе былъ знаменіемъ спасенія Чернигова. Каждый городъ считалъ своимъ покровителемъ какое-либо святое лицо, событіе, икону. Такъ въ Кіевѣ и Новгородѣ была Св. Софія, во Владимірѣ икона Богоматери, въ Вышгородѣ мощи Св. Бориса и Глѣба, и въ каждомъ городѣ былъ храмъ, въ который съ особенною вѣрою шелъ народъ молиться во всякомъ общемъ бѣдствіи, именемъ котораго клялись при договорахъ. Описаніе войны Всеволода съ Олеговичами, см. *Кіевск. Лѣт.* (Карамзина, т. III, пр. 95, стр. 70, 71) и *Кен. спис.* стр. 292.

меня на злобу прошивъ зяшя, самъ поссорилъ съ Олеговичами, съ которыми никогда я не думалъ ссоришься. Я отдалъ ему лучшіе города свои—не отъ богатства, но скудости: отнялъ ихъ у зяшя, у браша! Всѣ мы завраждовали черезъ него, и когда надобно было сражашься, онъ медлилъ, наконецъ выступилъ, и помирился съ врагами! Теперь, что мнѣ дѣлашь съ озлобленнымъ Романомъ и съ Олеговичами?»—*Мириться*, отвѣчали спокойно послы (149), и въ ушѣшеніе Рурика извѣстили его, что Всеволодъ взялъ клятву съ Олеговичей — не трогать Рурика. Рурикъ послушался совѣта; но, въ досадѣ, занялъ города, которые прежде отдалъ Всеволоду. Сей знакъ неуваженія ни сколько не оскорбилъ Всеволода: онъ пошелъ тогда въ походъ на Половцевъ, о чемъ мы уже упоминали.

Вскорѣ событія въ Смоленскѣ, въ Черниговѣ и въ Галичѣ преобразили весь порядокъ дѣлъ, и разрушили систему Всеволодовой политики.

Возвратясь въ Смоленскъ, Давидъ рѣшился оставить суету мірскую. Восмнадцать лѣтъ его княженія въ Смоленскѣ были ознаменованы только

---

(149) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, прим. 94). Карамзинъ увѣряетъ, что въ семъ случаѣ, Всеволодъ *смирилъ Олеговичей* и *защитилъ союзниковъ*, (т. III, пр. 100)! —

смутами и безпокойствами. Еще не достигнувъ глубокой старости (ему не было и 60 лѣтъ), Давидъ чувствовалъ неисцѣлимую болѣзнь и ожидалъ смерти. Онъ возвелъ на Смоленское Княжество племянника, Мстислава Романовича; сына своего, Константина, отправилъ въ Кіевъ, къ брату Рурику, и велѣлъ себя, тяжко больнаго, нести въ Смядынскій монастырь Св. Бориса и Глѣба. Тамъ, простившись со всѣми, онъ принялъ иноческій обѣтъ; съ нимъ постриглась и Княгиня его; супруги разстались навсегда на порогѣ церкви, и Давидъ вскорѣ скончался, творя молитвы (Апрѣля 23, 1197 г.).

На другой годъ умеръ Ярославъ Черниговскій. Старѣйшимъ Олеговичемъ остался *Игорь Святославичъ*.

Не знаемъ точно года кончины Владиміра Галицкаго—послѣдней отрасли знаменитаго рода Владиміра, старѣйшаго изъ сыновъ Ярослава, рода, отличеннаго столь замѣчательными Князьями (150).

Извѣстіе о кончинѣ Владиміра было принесено въ Кіевъ, почти вмѣстѣ съ извѣстіемъ о томъ, что Романъ Волынскій уже въ Галичѣ.

---

(150) См. выше, прим. 139. — Польскіе Лѣтописцы говорятъ, что Владиміръ скончался между 1198 и 1200 годомъ. Участь дѣтей его осталась неизвѣстною.

Какъ орелъ добычи, ждалъ смерти Владиміра Романъ. Върить-ли извѣстіямъ, что ядъ ускорилъ даже кончину жалкаго внука Владимірковa (151)? Можетъ быть потому такъ думали нѣкоторые современники, что Князь Волынскій не далъ одуматься никому изъ другихъ Князей, и жадно схватилъ добычу, когда другіе еще собирались схватить ее.

Романъ употребилъ для овладѣнія Галичемъ тоже средство, которымъ Владиміръ исхитилъ Княжество Галицкое изъ рукъ Венгровъ: онъ выпросилъ себѣ помощь Поляковъ. Предвидя бѣдственную свою участь, подъ властью Князя свирѣпаго и оскорбленнаго ими, Галицкіе бояре умоляли Лешка, Короля Польскаго, не отдавать Галича Роману, взять Галицкое Княжество за себя, и управлять имъ чрезъ намѣстниковъ. Лешко не смѣлъ, ибо Польша обуревалась безпрерывными смятеніями и междоусобіями(152). Съ Волын-

---

(151) Это говоритъ Татищевъ; всѣ извѣстныя намъ Лѣтописи молчатъ, даже и *Кіевская*, гдѣ событія на Волыни описаны подробнѣе другихъ.

(152) Лешекъ, или Лешко Бѣлый былъ сынъ Казиміра Справедливаго. Три раза уступалъ онъ престолъ дядѣ своему Мечиславу Старому, владѣтелю Великой Польши (см. прим. 134). Елена, мать Лешка, супруга Казиміра, была сестра Романа, дочь Всеволода Бѣльзскаго. Карамзинъ говоритъ, что *Поляки возвели силою Романа на престолъ Галицкій* (т. III, стр. 105).

цами и Поляками, Романъ вступилъ въ Галичъ; все покорствовало ему; но, наученный опытомъ, онъ принялъ мѣры сильныя и жестокія для упроченія своей власти. « Если хочешь ѣсть медъ, то надобно задавить пчелъ « — говорилъ онъ, и обратилъ сѣкиру палача на истребленіе главнѣйшихъ вельможъ Галицкихъ, столь буйныхъ и строптивыхъ. Являлись доносчики, слѣдовалъ судъ, оканчивалось казнью, и часто ужасною: многихъ осужденныхъ зарывали живыхъ въ землю, иныхъ разрубали на части. Галичане затрепетали, укротились, были послушны Роману, если и не были ему преданы (153).

Романъ соединилъ Галичъ съ Волынью, и усилилъ тѣмъ свое могущество. Никогда еще Галицкое Княжество не простирало такъ далеко своихъ предѣловъ. Столько-же хитрый, сколько храбрый и свирѣпый, Романъ спѣшилъ увѣрить въ дружбѣ и покорности главнаго непріятеля своего, Всеволода Георгіевича. Всеволодъ съ удовольствіемъ внималъ льстивымъ

Онъ слѣдовалъ словамъ Польскихъ писателей. Все состояло въ томъ, что Романъ взялъ дружины Польскія на помощь.

(153) Пословицу Романа сохранилъ намъ Кадлубекъ, переводя ее такъ: melle securius uti apum non posse, nisi penitus oppresso non rarefacto examine. Поговорка эта приводится въ Кіевской Лѣтописи; сыну Романову говорилъ одинъ воевода: « Господине! не погнет-

словамъ Галицкаго Князя, позволилъ ему управляться съ другими, и распоряжать какъ угодно въ Южной Руси (154).

Романъ не замедлилъ исполненіемъ. Онъ узналъ, что Рурикъ и Олеговичи уже дружатся, сносятся, совѣтуютъ между собою. Обвинивъ ихъ въ вѣроломствѣ, въ покушеніи отнять у него Галичъ, Романъ ударилъ прямо на Кіевъ. Походъ его былъ такъ быстръ, что Рурикъ и Олеговичи не успѣли даже и убѣжать изъ Кіева, гдѣ происходили ихъ совѣщанія. Кіевляне встрѣтили Романа; Рурикъ и Олеговичи покорствовали ему и кланялись. Онъ велѣлъ Рурику княжить въ Овручѣ; Олеговичамъ ѣхать въ ихъ области, и отдалъ Кіевъ Ингварю, сыну Ярослава Луцкаго (155).

ши пчелъ, меду не ясти»). (Ист. Г. Р. т. III, прим. 106). Кадлубекъ описываетъ и жестокость Романа; наши Лѣтописцы молчатъ.

(154) Это видно изъ событій. См. далѣе, поступокъ Романа послѣ взятія Кіева.

(155) Карамзину не понравилось присловье Романа о пчелахъ, и онъ увѣряетъ, что если это присловье точно было говорено Романомъ, то «Князья Россійскіе могли *сверженіемъ тирана услужить Человѣчеству* (т. III, стр. 106)!!» Но какіе Князья? Рурикъ, грабитель Кіева въ 1204 году? А права ихъ на сверженіе этого тирана?

Тогда, безопасный со стороны Днѣпра, Романъ началъ приводить въ исполненіе свои обширные замыслы. Онъ принялъ названіе *Великаго Князя и Самодержца всея Руси* (156), хотѣлъ устрашить сосѣдей, искалъ чести, владѣній, богатствъ. Всегда суровый, думающій, что строгость и свирѣпость суть главныя опоры власти, Романъ нападалъ на Литовцевъ, опустошалъ ихъ земли, выводилъ плѣнниковъ на Волынь, въ Галичъ, и отдавалъ въ жестокое рабство. Литовцевъ впрягали въ тѣлеги, пахали землю, употребляя ихъ вмѣсто лошадей, и долго потомъ оставалась въ Литвѣ пословица: « *Злѣ, Романе, робишь, что Литвиномъ орешь* » (157). Съ другой стороны, Половцы обратили на себя мечъ Романа. Они опустошали Грецію, и Императоръ Греческій просилъ Галицкаго Князя заступиться за Христіанъ. Романъ выступилъ: ужасно было опустошеніе земель Половецкихъ! Изгоняемые, поражаемые всюду, Половцы еще болѣе гибли отъ жестокой зимы (158).—Венгрія была въ самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ Романомъ. Бела умеръ въ 1197 г.—Андрей, нѣкогда княжившій въ Галичѣ, спорилъ съ братомъ сво-

---

(156) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, прим. 114) называетъ Романа Великимъ Княземъ и Самодержцемъ всея Руси.

(157) Стриковскій.

(158) Mem. popul. II, 1023; Кен. сп. стр. 297.

имъ, Эммерикомъ, о наслѣдствѣ. Только посредничество Папы могло отвратить кровавое междоусобіе. Въ такомъ случаѣ, Романъ былъ страшенъ Венгріи, тѣмъ болѣе, что объявивъ себя другомъ Андрея, онъ непремѣнно хотѣлъ подкрѣплять сего Князя (159). Польша гибла между тѣмъ въ междоусобіи ужасномъ: Мечиславъ и племянники его спорили и сражались. Романъ хотѣлъ отмстить Мечиславу за старое свое пораженіе; но въ это время дерзость Рурика и Олеговичей оскорбили Галицкаго Князя, и заставили его отложить свои предпріятія на Польшу.

Думая, что Роману некогда думать о Кіевѣ, при другихъ дѣлахъ, Рурикъ и Олеговичи снова соединились, пригласили множество Половцевъ; явился и старый Кончакъ — « пришла вся земля Половецкая, » говорятъ лѣтописи. Кіевъ былъ осажденъ и зажженъ, 1 Января 1204 года. Сквозь пламя пожара вторглись въ него опустошители съ мечами. Еще никогда не испытывалъ такого позора древній, престольный городъ! « Сотвори-

(159) Эммерикъ, или Генрихъ, царствовалъ до 1204 г. — Послѣ несчастной войны съ Крестоносцами онъ умеръ, оставивъ наслѣдіе сыну своему, Владиславу; сей отрокъ оставался Королемъ, подъ опекою дяди Андрея, только полгода, и умеръ. Андрей получилъ тогда престолъ Венгерскій.

лось великое зло въ Русской землѣ,» говорятъ лѣтописцы, « зло, какого не бывало отъ самаго ея крещенія. Бывали надъ Кіевомъ напасти, бывалъ онъ и взятъ; но что всѣ прежнія бѣдствія! Не токмо Подоліе взяли и пожгли враги, но и самый городъ, разграбили Митрополитскую церковь Св. Софіи и Десятинную Пресвятыя Богородицы, и монастыри всѣ. Иконы обдирали, честные кресты, священные сосуды, книги, даже одежды прежнихъ Князей, принесенные въ даръ церквамъ на память ихъ, все было поругано, взято, увезено (160).» Свирѣпые воины не щадили ни пола, ни возраста, ни званія: умерщвляли, безчестили, брали въ плѣнъ, при блескѣ пожарнаго зарева, кликахъ Половцовъ и стонѣ убиваемыхъ.... Поступая, какъ истинные разбойники, Князья подѣлились добычею (161), и оставили опустошенный Кіевъ.

Поспѣшимъ очистить память благороднаго Игоря Святославича Черниговскаго: онъ скончался за три года до взятія Кіева, въ 1202 г. (162).— Главою Олеговичей былъ уже тогда *Всеволодъ Рыжій,* сынъ Святослава Всеволодовича, ничтожный, подобно отцу, но болѣе его жестокосердый и

---

(160) Кен. сп. стр. 297.

(161) У иноземныхъ гостей взяли по дѣлежу половину ихъ имѣній. *Нове. Лѣт.* стр. 64.

(162) Кен. спис. стр. 296.

безсовѣстный. Рурикъ былъ, кажется, только его сообщникомъ— Князь малодушный, слабый, пережившій всѣ роды позора! Современники не смѣли судить его. «Рурикъ», говорили они, «христолюбивый Князь, лѣта немногія жилъ, прижилъ чадъ по плоти, по духу-же чадородіе его было гораздо обильнѣе: *мудролюбіе*, начинаемое страхомъ Божіимъ, *воздержаніе*, какъ основаніе добра, *цѣломудріе* Іосифа, *добродѣтель* Моисеева, *кротость* Давидова, *правовѣріе* Константиново, и прочія добродѣтели, прилагаемыя имъ къ соблюденію заповѣдей Господнихъ: таковы были чада духа его, такъ *философствовалъ* Князь Рурикъ, молясь ежедневно, да сохранитъ его Богъ! Милостивый ко всѣмъ, отъ малыхъ до великихъ, раздавая милостыни, обогащая монастыри и церкви, *любовь несытную* имѣлъ онъ воздвигать церковныя строенія. Такова была и христолюбивая его Княгиня, тезоименитая Аннѣ, родительницѣ Матери Бога нашего. Ни о чемъ не помышляла она, кромѣ церковныхъ потребъ, милованія бѣдныхъ, маломощныхъ и *бѣдующихъ* (163).»

---

(163) *Кіевск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. III, пр. стр. 104, 105). Карамзинъ не смѣлъ повторить сихъ похвалъ Рурику; онъ называетъ его только «трезвымъ, набожнымъ, усерднымъ строителемъ церквей», впрочемъ «*не имѣвшимъ доброй славы братьевъ своихъ*: ни кротости Романовой, ни твердости Давида, ни

За что всѣ сіи похвалы Рурику? За то, что Рурикъ, въ 1198 году, огородилъ Выдубецкій монастырь каменною стѣною. «Стѣну совершили Сентября въ 24-й день. Тогда пріѣхалъ въ обитель самъ Князь Рурикъ, съ Княгинею, сыновьями, Ростиславомъ и Владиміромъ, и съ дочерью Предславою; поставили кутью у Св. Михаила, сотворили пиръ немалый, накормили игуменовъ и калугеровъ, и возвеселились духовно о приведенной въ исполненіе царской мысли Князя. Всѣ превозносили его, а Игуменъ Моисей велегласно изрекъ ему: «Дивное видятъ «нынѣ очи наши! Поставлены крѣпко стопы ра«бовъ твоихъ! Отселѣ не берегомъ Днѣпра, но «стѣною твоего созданія ограждаемся (164)...»

Довольно! Понимаемъ Рурика, и его жизнеописателей.

Узнавъ о разграбленіи (можно-ли иначе назвать?) Кіева, Всеволодъ Георгіевичъ, какъ всегда, изъявилъ свой гнѣвъ, и — болѣе ничего!

воинской доблести Мстислава» (т. III, стр. 146). Возможно-ли: въ Мстиславѣ замѣтить только *воинскую доблесть*, и смѣть сравнивать съ нимъ, отцомъ знаменитымъ человѣка великаго — кого-же? — *Рурика!* Не понимаемъ. . .

(164) Строителемъ стѣны былъ нѣкто *Милонѣгъ*, въ крещеніи *Петръ*. Ее строили съ 10 Іюля по 24 Сентября.

Можно было ожидать совсѣмъ другаго отъ Романа Галицкаго. Онъ шелъ уже съ своими дружинами къ Днѣпру; ожидали страшныхъ слѣдствій. Напротивъ: Романъ предложилъ дружбу свою Рурику и Олеговичамъ, жалѣлъ о Кіевѣ, но не изъявлялъ гнѣва. Бѣдные Князья радовались. Романъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ предложилъ отдать Рурику Кіевъ. «Но самъ я не смѣю располагать Кіевомъ» — говорилъ Романъ. «Князь Всеволодъ Георгіевичъ твой и мой отецъ и господинъ. Пошлемъ къ нему: я стану умолять его, чтобы онъ отдалъ тебѣ Кіевъ по прежнему.» Рурикъ согласился; послы Романа кромѣ того просили Всеволода простить Олеговичей. Всеволодъ гордился честью, которую воздавалъ ему сильный властитель Галича и Волыни. Бояринъ Михаилъ Борисовичъ былъ посланъ изъ Владиміра на берега Днѣпра; въ присутствіи его, Олеговичи, Рурикъ, Романъ клялись все забыть и остаться друзьями.

Романъ предложилъ послѣ того соединенно наказать хищныхъ сосѣдей. Литовцы грабили Заднѣпріе; Олеговичи взялись усмирить ихъ, собрали войско и прогнали Литовскихъ наѣздниковъ. Самъ Романъ захотѣлъ воевать Половцевъ. Онъ, Князь Смоленскій, Рурикъ, племянники ихъ, соединились и вошли зимою въ Половецкія степи. Опустошеніе было ужасно.

Тогда, раздѣливъ силы Князей, и устрашивъ, разогнавъ Половцевъ, Романъ показалъ всю мѣру своего гнѣва. Въ Треполѣ собрались Князья по возвращеніи изъ Половецкой земли, и думали кончить обыкновеннымъ *мироположеніемъ*, т. е. дѣлежемъ добычи по мѣрѣ убытковъ, причиненныхъ каждому изъ участниковъ. Среди собранія всѣхъ Князей, Романъ хотѣлъ унизить старѣйшаго Князя. Высказавъ Рурику всѣ укоризны за его криводушіе, безчеловѣчіе, малодушіе, онъ велѣлъ дружинѣ своей схватить Рурика и везти въ Кіевъ. Другіе Князья трепетали и безмолвствовали. Рурикъ, жена его, и дочь ихъ, не любимая супруга Галицкаго Князя, были отведены въ монастырь, насильно пострижены, и заключены въ одну изъ Кіевскихъ обителей; двухъ сыновъ Рурика отослали въ Галичъ, подъ стражею. Кіевъ остался за Романомъ.

Романъ явился неукротимымъ, могущимъ и грознымъ. Все повиновалось его волѣ. Онъ возвратился въ Галичъ, и спѣшилъ возобновить войну съ Польшею. Въ Галичѣ услышалъ онъ, что Всеволодъ Георгіевичъ негодуетъ на его самовластіе, и даже сбирается идти къ Кіеву съ войскомъ. Въ знакъ того, какъ мало дорожитъ Днѣпровскими областями, Романъ отдалъ Кіевъ Всеволоду, и отпустилъ къ нему плѣнниковъ своихъ, дѣтей Рурика. Всеволодъ посадилъ одного изъ нихъ,

Ростислава, въ Кіевѣ, и замолчалъ. Романъ обратилъ дружины Галицкія на Польшу (165).

И Мечиславъ и противникъ его, Лешко, боялись Романа. Лешко охотно отказывался отъ его помощи, ибо слѣды дружинъ Галицкихъ оставались равно и въ дружеской и въ непріятельской странѣ, вездѣ гдѣ только появлялись Галичане. Польскіе Короли могли быть потревожены и новыми сношеніями Романа съ Папою, или, лучше сказать, Папы съ Романомъ. Все могъ сдѣлать, на все могъ рѣшиться для честолюбивыхъ замысловъ Князь Галицкій. Еще не прошелъ тогда періодъ ужаснаго владычества Папъ. Иннокентій, тогдашній владыка Рима, искалъ всѣхъ случаевъ распространить свое владычество. Возведя въ достоинство Королевствъ Арменію, Булгарію, Богемію, Папа могъ объявить и Галичъ Королевствомъ, могъ даже передать Роману власть надъ окрестными землями (166).

Тѣмъ больше могъ обольститься Романъ, что власть Римскаго первосвященника распространилась тогда и на Царьградъ: онъ былъ взятъ Крестоносцами, и Латинскіе Императоры владѣли имъ. Современники, съ горестью передавая

---

(165) Кен. спис. стр. 298—299.

(166) Что и сдѣлалъ онъ въ послѣдствіи, называя Короля Венгерскаго Galiciae Rex.

намъ извѣстіе, что въ годъ взятія и разграбленія Кіева были знаменія страшныя, было въ одну ночь все небо красное, кровавое, потомъ почернѣло, и по снѣгу и по хоромамъ пролилась точно какъ кровь, съ ужасомъ прибавляютъ, что *въ тотъ-же годъ* « погибли богохранимаго града Константинова царство и земля Греческая, въ свадѣ Царей, и возобладали ими Фряги. Руссы слышали и записали подробности сего достопамятнаго событія , повѣствуя, какъ ослѣпленъ былъ Исаакъ Комнинъ отъ брата, и отправилъ сына своего искать мстителей; какъ *Царь Нѣмецкій* послалъ войско ; какъ пришли страшные воеводы : *Маркосъ*, отъ Римскія страны, изъ града Берна, гдѣ жилъ злой и поганый Дедрихъ ; *Кондофларендъ* и *Дужъ* отъ Маркова острова *Венедики*, нѣкогда ослѣпленный отъ Мануила Царя стекломъ, такъ, что очи его остались невреждениы, онъ глядѣлъ ими, но ничего не могъ видѣть. Описывая убійства и опустошенія , сопровождавшія взятіе Царьграда, Лѣтописцы наши съ изумленіемъ говорятъ о богатствахъ Царяградскихъ, Фрягами разграбленныхъ : серебряномъ амвонѣ въ Софійской церкви, 12-ти алтарныхъ и 4 кивотныхъ серебряныхъ столпахъ , 12 крестахъ и деревахъ великихъ, выше человѣка, изъ чистаго серебра вылитыхъ , драгихъ камняхъ , чудныхъ жемчугахъ, 40 кубкахъ великихъ , безцѣнныхъ сосудахъ , 40 кадяхъ чистаго золота,

и прочихъ драгоцѣнностяхъ, *безъ счета и безъ мѣры* (167).

---

(167) Сколь важно казалось тогда взятіе Царяграда Латинами, видно изъ того, что въ рѣдкую изъ Лѣтописей нашихъ не включена отдѣльная статья, подъ названіемъ: *О взятіи Богомъ хранимаго Царяграда.* Эта статья есть довольно подробное описаніе сего важнаго событія, вѣроятно, переводъ, замѣчательный и въ литтературномъ отношеніи. Подъ именемъ *Фрязовъ*, Лѣтописцы разумѣли *вообще Западныхъ Европейцевъ, Южныхъ,* отличая ихъ отъ *Нѣмцевъ,* Сѣверныхъ Европейцевъ. *Царь Нѣмецкій* означаетъ Филиппа Императора Германскаго, зятя Греческаго Императора; *Кондофларендъ* значитъ Графа Фландрскаго; *Дужъ, отъ Маркова острова Венедики,* есть Генрихъ Дандоло, Дожъ Венеціи, избранный на 84-мъ году его жизни, и слѣпой. Сказка объ ослѣпленіи сего старца-героя сохранилась и у Западныхъ писателей. О богатствахъ, награбленныхъ въ Царьградѣ завоевателями, Вильгардуинъ говорилъ, что отъ сотворенія міра ne fut tant gaaignié dans une ville, а другой современникъ, ut tantum tota non videatur possidere Latinitas. (См. Гиббона, Фр. пер. т. XII, 75). Многія подробности въ описаніи о взятіи Царяграда, сохраненномъ въ нашихъ Лѣтописяхъ, любопытны. Приведемъ въ доказательство нѣсколько строкъ: «На иныхъ корабляхъ исчиниша *пороки* и лѣствицы, а на иныхъ замыслиша свѣшивати бочки черезъ градъ, накладены смолы и лучины... И въ понедѣльникъ Вербныя недѣли приступиша ко граду, солнцу всходящу, противу Святому Спасу, зовому *Верегетисъ,* и сташа и до Влахерны, приступиша на 40 корабляхъ великихъ; бяху-же изре-

Папа и Священники Латинскіе вошли въ дружескія сношенія и переговоры съ Романомъ. Первымъ и *единственнымъ* условіемъ ихъ было — *принятіе Латинской вѣры*. Объ этомъ были всѣ заботы Папскихъ посланниковъ. До насъ дошло любопытное наставленіе Краковскаго Епископа Аббату Клервосскому, нѣкогда посланному обращать Руссовъ въ *Христіанскую истинную вѣру*, отъ *ереси Грековъ*. « Ты идешь въ страну народа, безчисленнаго, подобно звѣздамъ небеснымъ» — писалъ Епископъ. «Но исповѣдуя по имени Христа, въ хладныхъ странахъ своихъ, Руссы ждутъ благотворнаго свѣта истинной вѣры отъ намѣстника Апостоловъ. *Рутенія*» — пишетъ далѣе Епископъ — « есть другой міръ. » Потомъ слѣдуютъ поэтическія увѣщанія: Si enim gloria celeberrima et Thracius Orpheus et Thebanus Amphion coelo inseruntur et astris, et post mortem carmine vivunt, quod sylvestres et lapideos homines lyrae cantibus deliuivit, quanto magis nos speramus,

---

менани межи ихъ, въ нихъ-же людіи на конехъ, одѣты во броня и кони ихъ... И Фрязи привлекоша корабли свои подъ стѣну вѣтромъ, и быша скалы ихъ великій черезъ градъ, а нижняя скалы равно съ забороламн. И біяхуть съ высокихъ скалъ на градъ, Греки и Варяги, (т. е. Грековъ и Варяговъ), каменіемъ, и стрѣлами, и сулицами, а съ нижнихъ на градъ взлѣзоша » ...

quod gentes exteras et immanes sacer Abbas Christo conciliet (168).

Но — *Латинская вѣра*, это *единственное* условіе Западныхъ проповѣдниковъ, было для Романа препятствіемъ непобѣдимымъ. Романъ ласково принималъ посланниковъ, не думалъ соглашаться съ ними, и, напротивъ, самъ убѣждалъ ихъ отстать отъ *Папской ереси*, жарко споря съ посломъ Папы, будучи велерѣчивъ и искусенъ въ книгахъ священныхъ. *Говорятъ*, что посолъ Папскій хотѣлъ преклонить его великолѣпными обѣщаніями, увѣрялъ, что Папа, верховный правитель Государей и обладатель меча Св. Петра, надѣлитъ его благословеніями и на взятіе другихъ земель и городовъ. Романъ указалъ ему на свой мечъ, и спросилъ : « Такой-ли у Папы? Мой мечъ, пока онъ у меня, даетъ мнѣ

(168) Письмо Краковскаго Епископа сохранилось въ Ватиканскомъ Архивѣ; его списалъ тамъ незабвенный Альбертранди, посланный Королемъ Польскимъ, въ 1790 г., для собранія матеріяловъ Нарушевичу. Рукопись Альбертранди состоитъ изъ множества томовъ; всѣ писаны имъ собственноручно. *Гдѣ* они теперь? — Карамзинъ имѣлъ, кажется, часть ихъ, получивъ ее отъ Я. И. Булгакова, и выписалъ *нѣсколько строкъ* изъ драгоцѣннаго письма Епископа къ Клервосскому Аббату (Ист. Г. Р. т. III, стр. 110, 111, пр. 112). Оно писано было въ половинѣ XII вѣка.

земли ; кровію покупаю я города, и не нуждаюсь ни въ чьей помощи (169)! »

Война съ Польшею была начата. Услышавъ, что Мечиславъ умеръ, Романъ остановился, но узнавъ, что сынъ Мечислава, Владиславъ Тонконогій, заступилъ мѣсто отца, продолжалъ опустошенія, требовалъ платежа убытковъ, просилъ въ залогъ Люблинъ, и—вскорѣ заплатилъ жизнію за смѣлую отвагу! Отлучась отъ табора своего съ малою дружиною, Князь Галицкій былъ окруженъ многочисленнымъ непріятелемъ, сидѣвшимъ въ засадѣ, сразился, и—палъ въ битвѣ (170)....

Странная судьба! Современный Лѣтописецъ говоритъ о Романѣ, что онъ «одолѣвалъ другихъ мудростію ума, ходилъ въ заповѣдяхъ Божіихъ, стремился на враговъ, какъ левъ, сердитъ былъ, какъ рысь, губилъ рати, какъ крокодилъ, леталъ по землямъ чуждымъ, какъ орелъ, уподоб-

---

(169) *Ист. Г. Р. т. III, стр.* 111. Впрочемъ, все повѣствованіе о преніяхъ Романа и обнаженіи меча передъ Папскимъ посломъ, не достовѣрно: его нѣтъ въ Лѣтописяхъ. Карамзинъ сослался на печатный *Кенигсберескій списокъ*, стр. 300, 301, но не замѣтилъ, что въ *печатномъ* это *вставка* Издателей. Они взяли у Татищева (изъ III т. стр. 344). А онъ гдѣ взялъ? Не знаемъ.

(170) Въ 1205 году. Тѣло его привезли въ Галичъ, и положили въ церкви св. Богородицы.

ляясь храбростію дикому шуру (171).» Начало жизни Романа было славно : рожденный отъ знаменитаго отца, онъ бился за вольность Новгорода и одержалъ побѣду дивную; но послѣ, много лѣтъ былъ въ ряду другихъ Князей и среди событій невеликихъ. Блистательное поприще Романа не продолжалось и пяти лѣтъ; въ сіи пять лѣтъ Романъ показалъ, что могъ сдѣлать сынъ Мстислава Изяславича. Истинный Карлъ Смѣлый нашей Исторіи; Романъ конечно ждалъ только времени, чтобы управиться съ Русскимъ Людовикомъ XI-мъ, Всеволодомъ Георгіевичемъ. Провидѣніе рѣшило иначе (172). . . .

---

(171) Кіевск. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. III, пр. 114).

(172) Описаніе дѣлъ и характера Романа, сдѣланное Карамзинымъ, есть собраніе противорѣчій! Карамзинъ не пожалѣлъ для него прилагательныхъ, по своему обыкновенію. Онъ называетъ его : *вторымъ Бузирисомъ, дѣятельнымъ, хитрымъ, мужественнымъ, страшнымъ, пылкимъ, неутомимымъ, умнымъ*, и проч. и проч., но не видитъ даже того, что странный Всеволодъ совсѣмъ не былъ владыкою Романа, и что Романъ употреблялъ Всеволода только орудіемъ своей предпріимчивой политики. Карамзину казались времена Ярослава и Изяслава I-го еще продолжавшимися во времена Романа. Говоря о Всеволодѣ Георгіевичѣ, онъ нигдѣ не упускаетъ прибавленія : *Великій Князь*, и думаетъ, или, по крайней мѣрѣ, говоритъ о немъ, какъ о дѣйствительномъ Великомъ Князѣ.

Примѣръ Романа, кажется, показалъ другимъ, что дерзость, смѣлость, быстрота иногда могутъ быть средствами повелѣвать; показалъ и возможность оскорблять Всеволода, страшащаго только однѣми угрозами. Олеговичи и Рурикъ поняли это, и думали употребить въ свою выгоду; но они не знали, что имъ не доставало ума Романова, его дѣятельности, его неукротимой храбрости.

Смерть Романа мгновенно ободрила, оживила жалкихъ противниковъ. Первый возсталъ Рурикъ. Напрасно уговаривала его добродѣтельная супруга не оскверняшь суетою міра чина Ангельскаго, хотя и невольно на нихъ возложеннаго. Сама она кончила жизнь въ монастырской обители, и даже въ схимѣ; но Рурикъ сбросилъ свою монашескую рясу и клобукъ, пріѣхалъ въ Кіевскій дворецъ, свелъ съ Княжества сына своего, и объявилъ себя Кіевскимъ Княземъ (173).

---

(173) «*Ростриже ся* Рурикъ,» говорятъ Лѣтописцы. Карамзинъ зналъ, что вдова Романа, при свиданіи съ Королемъ Венгерскимъ, «*говорила съ чувствительностью матери, и сдѣлала въ немъ* (Королѣ) *столь глубокое впечатлѣніе, что онъ искренно далъ слово быть ея сыну вторымъ отцомъ*» (Ист. Г. Р. т. III, стр. 113).» Дѣйствія соотвѣтствовали обѣщаніямъ», прибавлено къ этому. Въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствовали; мы увидимъ это немедленно! Добродушный Лѣтописецъ дѣйствительно сказываетъ намъ,

Этого казалось ему недостаточно; Рурикъ кинулся въ Галичъ.

Романъ оставилъ двухъ сыновъ отъ второй супруги (съ которою сочетался послѣ развода съ дочерью Рурика): *Данiила* и *Василька*; старшему было только четыре года, младшему два. Благоразумная мать видѣла зыбкость Галицкаго Княжества, ибо всѣ угнетенные властью Романа Галицкіе бояре возставали, видѣла и невозможность удержать власть юныхъ Князей надъ обширною волостью отцовскою, при хищничествѣ сосѣдей. Объявивъ, съ помощію вѣрныхъ бояръ и дружины, Даніила преемникомъ отца, Княгиня отправилась въ Санокъ, видѣлась тамъ съ Королемъ Венгерскимъ, и съ увѣреніями о помощи дѣтямъ стараго друга, и съ Венгерскими войсками возвратилась въ Галичъ. Здѣсь народъ и бояре уже волновались, хотѣли бунтовать, но не смѣли, и встрѣтили Рурика, пришедшаго съ войскомъ, мужественно. Онъ принужденъ былъ оборотиться въ Кіевъ (174).

Еще до похода своего на Галичъ, Рурикъ переговаривалъ съ Олеговичами, отдалъ имъ Бѣлго-

---

что Король Венгерскій обласкалъ дѣтей Романа. Но тда тотъ-же Лѣтописецъ вѣритъ искренней по-юсти Романа Всеволоду — должно-ли намъ повто-ь слова его безъ всякаго разсужденія, и украшать ихъ своими *сантиментальными фразами*?

(174) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 114).

родъ и получилъ увѣреніе въ ихъ дружбѣ. Послѣ неудачи его, вновь съѣхались друзья, и положили идти союзно на Галичъ; прибылъ Смоленскій Князь, пришли и Половцы. Рурикъ и Всеволодъ Рыжій предводительствовали ратью. Вдова Романова видѣла бунтъ внутри Галича, приближеніе враговъ извнѣ и отвсюду, ибо и Польскія войска, вопреки волѣ Лешка, шли соединиться съ Рурикомъ и Всеволодомъ. Княгиня Галицкая умоляла Короля Венгерскаго о помощи; онъ явился, но, вѣроятно, Княгиня узнала ненадежность и этого, послѣдняго союзника, бѣжала въ родовую область Романа, Волынь, и затворилась во Владимірѣ. Поляки, Рурикъ съ племянникомъ, Олеговичи и Венгерцы сошлись въ Галицкой области. Опасенія Княгини оправдались: Король Венгерскій не думалъ уже о дѣтяхъ *стараго друга*. Начались переговоры, хитрости; никто не хотѣлъ уступать. Горделивый Всеволодъ Георгіевичъ могъ тогда порадоваться неожиданному счастью. Переговоры въ Галичѣ кончились тѣмъ, что рѣшились не отдавать Галича ни Олеговичамъ, ни Рурику, но послали звать на Галицкое Княжество сына Всеволодова, Ярослава, княжившаго тогда въ Переяславлѣ (сей удѣлъ оставался въ его владѣніи послѣ смерти храбраго Владиміра Глѣбовича). Согласясь по неволѣ съ другими, Олеговичи перессорились между собою; дѣти Игоря негодовали на Всеволода Рыжаго, и начали дѣйствовать

шайно. Галицкіе бояре звали ихъ къ себѣ. Ночью укрылся ошъ друзей своихъ Владиміръ Игоревичъ, съ брашьями Свяшославомъ и Романомъ; шремя днями предупредилъ Ярослава, уже скакавшаго изъ Переяславля, и былъ объявленъ Княземъ Галицкимъ. Ярославъ ни съ чѣмъ обрашился въ Переяславль, Король Венгерскій ушелъ во свояси, а Рурикъ вскорѣ узналъ дружбу Всеволода Рыжаго (157).

Возгордясь неожиданнымъ пріобрѣшеніемъ Галича, Олеговичи рѣшились не вредишь другъ другу враждою. Всеволодъ Рыжій думалъ, что насшаешъ время рѣшишь шоржесшвомъ долговременную вражду рода ихъ съ Мономаховичами. Если Романъ бралъ смѣлосшью, почему нельзя было пошомкамъ Олега выиграшь шѣмъ-же? — Едва воз-

---

(175) Спрашиваемъ: какимъ-же образомъ «*дѣйствія* Короля Венгерскаго *соотвѣтствовали его обѣщаніямъ?*» Кажешся, все дѣло походило на дѣлежъ добычи. Карамзинъ умѣлъ оправдашься въ своемъ предположеніи. «Можешъ бышь,» говоришъ онъ, «сама вдовсшвующая супруга Романова убѣдила Короля Венгерскаго соглаешься на избраніе Ярослава Всеволодовича, въ надеждѣ что отецъ Ярославовъ, *сильный* Всеволодъ Георгіевичъ, *вообще уважаемый* (но гдѣ-же являлась *сила* Всеволода, и кто *уважалъ* его?), обуздаешъ шамъ народъ мяшежный, *и со временемъ возвратитъ Даніилу достояніе его родителя*» (Исш. Г. Р. ш. III, сшр. 117). Изъ чего выведено все это?

вратился въ Кіевъ Рурикъ, какъ Всеволодъ Рыжій явился подъ Кіевомъ, и Рурикъ бѣжалъ въ Овручъ. Начало было хорошо. Послы Рыжаго явились въ Переяславлѣ, и сказали Ярославу, что онъ долженъ отдать Переяславль сыну новаго Князя Кіевскаго, если не хочетъ погибнуть. Не видя ни откуда помощи, ибо Князь Смоленскій былъ осажденъ Олеговичами въ Бѣлгородѣ, Рурикъ не двигался изъ Овруча, сынъ его изъ Вышгорода, а Всеволодъ Георгіевичъ былъ далеко, Ярославъ уступилъ, просилъ только свободнаго пропуска, и уѣхалъ къ отцу.

Но Рурикъ одумался, собралъ войско, и пошелъ на Кіевъ. Всеволодъ Рыжій немедленно удалился; сынъ Рурика занялъ Переяславль. Рыжій звалъ Половцевъ, требовалъ помощи изъ Галича, и получивъ отвсюду подкрѣпленія, послѣ жестокой битвы, овладѣлъ Треполемъ, облегъ Князя Смоленскаго въ Бѣлгородѣ, и принудилъ его просить пощады. Долго противился Торческъ, гдѣ засѣлъ Мстиславъ Мстиславичъ, усердный защитникъ чести Князя Смоленскаго; наконецъ и Торческъ сдался: Мстиславъ просилъ пропуска въ Смоленскъ, и уѣхалъ туда съ Княземъ Смоленскимъ (176). Рурикъ не дожидался осады Кіева, и бѣжалъ

(176) Здѣсь первый подвигъ сего незабвеннаго Князя, великаго человѣка!

вручилъ онъ *крестъ и мечъ*, сказалъ, что Новгородъ есть древнѣйшее *Княжество Русское*, что онъ благословляетъ его быть *старѣйшимъ изъ Князей* Русскихъ, завѣщаваетъ помнить славное имя и оправдать его дѣлами. О вольности Новгородской не было рѣчи (184). Новгородцы приняли Константина, не внимали завѣтамъ Всеволода, поступали по прежнему, и увидѣли поздно ошибку. Среди вѣча явились бояре Всеволодовы, укорили Новгородъ въ обидѣ Великому Князю, безъ суда обвинили многихъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ, и передъ глазами всѣхъ умертвили знаменитаго гражданина, Алексѣя Сбыславича (185). Въ тоже время Новгородъ услышалъ о гибели Рязанскихъ Князей (въ 1207 г.). Народъ думалъ, что настаютъ времена Андрея Георгіевича, зашумѣлъ, забунтовалъ; жизнь юнаго, добраго Константина была въ опасности, и, сверхъ ожиданія, послы Всеволодовы пріѣхали въ Новгородъ и объявили,

---

(184) Слова Всеволода сохранились въ лѣтописяхъ не Новгородскихъ (Ист. Г. Р. т. III. пр. 117). Въ *Новгородской Лѣт.* (стр. 73) онъ говоритъ только: « Въ землѣ вашей рать ходитъ, а Князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ, а даю вы сынъ свой старѣйшій. «

(185) « И убиша и безъ вины — а заутра плака святая Богородицы у святаго Якова, въ Нере вскомъ Концѣ » (*Нов. Лѣт.* стр. 74).

священника Юрія. Съ сими тремя, вѣрными слугами, взявъ дѣтей, ночью, Княгиня оставила Владиміръ Волынскій. Бѣглецы прошли сквозь отверстіе въ стѣнѣ, не смѣя идти въ городскія ворота, и направили путь въ Польшу (178).

Опасенія Княгини объ измѣнѣ Владимірцевъ скоро подтвердились. Вся Волынь добровольно покорилась брату Владиміра Игоревича, Святославу; другой братъ его, Романъ, получилъ удѣлъ въ Звенигородѣ. Такимъ образомъ, Олеговы потомки завладѣли на время почти всѣми Русскими странами на югѣ и Заднѣпріемъ до Смоленска: Галичемъ, Волынью, Кіевомъ, Переяславлемъ, Черниговомъ, Посемьемъ. Только въ Овручѣ держался Рурикъ, и въ Туровѣ княжили потомки Святополка, дѣти храбраго Юрія (179). Полоцкіе Князья покорствовали Олеговичамъ. Смоленскій Князь не думалъ противиться. Всеволода они вовсе перестали бояться. Но Всеволодъ разсердился наконецъ на Олеговичей. Увидѣвъ изгнаннаго изъ Переяславля сына своего, онъ съ досадою говорилъ: « Развѣ Русь также не моя отчина ? » собралъ войско многочисленное, осенью въ 1207 году выступилъ, и—погубилъ Ря-

---

(178) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 120).
(179) См. выше, стр. 29, 30, 40.

занскихъ Князей. Мы говорили уже объ этомъ (180). Потомъ возвратился онъ въ свой Владиміръ, и какъ будто забылъ о Кіевѣ и Переяславлѣ.

Увѣрясь въ ненадежной вѣрности подданныхъ, вдова Романа Галицкаго скоро узнала и ненадежность дружбы его союзниковъ. Поступки Короля Венгерскаго и Польскихъ Князей не оставляли уже въ этомъ сомнѣнія, но еще можно было полагаться на Лешка, и вѣрить, если не дружбѣ его, то, по крайней мѣрѣ, корыстолюбію. Лешко встрѣтилъ бѣглецовъ дружески, плакалъ, обнимая Даніила и Василька Романовичей, обѣщалъ помощь. Вскорѣ пріѣхали къ нему послы изъ Галича, привезли золота, и Лешко отправилъ вдову и дѣтей Романа въ Венгрію. « Мы были друзья Романа Мстиславича, » говорилъ онъ черезъ посла своего, Владислава Лысаго. « Пособимъ-же дѣтямъ его, изгнанникамъ изъ родной земли! » Андрей, такъ-же какъ Лешко, готовъ былъ помогать; пріѣхали и къ нему Галицкіе послы. Онъ переговорилъ съ ними, замолчалъ, оставилъ Даніила, Василька и мать ихъ у себя въ Венгріи, и отзывался войною. Надобно было вѣрить ему и ждать (181).

Намъ остается обозрѣть событія въ Новгородѣ съ 1182 года, такъ какъ мы обозрѣли со-

---

(180) См. выше, стр. 116-118.

(181) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 120).

бытія въ другихъ Русскихъ областяхъ. Здѣсь главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является Всеволодъ Георгіевичъ.

Исторія Новгорода во всѣ сіи годы представляетъ борьбу вольныхъ Новгородцевъ съ симъ Княземъ, частныя событія въ областяхъ Новгородскихъ, нападеніе на Новгородъ новыхъ сосѣдей — Нѣмцевъ и Литовцевъ, и войны, безпрерывно почти веденныя Новгородцами противъ нихъ. Изобразимъ сначала дѣла Новгородцевъ со Всеволодомъ; другія событія были незначительны.

Мы видѣли, что отказавшись отъ Олеговичей, послѣ дѣятельнаго пособія въ войнѣ 1182 года, Новгородцы помирились со Всеволодомъ, и взяли отъ него Ярослава. Сей Князь, сынъ Владиміра Мстиславича, послѣ смерти отца жилъ въ Суздальской области (182). Черезъ два года, послѣ жестокаго нападенія Литовцевъ на Новгородскіе предѣлы, Новгородцы не взлюбили Ярослава, « сотворившаго много пакости землѣ ихъ, » просили Всеволода смѣнить его, и требовали себѣ сына Смоленскаго Князя, Мстислава Давидовича. Всеволодъ согласился; но дѣйствовалъ тайно, желая обременить постепенно прочною властію своею Новгородцевъ. Въ 1188 г. оказа-

---

(182) См. выше стр. 63.

лись успѣхи его полишики. Начался бунтъ; паршія, требовавшая снова Ярослава Владиміровича, перекричала другихъ, и Всеволодъ ошправилъ его княжить въ Новгородѣ; Давидовичу указали пушь изъ вольнаго города. Девять лѣтъ продолжалось послѣ шого княженіе Ярослава. Бывъ орудіемъ Всеволода Георгіевича, Ярославъ повиновался волѣ его, шрашилъ жизнь Новгородцевъ въ ссорахъ Всеволода съ другими Князьями, молчалъ, видя приращеніе сообщниковъ его въ Новгородѣ (183). Но вѣче явно увидѣло наконецъ снисходишельное шерпѣніе своего Князя. Въ тоже время сообщники Всеволода пошребовали изгнанія Ярослава и посольсшва во Владиміръ: хошѣли рѣшишельно поддашься Всеволоду, и молишь у него сына на Княжесшво. Тогда была война у Всеволода съ Олеговичами. Вѣче было въ недоумѣніи, спорило. Нѣкошорые изъ Новгородцевъ своевольно ошправились наконецъ ко Всеволоду, и просили, *отъ имени всего Новгорода*, дашь имъ сына; другіе свели съ Княжесшва Ярослава, и призвали къ себѣ Князя изъ рода Олеговичей

---

(183) При изгнаніи Ярослава, Новгородцы говорили, что онъ «много шворяху пакосши.» Въ 1196 г., при ...ченіи мира между Черниговскимъ Княземъ и Все...къ, «Новгородъ *выложиша вси Князи въ свого*... гдѣ имъ любо, шу себѣ Князя поимаюшъ.» Лѣт. сшр. 58.

(Ярополка Ярославича, сына бывшаго тогда Черниговскаго Князя); Ярославу данъ былъ удѣлъ въ Торжкѣ. Всеволодъ не скрывалъ своего негодованія, объявилъ Новгороду непріязнь, не воевалъ, но грабилъ, захватывалъ повсюду Новгородцевъ, укоряя, что сами-же они просили Князя отъ руки его. Напрасно Новгородцы отвѣчали, что это былъ не голосъ вѣча, но своевольство немногихъ; напрасно потомъ, желая мира, изгнали Олеговича, черезъ полгода по пріѣздѣ его въ Новгородъ, и призвали Ярослава. Всеволодъ не прекращалъ своего мщенія, и въ концѣ 1199 года Новгородцы увидѣли необходимость согласиться на его желаніе. Отправились послы во Владиміръ. Всеволодъ угостилъ ихъ, увѣрялъ, что не думаетъ разрушать свободы Новгородской, и даетъ Новгороду волю выбирать *любаго изъ его сыновей*. Новгородцы думали обмануть хитраго Князя, и избрали четырехъ-лѣтняго сына его, Святослава. Они ошиблись, полагая, что могутъ закрываться именемъ сына Всеволодова, и не слушаться воли отца. Бояре опытные пріѣхали изъ Владиміра, княжить и управлять. Новгородцы не ладили съ ними; ссоры были безконечны. Такъ прошло шесть лѣтъ. Всеволодъ думалъ, что настало время дѣйствовать прямо, и объявилъ, что видя малолѣтство Святослава, хочетъ дать Новгороду владѣтеля достойнаго. Константину, старшему сыну своему,

вручилъ онъ *крестъ и мечъ*, сказалъ, что Новгородъ есть древнѣйшее *Княжество Русское*, что онъ благословляетъ его быть *старѣйшимъ изъ Князей* Русскихъ, завѣщаваетъ помнить славное имя и оправдать его дѣлами. О вольности Новгородской не было рѣчи (184). Новгородцы приняли Константина, не внимали завѣтамъ Всеволода, поступали по прежнему, и увидѣли поздно ошибку. Среди вѣча явились бояре Всеволодовы, укорили Новгородъ въ обидѣ Великому Князю, безъ суда обвинили многихъ знатнѣйшихъ Новгородцевъ, и передъ глазами всѣхъ умертвили знаменитаго гражданина, Алексѣя Сбыславича (185). Въ тоже время Новгородъ услышалъ о гибели Рязанскихъ Князей (въ 1207 г.). Народъ думалъ, что настаютъ времена Андрея Георгіевича, зашумѣлъ, забунтовалъ; жизнь юнаго, добраго Константина была въ опасности, и, сверхъ ожиданія, послы Всеволодовы пріѣхали въ Новгородъ и объявили,

(184) Слова Всеволода сохранились въ лѣтописяхъ не Новгородскихъ (Ист. Г. Р. т. III. пр. 117). Въ *Новгородской Лѣт.* (стр. 73) онъ говоритъ только: «Въ землѣ вашей рать ходитъ, а Князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ, а даю вы сынъ свой старѣйшій.«

(185) « И убиша и безъ вины — а заутра плака святая Богородицы у святаго Якова, въ Неревскомъ Концѣ » (*Нов. Лѣт.* стр. 74).

что Князь Великій даетъ Новгородцамъ полную свободу, беретъ сына, позволяетъ выбрать въ Князья кого имъ угодно, и въ исполненіе желанія *добраго народа,* утверждаетъ всѣ граматы и права, данныя имъ отъ прежнихъ Князей. « Кто до васъ добръ—любите; кто не добръ—казните!» говорили послы (186).

---

(186) « И вда имъ волю всю, и уставы старыхъ Князь, его-же хотѣху Новгородцы» (*Нов. Лѣт.* стр. 75). Возвратясь домой изъ Рязанскаго похода, Новгородцы составили шумное вѣче. Посадникъ Дмитрій Мирошкинъ, оставшійся у Всеволода, былъ обличенъ въ томъ, что онъ « повелѣша на Новгородцахъ серебро имати, а по волости куны брати, по купцемъ виру дикую, и повозы возити, и все зло.» Домы Дмитрія и братьевъ его (одинъ изъ нихъ, Борисъ, пріѣзжалъ съ Владимірскимъ посломъ, и вмѣстѣ съ нимъ судилъ и велѣлъ умертвить Алексѣя Сбыславича) были разграблены, сожжены, села и челядь проданы, и все раздѣлено между Новгородцами: пришлось по три гривны на человѣка, не считая того, что во время грабежа тайно кто захватилъ. Такъ я читаю слова: «Избытокъ раздѣлиша *по зубу, по 3 гривнѣ* по всему городу, *а на щитъ* аще кто потай подхватилъ, а того единъ Богъ вѣдаетъ, и отъ того мнози разбогатѣша» (Новг. Лѣт. стр. 75). Въ словахъ: *по зубу,* мнѣ кажется тоже выраженіе, что *ухо на ухо, поголовно*; мы донынѣ называемъ деньги, которыя дарятъ родильницамъ: *на зубокъ* положить. Слова: *на щитъ*, кажется, значатъ: при грабежѣ. Вспомнимъ выраженіе: *взять на щитъ.* Сочинитель *Опыта*

Но еще дымились тогда развалины Рязани; нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ были въ честномъ плѣну у Всеволода; войско его стояло въ оружіи; партіи, смятенія раздирали вѣче; защитника не было, и Новгородцы, поблагодаривъ Всеволода, просили снова дать имъ юна-

---

о Посадникахъ Новгородскихъ (стр. 107) полагалъ, что *раздѣлиша по зубу*, значитъ дѣлежъ какихъ нибудь *особенныхъ драгоцѣнностей*. Карамзинъ доказывалъ, что сіи драгоцѣнности должны быть *моржовые клыки*, и что ими считали въ Новгородѣ цѣнность, такъ, какъ считали ее кунами и мордками (Ист. Г. Р. т. III, пр. 128). Еще непонятное выраженіе, при семъ-же случаѣ: « А что на *дьщькахъ* (въ *Строевскомъ*: « а что ся на дскахъ остало въ писмѣ), а то Князю оставиша». Далѣе: « И даша *дъщкы* Дмитровы Святославу » (въ *Строевскомъ*: « и даша Князю *дощки* Дмитровы, а бяше на нихъ богатьства безъ числа »). Щербатовъ думалъ, что это значитъ *доски, на которыхъ Дмитрій записывалъ долги*; Татищевъ, что это значитъ *лавки*, объясняя, что лавки закрывались опускными досками. Если предположить, что въ позднѣйшемъ, Строевскомъ, спискѣ, прибавки сдѣланы незнающимъ писцомъ, то вотъ наша догадка: въ Сибири называются *дощениками* большія суда, или крытыя ладьи. Это слово могло перейдти туда въ древнія времена, съ Новгородцами. Такъ на Байкалѣ, до сихъ поръ, Юго-Восточный вѣтръ называется: *шелоникъ*. Значеніе сего слова узнаете на Ильменѣ, отъ каждаго Новгородца, который такъ называетъ вѣтеръ, дующій отъ *Шелони*.

го Святослава Всеволодовича. Съ досадою, съ горестію смотрѣли они на бояръ Владимірскихъ, съ нимъ пріѣхавшихъ, видѣли ихъ самоуправство, и — принуждены были молчать (187).

Здѣсь явленіе, дотолѣ невиданное нами въ Исторіи Русскаго народа.

---

(187) Вотъ частныя событія въ Новгородѣ. Въ 1186 г. Вышата, съ удальцами Новгородскими, дѣлалъ удачный набѣгъ на Финляндскую Емь (ходиша молодци на Емь, о Вышатѣ о Васильевичѣ, и придоша опять здорови, добывше полона); въ 1187 г. избили Новгородскую дружину въ Югрѣ и на Печорѣ; въ 1188 г. была ссора у Новгородцевъ съ Нѣмецкими и Варяжскими купцами, и прекращенъ торгъ; есть извѣстія, что Новгородцы нападали тогда на Шведскіе берега, разграбили и сожгли городъ Сигтуну, близъ Унсалы, но извѣстіе это недостовѣрно (См. Ист. Г. Р. т. III, пр. 85); въ 1191 г. опять былъ походъ на Емь, а зимою на Чудь: тогда взятъ былъ городъ Юрьевъ, а на другой годъ Оденпе. Въ 1193 году, Новгородцы посылали войско мстить Юграмъ. По оплошности воеводы, войско это было перебито; на другой годъ остатокъ его пришелъ въ Новгородъ. Бѣглецы ссорились, оговаривали другъ друга; нѣкоторые изъ нихъ, по подозрѣнію въ измѣнѣ, казнены. Въ 1200 году Литовцы сдѣлали набѣгъ на Ловать; Новгородцы мстили имъ тѣмъ-же. Въ 1201 г. снова была ссора съ Нѣмецкими купцами, и потомъ заключенъ миръ.

ГЛАВА III.

Съ невольнымъ умиленіемъ смотрѣли мы на ранній гробъ *Мстислава Ростиславича Храбраго*, облитый горькими слезами вольныхъ Новгородцевъ (188). Умирая, Мстиславъ поручилъ малолѣтныхъ сиротъ своихъ братьямъ, а младшаго сына, Владиміра, отдалъ пѣстуну его, Новгородцу Борису Захарьевичу (189). Прошло *двадцать восемь лѣтъ*. Дѣти Мстислава были въ зрѣломъ возрастѣ силы и мужества, отличались душевною доблестію и воинскою храбростію. Владиміръ, съ согласія Новгородцевъ и Всеволода Георгіевича, былъ Княземъ въ Псковѣ, и бился съ Литовцами и Чудью. Старшій, Мстиславъ, находился у дядей своихъ, въ южной Руси. Мы видѣли его добрымъ сподвижникомъ Рурика Ростиславича, раздѣлявшимъ превратности жребія сего Князя (190). Когда Всеволодъ Рыжій

---

(188) См. выше, стр. 105, и пр. 86.

(189) См. выше, стр. 103. Борисъ Захарьевичъ жилъ послѣ того въ Треполѣ съ дѣтьми Мстислава. См. прим. 92.

(190) Въ первый разъ видимъ Мстислава Мстиславича въ войнѣ съ Половцами 1193 года, черезъ 13 лѣтъ послѣ смерти отцовской; потомъ находимъ его посланнымъ въ Галичь, и приведшимъ войско на Рома-

изгналъ изъ Кіева и тѣснилъ Рурика, и Мстиславъ Романовичъ принужденъ былъ умолять о пропускѣ въ свое Смоленское Княжество, обѣщаясь не вступаться въ чужія дѣла, Мстиславъ Мстиславичъ уѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ (191). Князь Смоленскій пожелалъ наградить Мстислава, и далъ ему въ удѣлъ Торопецъ (192).

Еще не знали сего доблестнаго Князя современники его. Добрый и храбрый, подобно отцу, онъ скрывалъ дотолѣ свою великую, благородную душу, участвовалъ въ мѣлкихъ битвахъ Князей, но презиралъ ихъ, и наконецъ рѣшился быть спа-

---

на, въ 1196 году; наконецъ въ несчастной войнѣ Рурика и Смоленскаго Князя съ Всеволодомъ Рыжимъ, когда онъ упорно защищалъ, въ 1207 году, Торческъ. См. выше, прим. 124, стр. 164 и стр. 191.

(191) См. выше, прим. 176.

(192) *Торопецъ*, на рѣкѣ Торопѣ, впадающей въ Двину, въ 497 верстахъ отъ Москвы, 357 верстахъ отъ Пскова, къ Юго-Востоку. Онъ находится въ самой срединѣ между Полоцкомъ, Смоленскомъ, Торжкомъ и Новгородомъ, отъ котораго лежитъ прямо на югъ, нѣсколько вправо отъ Ловати. Всѣ мѣста, гдѣ былъ Мстиславъ Мстиславичъ, драгоцѣнны благодарной нашей памяти. Къ Торопцу должны мы приближаться съ сильнымъ чувствомъ сердца: здѣсь *началъ* Мстиславъ. По Словарю Щекатова, въ 1808 году была еще цѣла земляная Торопецкая крѣпость. Нынѣ Торопецъ принадлежитъ къ Псковской Губерніи.

сителемъ, примирителемъ Русскихъ земель, защитою слабыхъ, грозою сильныхъ, безкорыстно милуя и карая. Его назвали въ послѣдствіи *Удатнымъ* или *Удалымъ* (193). Что хотѣли выразить симъ названіемъ? Не *удачи-ли*, которыми ознаменованы были пятнадцать лѣтъ славнаго житія Мстиславова? Но сіи удачи были слѣдствіемъ глубоко обдуманнаго плана, крѣпости душевной, мужества тѣлеснаго.

Воображаемъ Мстислава Мстиславича, въ бѣдномъ Торопецкомъ его удѣлѣ, думающаго думу о судьбѣ Руси, и изыскивающаго средства совершить свои обширные помыслы.

Что видѣлъ онъ окрестъ себя? Города въ пожарахъ, воспаляемыхъ иноплеменниками, призываемыми роднею на родню, братомъ на брата, или Князьями и ихъ безчеловѣчными дружинами, для защиты своего жалкаго бытія; поля, запекшіяся Христіанскою кровію; пашни, заросшія волчцемъ, ибо воздѣлыватели ихъ погибли; междоусобія, дошедшія до послѣдней степени наглости и безстыдства; клятвы, едва данныя и уже нарушенныя; Кіевъ, обезславленный, опозоренный, грабленный нѣсколько разъ, и — кѣмъ?

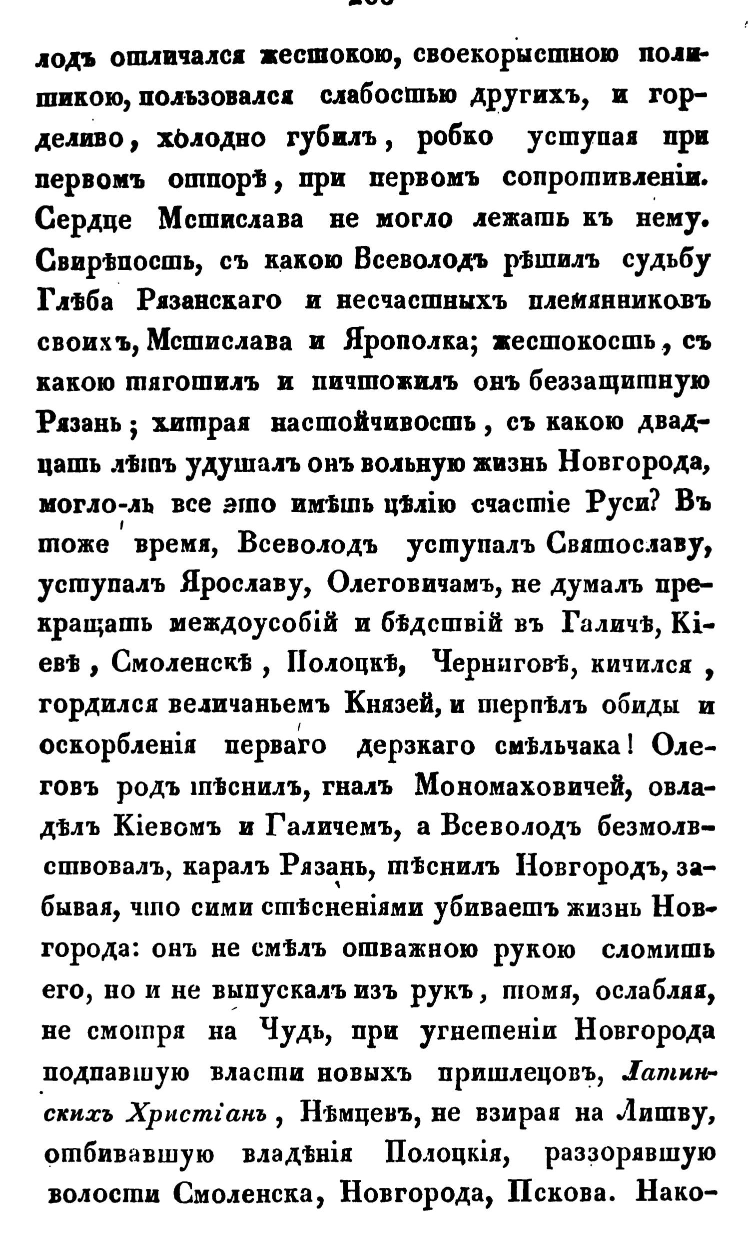
---

(193) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, прим. 326). Карамзинъ замѣчаетъ, что по Богемски: *удатный*, значитъ также: *храбрый*.

Русскими Князьями; Рязань, сожженную Княземъ, взявшимъ ее во время мира и при изъявленіи покорности; клеветы, взводимыя однимъ на другаго; бояръ своевольствующихъ; права наслѣдства потерянныя, нарушенныя; прежнихъ иноплеменниковъ, пожиравшихъ жизнь и добро Русской земли, и новыхъ — Литовцевъ, Нѣмцевъ, Поляковъ, Венгерцевъ, стремившихся въ Русскія области съ огнемъ и мечемъ. Свобода Новгорода издыхала; родъ Олеговъ, вѣковой врагъ Мономахова рода, слабый, изнеможенный, побѣждалъ родъ Мономаха, владѣлъ Галичемъ, Кіевомъ; Мономаховичи были разсѣяны, раздираемы несогласіями...

На кого изъ современниковъ могли, съ утѣхою и надеждою, обратиться взоры Мстислава Мстиславича?

Первый представлялся ему *Великій Князь*, горделивый владѣтель Сѣверной Руси, Всеволодъ Георгіевичъ. Уже тридцать три года властвовалъ онъ. Правда: области Владимірскія были крѣпки подъ его рукою; Булгары и Половцы не смѣли впадать въ его земли; города и селенія безопасно умножались по берегамъ Волги и Клязьмы; но мыслилъ-ли Всеволодъ о благоденствіи, безопасности другихъ Русскихъ земель? думалъ-ли о *чести* Мономахова дома? можно-ли было ожидать отъ него, уже стараго и дряхлаго, твердости духа и добледушія при перемѣнѣ неблагопріятной, угрожавшей ежедневно? Всево-

лодъ отличался жестокою, своекорыстною политикою, пользовался слабостью другихъ, и горделиво, холодно губилъ, робко уступая при первомъ отпорѣ, при первомъ сопротивленіи. Сердце Мстислава не могло лежать къ нему. Свирѣпость, съ какою Всеволодъ рѣшилъ судьбу Глѣба Рязанскаго и несчастныхъ племянниковъ своихъ, Мстислава и Ярополка; жестокость, съ какою тяготилъ и пичтожилъ онъ беззащитную Рязань; хитрая настойчивость, съ какою двадцать лѣтъ удушалъ онъ вольную жизнь Новгорода, могло-ль все это имѣть цѣлію счастіе Руси? Въ тоже время, Всеволодъ уступалъ Святославу, уступалъ Ярославу, Олеговичамъ, не думалъ прекращать междоусобій и бѣдствій въ Галичѣ, Кіевѣ, Смоленскѣ, Полоцкѣ, Черниговѣ, кичился, гордился величаньемъ Князей, и терпѣлъ обиды и оскорбленія перваго дерзкаго смѣльчака! Олеговъ родъ тѣснилъ, гналъ Мономаховичей, овладѣлъ Кіевомъ и Галичемъ, а Всеволодъ безмолвствовалъ, каралъ Рязань, тѣснилъ Новгородъ, забывая, что сими стѣсненіями убиваетъ жизнь Новгорода: онъ не смѣлъ отважною рукою сломить его, но и не выпускалъ изъ рукъ, томя, ослабляя, не смотря на Чудь, при угнетеніи Новгорода подпавшую власти новыхъ пришлецовъ, *Латинскихъ Христіанъ*, Нѣмцевъ, не взирая на Литву, отбивавшую владѣнія Полоцкія, раззорявшую волости Смоленска, Новгорода, Пскова. Нако-

нецъ, что могла принесть Руси кончина Всеволода? Новыя междоусобія, новыя бѣдствія! Шесть сыновъ было у него; вражда уже возникала между ими, а сильнаго духомъ не было изъ нихъ видно.

Старый *Рурикъ Ростиславичъ*, Князь-разстрига (194), загнанный въ Овручъ; Князь Смоленскій, вымоливішій пощаду у Олеговичей; мѣлкіе Князья Полоцкіе; Олеговичи, дѣйствовавшіе по внушенію безсовѣстнаго Всеволода Рыжаго — на сихъ-ли Князей была надежда? Наслѣдники Романа Галицкаго жили изгнанниками въ Венгріи; Игоревичи, ежеминутно угрожаемые Польшею и Венгріею, и не ручавшіеся за твердость Галича ни дѣлами, ни умомъ; наконецъ — *Всеволодъ Рыжій*, грабитель Кіева, уже столь сильный, думавшій только о своевольныхъ отнятіяхъ земель, и въ тоже время малодушный крамольникъ — вотъ современники, коихъ зналъ Мстиславъ Мстиславичъ!

Отречься отъ своекорыстія, не думать ни о Великомъ, ни о другомъ какомъ-либо Княжествѣ, сдѣлаться сильнымъ Княземъ, грозою крамольниковъ, заставить бояться своего имени, совокупить въ единую душу всѣхъ Князей, умирить ихъ, двинуть на враговъ внѣшнихъ, прославить Русь славою отцовъ, и лечь во гробъ съ чистою совѣстью, съ увѣренностью на счастіе отчизны, съ славою земнаго Ангела-Хранителя — та-

(194) Соф. Строевскій, т. I, стр. 216.

кова была мысль Мстислава Мстиславича, мысль, которой рѣшился онъ посвятить всю жизнь, мечъ и умъ свой (195)!

Какъ мысль сія запала въ душу Торопецкаго малосильнаго Князя? Лѣтописцы молчатъ: мы не знаемъ. Но сынъ доблестнаго Мстислава, можетъ быть, и самъ не отдавалъ себѣ отчета въ развитіи мысли великой; можетъ быть и не умѣлъ-бы отдать такого отчета. Какъ отецъ его, онъ могъ только сказать самъ себѣ: «Не угашай духа, иди, дѣлай, не бойся умереть за отчизну; павшій въ битвѣ очищается отъ грѣха, а смерть легко застанетъ тебя въ грѣхахъ (196)!» Такъ, можетъ быть, сказалъ себѣ Мстиславъ, благословилъ себя крестомъ, и сталъ смѣло.

---

(195) Не думаемъ влагать здѣсь нашихъ мыслей Мстиславу: такъ могъ *онъ* самъ смотрѣть на современныя событія. Долгъ Исторіи поставить наблюдателя на настоящую точку зрѣнія. Не странно-ли, что донынѣ, прославляя другихъ, мѣлкихъ и часто безславныхъ, Князей, Русскіе Историки во все не замѣчали великаго Мстислава? Счастливыми себя почтемъ, если наше повѣствованіе, хотя нѣсколько явитъ сего незабвеннаго Князя въ истинномъ свѣтѣ. Намъ не нужно будетъ для сего выводить небывалое, какъ выводилъ Карамзинъ о Мономахѣ: дѣла говорятъ; мы только поясняемъ ихъ.

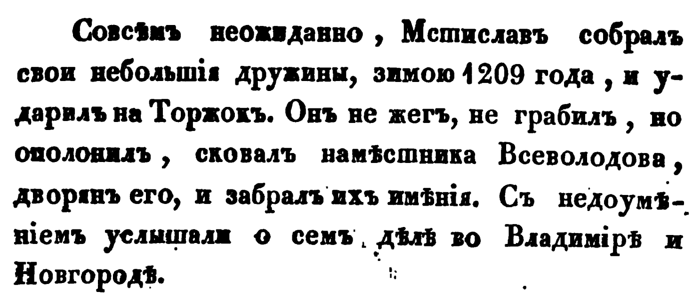
(196) «Духа не угашайте!» Слова Апостола Павла. Слова Мстислава Храбраго см. выше, стр. 104.

Если дивимся его душѣ необыкновенной, звѣздѣ во маракѣ современномъ, то не менѣе удивляемся и глубокому познанію современныхъ дѣлъ, отношеній, характеровъ, какое показалъ Мстиславъ, приступивъ къ своему дѣлу. Доблестный отецъ, боровшійся съ грозною силою Андрея; Романъ Галицкій, въ пять лѣтъ пролетѣвшій молніею по небосклону Греціи, Польши, Венгріи и Руси, были, кажется, его примѣрами. Мстиславъ, конечно, помнилъ правило отцовъ: не золотомъ добываютъ дружину, а дружиною золото (197); зналъ, что одинъ смѣлый подвигъ привлечетъ къ нему сердца и души; видѣлъ, что все покорится силѣ меча, руководимой честностью и умомъ.

Но чѣмъ могъ онъ начать? Куда долженъ былъ обратиться? Уговаривать-ли Князей? Они не поняли-бы его. Идти-ли съ горстью людей на Кіевъ? Кто ручался, что даже родные не выдадутъ его! Мстиславъ обратилъ взоры на Новгородъ, страдавшій отъ самовластія Всеволодова, нападенія внѣшнихъ враговъ, и волненій внутренныхъ. Тамъ, гдѣ *кончилъ* отецъ, Мстиславъ *хотѣлъ начать*; съ тѣми людьми, которые плакали надъ гробомъ отца, Мстиславъ рѣшился совершить свои великія предпріятія.

---

(197) См. слова Владиміра, т. I, стр. 206; Даніилъ Заточникъ, и сказаніе о Святославѣ, см. т. II, стр. 229, пр. 236.

Совсѣмъ неожиданно, Мстиславъ собралъ свои небольшія дружины, зимою 1209 года, и ударилъ на Торжокъ. Онъ не жегъ, не грабилъ, но ополонилъ, сковалъ намѣстника Всеволодова, дворянъ его, и забралъ ихъ имѣнія. Съ недоумѣніемъ услышали о семъ дѣлѣ во Владимірѣ и Новгородѣ.

Но недоумѣніе Новгородцевъ скоро разрѣшилось. Въ полномъ собраніи Новгородскаго вѣча явился бояринъ Мстислава. « Князь Мстиславъ Мстиславичъ, « говорилъ бояринъ, » кланяется Святой Софіи, гробу отца своего, и вамъ, вольные Новгородскіе люди! Слышитъ онъ, что великое насиліе вольности вашей дѣлаютъ Князья, и жаль ему стало васъ, отчины его, друзей отца его. Хотите-ли, чтобы онъ шелъ къ вамъ?» — Вѣче огласилось радостными голосами; уже давно не слышно было въ Новгородѣ подобной рѣчи: вспомнили Мстислава Храбраго, вспомнили, что братъ Князя Торопецкаго зорко стороживъ предѣлы Псковскіе, видѣли, что не устрашась могущества Всеволодова, Мстиславъ Мстиславичъ началъ уже дѣйствовать, и *съ великою честію* послали звать его въ Новгородъ. Святославъ и Владимірскіе бояре, опекуны юнаго Князя, были схвачены и заперты въ Архіерейскомъ домѣ — обыкновенной почетной тюрьмѣ Князей Новгородскихъ. Мстиславъ въѣхалъ торжественно въ Новгородъ. Радуясь, что освободитель уже въ

стѣнахъ вольнаго города, Новгородцы вспомнили; что такъ въѣхалъ къ нимъ нѣкогда отецъ, надѣялись, что княженіе Мстислава будетъ счастливѣе отцовскаго (198).

Конечно, мы должны предполагать крѣпкое, обдуманное намѣреніе Мстислава, и вѣрный разсчетъ; все однакожъ политическій небосклонъ окрестъ его облегали страшныя тучи. Что начнетъ Всеволодъ Георгіевичъ? Что скажутъ другіе Князья?

Мстиславъ не медлилъ. Онъ мгновенно собралъ Новгородскія дружины; не дожидаясь извѣстій изъ Владиміра, пошелъ на Суздальскую область, сталъ близъ границъ оной. Такія неожиданныя событія смутили Всеволода. Константинъ, послѣ выѣзда изъ Новгорода получившій отъ отца удѣлъ въ Ростовѣ, спѣшилъ на встрѣчу Мстислава; но съ нимъ поѣхали и послы Всеволодовы. « Князь Великій на тебя не ратуетъ — » говорили они Мстиславу — « будь ему сыномъ, онъ будетъ отцемъ твоимъ; отпусти Святослава, бояръ его; отдай имѣнія ихъ и смирись, а Великій Князь отпускаетъ плѣнныхъ Новгородцевъ и возвращаетъ все, что было захвачено. » Мстиславъ обрадовался первому успѣху. Близъ Торжка, Князья поцѣловали крестъ, размѣнялись добычею и плѣн-

(198) Новг. Лѣт. стр. 76.

никами. Мстиславъ возвратился въ Новгородъ при плескахъ народа (199).

Въ тоже время, Всеволодъ оказалъ необыкновенное миролюбіе и въ другомъ случаѣ. Всеволодъ Рыжій могъ думать, что на него пойдутъ со всѣхъ сторонъ всѣ потомки Мономаха. Этого не было. На жалобы Рурика, Всеволодъ отвѣчалъ только посредничествомъ. Переговоры со стороны Рыжаго началъ Митрополитъ Матѳій. Всеволодъ выговорилъ только, чтобы Днѣпровскій Переяславль остался за нимъ. Рыжій соглашался, но ни за что не отдавалъ Кіева. Долго спорили; наконецъ уговорили Рурика на дѣло, дотолѣ неслыханное: Рыжій уступилъ ему свое родовое Княжество, Черниговъ. Онъ скрывалъ свои дальнѣйшіе замыслы, кланялся, дружился съ Всеволодомъ Георгіевичемъ, и отдалъ дочь свою за втораго сына его, Георгія. О Галичѣ не упоминали, о Рязани также: каждый блюлъ, что захватилъ. Митрополитъ выпросилъ только свободу Княгинямъ Рязанскимъ (200). Опять наступила тишина совершенная. Каждый былъ озабоченъ своимъ отдѣльнымъ дѣломъ: Все-

---

(199) idem, стр. 77.— Всеволодъ, » зная легкомысліе Новгородцевъ, и надѣясь управиться съ ними безъ кровопролитія, предложилъ миръ, » говоритъ Карамзинъ (т. III, стр. 127). Можно-ли такъ говорить !!

(200) Объ этомъ, постыдномъ для Всеволода, мирѣ,

володъ семейнымъ несогласіемъ; Рыжій бѣдствіемъ своихъ родныхъ въ Галичѣ. Обратимся къ Мстиславу.

Посадникомъ въ Новгородѣ былъ тогда *Твердиславъ*, Архіепископомъ *Митрофанъ*. Мстиславъ хотѣлъ видѣть на сихъ важныхъ мѣстахъ своихъ приверженцевъ, людей ему вѣдомыхъ и вѣрныхъ. Твердиславъ, утвержденный на своемъ мѣстѣ Всеволодомъ, безспорно уступилъ посадничество Димитрію Якуновичу, вызванному Мстиславомъ изъ Великихъ Лукъ; сей городъ отданъ былъ въ завѣдываніе Владиміра Псковскаго. Готовясь на битвы въ Чудской землѣ, Мстиславъ отправился съ новымъ Посадникомъ осматривать области, былъ въ Лукахъ, Торжкѣ, Торопцѣ, велѣлъ ставить укрѣпленія, и возвратился въ Новгородъ. Тогда пріѣхалъ туда изъ Іерусалима благочестивый странникъ, Новгородецъ Добрыня Ядренковичъ. Онъ привезъ съ собою кусокъ камня отъ Гроба Господня и постригся въ Хутынскомъ монастырѣ. Мстиславъ и Новгородцы вдругъ вознегодовали на Митрофана, не слушали оправданій, свели его съ владычняго престола и сослали въ Торопецъ. Владыка терпѣлъ уничиженіе смиренномудро. Добрыня Ядренковичъ былъ посланъ ставиться въ

Карамзинъ говоритъ, что имъ Всеволодъ «*доказалъ любовь свою къ общему спокойствію*» (Т. III, стр. 127).

Кіевъ, и, получивъ имя Антонія, пріѣхалъ къ удовольствію Князя и Новгородцевъ въ санѣ Святительскомъ (201).

Укрѣпивъ такимъ образомъ внутреннюю тишину, и внѣшнюю безопасность со стороны Суздаля и Смоленска, Мстиславъ двинулъ дружины въ Чудскую землю. Тамъ съ нѣкотораго времени обстоятельства сдѣлались весьма важны для Новгорода.

Сказавъ объ усиленіи Литовцевъ, мы упомянули о новыхъ пришлецахъ: Нѣмецкихъ проповѣдникахъ (202). Вскорѣ сіи распространители Слова Божія сдѣлались осѣдлыми жителями Чудскихъ земель. Въ 1186 году, нѣкто Мейнгардъ построилъ первую церковь Латинскую на устьѣ Двины, въ Икскулѣ, обвелъ ее крѣпостью, получилъ отъ Папы званіе Епископа Ливонскаго, и положилъ основаніе прочной власти Латинской Церкви и Нѣмцевъ на берегахъ Балтики. Преемникомъ его былъ Бертольдъ Лохау. Епископы Ливонскіе поставлялись отъ Бременской церкви. Но въ 1197 году Альбертъ фонъ Буксгевденъ, знаменитый урожденецъ Бремена, избранный въ Епископы Ливонскіе, умѣлъ отдѣлить Ливонію. Онъ приплылъ съ цѣлою колоніею поселенцевъ, на 22-хъ корабляхъ, съ своими род-

---

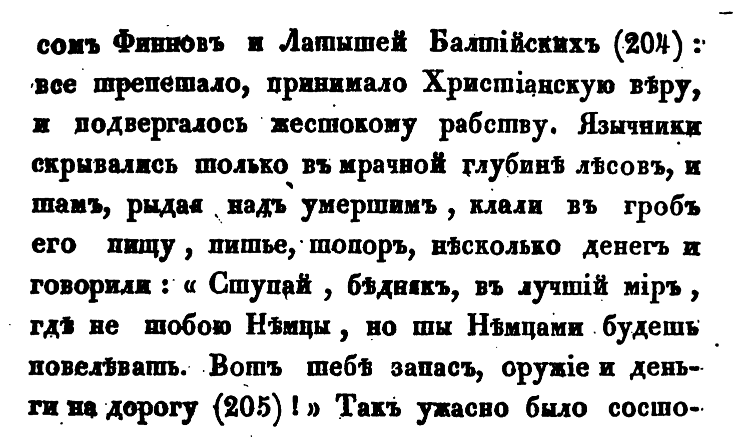
(201) Новг. Лѣт. стр. 77, 78.

(202) См. выше, стр. 123, 124.

ственниками, Нѣмецкими купцами и воинами. Въ 1200 году заложилъ онъ въ устьѣ Двины Ригу, и началъ дѣйствовать, какъ политикъ искусный. Монахъ Бернгардъ отправленъ былъ отъ него въ Римъ, къ Папѣ Целестину III-му, просить благословенія на учрежденіе военнаго, духовнаго Ордена Рыцарей, который-бы распространялъ и защищалъ Ливонскую Церковь. Папа согласился. Императоръ Генрихъ VI отдалъ Ливонію, какъ ленное владѣніе, Епископу Рижскому и будущимъ Рыцарямъ, и въ 1201 году учредили новый Орденъ *Божіихъ Рыцарей*, или *Меченосцевъ*. Винно, или Винандъ фонъ Рорбахъ былъ первый Гермейстеръ Ордена. Ему данъ былъ уставъ, знаменитыхъ уже въ то время, Рыцарей Храма. Новые Рыцари клялись соблюдать безбрачіе, цѣломудріе, прилежно ходить къ обѣднѣ, защищать Церковь Ливоніи, способствовать крещенію и покорять земли невѣрныхъ, оставляя себѣ одну треть, и отдавая двѣ трети Епископу Рижскому, или Божіей Матери, ибо вся Ливонія объявлена была землею Пресвятой Богородицы (203). Скоро бѣлый плащъ и красный крестъ Рыцаря Божьяго сдѣлались ужа-

(203) Въ повѣствованіи о Ливонскихъ рыцаряхъ мы руководствуемся Кельхеновою: Liefländische Historia (Ревель, 1695 года). Gottes Ritter, Schwerd-Bruder, было названіе рыцаря Ливонскаго. Ударяя мечемъ нововступающаго въ Орденъ, Гермейстеръ говорилъ ему:

сомъ Финновъ и Латышей Балтійскихъ (204): все трепетало, принимало Христіанскую вѣру, и подвергалось жестокому рабству. Язычники скрывались только въ мрачной глубинѣ лѣсовъ, и тамъ, рыдая надъ умершимъ, клали въ гробъ его пищу, питье, топоръ, нѣсколько денегъ и говорили: « Ступай, бѣднякъ, въ лучшій міръ, гдѣ не тобою Нѣмцы, но ты Нѣмцами будешь повелѣвать. Вотъ тебѣ запасъ, оружіе и деньги на дорогу (205)! » Такъ ужасно было состо-

---

Dies Schwerdt empfang von meiner Hand
Zu schützen Gottes und Marien Land!

Обязанности Рыцарей, см. Кельхена, стр. 54.

(204) Это было орденское одѣяніе. Не льзя не вспомнить здѣсь стиховъ Мицкевича, когда изобразивъ суевѣрное повѣрье Литовцевъ, полагавшихъ, что Моровая Язва ходитъ въ видѣ дѣвы, въ бѣломъ платьѣ, съ огненнымъ вѣнкомъ на головѣ, кровавымъ платкомъ въ рукахъ, и изобразивъ ужасъ появленія сего страшилища, поэтъ говоритъ:

. . . ale więcéj zguby,
Wróżył Litwinom od niemieckiéj strony,
Gzyszak błyszczący ze strusiémi czuby,
I płaszcz szeroki, krzyżem naczerniony.
Gdzie przeszły stopy takiego widziadła,
Nichém jest klęska wiosek albo grodów:
Cała kraina w mogiłę zapadła.

(205) Gehe hin du Elender aus diesem Zustande in eine bessere Welt, da nicht mehr die Teutschen über dich, sondern du über sie herrschen wirst; hie hast du ein Gewehr, Speise und Wegegeld. — Кельхенъ, стр. 29.

яніе несчастныхъ Финновъ. Отселѣ установились постоянное рабство и феодальная власть въ Ливоніи.

Быстро распространялось при пособіи Рыцарей владычество Епископа Рижскаго; крѣпости безпрерывно далѣе и далѣе знаменовали предѣлы его, и вскорѣ подошли онѣ къ владѣніямъ Полоцкимъ, землямъ Пскова и Новгорода. Альбертъ завоевалъ Кукенойсъ (206), городъ Всеволода, одного изъ потомковъ Всеславовыхъ, княжившаго въ Герсикѣ (207), напалъ на самую Герсику, сжегъ ее, и заставилъ Всеволода быть данникомъ Рижскаго Епископскаго престола. Другой потомокъ Всеслава, Князь Владиміръ, осадилъ Икскуль, но не могъ взять его, и бѣжалъ, слыша, что Король Датскій пришелъ на помощь Епископу (208). Въ тоже время, Альбертъ предложилъ дружбу Владиміру Мстиславичу Псковскому. Братъ Епископа, Дитерихсъ, женился на родственницѣ Владиміра (209).

---

(206) *Кукенойсъ*, который Руссы называли *Куконосъ*, и который нынѣ называется *Кокенгузенъ*, на Двинѣ, въ 105 верстахъ отъ Риги, отъ Вендена въ 84 верстахъ.

(207) *Герсика*, нынѣ *Крейцбургъ*, ниже Динабурга; по-Латышски *Кревцеметиллисъ*; Руссы называли его *Кружборъ*.

(208) Кельхенъ, стр. 55.

(209) *Дочери*, пишетъ Карамзинъ (т. III, стр. 147).

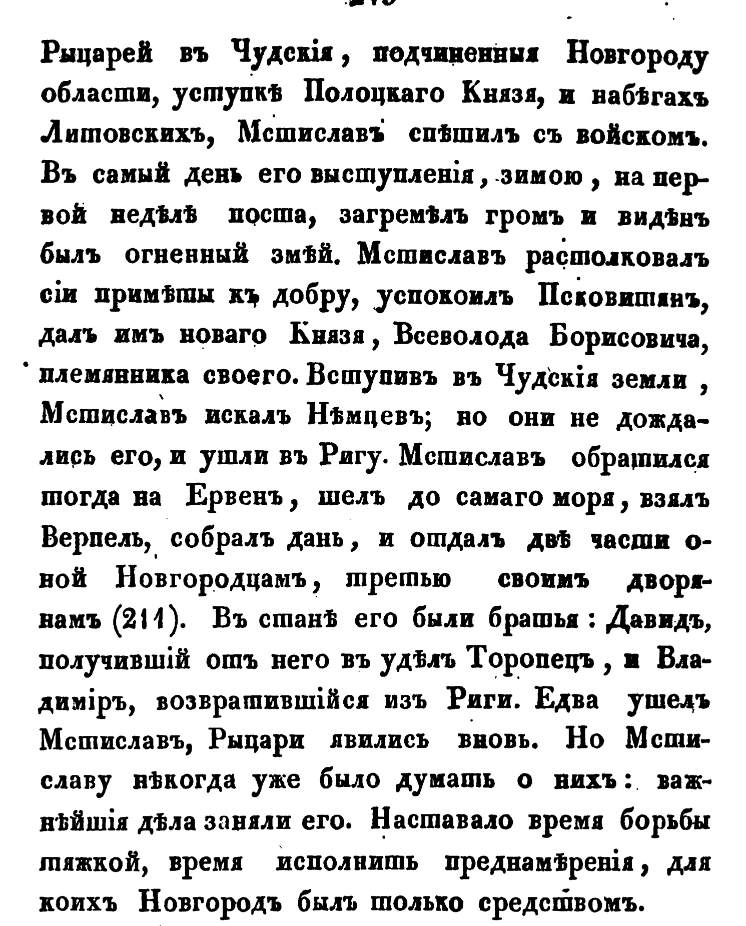

Мстиславъ Мстиславичъ видѣлъ опасность и невыгоду новаго сосѣдства. Латинская Церковь, торговля Нѣмцевъ по Двинѣ и мечъ побѣдоносныхъ Рыцарей, возбуждали опасенія касательно самой вѣры, не только торговли и спокойствія Новгородцевъ. Надобно было показать смѣлую бодрость духа. Мстиславъ не хотѣлъ ссориться съ Нѣмцами; но въ 1212 году онъ соединилъ дружины, выступилъ за Дерптъ къ Сѣверу, покорилъ тамошнюю Чудь, и зимою осадилъ Оденпе (210). На слѣдующій годъ, Литовцы впали въ Псковскія области и выжгли ихъ до самаго Пскова. Псковитяне сложили вину на своего Князя, изгнали Владиміра, и просили у Мстислава другаго Князя. Владиміръ уѣхалъ въ Ригу.

Тамъ доходило до войны съ Полоцкимъ Княземъ. Владиміръ хотѣлъ быть посредникомъ. Альбертъ и Князь Полоцкій съѣхались близъ Герсики. Въ горячемъ спорѣ, съ обѣихъ сторонъ обнажили было мечи, но Владиміръ уговорилъ мириться, и Князь Полоцкій уступилъ Альберту всѣ Чудскія, дотолѣ подвластныя ему земли. Меченосцы обратились послѣ того къ сѣверу. Слыша о бѣгствѣ Владиміра въ Ригу, впаденіи

---

(210) До сихъ поръ мы не означили еще мѣста, столь часто упоминаемаго въ походахъ Новгородскихъ на Чудь, которое Руссы называли: *Медвѣжья голова*, а Чудь: *Оденпе*. Нынѣ это небольшая мыза, въ 6 миляхъ отъ Дерпта, на юго-западъ.

Рыцарей въ Чудскія, подчиненныя Новгороду области, уступкѣ Полоцкаго Князя, и набѣгахъ Литовскихъ, Мстиславъ спѣшилъ съ войскомъ. Въ самый день его выступленія, зимою, на первой недѣлѣ поста, загремѣлъ громъ и видѣнъ былъ огненный змѣй. Мстиславъ растолковалъ сіи примѣты къ добру, успокоилъ Псковитянъ, далъ имъ новаго Князя, Всеволода Борисовича, племянника своего. Вступивъ въ Чудскія земли, Мстиславъ искалъ Нѣмцевъ; но они не дождались его, и ушли въ Ригу. Мстиславъ обратился тогда на Ервенъ, шелъ до самаго моря, взялъ Верпель, собралъ дань, и отдалъ двѣ части оной Новгородцамъ, третью своимъ дворянамъ (211). Въ станѣ его были братья: Давидъ, получившій отъ него въ удѣлъ Торопецъ, и Владиміръ, возвратившійся изъ Риги. Едва ушелъ Мстиславъ, Рыцари явились вновь. Но Мстиславу нѣкогда уже было думать о нихъ: важнѣйшія дѣла заняли его. Наставало время борьбы тяжкой, время исполнить преднамѣренія, для коихъ Новгородъ былъ только средствомъ.

Мы упомянули о несогласіяхъ въ семействѣ Всеволода Георгіевича: они омрачили послѣдніе

---

(211) *Верпель* называли Руссы: *Воробьинъ*. — Новг. Лѣт. стр. 79. — Объ уступкѣ Полоцкаго Князя, см. Ист. Г. Р. т. III, прим. 157. — *Ервенъ*, Чудское поколѣніе, жившее тамъ, гдѣ нынѣ Вейсенштейнъ, въ 34 верстахъ отъ Ревеля.

дни его старости. Всеволода называли наши предки *Великимъ Гнѣздомъ* (212), по причинѣ многочисленнаго потомства. У него было всего восемь сыновъ, изъ коихъ оставалось только шестеро: *Константинъ*, *Георгій*, *Ярославъ*, *Владиміръ*, *Святославъ* и *Іоаннъ*. Напрасно добрая мать ихъ, девять лѣтъ страдавшая тяжкимъ недугомъ, и за восмнадцать дней до смерти принявшая чинъ иноческій, на смертномъ одрѣ умоляла дѣтей блюсти миръ и дружбу; напрасно Константинъ, старшій братъ, отличался добротою и кротостью — раздоръ загорѣлся, и грозилъ быть началомъ тяжкихъ бѣдствій (213). Константинъ княжилъ въ Ростовѣ, когда услышалъ, что отецъ его, чувствуя ослабѣвающія силы, распоряжаетъ наслѣдствомъ. Всеволодъ объявилъ Константина своимъ наслѣдникомъ, волѣ его предоставилъ раздачу удѣловъ другимъ братьямъ; но Георгія отдѣлилъ, и отдалъ ему Ростовъ. Константинъ послалъ сказать отцу, что онъ не согласенъ дѣлить области и не даетъ Георгію Ростова. Можетъ быть, онъ представилъ ему несчастныя слѣдствія такихъ дѣленій. Старикъ Всеволодъ оскорбился; собралъ бояръ, духовенство, народъ;

---

(212) Въ Родословныхъ книгахъ.

(213) О постриженіи супруги Всеволодовой мы упомянули, т. II, стр. 205, пр. 216. Описаніемъ онаго оканчивается *Кенигсбергскій списокъ* Лѣтописи Нестора и его продолжателей.

объявилъ, что онъ лишаетъ Константина наслѣдія, не признаетъ его послѣ себя Великимъ Княземъ, и отдаетъ все второму сыну своему, Георгію. Привыкнувъ въ теченіе тридцати семи лѣтъ повиноваться Всеволоду, всѣ безмолвствовали, и по волѣ отца присягнули Георгію. Вскорѣ «*насталъ конецъ временнаго и многомутящагося житія*» Всеволодова: тихо, безмолвно «*приложился онъ къ отцамъ и дѣдамъ своимъ*,» 15 Апрѣля 1212 года, на 58-мъ году жизни (214).

---

(214) Лѣтописи говорятъ о Константинѣ: «Воздвиже брови своя со гнѣвомъ на братью свою, паче-же на Георгія!» — Не говоримъ здѣсь ничего о характерѣ Всеволода: читатели могли понять его сами, изъ безпристрастнаго соображенія нашихъ повѣствованій о дѣлахъ сего замѣчательнаго Князя. Лѣтописецъ, современный инокъ, пишетъ о немъ: «Много мужествовавъ, и дерзость имѣвъ на бранехъ, украшенъ всѣми добрыми нравы, злые казня, а добромысленные милуя... Его имени *трепетаху вся страны, и по всей землѣ изыде слухъ его, и вся зломыслы его вда Богъ подъ руцѣ его*... Далѣе: «Многи-же церкви созда... Любяше-же по многу черноризскій и поповскій чинъ»... Тутъ немного надобно объясненій. Но какъ понять слова Карамзина, который, подтверждая названіе Всеволода *великимъ государемъ*, говоритъ, что «воспитанный въ Греціи, Всеволодъ могъ научиться тамъ хитрости, а не человѣколюбію: *иногда мстилъ жестоко*, но хотѣлъ всегда казаться *справедливымъ, уважая древнія обыкновенія* (?); требовалъ покорности отъ Князей, но *безъ вины* не

Георгій вступилъ во всѣ права его, объявилъ себя *Великимъ Княземъ*, искалъ друзей въ братьяхъ, отдалъ Ярославу *Переяславль Залѣсскій*, Владиміру *Москву*, Святославу *Юрьевъ Польскій* (215); отпустилъ изъ плѣна Князей Рязанскихъ, взявъ съ нихъ только слово: быть подъ рукою его, и потребовалъ отъ Константина Ростова. Константинъ не спорилъ о Великомъ Княжествѣ, не хотѣлъ междоусобій, но не отдавалъ Ростова. Съ обѣихъ сторонъ вооружились; Ярославъ и Святославъ стали за Георгія, Владиміръ за Константина.

Два раза приходилъ Георгій къ Ростову, отнялъ у Владиміра Москву, и послалъ его княжить

отнималъ у нихъ престоловъ, и *желалъ властвовать безъ насилія*; повелѣвая Новгородцами, *льстилъ ихъ любви къ свободѣ*; мужественный въ битвахъ *и въ каждой побѣдитель* (?), не любилъ кровопролитія безполезнаго. Однимъ словомъ, былъ рожденъ царствовать (хвала не всегда заслуживаемая Царями!) и хотя не могъ назваться самодержавнымъ Государемъ Россіи, однакожъ, подобно Андрею Боголюбскому, напомнилъ ей счастливые дни единовластія» (*Ист.* Г. Р. т. III, стр. 135). — Такая увѣренность въ добродушномъ согласіи читателей, которые сами видѣли дѣла Всеволодовы, и послѣ того должны вѣрить противорѣчащему выводу Историка — непостижима! Слич. съ словами Карамзина стр. 205, 206 сего III-го тома И. Р. Н.

(215) Истор. Г. Р. т. III, пр. 154.

въ южный Переяславль. Константинъ отбилъ Георгія, сжегъ Кострому, и предлагалъ миръ. Братья съѣхались и раздѣлили отцовское наслѣдіе: Константинъ взялъ Ростовъ и Ярославль; все остальное было за Георгіемъ (216).

Мстиславъ Мстиславичъ не вмѣшивался въ раздоры дѣтей Всеволода, ибо въ то время событія въ южной Руси заняли его. Тамъ, въ Черниговѣ, умеръ долговѣчный Рурикъ, въ лѣтахъ преклонныхъ, испытавъ столько превратностей жизни (217). Мономаховичи могли думать о назначеніи ему преемника: у Рурика остался сынъ, Владиміръ; были племянники. Но Всеволодъ Рыжій ждалъ только кончины старика. Онъ прислалъ сказать сыну и племянникамъ Рурика, чтобы немедленно оставили они Кіевскую, Черниговскую, Волынскую области. Игоревичи въ то время уже не владѣли Галичемъ. Рыжій обвинялъ потомковъ Ростислава въ вѣроломствѣ,

(216) Владиміръ былъ тамъ взятъ Половцами въ плѣнъ, и выкупясь изъ плѣна княжилъ въ *Стародубѣ* на Клязьмѣ, верстахъ въ 60 отъ Владиміра. Нынѣ сей городъ уже не существуетъ; осталась память его только въ названіи *Стародубовской волости*, гдѣ находится село Городище.

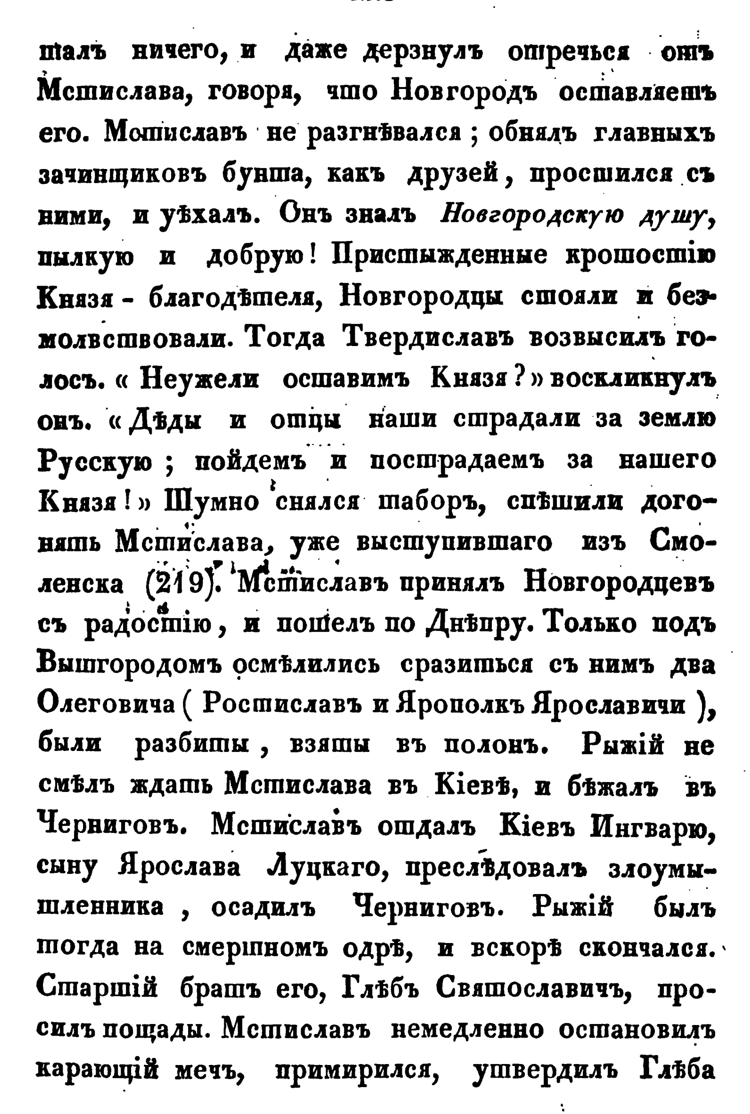
(217) Ист. Г. Р. т. III, пр. 133 и 135. Ростиславъ Руриковичъ, кажется, тогда-же скончался (idem); его не встрѣчаемъ болѣе.

убійствѣ, хищеніи, подкрѣпилъ обвиненія оружіемъ и — бѣдные Князья, толпою, выѣхали въ Смоленскъ. Сіи изгнанники обратились къ Мстиславу Мстиславичу, умоляя его быть ихъ защитникомъ. Ласково принявъ своихъ родичей, Мстиславъ созвалъ Новгородское вѣче, и на немъ предложилъ Новгородцамъ: хотятъ-ли они идти съ нимъ и пособить его братьямъ? Единодушно загремѣло вѣче: « Куда только взглянешь ты очами своими, Князь добрый! тамъ мы головы повергнемъ (218)! » — Мстиславъ поблагодарилъ Новгородцевъ, взялъ съ собою дружины ихъ, бывшаго Посадника Твердислава, и, въ началѣ Іюня 1214 года, выступилъ къ Смоленску. Тутъ были уже готовы дружины Смоленскія. Оказалось нечаянное и несчастное препятствіе. Новгородцы поссорились съ Смольянами, началась драка: одинъ Смольянинъ былъ убитъ. Мстиславъ хотѣлъ разсудить ссору, созвалъ Смольянъ, и послалъ звать Новгородцевъ. Посланные его пришли обратно съ отвѣтомъ, что Новгородцы собрали свое отдѣльное вѣче въ таборѣ, и нейдутъ на судъ Князей. Мстиславу совѣтовали употребить силу. « Не надобно! » сказалъ онъ, пошелъ къ Новгородцамъ, и дружески говорилъ съ ними. Вольный народъ не слу-

---

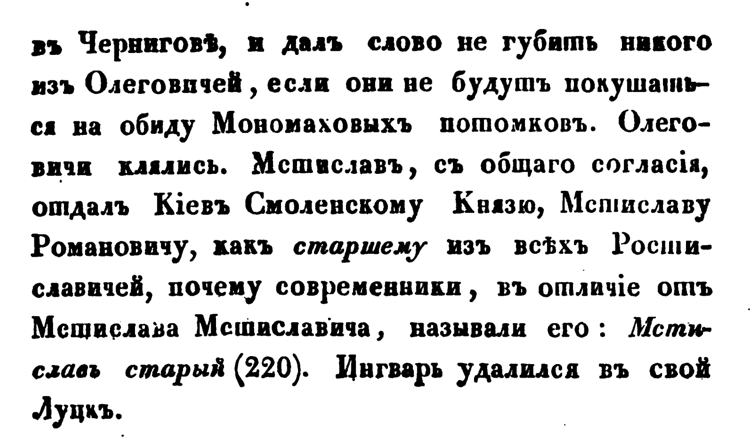
(218) Новг. Лѣт. стр. 80.

шалъ ничего, и даже дерзнулъ отречься отъ Мстислава, говоря, что Новгородъ оставляетъ его. Мстиславъ не разгнѣвался; обнялъ главныхъ зачинщиковъ бунта, какъ друзей, простился съ ними, и уѣхалъ. Онъ зналъ *Новгородскую душу*, пылкую и добрую! Пристыжденные кротостію Князя - благодѣтеля, Новгородцы стояли и безмолвствовали. Тогда Твердиславъ возвысилъ голосъ. «Неужели оставимъ Князя?» воскликнулъ онъ. «Дѣды и отцы наши страдали за землю Русскую; пойдемъ и пострадаемъ за нашего Князя!» Шумно снялся таборъ, спѣшили догонять Мстислава, уже выступившаго изъ Смоленска (219). Мстиславъ принялъ Новгородцевъ съ радостію, и пошелъ по Днѣпру. Только подъ Вышгородомъ осмѣлились сразиться съ нимъ два Олеговича (Ростиславъ и Ярополкъ Ярославичи), были разбиты, взяты въ полонъ. Рыжій не смѣлъ ждать Мстислава въ Кіевѣ, и бѣжалъ въ Черниговъ. Мстиславъ отдалъ Кіевъ Ингварю, сыну Ярослава Луцкаго, преслѣдовалъ злоумышленника, осадилъ Черниговъ. Рыжій былъ тогда на смертномъ одрѣ, и вскорѣ скончался. Старшій братъ его, Глѣбъ Святославичъ, просилъ пощады. Мстиславъ немедленно остановилъ карающій мечъ, примирился, утвердилъ Глѣба

---

(219) idem, стр. 80.

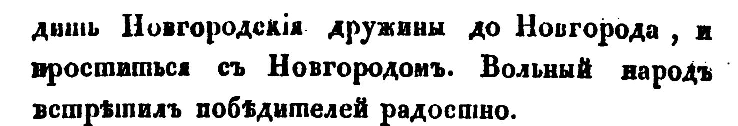

въ Черниговѣ, и далъ слово не губить никого изъ Олеговичей, если они не будутъ покушаться на обиду Мономаховыхъ потомковъ. Олеговичи клялись. Мстиславъ, съ общаго согласія, отдалъ Кіевъ Смоленскому Князю, Мстиславу Романовичу, какъ *старшему* изъ всѣхъ Ростиславичей, почему современники, въ отличіе отъ Мстислава Мстиславича, называли его: *Мстиславъ старый* (220). Ингварь удалился въ свой Луцкъ.

Сѣверъ Руси, гдѣ Новгородъ сдѣлался крѣпокъ рукою Мстислава, а Великое Княжество хотя и раздѣлилось, но было мирно, при уступчивости добраго и слабаго здоровьемъ Константина, и при отвращеніи отъ междоусобій Георгія, казался тихимъ. Мстиславъ видѣлъ, что присутствіе его болѣе нужно было въ южной Руси, гдѣ взаимныя отношенія Кіева, Чернигова, Смоленска, Мономаховичей и Олеговичей, не были еще хорошо опредѣлены. Онъ рѣшился остаться на берегахъ Днѣпра, тѣмъ болѣе, что хотѣлъ отважиться на важный подвигъ: успокоеніе Галича, кипѣвшаго бунтами и неустройствомъ. Но Мстиславъ хотѣлъ прежде прово-

---

(220) Послѣ смерти Святослава, старшаго сына Ростиславова, родъ Романа остался первенствующимъ. См. сего III го тома, стр. 25, и прим. 42.

дипь Новгородскія дружины до Новгорода, и проститься съ Новгородомъ. Вольный народъ встрѣтилъ побѣдителей радостно.

Прошло немного времени. Мстиславъ созвалъ вѣче, сказалъ, что съ помощью Божіею у нихъ все устроено, поклонился Новгородцамъ, и просилъ *отпустить его*. « Изберите себѣ другаго Князя, какого вамъ угодно: вы вольны въ Князьяхъ, а я иду въ Русь; тамъ есть мнѣ дѣло » — прибавилъ онъ, и уѣхалъ, не оставивъ Новгородцамъ даже сына своего. Новгородцы долго думали, наконецъ рѣшились звать къ себѣ Ярослава Всеволодовича, бывшаго удѣльнымъ Княземъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ. За нимъ была дочь Мстислава Мстиславича. Новгородцы думали, что зять будетъ подобенъ тестю, ошиблись, дорого заплатили за свою ошибку, и были причиною большаго переворота въ дѣлахъ Сѣверной Руси.

Юрій Иванковичъ, Посадникъ, Якунъ Намнѣжичъ, Тысяцкій, и десять почетнѣйшихъ Гостей, пріѣхали къ Ярославу, и звали его въ Новгородъ. Ярославъ согласился. Архіепископъ Антоній и весь Новгородъ встрѣтили, привѣтствовали его.

Ярославъ пріѣхалъ съ супругою, боярами, дружиною, и вскорѣ показалъ, что онъ *не Мстиславъ*. Самовольно началъ онъ принимать доносы

и клеветы. Партіи народныя спѣшили пользоваться пошачкою Князя, ожили, начали губить одна другую. По приказу Ярослава схватили и бросили въ тюрьму Якуна Зуболомича, схватили и Торжковскаго Посадника Ѳому; обоихъ за стражею отвезли въ Тверь. Новгородцы изумились, но еще молчали. Ярославъ собралъ вѣче. Ѳедоръ Лазутиничъ и Иванъ, Торжковскій гражданинъ, явились съ доносомъ на Тысячскаго Якуна. Князь послалъ за нимъ; Якунъ отказался идти на вѣче; вороги Тысячскаго бросились въ его домъ, разграбили, схватили жену и сына его. Тутъ весь Новгородъ возмутился; народъ собрался на малыя вѣчи по городскимъ концамъ, шумѣлъ, спорилъ; на Прусской улицѣ дошло до драки: Евстрата, знаменитаго Новгородца, и сына его, Луготу, убили. Ярославъ оскорбился еще болѣе, когда Якунъ пришелъ на большое вѣче съ Посадникомъ, началъ защищаться противъ обвиненій, а народъ не сталъ выдавать его. Князь немедленно уѣхалъ въ Торжокъ, съ Твердиславомъ и другими почетными Новгородскими людьми, не показывалъ досады, отпустилъ Твердислава въ Новгородъ, но потребовалъ безусловной покорности Намѣстнику своему, говоря, что самъ онъ безъ того не пойдетъ изъ Торжка. Вѣче не слушало. Ярославъ перерѣзалъ пути въ Новгородъ, не допускалъ туда хлѣба и запасовъ; оказался недостатокъ.

Къ несчастію, ранніе морозы истребили хлѣба окрестъ Новгорода; сдѣлался голодъ. Напрасно послали тогда изъ Новгорода къ Ярославу избранныхъ мужей, прося его пріѣхать въ Новгородъ и объясниться на вѣчѣ. Ярославъ захватилъ посланныхъ, и еще сильнѣе облегъ всѣ пути. Народъ доходилъ до крайности: по 10 гривенъ платили за кадь ржи, по 3 гривны за кадь овса, по 2 гривны за возъ рѣпы. И этого не было: люди ѣли мохъ, липовыя листья, сосновую кору; отцы продавали дѣтей, всюду валялись трупы умершихъ отъ голода и болѣзней, на площадяхъ, на улицахъ, по полямъ; огромная скудельница была полна трупами; народъ побѣжалъ изъ Новгорода: *разошлась Новгородская власть, разошелся городъ*. Самъ Посадникъ Юрій пріѣхалъ къ Ярославу, и былъ имъ захваченъ. Ярославъ завраждовалъ открыто: прислалъ за своею женою, взялъ ее, готовилъ войско. Въ послѣдній разъ послали Новгородцы Мануила Яголчевича къ Ярославу. «Идешь-ли къ Святой Софіи, или нѣтъ?» спрашивали они. Ярославъ объявилъ Мануила плѣнникомъ. Болѣе 2000 гостей и знатнѣйшихъ Новгородцевъ были въ его рукахъ, ибо во всѣхъ Суздальскихъ областяхъ Новгородцевъ ловили, какъ измѣнниковъ (221).

---

(221) Все описаніе взято изъ *Новг. Лѣт.* стр. 81-83.

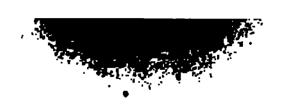
Тутъ явился вновь ангелъ-хранитель Новгорода: совсѣмъ неожиданно, Февраля 11-го 1215 г., прискакалъ къ бѣдствующимъ Новгородцамъ Мстиславъ Мстиславичъ. Онъ услышалъ въ Кіевѣ о бѣдѣ Новгорода; тотчасъ понялъ, что самовластіе Ярослава было слѣдствіемъ умысла его съ братьями; что Руси грозили бѣды, коихъ только началомъ была погибель вольности Новгородской. Мстиславъ бросилъ свои дѣла въ южной Руси, и окольными дорогами поспѣшилъ къ Новгородцамъ. Ударили въ вѣчевой колоколъ: сошлись остатки Новгородцевъ, и надежда и радость оживили ихъ, при видѣ Мстислава. Уже, по его приказанію, въ городѣ хватали и ковали дворянъ, бояръ Ярославовыхъ; сковали и Намѣстника его, Хоту Григорьевича. Мстиславъ клялся: *быть съ Новгородцами въ животѣ и въ смерти*, возвратить все захваченное Ярославомъ, всѣхъ мужей, всѣ области, или *повалить голову за Новгородъ* (222). Онъ цѣловалъ крестъ; Новгородцы клялись умирать съ нимъ и за него.

Предстали посланные отъ Ярослава. Онъ отправилъ сто воиновъ вывести Мстислава, *или* грозить ему бѣдою (223). Увидя *Удалаго*, при-

---

(222) « Любо изыщу мужи Новгородстіи и волости паки, ли головою повалю за Новгородъ (Н. Л. стр. 83).«

(223) «Мстислава проважавать изъ Новгорода (id.).»

сланные передались къ нему. Мстиславъ думалъ еще образумить зятя умѣренностію, отправилъ къ нему посломъ Юрія, священника церкви Іоанна Крестителя, и велѣлъ сказать: «Князь Мстиславъ кланяется тебѣ, сыну своему. Отпусти мужей и гостей Новгородскихъ, поди изъ Торжка, возврати взятое, и онъ съ тобою помирится.» — Ярославъ ничего не хотѣлъ слышать, свезъ всѣхъ плѣнниковъ на поле подлѣ Торжка, и толпами, въ колодахъ, отправилъ ихъ въ свой Переяславскій удѣлъ.

Мстиславъ созвалъ вѣче, видѣлъ бѣдное собраніе гражданъ Новгородскихъ, но умѣлъ ободрить ихъ. «Насъ мало,» говорилъ онъ — «братья наша въ Торжкѣ, но во многомъ Богъ и въ маломъ Богъ! Не бывать Торжку Новгородомъ, и Новгороду Торжкомъ: гдѣ Святая Софія, тамъ и Новгородъ!» — Правда, правда! кричали Новгородцы. — «Пойдемъ-же, поищемъ братьевъ нашихъ и волости наши!» сказалъ Мстиславъ (224).

Послы его были уже въ это время въ Смоленскѣ и Ростовѣ. Слова Мстислава, дерзость Ярослава и братьевъ его, заставили и Константина и Смоленскаго Князя обѣщать ему помощь. Мгновенно собралъ Мстиславъ пять сотъ чело-

(224) Новг. Лѣт. стр. 84.

вѣкъ, и выступилъ изъ Новгорода, съ братомъ Владиміромъ, тогда уже снова княжившимъ въ Псковѣ (225). Мстиславъ вѣрно разсчиталъ планъ войны. Онъ слышалъ, что Ярославъ, Георгій, Святославъ соединяются, собираютъ огромныя ополченія, и готовы на битву. Мстиславъ поспѣшно спустился къ озеру Селигеру (226). Измѣнники Новгородскіе бѣжали къ Ярославу, и извѣстили его о походѣ Князя. Желая перехватить путь Мстиславу, Святославъ Всеволодовичъ, съ 10-ю тысячами осадилъ Ржевъ (227). Тамъ затворился воевода Мстиславовъ, Ярунъ. Онъ мужественно отбилъ осаждающихъ, которые, слыша что Мстиславъ идетъ на освобожденіе Ржева, поспѣшно отступили. «Иди-

---

(225) Послѣ примиренія Риги съ Полоцкимъ Княземъ, Владиміръ княжилъ въ Идумейской области, между Ригою и Венденомъ, получивъ сію область отъ Рижскаго Епископа, но вскорѣ оставилъ Нѣмцевъ.

(226) *Селигеръ*, большое озеро, на юго-востокъ отъ Ильменя; при немъ находится городъ Осташковъ, а на островѣ находится монастырь Нила Столобенскаго. Рѣка Селижаровка соединяетъ Волгу съ Селигеромъ.

(227) *Ржевъ-Володиміровъ*, въ 220 верстахъ отъ Москвы, въ 131 верстѣ отъ Твери, на юго-западъ. Онъ находится на берегу Волги, и прежде назывался *Ржевка*.

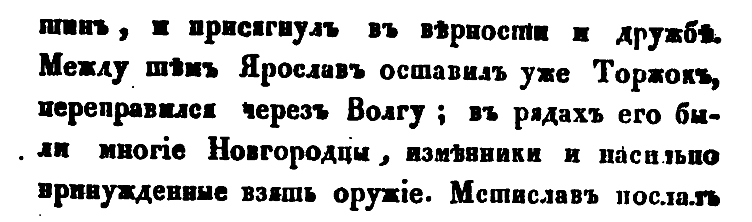

те запасаться кормомъ, но не грабьте!» говорилъ Мстиславъ Новгородцамъ. Тутъ пришли Смольяне, съ Владиміромъ Руриковичемъ. Былъ составленъ совѣтъ. Князья Смоленскій и Псковскій хотѣли идти къ Торжку. «Нѣтъ!« отвѣчалъ Мстиславъ — «зачѣмъ раззорять свои области; пойдемъ прямо къ Переяславлю: тамъже дожидается насъ другъ.» Онъ разумѣлъ добраго Константина. Войско Мстиславово осадило и взяло Зубцовъ (228), шло по Волгѣ. Объ Ярославѣ и братьяхъ его ничего не было слышно. На рѣкѣ Сарѣ (229) явился Констан-

---

(228) *Зубцовъ*, городъ, далѣе по теченію Волги, къ юго-востоку, въ томъ изгибѣ, гдѣ впадаетъ Вазуза, а Волга перемѣняетъ теченіе, и идетъ на сѣверо-востокъ—280 верстъ отъ Москвы, 116 отъ Твери.

(229) »Пойдоша по Волгѣ воююще и пожгоша *Шешю, Дубну* и *Кснятинъ*, и все Паволожье.... Пойдоша къ *Переславлю*, и быша на *Городищи, на рѣцѣ Саррѣ*, у св. Марины, въ Великую Субботу, Апрѣля 9, и приде Костянтинъ съ Ростовци и крестъ цѣлова.« Слѣдственно, походъ Мстислава отъ Новгорода продолжался до сего мѣста 40 дней, ибо онъ выступилъ 1 Марта. *Шеша*, вѣроятно, *Шоша*, селеніе, при впаденіи Шоши въ Волгу, на границѣ Московской губерніи. Татищевъ полагалъ, что *городище на Саррѣ* есть *Городокъ на Волгѣ*; Карамзинъ, что это *селеніе Городищево, въ Переяславской округѣ, на рѣкѣ Серѣ* (Ист. Г. Р. Т. III, пр. 164). Я одолженъ поч-

шинъ, и присягнулъ въ вѣрности и дружбѣ. Между тѣмъ Ярославъ оставилъ уже Торжокъ, переправился черезъ Волгу; въ рядахъ его были многіе Новгородцы, измѣнники и насильно принужденные взять оружіе. Мстиславъ послалъ

шенному Шуйскому жителю, Г-ну Бояркину, слѣдующимъ замѣчаніемъ о семъ достопамятномъ мѣстѣ свиданія Князей: »Полагаю (пишетъ Г. Бояркинъ), что здѣсь говорится о рѣкѣ *Сарѣ*, донынѣ такъ называемой, и текущей черезъ заштатный городъ Петровскъ, а потомъ черезъ село Деболы и Порѣчье, и впадающей въ Ростовское озеро Неро. Деболы на большой Московской дорогѣ, въ 15 верстахъ отъ Ростова. Проѣхавши отъ села сего одну версту къ Переяславлю, видна на правой сторонѣ, окруженная съ трехъ сторонъ Сарою, большая, длинная и высокая, древняя насыпь земли, называемая донынѣ Городищемъ, и устроенная правильно. Одна часть ея, длинный четыреугольникъ, ограниченный симметрически на концахъ возвышеніями; другая часть круглая, ровная высота, обведенная круглымъ валомъ, землянымъ. Я былъ много разъ на семъ мѣстѣ, достойномъ вниманія. Крестьяне зовутъ его: *Городцы*. Не было-ли тутъ лѣтняго дворца Князей Ростовскихъ, ибо Городцы не походитъ на военное укрѣпленіе.» — *Ксятинѣ*, село Скнятино на устьѣ Нерли. Слѣдственно, Мстиславъ быстро очистилъ все Поволожье, почти до Колязина, а потомъ перерѣзалъ путь между Ростовомъ и Переяславлемъ, угрожалъ послѣднему и, обошедъ его, ринулся прямо на Владиміръ, къ Юрьеву. Это по Наполеоновски! О Кзѣ и Липцахъ, см. выше, прим. 72.

къ нему съ новымъ предложеніемъ мира. «Не хочу!» отвѣтствовалъ Ярославъ. «Если вы пошли, такъ идите; изъ сотни васъ одному не воротиться домой.» — За тебя сила, за насъ Честный Крестъ! — сказалъ Мстиславъ, услышавъ гордый отвѣтъ. Онъ зналъ, что продолжительная, медленная война поведетъ только къ раззоренію областей, и что ему, Новгороду и слабымъ союзникамъ не выдержать ея; въ тоже время онъ былъ увѣренъ, что одинъ смѣлый ударъ рѣшитъ распрю. Умѣвъ перенести войну такъ далеко отъ предѣловъ Новгорода, Мстиславъ не остановился, побросалъ всѣ обозы и хотѣлъ предупредить дальнѣйшій сборъ Суздальскихъ войскъ. Георгій и Святославъ уже соединились; но они не успѣли отойдти отъ Владиміра далѣе Юрьева. Мстиславъ прискакалъ подъ Переяславль, свѣдалъ, что Ярославъ отступаетъ передъ нимъ, и, не дожидаясь дружинъ Константина, ударилъ на Юрьевъ. Георгій и братья его поспѣшно отступили къ рѣкѣ Кзѣ; Константинъ былъ у Липцевъ. Не страшась битвъ, Мстиславъ еще разъ испытывалъ мира. Ларіонъ, Сотскій его, явился въ станъ Всеволодовичей, и сказалъ Георгію: «Кланяется тебѣ Князь Мстиславъ Мстиславичъ, и велѣлъ сказать, что съ тобою у него обиды не было; была у него ссора съ Ярославомъ; ты не вступайся,» а Ярославу: »Отдай плѣнныхъ Новго-

родцевъ, возврати что взялъ, и Мстиславъ мирится съ тобою.« — Я за одно съ Ярославомъ, братомъ моимъ — отвѣчалъ Георгій. — »Мстиславъ боится!« вскричалъ Ярославъ. » Онъ далеко зашелъ, и теперь очутился, какъ рыба на сушѣ. Скажи ему, что я мира не хочу и людей не отпускаю.«: Ларіонъ пересказалъ Мстиславу отвѣты. »Иди-же къ нимъ съ *послѣднею* моею рѣчью!» говорилъ Мстиславъ, посылая еще разъ Ларіона. » Скажи, что мы пришли въ землю Георгія не кровь проливать, но мириться. Избави насъ Богъ вражды: мы родные; но теперь вотъ условія: Князь Константинъ да будетъ старшимъ, а вы повинитесь передъ нимъ.» Горделиво обозрѣвая свое войско, въ которомъ было 30 знаменъ и 140 трубъ и бубновъ (230),

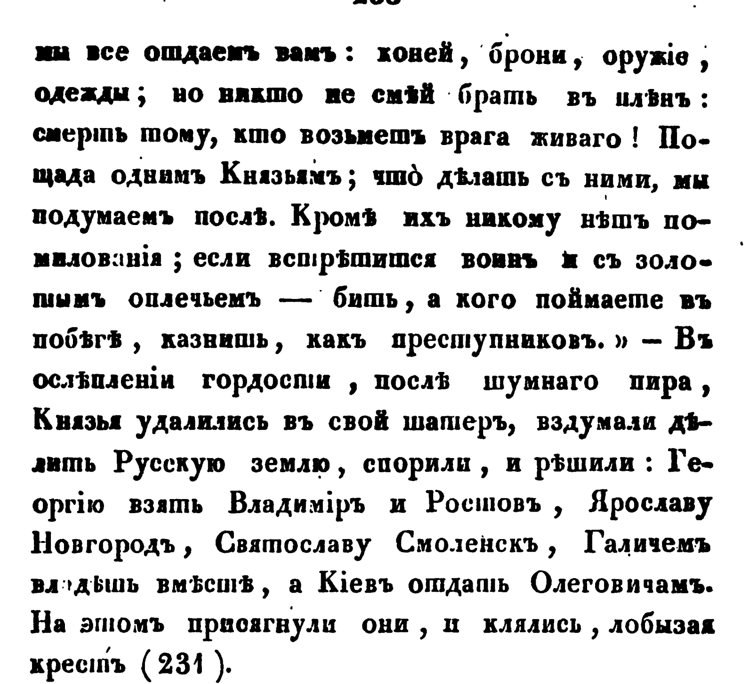
---

(230) Ист. Г. Р. Т. III, пр. 165. Карамзинъ говоритъ, что Георгій и Ярославъ *вооружили самыхъ поселянъ*, и въ *необозримыхъ рядахъ* стали на берегу Кзы (т. III, стр. 155). Разумѣется, что тогда регулярныхъ полковъ не было; но Георгій сдѣлалъ только необыкновенное вооруженіе, а не новое и неслыханное дѣло. « Бяху полци сильни велъми, *Муромци*, и *Бродници*, и *городчане*, бяшеть-бо погнано и изъ поселей и до пѣшецъ. (*Соф. Стр.* т. I. стр. 221), т. е. въ старину сперва обязаны были идти горожане, а потомъ уже поселяне, въ необыкновенныхъ случаяхъ.

Георгій насмѣшливо отвѣчалъ: » Скажи и мое *послѣднее* слово: я не знаю, зачѣмъ пришелъ Мстиславъ; знаетъ-ли самъ онъ, какъ отсюда выйдти? А брату Константину скажи: пусть переможетъ насъ, и тогда все передъ нимъ. »

Георгій и братья его *вознеслись славою*, созвали бояръ, начали пировать, и смѣяться надъ робостью Мстислава. « Творите, что угодно », говорилъ одинъ изъ ихъ собесѣдниковъ, Суздальскій бояринъ, « но по моему гаданью, лучше-бы вамъ, Князья, мириться и признать старѣйшинство Константина. Князья Ростиславова рода мудры, рядны и храбры, а Новгородцы и Смольяне дерзки къ бою. Мстислава-же Мстиславича уже-*ли* не знаете, и не вѣдаете, что даже изъ всѣхъ Ростиславичей одарилъ его Богъ храбростью?« Рѣчь боярина показалась дерзкою: Князья оскорбились. Нашелся другой бояринъ, болѣе уклончивый. « Нѣтъ, Князь Юрій и Князь Ярославъ, » сказалъ онъ: « не было того ни при отцѣ вашемъ, ни при дѣдѣ, ни при прадѣдѣ, чтобы вошедшій ратью въ сильную Суздальскую землю вышелъ изъ нея. Пусть двинется вся Русская земля: Галичъ, Кіевъ, Смоленскъ, Черниговъ, Новгородъ, Рязань: ничего не успѣютъ! И этихъ-ли бѣдныхъ пришлецовъ бояться намъ? Мы ихъ сѣдлами закидаемъ! » — Рѣчь льстивая была *люба* Князьямъ. Они созвали бояръ, Князей, воеводъ и сказали имъ: « Передъ вами добыча: берите;

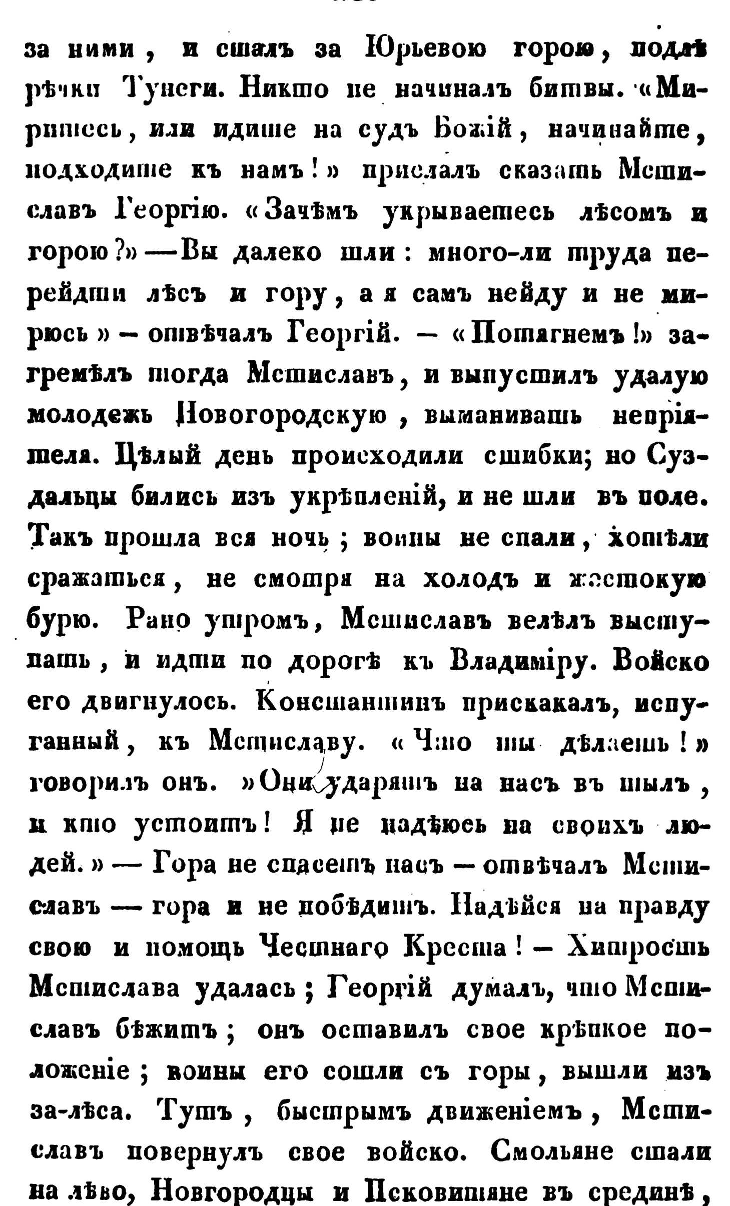

мы все отдаемъ вамъ: коней, брони, оружіе, одежды; но никто не смѣй брать въ плѣнъ: смерть тому, кто возьметъ врага живаго! Пощада однимъ Князьямъ; что̀ дѣлать съ ними, мы подумаемъ послѣ. Кромѣ ихъ никому нѣтъ помилованія; если встрѣтится воинъ и съ золотымъ оплечьемъ — бить, а кого поймаете въ побѣгѣ, казнить, какъ преступниковъ.» — Въ ослѣпленіи гордости, послѣ шумнаго пира, Князья удалились въ свой шатеръ, вздумали дѣлить Русскую землю, спорили, и рѣшили: Георгію взять Владиміръ и Ростовъ, Ярославу Новгородъ, Святославу Смоленскъ, Галичемъ владѣть вмѣстѣ, а Кіевъ отдать Олеговичамъ. На этомъ присягнули они, и клялись, лобызая крестъ (231).

Между тѣмъ въ Новгородскомъ станѣ дѣятельно готовились къ битвѣ. Полки Ростовскіе и Ярославскіе пришли и соединились. Мстиславъ, снова заставивъ Константина присягнуть, что въ немъ *не будетъ перевѣта*, устроился къ бою. Воины стояли на готовѣ; трубы гремѣли; всю ночь было движеніе. Георгій и Ярославъ тронулись съ мѣста, избрали крѣпкое положеніе на Липцахъ, за лѣсомъ и Авдовою горою, и огородили станъ плетнями и кольями. Мстиславъ шелъ

---

(231) Соф. Стр. т. I, стр. 223.

за ними, и сталъ за Юрьевою горою, подлѣ рѣчки Тунеги. Никто не начиналъ битвы. «Миритесь, или идите на судъ Божій, начинайте, подходите къ намъ!» прислалъ сказать Мстиславъ Георгію. «Зачѣмъ укрываетесь лѣсомъ и горою?» — Вы далеко шли: много-ли труда перейдти лѣсъ и гору, а я самъ нейду и не мирюсь» — отвѣчалъ Георгій. — «Потягнемъ!» загремѣлъ тогда Мстиславъ, и выпустилъ удалую молодежь Новогородскую, выманивать непріятеля. Цѣлый день происходили стычки; но Суздальцы бились изъ укрѣпленій, и не шли въ поле. Такъ прошла вся ночь; воины не спали, хотѣли сражаться, не смотря на холодъ и жестокую бурю. Рано утромъ, Мстиславъ велѣлъ выступать, и идти по дорогѣ къ Владиміру. Войско его двигнулось. Константинъ прискакалъ, испуганный, къ Мстиславу. «Что ты дѣлаешь!» говорилъ онъ. »Они ударятъ на насъ въ тылъ, и кто устоитъ! Я не надѣюсь на своихъ людей.» — Гора не спасетъ насъ — отвѣчалъ Мстиславъ — гора и не побѣдитъ. Надѣйся на правду свою и помощь Честнаго Креста! — Хитрость Мстислава удалась; Георгій думалъ, что Мстиславъ бѣжитъ; онъ оставилъ свое крѣпкое положеніе; воины его сошли съ горы, вышли изъ за-лѣса. Тутъ, быстрымъ движеніемъ, Мстиславъ повернулъ свое войско. Смольяне стали на лѣво, Новгородцы и Псковитяне въ срединѣ,

коней, на четвертомъ, задыхаясь отъ усталости, достигъ онъ Владиміра. Тамъ оставался народъ *непротивный*: попы, монахи, жены, дѣти. Увидя вдали скачущаго всадника, Владимірцы, ждавшіе извѣстія о битвѣ, думали, что это вѣстникъ побѣды, но то былъ самъ Георгій! Въ одной рубашкѣ, опрометью скакалъ онъ, крича еще издали: «Затворяйте, укрѣпляйте городъ!» Ужасъ поразилъ Владимірцевъ: все возстенало и восплакало. Ночью начали приходить бѣглецы—нагіе, израненные. Они говорили, что Ярославъ, Святославъ, Князья Рязанскіе и Муромскіе, всѣ разбѣжались; что участь ихъ не была еще достовѣрно извѣстна; что войско все разсѣялось; что на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, окрестъ побоища, лежали трупы и умирающіе отъ ранъ и усталости; наконецъ, что побѣдители стояли на мѣстѣ битвы и не двигались. Горькія жалобы и упреки были слышимы на Ярослава. «Онъ сотворилъ намъ все зло; за его преступленіе крестнаго цѣлованія теперь птицы небесныя пьютъ кровь нашихъ братій, и звѣри дикіе терзаютъ тѣла ихъ!» вопіяли Владимірцы. Утромъ Георгій собралъ народъ. «Друзья и братья!» говорилъ онъ: »затворимъ-же городъ, авось отобьемся!» — Князь Юрій—отвѣчалъ народъ — съ кѣмъ же затворится въ городѣ? Гдѣ войско? Братья наши избиты, другіе въ полону, остальные прибѣгаютъ израненные, нагіе, без-

всю толщу Суздальскихъ полковъ, оборотился, прошелъ назадъ, и поворотилъ еще разъ. За нимъ слѣдовалъ самый отборный народъ.... Ничто не устояло! Воины пробились наконецъ до обозовъ; непріятель бросился бѣжать; Смольяне грабили обозы. «Братья Новгородцы! не троньте обозовъ!» кричалъ Мстиславъ — «бейтесь! Враги могутъ оборотиться на насъ!» Новгородцы шли за Княземъ. Все разсѣявалось и спасалось бѣгствомъ передъ ними. «О великъ былъ, братіе, промыслъ Божій,» говоритъ Лѣтописецъ Новгородскій, «и велика побѣда: не можетъ умъ человѣческій сказать и постигнуть! И кто сражался: сынъ противъ отца, братъ противъ брата, слуга противъ господина» (233)! Шестьдесятъ знаменитыхъ бояръ и мужей Суздальскихъ было убито и взято въ плѣнъ. Побіенныхъ воиновъ не можно было глазами обозрѣть: ихъ полагали болѣе 9000 человѣкъ. Въ обозѣ найдены были грамоты, которыми Всеволодовичи раздѣлили наканунѣ Русскую землю. Георгій, видя своихъ воиновъ, *какъ класы на нивѣ пожатые*, бѣжалъ во Владиміръ, уморилъ подъ собою трехъ

(Соф. Стр. Т. I, стр. 225) — »Съ *привязью?* « спрашиваетъ Карамзинъ. Не съ двумя-ли остріями, которыми Мстиславъ могъ рубить на двѣ стороны?

(233) Новг. Лѣт. стр. 86.

коней, на четвертомъ, задыхаясь отъ усталости, достигъ онъ Владиміра. Тамъ оставался народъ *непротивный*: попы, монахи, жены, дѣти. Увидя вдали скачущаго всадника, Владимірцы, ждавшіе извѣстія о битвѣ, думали, что это вѣстникъ побѣды, но то былъ самъ Георгій! Въ одной рубашкѣ, опрометью скакалъ онъ, крича еще издали: «Затворяйте, укрѣпляйте городъ!» Ужасъ поразилъ Владимірцевъ: все возстенало и восплакало. Ночью начали приходить бѣглецы—нагіе, израненные. Они говорили, что Ярославъ, Святославъ, Князья Рязанскіе и Муромскіе, всѣ разбѣжались; что участь ихъ не была еще достовѣрно извѣстна; что войско все разсѣялось; что на пространствѣ нѣсколькихъ верстъ, окрестъ побоища, лежали трупы и умирающіе отъ ранъ и усталости; наконецъ, что побѣдители стояли на мѣстѣ битвы и не двигались. Горькія жалобы и упреки были слышимы на Ярослава. «Онъ сотворилъ намъ все зло; за его преступленіе крестнаго цѣлованія теперь птицы небесныя пьютъ кровь нашихъ братій, и звѣри дикіе терзаютъ тѣла ихъ!» вопіяли Владимірцы. Утромъ Георгій собралъ народъ. «Друзья и братья!» говорилъ онъ: »затворимъ-же городъ, авось отобьемся!» — Князь Юрій—отвѣчалъ народъ — съ кѣмъ же затворится въ городѣ? Гдѣ войско? Братья наши избиты, другіе въ полону, остальные прибѣгаютъ израненные, нагіе, без-

оружные.—«Вижу!» печально отвѣчалъ Георгій, и умолялъ Владимірцевъ, по крайней мѣрѣ, не выдавать его Константину и Мстиславу, и позволить ему по своей волѣ выпросить у нихъ свободный отпускъ изъ города. Владимірцы обѣщали.

Еслибы Мстиславъ преслѣдовалъ бѣгущихъ, то ни Георгій, ни Ярославъ, ни союзники ихъ не могли-бы спастись; Владиміръ и Переяславль сдались-бы немедленно. Но «милостивые Князья благословеннаго рода Ростиславова» не хотѣли не нужнаго униженія другихъ Князей, и «добрые на пощаду крови Христіанской,» двигнулись съ побоища тихо, запретили грабить, убивать, мирно подошли къ Владиміру и окружили его. Вдругъ, надъ городомъ взвились пламя и дымъ: загорѣлся Княжескій дворецъ, запылалъ городъ. Напрасно воины говорили тогда Мстиславу, что онъ легко можетъ захватить Владиміръ, безпомощный, горящій. Мстиславъ объявилъ, что гнѣвъ его будетъ на того, кто посмѣетъ воспользоваться бѣдствіемъ ближнихъ. Вскорѣ явились къ нему послы Георгія, просили пощады, сказали, что только потушатъ пожаръ, то Георгій придетъ къ нему самъ, и предастъ себя въ его руки. Мстиславъ отвѣчалъ ласково и милостиво. На другой день, утромъ, Георгій, Святославъ, Владиміръ и бояре ихъ, выѣхали въ таборъ Мсти-

слава, ударили ему челомъ, и сказали: «Въ твоей рукѣ и жизнь наша и хлѣбъ нашъ!» Мстиславъ поднялъ ихъ дружески, облобызалъ, свелъ съ Константиномъ. Георгію объявили, что Константинъ даетъ ему въ удѣлъ Радиловъ городокъ на Волгѣ (234), и что онъ немедленно долженъ туда отправиться. Между тѣмъ, какъ бояре и Княгиня Георгія садились въ лодки, съ дѣтьми и съ имѣніемъ, Георгій вошелъ въ церковь Золотоверхую, со слезами повергся у гробницы отца, и воскликнулъ: «Суди Богъ брата моего Ярослава; до чего довелъ онъ меня!»

Едва оставилъ Георгій, съ немногими спутниками, Владиміръ, какъ Мстиславъ и Константинъ вошли въ городъ. Ихъ встрѣтили далеко за городомъ, съ крестами и иконами. Въ тотъ-же день Константинъ объявленъ былъ *Великимъ Княземъ*, и Владимірцевъ водили къ присягѣ. Начались праздники. Мстиславу, Владиміру, Новгородцамъ, Смольянамъ поднесли богатые дары.

Въ это время Мстиславъ получилъ вѣсти, что Ливонскіе Рыцари, зная его отсутствіе, нагло грабятъ области Чудскія. Надобно было скорѣе

---

(234) Нынѣ село *Городецъ*, на берегу Волги, въ 15 верстахъ отъ Балахны; отъ Нижняго Новгорода до Балахны считается 25 верстъ вверхъ по рѣкѣ.

идти, кончить побѣду усмиреніемъ Ярослава, обрадовать Новгородъ.

Зачинщикъ несчастной войны и виновникъ паденія брата, Ярославъ храбро дрался въ Липецкой битвѣ, и бѣжалъ подобно Георгію: четыре коня пали подъ нимъ, пока онъ достигъ Переяславля. Въ бѣшенствѣ, въ ярости, онъ бросилъ въ тѣсное заключеніе Новгородскихъ плѣнниковъ, тамъ бывшихъ; многіе изъ нихъ задохлись въ погребахъ и душныхъ избахъ. Ярославъ хотѣлъ защищаться, не слушалъ присланныхъ къ нему пословъ, укрѣплялъ городъ. Злоба и упорство его раздражили Мстислава. Немедленно по возстановленіи порядка, дружины Константина и Мстислава пошли къ Переяславлю. Сопротивленіе было-бы безумствомъ. Ярославъ образумился, выслалъ просить мира; Мстиславъ ничему не внималъ. Тогда Ярославъ самъ пріѣхалъ въ таборъ Константина, и ударилъ челомъ брату. «Ты мой господинъ!» говорилъ онъ. «Не выдай меня тестю; предаюсь въ твою волю, и прошу у тебя куска хлѣба!» Константинъ простилъ брата, но тщетно умолялъ Мстислава простить его и примириться съ нимъ. Мстиславъ обѣщалъ *только не мстить*, отдавалъ судьбу Ярослава волѣ Константина, но самъ не хотѣлъ имѣть съ нимъ дѣла, даже не хотѣлъ видѣть его. Константинъ вошелъ въ Переяславль; Мстиславъ

остался въ таборѣ, послалъ бояръ взять всѣхъ плѣнныхъ Новгородцевъ, Смольянъ, и имѣніе ихъ. Онъ не хотѣлъ, чтобы дочь его жила съ Ярославомъ, и потребовалъ ее къ себѣ. Ярославъ ни въ чемъ не смѣлъ ослушаться, хотя присылалъ пословъ и умолялъ. «Чувствую, что преступленіе Честнаго Креста убило меня,» говорилъ онъ черезъ пословъ; «но неужели не бываетъ вражды между Князьями, и неужели навсегда нѣтъ между нами мира?» Мстиславъ не отвѣчалъ ничего, взялъ освобожденныхъ плѣнниковъ, имѣніе ихъ, дары, не отпустилъ дочери къ ея мужу, и собрался въ походъ. Константинъ прибылъ къ нему; онъ, Мстиславъ, братья того и другаго, кромѣ Георгія и Ярослава, были вмѣстѣ, клялись въ дружбѣ, и разстались. Мстиславъ не вмѣшивался въ распоряженія Константина, объявляя его Великимъ Княземъ, и пошелъ въ Новгородъ. Владиміръ Руриковичъ отправился въ Смоленскъ, Владиміръ Мстиславичъ въ Псковъ, Константинъ Всеволодовичъ во Владиміръ (235).

---

(235) Все описаніе событій въ Новгородѣ, съ призванія Ярослава въ 1215 году, и война Мстислава съ Ярославомъ и Георгіемъ, взяты нами изъ *Новгор. Лѣт.* (стр. 81-88), и дополнено изъ *Софійск. Строевской*. Это описаніе составляетъ въ означенныхъ лѣ-

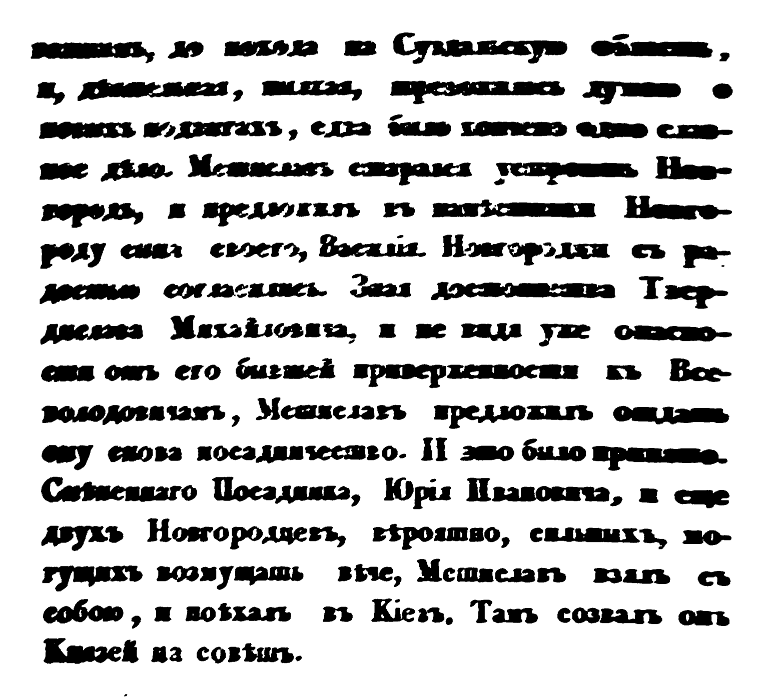
Никогда еще, после спасенія Новгорода при Романѣ Мстиславичѣ, вольный городъ не являлся въ такомъ торжествѣ, какъ теперь, по возвращеніи Мстислава. « *Мы* посадили *Великаго Князя* на отчемъ его престолѣ (236)! » говорили Новгородцы, и съ благоговѣніемъ исчисляли имена знаменитыхъ людей своихъ, павшихъ въ биmвѣ: Димитрія Псковитянина, Антонія *Котельника*, Ивана Прибышинича *Опонника*, Ивана Поповича, Семена Петриловича, Терьскаго жителя (237). Виновникъ спасенія и славы, Мстиславъ, кроткій, не гордившійся побѣдами, не славившійся тѣмъ, что его мечь возмогъ рѣшить жребій Великаго Княжества, возвесть старшаго, достойнаго сына Всеволодова на престолъ и укротить строптивыхъ его братьевъ, былъ утѣхою добрыхъ и страхомъ злыхъ. Не останавливая дружинъ въ Новгородѣ, Мстиславъ послалъ войско на Ливонскихъ Рыцарей: не дожидаясь его, бѣжали они въ Ригу.

Душа Мстислава была занята предпріятіемъ

тописяхъ нѣчто отдѣльное и полное: Новгородцы тщательно записали всѣ подробности достопамятныхъ событій.

(236) « Посадиша Новгородцы Костянтина въ Володимирѣ на столѣ отни » (Н. Л. стр. 87).

(237) Новг. Лѣт. называетъ Липецкую битву—*побѣдище* (стр. 88).

[illegible], но поехалъ въ Суздальскую область, и, [illegible], [illegible], презирая душою о новыхъ подвигахъ, едва было кончено одно славное дѣло. Мстиславъ старался устроить Новгородъ, и предложилъ въ намѣстники Новгороду сына своего, Василія. Новгородцы съ радостью согласились. Зная достоинства Твердислава Михайловича, и не видя уже опасности отъ его бывшей приверженности къ Всеволодовичамъ, Мстиславъ предложилъ отдать ему снова посадничество. И это было принято. Степеннаго Посадника, Юрія Ивановича, и еще двухъ Новгородцевъ, вѣроятно, сильныхъ, могущихъ возмущать вѣче, Мстиславъ взялъ съ собою, и поѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ созвалъ онъ Князей на совѣтъ.

Литовцы явились въ Шелонской области; Нѣмцы снова въ Чудскихъ земляхъ и взяли Оденпе. Твердиславъ и Владиміръ Псковскій соединились, гнались за Литовцами, и обратились потомъ на Чудь. Рыцари Ливонскіе велѣли Чуди договариваться, просить мира, и нечаянно напали на Новгородцевъ и Псковитянъ, съ сильною ратью, гдѣ были самъ Гермейстеръ Волыквинъ и Дитерихъ, братъ Епископа Рижскаго. Но въ жестокомъ сраженіи, Руссы побѣдили, прогнали враговъ, осадили Оденпе. Томимые недостаткомъ припасовъ, осажденные просили только пропуска и заключили миръ.

Дитерихъ отданъ былъ Новгородцамъ въ залогъ вѣрности договора (238).

Въ это время Мстиславъ Мстиславичъ возвратился еще разъ въ Новгородъ. Тишина и миръ были въ Сѣверной Руси. Съ удовольствіемъ услышалъ Мстиславъ, что надежды его не были обмануты Константиномъ: начатое побѣдою, Константинъ довершилъ добродушіемъ. Немедленно по возвращеніи во Владиміръ, онъ послалъ за Георгіемъ, назвалъ его братомъ, другомъ, объявилъ, что назначаетъ его послѣ себя наслѣдникомъ Великаго Княжества, отдалъ ему во владѣніе Суздаль, далъ удѣлы другимъ братьямъ, и послалъ двухъ юныхъ сыновей своихъ, Василька и Всеволода, въ Ростовъ и Ярославль, заклиная ихъ на миръ, дружбу и повиновеніе, по смерти его, дядѣ Георгію, какъ второму отцу (239).

Мстиславъ объѣхалъ Новгородскія области, заключилъ въ тюрьму Новгородца Станимира, а въ Торжкѣ Борислава; но, обязавъ клятвою, вскорѣ далъ имъ свободу: онъ хотѣлъ только порядка.

---

(238) Кельхъ, стр. 59.

(239) Изгнаніе Георгія продолжалос[illegible] менѣе пят[illegible] мѣсяцовъ. Липецкая битва была 21 Ап[illegible] а Георгій призванный Константиномъ, пріѣха[illegible] Суз[illegible] Сентября.

Тогда скорбь неожиданная поразила доблестнаго Князя: въ Торжкѣ, сынъ его, Василій заболѣлъ и скончался. Со слезами привезъ Мстиславъ тѣло юнаго Князя въ Новгородъ, и положилъ въ Софійскомъ Соборѣ, въ головахъ у дѣда (240). Не знаемъ, оправдывалъ-ли Василій дѣлами надежды отца; но онъ былъ *единственный* сынъ Мстислава. Какъ будто хотѣло Провидѣніе спасти родъ Мстислава Храбраго отъ цѣпей рабства Монгольскаго! Одинокій остался въ мірѣ Мстиславъ Мстиславичъ: сына его уже не было; дочь была вдовою отъ живаго мужа; другая дочь, дѣвица, находилась при немъ; но какая судьба ожидала и эту бѣдную сироту послѣ смерти отца (241)?

Новгородцы думали, что Мстиславъ останется уже между ими навсегда. Они не знали, что предопредѣливъ себя на безкорыстное спасеніе всѣхъ Русскихъ земель, Мстиславъ рѣшался на послѣдній свой подвигъ. Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Владиміръ, Новгородъ были безопасны, мирны; но Галичъ и Волынь находились въ гибельномъ, ужасномъ положеніи.

---

(240) Нов[illegible]п. стр. 90.

(241) Ка[illegible], что Ярославъ женился на другой [illegible], разведе[illegible] съ дочерью Мстислава.

Мы оставили Игоревичей обладателями Галича и Волыни: *Владиміра* Княземъ въ Галичѣ, *Святослава* Княземъ во Владимірѣ Волынскомъ, *Романа* Княземъ въ Звенигородѣ. Мы видѣли, что по кончинѣ Рурика Ростиславича, Всеволодъ Рыжій обвинялъ потомковъ Мономаха въ вѣроломствѣ, погибели братьевъ его, и это обвиненіе ставилъ предлогомъ изгнанія Мономаховичей изъ Южной Руси. Мстиславъ Мстиславичъ наказалъ хищника, возвратилъ Кіевъ Мономаховичамъ, усмирилъ Князей Черниговскихъ. Судьба Галича послѣ 1207 года, въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, остается еще для насъ невѣдомою. Что тамъ дѣлалось? Почему Рыжій винилъ Мономаховичей? Какая страшная кара постигла тамъ Игоревичей? Еще за годъ до похода на Суздаль, Мстиславъ откланивался Новгородскому вѣчу и говорилъ, что у него *есть дѣла* въ Южной Руси? Какія были сіи *дѣла*? —Предлагаемъ повѣсть о томъ, что происходило въ Галичѣ съ 1207 года.

Гордыхъ притѣснителей Романова семейства, Игоревичей, ожидала тамъ погибель. Но *не Мономаховичи* были тому виною: Всеволодъ Рыжій клеветалъ на нихъ. Сами Игоревичи, злобные, не братолюбивые, легкомысленные, были причиною своихъ бѣдствій. Ихъ окружали: Польша, Венгрія; Изяславичи, владѣвшіе частью Волыни, именно: дѣти *Ярослава Луцкаго*: *Мсти-*

славъ *Нѣмой*, Князь Пересопницы, и *Ингварь*, Князь Луцка; *Александръ*, сынъ Всеволода Мстиславича, Князь Бѣльза; дѣти славнаго Романа Галицкаго находились, какъ будто залоги будущихъ притязаній на Галичъ и Волынь, *Даніилъ* въ Венгріи, младшій — *Василько*, съ матерью, въ Польшѣ. Наконецъ, въ самомъ Галичѣ, при дворѣ Владиміра Игоревича, жилъ вельможа сильный, гордый, бывшій причиною призванія Игоревичей, бѣдствовавшій нѣкогда при неукротимомъ Романѣ, и въ возмездіе едва не погубившій супругу и дѣтей Романа, изгнавшій ихъ изъ Владиміра и доставившій чрезъ то Волынь Игоревичамъ — *Володиславъ*. На что не могъ осмѣлиться сей честолюбецъ, имѣвшій сильныхъ друзей и довѣренность народную?

Только кроткая умѣренность и тихое благоразуміе могли укрѣпить владѣнія Игоревичей, при сильныхъ, враждующихъ сосѣдяхъ, при опасностяхъ, гнѣздившихся даже близъ ихъ Княжескихъ престоловъ. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Игоревичи перессорились между собою. Романъ Звенигородскій убѣжалъ въ Венгрію, выпросилъ войско у Венгерскаго Короля, напалъ на Галичъ и изгналъ брата. Видя начало междоусобій, Александръ Бѣльзскій обратился къ Польскому Королю, и предложилъ отдать Бѣлзъ сыну Романову, если ему помогутъ завладѣть Владиміромъ Волынскимъ. Король Польскій согла-

сился. Владимірцы схватили и выдали Александру и Польскимъ воеводамъ Святослава Игоревича; Поляки грабили городъ; Александръ казался не замѣчающимъ, благодарилъ Короля, отдалъ за него дочь свою, передалъ Брестъ и Бѣльзъ малолѣтному Васильку Романовичу, и терпѣлъ опеку и своевольства Поляковъ во Владимірѣ.

Она была довольно сносна; но опека Венгерцовъ въ Галичѣ превосходила всю мѣру терпѣнія. Не Романъ Игоревичъ, но Венгерскій вельможа, Венедиктъ, правилъ Галичемъ. Грозный Венгерскими дружинами, онъ своевольничалъ, раззорялъ богатыхъ людей, отнималъ женъ, дочерей въ жертву ненасытнаго сладострастія. Галичане волновались, роптали. Нѣкто Тимоѳей, *премудрый книжникъ*, Кіевлянинъ, выводилъ изъ Священнаго Писанія, что Венедиктъ есть Антихристъ, ибо его имя есть одно изъ трехъ именъ, подъ коими при кончинѣ міра долженствуетъ явиться противникъ Христа (242). Въ тоже время, другіе Галичане не истолковывали именъ по Апокалипсису, но думали о сверженіи чуждаго ига. Венедиктъ хотѣлъ предупредить всѣ толки и замыслы: велѣлъ схватить Тимоѳея, но онъ бѣжалъ и скрылся. Другіе возмутители были захвачены; наконецъ самъ Князь

---

(242) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 134).

Галицкій былъ взятъ Венграми; его захватили въ банѣ, и отправили въ Венгрію: доказательство, что Венедиктъ дѣйствовалъ согласно съ волею своего Короля. Убѣжденный нѣсколькими Галичанами, Мстиславъ Нѣмой рѣшился пріѣхать изъ Пересопницы въ Галичъ. Но обстоятельства уже перемѣнялись: въ Галичѣ узнали, что Романъ бѣжалъ изъ Венгріи, что Поляки отпустили Святослава, что сіи Князья, соединясь съ братомъ Владиміромъ, набираютъ войско въ Галицкихъ городахъ. Можно было думать, что несчастіе сдѣлало Игоревичей благоразумнѣе, и ихъ ждали нетерпѣливо. Мстиславъ Нѣмой получилъ отказъ отъ людей, приглашавшихъ его, и даже былъ осмѣянъ ими. Галичанинъ Илья Щепановичъ привелъ его къ урочищу, называвшемуся: *могила Галигина*. «Посиди здѣсь, Князь Мстиславъ!» сказалъ Илья, «и послѣ того можешь говорить, что ты *сидѣлъ* въ Галичѣ (243). Мстиславъ уѣхалъ. Игоревичи пришли съ набранными толпами, Галичане отворили имъ ворота; Венедиктъ и Венгерцы его бѣжали; всѣ области Галицкія покорились Игоревичамъ. Волынь была уже ими потеряна; они не хотѣли добиваться ея, и кое-какъ подѣлили Галицкія области: Владиміръ, по прежнему, сѣлъ въ Га-

---

(243) Idem, l. c.

личѣ, Свяшославъ въ Перемышлѣ, Романъ въ Звенигородѣ; сыну Владиміра, Изяславу, дали удѣлъ въ Перемышлѣ.

Думая, что средства, употребленныя нѣкогда Романомъ Мстиславичемъ, обезопасяшъ ихъ, Игоревичи вздумали приняшь мѣры спрогія и насильсшвенныя. На многихъ бояръ, сильныхъ и знашныхъ, наложили они опалу, судили ихъ и казнили. Другіе были угрожаемы шакимъ-же преслѣдованіемъ, и спасались бѣгсшвомъ; въ числѣ бѣглецовъ былъ самъ гордый Володиславъ. Онъ клялся ошмсшишь, скрылся въ Венгріи, и умѣлъ расшолковашь Королю Венгерскому, что лучшее средсшво владѣшь Галичемъ — дашь сію землю сыну Романа, именемъ коего Венгры могушъ управляшь свободно. Хошѣли Даніила женишь на Венгерской Княжнѣ, но осшавили сей бракъ за юносшью Князя. Король вдругъ вспомнилъ дружбу ошца Даніилова, и захошѣлъ бышь защишникомъ сына своего сшараго друга. Сильное войско Венгерское послано было съ Володиславомъ и Венгерскими воеводами. Даніилъ находился при немъ. Но Игоревичи призвали Половцевъ, сшали крѣпко; слова, увѣщанія Володислава и видъ юнаго сына Романова, засшавили Галичанъ передавашься. Еще осшавалась надежда на бишву: Игоревичи могли побѣдишь, и—всѣ окресшные Князья, Владимірскій, Луцкій, Пересопницкій, Бѣльзскій, возсшали; даже Поляки прислали войско. Игоре-

вичи не могли противостать: их разбили, и самих взяли в плен; только Владимир с сыном успел убежать. Даниил был возведен на Княжество Галицкое. Свирепые гонители Игоревичей хотели крови, и — несчастных Князей: Романа Игоревича, Святослава Игоревича, и третьяго Князя из рода их, отдали на растерзание Галицким вельможам. Володислав и товарищи его ругались над Князьями, били их, позорили, и наконец повесили. Хладнокровно смотрели на отвратительное злодейство другие Князья (244).

Володислав исполнил слово, данное Королю Венгерскому: Даниил был Князем только по имени; Володислав правил Галичем, как Венгерскою областью. Восьмилетний сын Романа уже оказывал характер смелый, пылкий. Мать его приехала в Галич из Польши. Даниил сначала не узнал ея, давно разставшись с нею, но потом с нежностью сына хотел слушаться ея, внимать ея советам (245). Ненавистный Володислав был охранителем отрока, столь драгоценнаго Княгине; всего более могла она желать низвержения честолюбиваго боярина. Володислав предупредил ее, и мате-

(244) Летописцы называют Галичан за сие злодейство *безбожными*. Но их убил не народ...

(245) Вол. Лет. (Ист. Г. Р. т. III. пр. 134).

ри Галицкаго Князя велѣно было оставить Галичъ. Даніилъ вознегодовалъ, заплакалъ, не хотѣлъ разстаться съ матерью, и, видя ее удаляющуюся, бросился на коня, хотѣлъ ѣхать съ нею. Слабаго отрока остановили; онъ обнажилъ мечъ, и ударилъ имъ боярина, ухватившаго коня его за узду. Мать ужаснулась опасности, какой подвергался Даніилъ среди свирѣпыхъ вельможъ, и сама вырвала мечъ изъ рукъ сына (246).

Король Венгерскій слышалъ, что Галичъ волнуется снова, что тамъ возникаютъ заговоры, и зимою пріѣхалъ съ матерью Даніила въ Галичъ, можетъ быть и потому, что Польскій Король съ завистью видѣлъ Галичъ въ рукахъ Венгровъ и уже готовилъ средства овладѣть имъ. Нежданный гость совсѣмъ неожиданно воздвигъ гнѣвъ свой на Володислава и товарищей его, бояръ Филиппа и Судислава. Ихъ судили, мучили. Только деньгами могли они спастись: Судиславъ, казалось, *превратился въ золото* (247) — такъ много далъ онъ! Но Король не хотѣлъ оставить Володислава въ Галичѣ; скованнаго, повезли его въ Венгрію. Едва удалился Король, Галичъ забунтовалъ. Мсти-

(246) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 176).

(247) «*Вѣ злато премѣнися*, рекше, много злата давъ избавися.» — *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 176).

славъ Нѣмой явился изъ Пересопницы, и на сей разъ не такъ безуспѣшно, какъ прежде. Даніилъ съ матерью бѣжалъ въ Венгрію. Вскорѣ Король Польскій изгналъ брата Даніилова изъ Бѣльза, опять отдавъ сей городъ тестю своему, Александру Владимірскому. Венгрія, раздираемая въ то время бунтомъ (248), не думала защищать вдовы и дѣтей Романовыхъ. Володиславъ успѣлъ выиграть въ сихъ обстоятельствахъ. Онъ былъ прощенъ Венгерскимъ Королемъ, получилъ отъ него войско, вступилъ въ Галичъ, (откуда Мстиславъ Нѣмой бѣжалъ безъ сопротивленія), и объявилъ, что Галичъ присоединяется къ Венгріи, а онъ есть Намѣстникъ Короля Венгерскаго и Галицкаго. Польскій Король не хотѣлъ уступать, призвалъ къ себѣ Даніила, Василька, мать ихъ, и пошелъ на Галичъ. Володиславъ сражался, былъ разбитъ и заперся въ Галичѣ. Побѣды Поляковъ остановила политика. Панославъ, воевода Сендомирскій, убѣдилъ Польскаго Короля, что напрасно будетъ онъ сражаться за Князей чуждыхъ, и что лучше

(248) Своевольство и буйство Венгерскихъ аристократовъ доходили до того, что въ 1213 г. Королева Гертруда была зарѣзана во дворцѣ, Банкусомъ, Венгерскимъ Палатиномъ. Банкусъ мстилъ за насиліе жены его, учиненное братомъ Гертруды. Убійца нашелъ защитниковъ.

сдѣлать Галичъ независимымъ отъ Польши, Венгріи и Руси, женивъ Королевича Венгерскаго, Коломана, на Польской Королевнѣ Саломіи. Женихъ и невѣста были еще дѣти. Король Польскій согласился остановить войско, удовольствовавъ сыновъ Романа городами Волынскими, Тихомлемъ и Перемышлемъ. Между тѣмъ Пакославъ возвратился изъ Венгріи съ успѣхомъ: Король Венгерскій былъ согласенъ. Это рѣшеніе сдѣлалось пагубно для Володислава; онъ пострадалъ за всѣхъ: его бросили въ тюрьму, гдѣ вскорѣ сей непримиримый врагъ Романова семейства умеръ колодникомъ. Начался дѣлежъ. Александру Всеволодовичу велѣно было отдать Владиміръ Волынскій Даніилу и Васильку, и остаться при одномъ Бѣльзѣ; Польша пріобрѣла Перемышль; Пакослава, за услугу его, наградили Любачёвомъ, и сынъ Короля Венгерскаго, дитя, обвѣнчанное съ дитятемъ, въѣхалъ въ Галичъ, и коронованъ былъ Королемъ Галицкимъ (249).

Настала тишина. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Польша снова поссорилась съ Венгріею. Король Польскій зналъ о великой славѣ Мстислава Мстиславича. Видя, что ему самому не управить-

---

(249) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 176), и грамата Гонорія III-го (idem. пр. 177).

важнымъ, до похода на Суздальскую область, и, дѣятельная, пылкая, тревожилась думою о новыхъ подвигахъ, едва было кончено одно славное дѣло. Мстиславъ старался устроить Новгородъ, и предложилъ въ намѣстники Новгороду сына своего, Василія. Новгородцы съ радостью согласились. Зная достоинства Твердислава Михайловича, и не видя уже опасности отъ его бывшей приверженности къ Всеволодовичамъ, Мстиславъ предложилъ отдать ему снова посадничество. И это было принято. Смѣненнаго Посадника, Юрія Ивановича, и еще двухъ Новгородцевъ, вѣроятно, сильныхъ, могущихъ возмущать вѣче, Мстиславъ взялъ съ собою, и поѣхалъ въ Кіевъ. Тамъ созвалъ онъ Князей на совѣтъ.

Литовцы явились въ Шелонской области; Нѣмцы снова въ Чудскихъ земляхъ и взяли Оденпе. Твердиславъ и Владиміръ Псковскій соединились, гнались за Литовцами, и обратились потомъ на Чудь. Рыцари Ливонскіе велѣли Чуди договариваться, просить мира, и нечаянно напали на Новгородцевъ и Псковитянъ, съ сильною ратью, гдѣ были самъ Гермейстеръ Вольквинъ и Дитерихъ, братъ Епископа Рижскаго. Но въ жестокомъ сраженіи, Руссы побѣдили, прогнали враговъ, осадили Оденпе. Томимые недостаткомъ припасовъ, осажденные просили только пропуска и заключили миръ.

Дитерихъ отданъ былъ Новгородцамъ въ залогъ вѣрности договора (238).

Въ это время Мстиславъ Мстиславичъ возвратился еще разъ въ Новгородъ. Тишина и миръ были въ Сѣверной Руси. Съ удовольствіемъ услышалъ Мстиславъ, что надежды его не были обмануты Константиномъ: начатое побѣдою, Константинъ довершилъ добродушіемъ. Немедленно по возвращеніи во Владиміръ, онъ послалъ за Георгіемъ, назвалъ его братомъ, другомъ, объявилъ, что назначаетъ его послѣ себя наслѣдникомъ Великаго Княжества, отдалъ ему во владѣніе Суздаль, далъ удѣлы другимъ братьямъ, и послалъ двухъ юныхъ сыновей своихъ, Василька и Всеволода, въ Ростовъ и Ярославль, заклиная ихъ на миръ, дружбу и повиновеніе, по смерти его, дядѣ Георгію, какъ второму отцу (239).

Мстиславъ объѣхалъ Новгородскія области, заключилъ въ тюрьму Новгородца Станимира, а въ Торжкѣ Борислава; но, обязавъ клятвою, вскорѣ далъ имъ свободу: онъ хотѣлъ только порядка.

---

(238) Кельхъ, стр. 59.

(239) Изгнаніе Георгія продолжало[illegible] менѣе пят[illegible] мѣсяцовъ. Липецкая битва была 21 А[illegible] Георгій, призванный Константиномъ, пріѣха[illegible] Суз[illegible] Сентября.

Тогда скорбь неожиданная поразила доблестнаго Князя: въ Торжкѣ, сынъ его, Василій заболѣлъ и скончался. Со слезами привезъ Мстиславъ тѣло юнаго Князя въ Новгородъ, и положилъ въ Софійскомъ Соборѣ, въ головахъ у дѣда (240). Не знаемъ, оправдывалъ-ли Василій дѣлами надежды отца; но онъ былъ *единственный* сынъ Мстислава. Какъ будто хотѣло Провидѣніе спасти родъ Мстислава Храбраго отъ цѣпей рабства Монгольскаго! Одинокій остался въ мірѣ Мстиславъ Мстиславичъ: сына его уже не было; дочь была вдовою отъ живаго мужа; другая дочь, дѣвица, находилась при немъ; но какая судьба ожидала и эту бѣдную сироту послѣ смерти отца (241)?

Новгородцы думали, что Мстиславъ останется уже между ими навсегда. Они не знали, что предопредѣливъ себя на безкорыстное спасеніе всѣхъ Русскихъ земель, Мстиславъ рѣшался на послѣдній свой подвигъ. Кіевъ, Черниговъ, Смоленскъ, Владиміръ, Новгородъ были безопасны, мирны; но Галичъ и Волынь находились въ гибельномъ, ужасномъ положеніи.

---

(240) Нов. Лѣт. стр. 90.

(241) Кажется, что Ярославъ женился на другой женѣ, разведенный съ дочерью Мстислава.

Мы оставили Игоревичей обладателями Галича и Волыни: *Владиміра* Княземъ въ Галичѣ, *Святослава* Княземъ во Владимірѣ Волынскомъ, *Романа* Княземъ въ Звенигородѣ. Мы видѣли, что по кончинѣ Рурика Ростиславича, Всеволодъ Рыжій обвинялъ потомковъ Мономаха въ вѣроломствѣ, погибели братьевъ его, и это обвиненіе ставилъ предлогомъ изгнанія Мономаховичей изъ Южной Руси. Мстиславъ Мстиславичъ наказалъ хищника, возвратилъ Кіевъ Мономаховичамъ, усмирилъ Князей Черниговскихъ. Судьба Галича послѣ 1207 года, въ теченіе десяти слишкомъ лѣтъ, остается еще для насъ невѣдомою. Что тамъ дѣлалось? Почему Рыжій винилъ Мономаховичей? Какая страшная кара постигла тамъ Игоревичей? Еще за годъ до похода на Суздаль, Мстиславъ откланивался Новгородскому вѣчу и говорилъ, что у него *есть дѣла* въ Южной Руси? Какія были сіи *дѣла*? —Предлагаемъ повѣсть о томъ, что происходило въ Галичѣ съ 1207 года.

Гордыхъ притѣснителей Романова семейства, Игоревичей, ожидала тамъ погибель. Но *не Мономаховичи* были тому виною: Всеволодъ Рыжій клеветалъ на нихъ. Сами Игоревичи, злобные, не братолюбивые, легкомысленные, были причиною своихъ бѣдствій. Ихъ окружали: Польша, Венгрія; Изяславичи, владѣвшіе частью Волыни, именно: дѣти *Ярослава Луцкаго*: *Мсти-*

славъ Нѣмой, Князь Пересопницы, и *Ингварь*, Князь Луцка; *Александръ*, сынъ Всеволода Мстиславича, Князь Бѣльза; дѣти славнаго Романа Галицкаго находились, какъ будто залоги будущихъ притязаній на Галичъ и Волынь, *Даніилъ* въ Венгріи, младшій — *Василько*, съ матерью, въ Польшѣ. Наконецъ, въ самомъ Галичѣ, при дворѣ Владиміра Игоревича, жилъ вельможа сильный, гордый, бывшій причиною призванія Игоревичей, бѣдствовавшій нѣкогда при неукротимомъ Романѣ, и въ возмездіе едва не погубившій супругу и дѣтей Романа, изгнавшій ихъ изъ Владиміра и доставившій чрезъ то Волынь Игоревичамъ — *Володиславъ*. На что не могъ осмѣлиться сей честолюбецъ, имѣвшій сильныхъ друзей и довѣренность народную?

Только кроткая умѣренность и тихое благоразуміе могли укрѣпить владѣнія Игоревичей, при сильныхъ, враждующихъ сосѣдяхъ, при опасностяхъ, гнѣздившихся даже близъ ихъ Княжескихъ престоловъ. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Игоревичи перессорились между собою. Романъ Звенигородскій убѣжалъ въ Венгрію, выпросилъ войско у Венгерскаго Короля, напалъ на Галичъ и изгналъ брата. Видя начало междоусобій, Александръ Бѣльзскій обратился къ Польскому Королю, и предложилъ отдать Бѣльзъ сыну Романову, если ему помогутъ завладѣть Владиміромъ Волынскимъ. Король Польскій согла-

сился. Владимірцы схватили и выдали Александру и Польскимъ воеводамъ Святослава Игоревича; Поляки грабили городъ; Александръ казался не замѣчающимъ, благодарилъ Короля, отдалъ за него дочь свою, передалъ Брестъ и Бѣльзъ малолѣтному Васильку Романовичу, и терпѣлъ опеку и своевольства Поляковъ во Владимірѣ.

Она была довольно сносна; но опека Венгерцовъ въ Галичѣ превосходила всю мѣру терпѣнія. Не Романъ Игоревичъ, но Венгерскій вельможа, Венедиктъ, правилъ Галичемъ. Грозный Венгерскими дружинами, онъ своевольничалъ, раззорялъ богатыхъ людей, отнималъ женъ, дочерей въ жертву ненасытнаго сладострастія. Галичане волновались, роптали. Нѣкто Тимоѳей, *премудрый книжникъ*, Кіевлянинъ, выводилъ изъ Священнаго Писанія, что Венедиктъ есть Антихристъ, ибо его имя есть одно изъ трехъ именъ, подъ коими при кончинѣ міра долженствуетъ явиться противникъ Христа (242). Въ тоже время, другіе Галичане не истолковывали именъ по Апокалипсису, но думали о сверженіи чуждаго ига. Венедиктъ хотѣлъ предупредить всѣ толки и замыслы: велѣлъ схватить Тимоѳея, но онъ бѣжалъ и скрылся. Другіе возмутители были захвачены; наконецъ самъ Князь

---

(242) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 134).

въ Галичѣ. Александръ Бѣльзскій покривилъ душею, отступилъ, и примирился съ Польскимъ Королемъ. Мстиславъ стоялъ уже съ передовыми дружинами на рѣкѣ Зубрьѣ, когда остатки дружинъ Димитрія прибѣжали къ нему. Слыша о впаденіи въ Галицкія области воинства сильнаго, Мстиславъ послалъ звать Даніила къ себѣ, и рѣшился отступать. Храбрый Даніилъ оставилъ Галичъ. Отступленіе его было затруднено непріятелями, гнавшимися за нимъ. Даніилъ дѣйствовалъ, какъ вождь искусный, съ воеводами Мстислава Димитріемъ, Глѣбомъ Еремѣевичемъ и Мирославомъ. Терпя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, они бились иногда день и ночь, уходили, нападали сами. Съ изумленіемъ видѣли однажды воеводы, какъ Даніилъ, въ порывѣ отваги, цѣлое поприще гнался съ своимъ отрядомъ за непріятелемъ, спасшимся только *борзостью конскою* (253). За Днѣстромъ, дружины соединились съ Мстиславомъ. Мстиславъ обнялъ Даніила, подарилъ ему любимаго своего коня. « Иди во Владиміръ, » сказалъ онъ, » мы отмстимъ врагамъ нашимъ, и стыдъ пораженія передадимъ на ихъ головы. » Возвратясь во Владиміръ, Даніилъ увидѣлъ мать свою уже монахинею: она отказалась отъ свѣта въ отсутствіе сына. Да-

---

(253) « Утекшю борзости ради конское, » В. Л. (idem, пр. 190).

личѣ, Святославъ въ Перемышлѣ, Романъ въ Звенигородѣ; сыну Владиміра, Изяславу, дали удѣлъ въ Перемышлѣ.

Думая, что средства, употребленныя нѣкогда Романомъ Мстиславичемъ, обезопасятъ ихъ, Игоревичи вздумали принять мѣры строгія и насильственныя. На многихъ бояръ, сильныхъ и знатныхъ, наложили они опалу, судили ихъ и казнили. Другіе были угрожаемы такимъ-же преслѣдованіемъ, и спасались бѣгствомъ; въ числѣ бѣглецовъ былъ самъ гордый Володиславъ. Онъ клялся отмстить, скрылся въ Венгріи, и умѣлъ растолковать Королю Венгерскому, что лучшее средство владѣть Галичемъ — дать сію землю сыну Романа, именемъ коего Венгры могутъ управлять свободно. Хотѣли Даніила женить на Венгерской Княжнѣ, но оставили сей бракъ за юностью Князя. Король вдругъ вспомнилъ дружбу отца Даніилова, и захотѣлъ быть защитникомъ сына своего стараго друга. Сильное войско Венгерское послано было съ Володиславомъ и Венгерскими воеводами. Даніилъ находился при немъ. Но Игоревичи призвали Половцевъ, стали крѣпко; слова, увѣщанія Володислава и видъ юнаго сына Романова, заставили Галичанъ передаваться. Еще оставалась надежда на битву: Игоревичи могли побѣдить, и—всѣ окрестные Князья, Владимірскій, Луцкій, Пересопницкій, Бѣльзскій, возстали; даже Поляки прислали войско. Игоре-

вичи не могли противостать: ихъ разбили, и самихъ взяли въ плѣнъ; только Владиміръ съ сыномъ успѣлъ убѣжать. Даніилъ былъ возведенъ на Княжество Галицкое. Свирѣпые гонители Игоревичей хотѣли крови, и—несчастныхъ Князей: Романа Игоревича, Святослава Игоревича, и третьяго Князя изъ рода ихъ, отдали на растерзаніе Галицкимъ вельможамъ. Володиславъ и товарищи его ругались надъ Князьями, били ихъ, позорили, и наконецъ повѣсили. Хладнокровно смотрѣли на отвратительное злодѣйство другіе Князья (244).

Володиславъ исполнилъ слово, данное Королю Венгерскому: Даніилъ былъ Княземъ только по имени; Володиславъ правилъ Галичемъ, какъ Венгерскою областью. Восьмилѣтній сынъ Романа уже оказывалъ характеръ смѣлый, пылкій. Мать его пріѣхала въ Галичъ изъ Польши. Даніилъ сначала не узналъ ея, давно разставшись съ нею, но потомъ съ нѣжностью сына хотѣлъ слушаться ея, внимать ея совѣтамъ (245). Ненавистный Володиславъ былъ охранителемъ отрока, столь драгоцѣннаго Княгинѣ; всего болѣе могла она желать низверженія честолюбиваго боярина. Володиславъ предупредилъ ее, и мате-

---

(244) Лѣтописцы называютъ Галичанъ за сіе злодѣйство *безбожными*. Но ихъ убилъ не народъ...

(245) Вол. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. III. пр. 134).

ри Галицкаго Князя велѣно было оставить Галичъ. Даніилъ вознегодовалъ, заплакалъ, не хотѣлъ разстаться съ матерью, и, видя ее удаляющуюся, бросился на коня, хотѣлъ ѣхать съ нею. Слабаго отрока остановили; онъ обнажилъ мечъ, и ударилъ имъ боярина, ухватившаго коня его за узду. Мать ужаснулась опасности, какой подвергался Даніилъ среди свирѣпыхъ вельможъ, и сама вырвала мечъ изъ рукъ сына (246).

Король Венгерскій слышалъ, что Галичъ волнуется снова, что тамъ возникаютъ заговоры, и зимою пріѣхалъ съ матерью Даніила въ Галичъ, можетъ быть и потому, что Польскій Король съ завистью видѣлъ Галичъ въ рукахъ Венгровъ и уже готовилъ средства овладѣть имъ. Нежданный гость совсѣмъ неожиданно воздвигъ гнѣвъ свой на Володислава и товарищей его, бояръ Филиппа и Судислава. Ихъ судили, мучили. Только деньгами могли они спастись: Судиславъ, казалось, *превратился въ золото* (247) — такъ много далъ онъ! Но Король не хотѣлъ оставить Володислава въ Галичѣ; скованнаго, повезли его въ Венгрію. Едва удалился Король, Галичъ забунтовалъ. Мсти-

---

(246) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 176).

(247) «*Въ злато премѣнися*, рекше, много злата давъ избавися.» — *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 176).

славъ Нѣмой явился изъ Пересопницы, и на сей разъ не такъ безуспѣшно, какъ прежде. Даніилъ съ матерью бѣжалъ въ Венгрію. Вскорѣ Король Польскій изгналъ браша Даніилова изъ Бѣльза, опяшь ошдавъ сей городъ шесшю своему, Александру Владимірскому. Венгрія, раздираемая въ що время буншомъ (248), не думала защищашь вдовы и дѣшей Романовыхъ. Володиславъ успѣлъ выиграшь въ сихъ обсшояшельсшвахъ. Онъ былъ прощенъ Венгерскимъ Королемъ, получилъ ошъ него войско, всшупилъ въ Галичъ, (ошкуда Мсшиславъ Нѣмой бѣжалъ безъ сопрошивленія), и объявилъ, что Галичъ присоединяешся къ Венгріи, а онъ есшь Намѣсшникъ Короля Венгерскаго и Галицкаго. Польскій Король не хошѣлъ усшупашь, призвалъ къ себѣ Даніила, Василька, машь ихъ, и пошелъ на Галичъ. Володиславъ сражался, былъ разбишъ и заперся въ Галичѣ. Побѣды Поляковъ осшановила полишика. Панославъ, воевода Сендомирскій, убѣдилъ Польскаго Короля, что напрасно будешъ онъ сражашься за Князей чуждыхъ, и что лучше

---

(248) Своевольсшво и буйсшво Венгерскихъ арисшокрашовъ доходили до шого, что въ 1213 г. Королева Гершруда была зарѣзана во дворцѣ, Банкусомъ, Венгерскимъ Палашиномъ. Банкусъ мсшилъ за насиліе жены его, учиненное брашомъ Гершруды. Убійца нашелъ защишниковъ.

сдѣлать Галичъ независимымъ отъ Польши, Венгріи и Руси, женивъ Королевича Венгерскаго, Коломана, на Польской Королевнѣ Саломіи. Женихъ и невѣста были еще дѣти. Король Польскій согласился остановить войско, удовольствовавъ сыновъ Романа городами Волынскими, Тихомлемъ и Перемышлемъ. Между тѣмъ Пакославъ возвратился изъ Венгріи съ успѣхомъ: Король Венгерскій былъ согласенъ. Это рѣшеніе сдѣлалось пагубно для Володислава; онъ пострадалъ за всѣхъ: его бросили въ тюрьму, гдѣ вскорѣ сей непримиримый врагъ Романова семейства умеръ колодникомъ. Начался дѣлежъ. Александру Всеволодовичу велѣно было отдать Владиміръ Волынскій Даніилу и Васильку, и остаться при одномъ Бѣльзѣ; Польша пріобрѣла Перемышль; Пакослава, за услугу его, наградили Любачёвомъ, и сынъ Короля Венгерскаго, дитя, обвѣнчанное съ дитятемъ, въѣхалъ въ Галичъ, и коронованъ былъ Королемъ Галицкимъ (249).

Настала тишина. Но не прошло и трехъ лѣтъ, какъ Польша снова поссорилась съ Венгріею. Король Польскій зналъ о великой славѣ Мстислава Мстиславича. Видя, что ему самому не управить-

---

(249) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 176), и грамата Гонорія III-го (idem. пр. 177).

ся съ Венгріею, онъ послалъ къ Мстиславу, звалъ его, обѣщалъ дружбу, помощь. Но слова Короля не рѣшили-бы Мстислава; другое важнѣйшее обстоятельство заставило его думать о Галичѣ.

Это было притѣсненіе православной вѣры. Мстиславъ могъ желать освобожденія Галича отъ власти иноплеменниковъ, избавленія отъ междоусобій и раздоровъ боярскихъ одной изъ сильныхъ и богатыхъ областей земли Русской, могъ, по своему добледушію помышлять, что ему судилъ Богъ избавлять земли Русскія. Но защита вѣры православной должна была казаться ему святымъ, непремѣннымъ долгомъ Князя-Христіанина, и особливо въ то время, когда онъ оставался одинокъ на землѣ. Для кого сталъ-бы онъ пріобрѣтать вѣнцы земные? У него не было дѣтей; вѣнецъ небесный оставался единственнымъ его утѣшеніемъ!

Съ объявленіемъ Коломана Королемъ Галицкимъ въ 1214 году, явились въ Галичъ Латинскіе Священники. Архіепископъ Стригонскій короновалъ Коломана и Саломею. Мысль о покореніи Галицкаго Королевства Папской власти, болѣе и болѣе усиливалась у Латинскаго Духовенства. Черезъ три года дошло до того, что Епископъ православный и Русскіе священники были изгнаны изъ Галича, жителей принуждали принимать Католическую вѣру, церкви преобразовывали въ ко-

стелы. Народъ не смѣлъ противиться, но ропталъ, и ужасался насилія совѣсти (250).

Проводивъ къ могилѣ гробъ сына своего, Мстиславъ извѣстилъ Новгородцевъ о собраніи главнаго вѣча на Ярославовомъ Дворѣ. Новгородцы шли, думая, что рѣчь будетъ о Новгородскихъ дѣлахъ обыкновенныхъ. Но когда сошелся вольный городъ, Мстиславъ поклонился вѣчу, и объявилъ, что онъ разстается съ Новгородомъ. «Кланяюсь Святой Софіи, и гробу отца моего, и вамъ Новгородскіе люди. Прощайте! Йду отъ васъ; хочу поискать Галича,» говорилъ Мстиславъ. Тысячи голосовъ возопили, умоляя его остаться, не покидать Новгорода. «Никогда не забуду я васъ,» отвѣчалъ Мстиславъ; «и дай мнѣ Господь Богъ лечь подлѣ отца моего у Святой Софіи». Но онъ былъ непреклоненъ. *Много молили* его Новгородцы; намѣреніе Князя было твердо. Выборъ преемника Мстиславъ предоставилъ совершенно волѣ Новгородцевъ. Въ послѣдній разъ поклонился онъ Святой Софіи, и — *не возвращался уже болѣе въ вольный Новгородъ*! Это было лѣтомъ 1218 года (251).

---

(250) Грамата Венгерскаго Короля къ Папѣ, въ Райнальдовыхъ Annales Ecclesiastici, т. XIII (Ист. Г. Р. т. III, пр. 177).

(251) Слова Мстислава: «Кланяюся Святѣй Софіи, и гробу отца моего, и вамъ. Хоцю поискати Галиця;

Въ Кіевѣ собралъ Мстиславъ совѣтъ Князей. Страхъ имени его предшествовалъ ему. Услышали, что Короля и Королевы Галицкихъ уже нѣтъ въ Галичѣ; вельможи и войска Венгерскіе бѣжали съ ними въ Венгрію. Бояринъ Судиславъ, бывшій сообщникъ Володислава, властвовалъ въ Галичѣ, и звалъ Даніила изъ Владиміра Волынскаго въ Галичъ. Услышавъ о семъ, Мстиславъ, безъ войска, поспѣшно поѣхалъ въ Галичъ, такъ что Даніилъ не успѣлъ предупредить его. Судиславъ и остальные Венгерцы не дожидались Мстислава; онъ безъ битвы занялъ Галичъ, дотолѣ столь буйный, ужасный своеволіемъ обитателей. Къ нему явился тогда юный, храбрый сынъ Романа; Мстиславъ принялъ его, какъ друга, ласкалъ его, сдѣлалъ еще болѣе: отдалъ за него дочь свою. Но, къ удивленію всѣхъ, Мстиславъ объявилъ, что Даніилъ долженъ остаться во Владимірѣ Волынскомъ, а Галичъ оставляетъ онъ за собою. Даніилъ не противился, и съ кротостію слышалъ объявленіе Мстислава Мстиславича *Княземъ Галицкимъ*. Даніилъ просилъ пособить ему, по крайней мѣрѣ, противъ Короля Польскаго, который, захвативъ при раздѣлѣ многіе родовые города Волынскихъ Князей, владѣлъ ими. « Сынъ мой!» отвѣчалъ

а васъ не забуду; дай Богъ леци у отця, у Святѣй Софіи » (*Нове. Лѣт.* стр. 90).

Мстиславъ, « не могу возстать и на Польскаго Короля, за правую любовь, какую онъ держитъ ко мнѣ; ищи себѣ другихъ союзниковъ. » Даніилъ думалъ, что собственный его мечъ будетъ лучшимъ союзникомъ: онъ выступилъ съ дружинами и отнялъ у Поляковъ города Волынскіе. Мстиславъ былъ тогда на берегахъ Днѣпра, гдѣ Мономаховичи и Олеговичи съѣхались къ нему на совѣтъ. Въ одно время, онъ услышалъ о войнѣ Даніила съ Польшею, и о томъ, что Лешко на него возлагаетъ вину, что онъ соединился уже съ Венграми, и что войска Венгерскія и Польскія идутъ къ Галичу. Готовый на битвы, Мстиславъ послалъ воеводъ своихъ отбивать непріятелей на предѣлахъ Галича; Даніилъ и Александръ Бѣльзскій должны были защищать самый Галичъ. Мстиславъ остался на Днѣпрѣ, послалъ за Половцами, сбиралъ дружины Князей, и готовился подкрѣпить воеводъ своихъ и Даніила.

Войска Венгерскія и Польскія были многочисленны. Юный Коломанъ, множество Венгерскихъ воеводъ, были съ ними. Въ жестокой битвѣ, разбили они воеводу Мстиславова, Димитрія. Много храбрыхъ пало; Михаилъ Скула, украшенный тремя золотыми цѣпями, былъ убитъ, и голова его повергнута къ ногамъ Коломана (252). Слѣдуя приказанію Мстислава, Даніилъ затворился

(252) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 190)

въ Галичѣ. Александръ Бѣльзскій покривилъ душею, отступилъ, и примирился съ Польскимъ Королемъ. Мстиславъ стоялъ уже съ передовыми дружинами на рѣкѣ Зубрьѣ, когда остатки дружинъ Димитрія прибѣжали къ нему. Слыша о впаденіи въ Галицкія области воинства сильнаго, Мстиславъ послалъ звать Даніила къ себѣ, и рѣшился отступать. Храбрый Даніилъ оставилъ Галичъ. Отступленіе его было затруднено непріятелями, гнавшимися за нимъ. Даніилъ дѣйствовалъ, какъ вождь искусный, съ воеводами Мстислава Димитріемъ, Глѣбомъ Еремѣевичемъ и Мирославомъ. Терпя недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, они бились иногда день и ночь, уходили, нападали сами. Съ изумленіемъ видѣли однажды воеводы, какъ Даніилъ, въ порывѣ отваги, цѣлое поприще гнался съ своимъ отрядомъ за непріятелемъ, спасшимся только *борзостью конскою* (253). За Днѣстромъ, дружины соединились съ Мстиславомъ. Мстиславъ обнялъ Даніила, подарилъ ему любимаго своего коня. « Иди во Владиміръ, » сказалъ онъ, » мы отмстимъ врагамъ нашимъ, и стыдъ пораженія передадимъ на ихъ головы. » Возвратясь во Владиміръ, Даніилъ увидѣлъ мать свою уже монахинею: она отказалась отъ свѣта въ отсутствіе сына. Да-

(253) « Утекшю борзости ради конское, » В. Л. (idem, пр. 190).

ніилъ нашелъ важное пособіе въ мирѣ съ Литовцами: нѣсколько Князей Литовскихъ пріѣхали къ нему, заключили миръ, и обратились на Польшу.

Къ рѣшительной битвѣ готовились между тѣмъ Венгры, слыша, что Мстиславъ ведетъ на нихъ сильныя дружины, Русскія и Половецкія. Новый воевода Венгерскій, Филиппъ, зять бѣглеца Судислава, прибылъ съ войскомъ въ Галичъ. Горделиво говорилъ онъ, что для побѣды надъ Руссами надобны только *острый мегъ и борзый конь*, и что *одинъ камень много горшковъ разбиваетъ* (254). Оставивъ Коломана съ супругою его въ Галичѣ, Филиппъ выступилъ съ войскомъ впередъ, взявъ съ собою тестя своего Судислава, и многихъ бояръ. Къ досадѣ Даніила, Лешко лишилъ его средствъ идти на помощь Мстиславу. Давъ часть дружинъ своихъ Венгерцамъ, самъ Лешко выступилъ на Волынь. До битвы не доходило; Лешко хотѣлъ только выиграть время. Конрадъ, братъ Лешка, былъ посредникомъ между имъ и Даніиломъ. Пока шли переговоры, Филиппъ сталъ противъ Мстислава. Передовые Половецкіе отряды начали битву. Владиміръ Рурико-

---

(254) « Рекшю ему: « Единъ камень много горнцевъ избиваетъ « , а другъ слово рекше ему прегордо: « Острый мечю, борзый коню многаа Руси.« — *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 190).

вичъ велъ за ними Русскія дружины; самъ Мстиславъ шелъ съ Половцами и остальными Руссами назади. Жестокая битва уже кипѣла, а Мстиславъ не двигался, стоялъ на высокомъ холмѣ, смотрѣлъ и дожидался; дружины его бездѣйствовали.

Сильно тѣснимый, Владиміръ прислалъ наконецъ сказать ему, что онъ начальникъ, а не зритель битвы. Мстиславъ молчалъ, и когда увидѣлъ, что Русскія дружины подались, побѣжали, что Венгры и Поляки гонятся за ними въ розсыпь и поютъ уже побѣдныя пѣсни (255), мгновенно свернулъ онъ свое войско, ободрилъ воиновъ, ударилъ и—рѣшилъ побѣду! Самъ Филиппъ (*прегордый Филя* (256), какъ называютъ его Лѣтописцы) былъ пойманъ въ бѣгствѣ, и по слѣдамъ бѣгущихъ, Мстиславъ, *подобно соколу*, явился подъ Галичемъ. Одни бѣжали оттуда, другіе хотѣли защищаться (257). Руссы мечами пробились въ городъ. Коломанъ, супруга его и отборные Венгры убѣжали въ церковь, нарочно

---

(255) Длугошъ.

(256) *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 190). Длугошъ называетъ его: Attilia Filnia.

(257) Слова Длугоша: O magne lux et victor Mscislae Mscislavice! O fortis accipiter! — Въ числѣ бѣглецовъ изъ Галича былъ и славный Лѣтописатель Польскій, Винцентій Кадлубекъ.

для сего обращенную въ крѣпость (258). Упорно дрались тутъ Венгерскіе воины, будучи окружены отвсюду, изнемогая отъ голода и жажды. Мстиславъ явился, предложилъ сдаться, и Король Галицкій, съ Королевою и множествомъ Венгерскихъ вельможъ, былъ въ его рукахъ. Побѣдитель отослалъ Коломана и Саломею въ Торческъ, какъ плѣнниковъ; знатные Венгерцы достались по дѣлежу Русскимъ и Половецкимъ воинамъ и должны были выкупать себя. Въ числѣ плѣнныхъ былъ и бояринъ Судиславъ. Лобызая ноги Мстислава, Судиславъ клялся *вѣчно быть его работникомъ* (259), и умѣлъ умилостивить побѣдителя: не только простилъ онъ ему всѣ козни, но даже опредѣлилъ его воеводою въ Звенигородъ.

Слѣдствія блистательной сей побѣды были важны. Она утвердила честь Мстислава Мстиславича. Руссы величали его *краснымъ своимъ солнышкомъ* (260). Король Польскій не смѣлъ ни-

---

(258) « Филя... създа градъ на церкви Св. Богородици, яже, не стерпѣвшю оскверненія храма своего, вдасть и въ руци Мстиславу...–И взбѣгоша на комары церковныа, иніи-же ужи возвлачишась, а фарѣ (коней) ихъ поймаша, бѣ бо градъ сътворенъ на церкви. « *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 190).

(259)« Обойма нозѣ его, обѣщася работѣ быти ему. » *Вол. Лѣт.* (idem, пр. 190).

(260) Ист. Г. Р. т. III, стр. 182.

чего предпринять, искалъ мира, и отказался отъ помощи Александру Бѣльзскому. Сей Князь былъ жестоко наказанъ за вѣроломство. Пріѣхавъ въ Галичъ поздравить своего тестя, Даніилъ поспѣшилъ потомъ на Волынь, собралъ войско, и съ братомъ Василькомъ раззорилъ Бѣльзъ, разграбилъ его, не оставилъ камня на камнѣ: грабежъ продолжался цѣлую ночь. Лѣтописецъ говоритъ, что съ тѣхъ поръ въ Бѣльзѣ осталось присловье о *злой ночи* раззоренія Бѣльза (261). Мстиславъ хотѣлъ общаго мира, и, слушаясь его, Даніилъ прекратилъ вражду и помирился съ Александромъ.

Мстиславъ снова объявилъ себя Галицкимъ Княземъ, не упоминая ничего о правахъ Даніила. Вскорѣ явились въ Галичъ послы Короля Венгерскаго, требуя освобожденія Коломана, и грозя, въ случаѣ отказа, походомъ сильнѣйшаго Венгерскаго войска на Галичъ. Мстиславъ отвѣчалъ, что онъ не отдаетъ бывшаго Галицкаго Короля и жены его, Венгерцевъ ждетъ, а побѣду передаетъ власти Божіей (262).

---

(261) « Сію-же наречють Бѣлжане злу нощь, сіа-бо нощь злу игру имъ сыгра, « *Вол. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 198). *Злая игра*, выраженіе, неоднократно повторенное въ Лѣтописи Волынской.

(262) Ист. Г. Р. т. III, стр. 183.

Угрозы Венгровъ на сей разъ кончились словами. Король Венгерскій занятъ былъ смятеніями внутренними и опасностями внѣшними. Уступая требованіямъ вельможъ и народа, онъ показалъ имъ слабость свою въ *Золотой Буллѣ*. Извнѣ грозили ему враги сильные, и это побудило его искать въ знаменитомъ Мстиславѣ Мстиславичѣ не врага, но друга и родственника (263). Неожиданное предложеніе сдѣлано было тогда

---

(263) *Золотою Буллою* названа была въ Венгріи, скрѣпленная золотою печатью, грамата Андрея, данная имъ въ 1222 году, подтвердившая преимущества Духовенства и Дворянства, по уставамъ Короля Святаго Стефана (ум. въ 1038 г.), и еще болѣе увеличивавшая оныя. Андрей обязывался между прочимъ, что ни одинъ дворянинъ Венгерскій не будетъ задержанъ по повелѣнію Короля своего, пока предварительно не обвинятъ его и не докажутъ его вины. Далѣе, что безъ общаго согласія Дворянства, ни какая подать, ни на кого изъ дворянъ не будетъ налагаема, и проч. Всѣ сіи уставы Король обѣщалъ хранить свято, за себя и за наслѣдниковъ своихъ, съ условіемъ, что если онъ, или наслѣдники его, вздумаютъ нарушить Золотую Буллу, то подданные имѣютъ право возстать противъ нарушителя, и свергнуть его съ престола, не подвергаясь нарѣканію въ бунтѣ. Странное условіе, подобное тому, которое далъ своему народу Король Датскій, въ 1660-мъ году. Получивъ тогда неограниченную власть, онъ установилъ, что за всякое сокращеніе, или ограниченіе оной, Датчане имѣютъ право не слушаться его наслѣдниковъ.

Мстиславу. Король Венгерскій предложилъ женить третьяго сына своего, Андрея, на дочери Мстислава, съ тѣмъ чтобы Галичъ былъ приданымъ за невѣстою. Мстиславъ согласился. Судиславъ, облагодѣтельствованный Мстиславомъ, былъ посредникомъ въ сихъ переговорахъ. Но они шли медленно. Не смотря на то, сынъ Венгерскаго Короля былъ обрученъ съ юною Княжною; Коломанъ освобожденъ и отправленъ къ отцу. Препятствія къ браку были выисканы хитростью политики. Во время не славнаго своего Крестоваго похода, Король Венгерскій, родственникъ Царьградскихъ, Латинскихъ Императоровъ, женилъ одного сына на дочери Императора Греческаго, царствовавшаго въ Никеѣ, и сговорилъ за младшаго сына, назначеннаго жениха Мстиславовой дочери, дочь Короля Армянскаго. Надѣялись, что Папа разрѣшитъ ихъ обрученіе. Но Лешко постарался отклонить Папу, и Римскій владыка отвѣчалъ, что не можетъ разрѣшить обѣщанія, даннаго одной невѣстѣ, и не благословляетъ Андрея быть Королемъ Галицкимъ, ибо Галичъ есть законное владѣніе брата его Коломана и супруги Коломановой, дочери знаменитаго Польскаго Короля (264). Время проходило, пе-

---

(264) Послѣ убіенія Гертруды, Андрей женился на Іоландѣ, дочери Петра Куртене, царствовавшаго въ Царьградѣ. За Белою, старшимъ сыномъ Андрея, была

ресылали пословъ, спорили. Имя Мстислава удерживало мечи. Обрученный женихъ дочери его жилъ между тѣмъ въ Перемышлѣ, получивъ сей удѣлъ отъ будущаго тестя, какъ подарокъ предварительный.

Всѣ сіи событія заняли около четырехъ лѣтъ жизни Мстислава Мстиславича, послѣ отъѣзда его изъ Новгорода. Обратимся къ другимъ дѣйствователямъ въ Исторіи Русскаго народа, и обозримъ, что въ сіи годы дѣлалось на Сѣверѣ Руси.

На другой годъ по отбытіи Мстислава изъ Новгорода, во Владимірѣ скончался добродѣтельный Константинъ Георгіевичъ, 32-хъ лѣтъ отъ рожденія, 1219 года, Февраля 2 дня. Не ознаменовавъ княженія своего ни однимъ блестящимъ дѣяніемъ, онъ и не запятналъ памяти своей ни какимъ злодѣйствомъ. Возведенный обстоятельствами на престолъ, преимущественно называвшійся *Великокняжескимъ*, Константинъ проводилъ болѣзненные дни свои въ бесѣдѣ съ ду-

---

дочь Ѳеодора Ласкариса, Греческаго Императора, царствовавшаго въ то время въ Никеѣ. Письмо Папы Гонорія III-го, въ отвѣтъ на требованіе Короля: разрѣшить обрученіе сына его съ Армянскою Принцессою, помѣщено въ Райнальдовыхъ Annales Ecclesiastici, т. XIII, стр. 324, 335 (см. выписку въ *Ист. Г. Р.* т. III, пр. 196).

ховными сановниками, чтеніи Священныхъ Писаній и пособіи нищей братіи. При гробѣ его совершено было постриженіе его супруги, которая въ обители монастырской два года прожила послѣ своего супруга (265).

Мирно вступилъ послѣ Константина на престолъ его Георгій Всеволодовичъ, не предчувствуя, на какія бѣдствія готовитъ его ужасная судьба въ будущемъ! Онъ оставилъ племянниковъ своихъ, десятилѣтняго Всеволода Константиновича и девятилѣтняго Василька Константиновича, въ удѣлахъ, назначенныхъ имъ отъ отца ихъ, доброе сердце котораго имѣлъ онъ случай узнать въ бѣдствіи. Къ чести Георгія, скажемъ, что сіи чувства хранилъ онъ всю

(265) О Константинѣ: «Не опечалуя никого-же, но всѣхъ умудряя духовными бесѣдами, часто-бо чтяше книги съ прилежаніемъ, и творя все по писанному«... Говоря объ освященіи Ростовской церкви Бориса и Глѣба, Лѣтописецъ продолжаетъ: « И створи пиръ, и учреди люди, и многу милостыню створи; таковъ-бо бѣ обычай того блаженнаго Князя.» Константинъ женатъ былъ на дочери Мстислава Романовича, Кіевскаго; при совершеніи брака (въ 1195 г.) ему было не болѣе *десяти* лѣтъ. Такъ дочь Всеволода, Верхуслава, выдана была за Ростислава Руриковича на девятомъ году... » Плакася къ ней отецъ и мати, зане-же бѣ мила имъ и млада, сущи *восьми* лѣтъ « ... (Ист. Г. Р. т. III, пр. 80). Слѣдовательно, Церковь разрѣшала тогда браки малолѣтныхъ.

жизнь свою. Братья Георгія княжили въ своихъ удѣлахъ.

Отпустивъ изъ плѣна Рязанскихъ и Муромскихъ Князей, Константинъ отказался, кажется, и отъ управы надъ ними. Преступленія, дотолѣ тяготѣвшія надъ несчастнымъ отродіемъ Глѣба, были ничто въ сравненіи съ злодѣйствомъ, которое совершилъ Глѣбъ Владиміровичъ, услужившій нѣкогда старику Всеволоду клеветою на родныхъ (266). Братъ Глѣба, Константинъ, соединился съ нимъ: злодѣи рѣшились на дѣло, невиданное дотолѣ въ Руси. Они пригласили всѣхъ Рязанскихъ Князей, родичей своихъ, на дружескій совѣтъ. Пріѣхало шестеро Князей, и между прочимъ родной братъ Глѣба и Константина, Изяславъ, храбрый противникъ своевластія Князя Владимірскаго (267). Кончивъ общую думу, Князья весело сѣли пировать въ шатрѣ Глѣба, съ множествомъ бояръ и дворянъ своихъ. Тогда вторглись убійцы и — всѣ шесть Князей, бояре и дворяне ихъ были зарѣзаны, безоружные и беззащитные. . . .Спаслись изъ Князей Рязанскихъ только Ингварь Игоревичъ, не успѣвшій пріѣхать, дѣти его, братъ Георгій, и нѣсколько малолѣтныхъ Княжичей другихъ родовъ:

---

(266) См. выше, стр. 116, 117.

(267) См. выше, стр. 117, 118.

Не бѣ-бо приспѣлъ часъ ихъ,» прибавляютъ Лѣтописцы, съ отвращеніемъ описывающіе злодѣйство Глѣба и Константина, называющіе ихъ Каинами и сообщниками Сатаны (268). Братоубійцы обратились, съ Половцами и дружинами своими, къ Старой Рязани, гдѣ княжилъ Ингварь. Сей Князь разбилъ полки братоубійцъ; участь Константина осталась для насъ неизвѣстною; Глѣбъ, отверженный всѣми, бѣжалъ въ степи, и погибъ въ сумасшествіи. Совѣсть неумолима! Ингварь, братъ его Георгій, и дѣти Ингваря наслѣдовали княжества Муромскія и Рязанскія (269).

Вскорѣ по вступленіи своемъ на Великокняжескій престолъ, Георгій Всеволодовичъ удачно воевалъ съ Булгарами, раззорившими Устюгъ, городъ въ Чудской подвластной ему области, вы-

---

(268) «Глѣбъ... наученъ сый Сатаною на убійство, сдумавъ въ своемъ окаяннемъ помыслѣ, имѣя поспѣшника Костянтина, брата своего, и съ нимъ дьявола, иже и прельсти...а не вѣси окаянніи, Божія смотрѣнія . . . Что прия Каинъ отъ Бога, убивъ Авеля, брата своего? Не проклятіе-ли и трясеніе? Или вашъ сродникъ, окаянный Святополкъ, избивъ братью свою? Онѣма вѣнецъ царства а себѣ вѣчную муку.» (*Новг. Лѣт.* стр. 90, 91).

(269) Княжество Рязанское осталось въ родѣ Ингваря.

годно помирился съ ними (270), и заложилъ, въ 1221 году, городъ при впаденіи Оки въ Волгу, назвавъ его *Нижнимъ Новымъ городомъ* (271). Но вниманіе Георгія всего болѣе занималъ Новгородъ.

Тамъ, проводивъ своего незабвеннаго Князя Мстислава Мстиславича, вѣче долго думало: кого избрать ему преемникомъ? Не хотѣли имѣть Князя изъ рода Всеволода Георгіевича, и по-

---

(270) *Великій Устюгъ*, городъ, нынѣ находящійся на рѣкѣ Сухонѣ, не далеко отъ *устья Юга*, рѣки, впадающей въ Сухону; соединясь, сіи рѣки принимаютъ названіе Двины (*Двойной?*); отъ Москвы до Устюга около 900 верстъ. Тамошніе обитатели вообще называемы были отъ Новгородцевъ *Заволоцкою Чудью*. Выгоды торговли привлекали въ Устюгъ множество Рускихъ. Въ первый разъ узнаемъ Устюгъ, по раззоренію его Булгарами, (въ 1219—1224 гг). Святославъ Всеволодовичъ, посланный отъ Георгія ходилъ ниже впаденія Камы въ Волгу, сжегъ и разграбилъ многіе Булгарскіе города, и между прочимъ крѣпкій городъ Булгарскій, Ошелъ (*Ист.* Г. Р. т. III, пр. 186, 187).

(271) Это замѣчательное мѣсто, при впаденіи рѣки Оки въ Волгу, находится въ 269 верстахъ отъ Владиміра, а отъ Москвы въ 441. Выгоды торговыхъ сношеній распространяли такимъ образомъ города во всѣ стороны, назначая имъ мѣста, преимущественно, при сліяніи важнѣйшихъ рѣкъ. См. любопытныя подробности о Сѣверѣ Руси по сему отношенію въ Лербергорыхъ *Изслѣдованіяхъ*, статья объ Югріи.

слали просить у Князя Мстислава Романовича сына его, Святослава. Сей Князь прибылъ, и не много мѣсяцовъ прошло, какъ буйство нѣсколькихъ гражданъ взволновало весь городъ. Новгородецъ Матвѣй Душиловичъ поссорился съ другимъ Новгородцемъ и бѣжалъ изъ Новгорода; его догнали и привели на Княжескій Дворъ. *Пошла ложь по городу*, что Посадникъ Твердиславъ самовольно выдаетъ Князю вольныхъ людей. Начался шумъ; ночью ударили въ набатъ у церкви Николая Чудотворца на Торговой сторонѣ, также у церкви Сорока Мучениковъ въ Неревскомъ Концѣ, и начали *копить народъ*. Твердиславъ услышалъ о возмущеніи, собралъ вѣче оставшихся ему вѣрными гражданъ Людинскаго Конца и Прусской улицы, и уговаривалъ ихъ идти на бунтовщиковъ.— « Если я виноватъ, то да паду въ битвѣ », говорилъ Посадникъ, « буду-ли правъ, оправи меня Господи ! » Съ сими словами, онъ обратилъ взоры на соборную Софійскую церковь. Тутъ Князь Святославъ, *угулявъ голкъ и мятежъ въ городѣ*, прислалъ сказать, что онъ освобождаетъ Душиловича. Сему не внимали, сошлись вооруженные, началась битва, къ счастію не кровопролитная; но восемь человѣкъ было однакожъ убито и много ранено. Успѣли разобрать мостъ на Волховѣ, и тѣмъ прекратить бѣдствіе; но обѣ стороны спорили, шумѣли, цѣлую недѣлю были вѣчи, наконецъ помири-

лись, клялись все забыть, и цѣловали крестъ. Тутъ явились присланные отъ Князя. Радуясь укрощенію бунта, онъ требовалъ, чтобы Твердиславъ былъ немедленно смѣненъ съ Посадничества. Это оскорбило Новгородцевъ. «Смѣнимъ,» отвѣчало вѣче, «но пусть скажетъ Князь, за какую вину?» — «Безъ вины!» отвѣтствовалъ Святославъ. «Просто, не могу быть съ Твердиславомъ, и отнимаю у него Посадничество.» — — «Радуюсь, братья,» сказалъ тогда Посадникъ, «что вины моей нѣтъ, а смѣнить меня вы можете: вы вольны въ Посадникахъ. . . *и въ Князьяхъ*» — прибавилъ Твердиславъ (272). Это нравилось горделивой волѣ Новгорода. Вѣче послало ска-

---

(272) «И выде лжа въ городъ: «Выдалъ Твердиславъ Князю Матвѣя» . . . И бысть заутра, пусти Князь Матвѣя, учувъ голку и мятежъ въ городѣ. . . Твердиславъ-же, позря на Святую Софію, и рече: «Даже буду виноватъ, да буду ту мертвъ, буду-ли правъ, а ты мя оправи Господи» ... Князь-же Святославъ присла свой Тысяцьскый на вѣче, рече: «Не могу быти съ Твердиславомъ, и отъимаю отъ него посадничество.» Рекоша же Новгородци: «Ели вина его?»— Онъ же рече: «Безъ вины.» — Рече Твердиславъ: «Тому есть радь, оже вины моей нѣту, а вы, братье (*вольны*) въ Посадничествѣ и въ Князѣхъ.» — Новгородци-же отвѣщаша: «Княже, оже вины его нѣту, ты къ намъ Крестъ цѣловалъ: безъ вины мужь не лишити, а тобѣ ся кланяемъ, а се нашъ Посадникъ, а въ то ся не вдадимъ.» *Новг. Лѣт.* стр. 92, 93.

зашь Свяшославу: « Князь! если вины на Посадника нѣтъ, то помни, что ты цѣловалъ крестъ, чтобы безъ вины мужа Новгородца не лишать достоинства. Тебѣ кланяемся, а Твердиславъ нашъ Посадникъ, не выдаемъ его!» — Святославъ не спорилъ (273).

Но, угождая волѣ Новгородцевъ, или исполняя желаніе самого Святослава, Мстиславъ Романовичъ прислалъ звать сына къ себѣ, отдавая Новгороду другаго сына своего, Всеволода Мстиславича. И этотъ Князь не успѣлъ остановить смятеній. Одно изъ нихъ началось опять за Твердислава. Отрядъ Новгородскій пошелъ на рѣку Тойму (274), и не былъ пропущенъ туда

---

(273) Твердиславъ заложилъ послѣ того « церковь « камяну Св. Михаила, а другую святыхъ Трехъ Отро-« ковъ, посторонь малу, *свершиша ю въ 4 дня* » (Н. Л. стр. 94). Для объясненія скорости постройки, Карамзинъ прибавляетъ, что малая церковь была *деревянная* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 208). Этого лѣтопись не говоритъ; не должно-ли почесть краткій срокъ ошибкою писца? — О совершеніи-же церкви Св. Михаила и освященіи оной, въ Михайловъ день, черезъ пять лѣтъ (въ 1224 г.), см. *Нов. Лѣт.* (стр. 103). Твердиславъ уже три года былъ тогда монахомъ. Дѣтей сего горделиваго Новгородца узнаемъ въ послѣдствіи.

(274) *Тоймокары*, пишетъ Лѣт. Новг. (стр. 94). *Тойма*, Верхняя и Нижняя, двѣ рѣки, текущія въ Двину, ниже Вычегды.

дружинами Георгія и Ярослава. Предводитель отряда, Семенъ Еминъ, возвратился, но не вошелъ въ Новгородъ, нарочно разставилъ шатры подъ городомъ, и обвинялъ Твердислава и Тысячскаго Якуна, что по ихъ наущенію Князья не пропустили дружинъ Новгородскихъ. Дотолѣ уважаемый, Твердиславъ увидѣлъ ненадежность любви народной: его смѣнили; Семенъ Борисовичъ избранъ былъ въ Посадники, а доносчикъ Еминъ въ Тысячскіе, но не надолго. Послѣ похода къ Пернову, подъ которымъ безуспѣшно двѣ недѣли стоялъ Всеволодъ и бился съ Литвою и Рыцарями, Твердиславъ снова былъ избранъ въ Посадники, а Якунъ въ Тысячскіе. Тогда произошла свада въ Новгородской Іерархіи. Во время отлучки Архіепископа Антонія, сосланный за восемь лѣтъ прежде въ Торопецъ, Архіепископъ Митрофанъ былъ призванъ, и возведенъ на владычній престолъ. « Поѣзжай куда тебѣ любо » — велѣли сказать Новгородцы Антонію. Онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, и поставилъ Князя и вѣче въ большое замѣшательство своимъ упорствомъ. Рѣшились послать обоихъ Іерарховъ на судъ къ Кіевскому Митрополиту. « Кого онъ пришлетъ намъ, тотъ и будетъ намъ Владыка, » говорили Новгородцы. Митрополитъ рѣшилъ въ пользу Митрофана (275). Умы успокоились, и снова

(275) Антоній, любимецъ и другъ Мстислава Мстиславича, получилъ епископію въ Перемышлѣ Галиц-

взволновались, когда Князь Всеволодъ объявилъ гнѣвъ свой на Твердислава. Знаменитый Посадникъ сей былъ боленъ; голосъ его не могъ раздаваться на вѣчѣ, и вѣче передалось Князю, собранное близъ его Дворца. Положили — убить Твердислава; одѣлись въ брони; бояре, воины Князя прискакали на Ярославовъ Дворъ, гдѣ собрались уже народныя толпы. Слыша, что воздвигся весь городъ, и не имѣя силъ идти, Твердиславъ велѣлъ везти себя въ саняхъ къ церкви Бориса и Глѣба, ударилъ набатъ, собралъ вѣрные ему, Людинскій и Загородскій, Концы. Они клялись не оставить его, раздѣлились на пять полковъ, и готовы были оружіемъ встрѣтить Князя, бояръ, воиновъ и сообщниковъ его. Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ не смѣлъ своевольничать, прислалъ владыку Митрофана *съ добрыми повѣстями.* Онъ *свелъ* Посадника и Князя въ любовь (276). Но Твердиславъ, возвратясь домой, сдѣлался боленъ сильнѣе прежняго, и вскорѣ самъ прислалъ на вѣче отказъ отъ Посадничества. Чувствуя усиливающуюся болѣзнь, онъ, тайно отъ жены и дѣтей, уѣхалъ въ Аркадьевскій мо-

---

комъ (Слич. выше, избраніе его, и далѣе, стр. 282). Антоній прибылъ потомъ въ Новгородъ снова, черезъ пять лѣтъ. Несчастныя слѣдствія болѣзни, тогда постигнувшей его, увидимъ въ послѣдствіи.

(276) Новг. Лѣт. стр. 96.

настырь (277), и принялъ монашество. Узнавъ о томъ, жена Твердислава немедленно постриглась въ монастырѣ Св. Варвары. Дѣти Твердислава, гордые именемъ сего знаменитаго Новгородскаго человѣка, были сильны на вѣчѣ, и, вѣроятно, ихъ вліянію надобно приписать изгнаніе Князя Всеволода изъ Новгорода. Въ началѣ 1221 года, сказали Всеволоду: « Не хотимъ тебя ; иди куда хочешь. » Онъ уѣхалъ въ Кіевъ къ отцу своему. Это было знакомъ, что партія Суздальская перемогла всѣ другія. Отправили во Владиміръ Владыку, Посадника и избранныхъ мужей: просить въ Новгородъ Всеволода, сына Георгія Всеволодовича. *Одаривъ безъ числа* присланныхъ, Георгій послалъ съ ними сына своего ; ему было только восемь лѣтъ. Новгородцы просили помощи Великаго Князя противъ Нѣмцевъ, Литвы, и другихъ властителей надъ Чудскими землями.

Тамъ, кромѣ безпрерывно усиливавшихся Литовцевъ, Рыцари утверждали постоянно власть свою. Уже отряды ихъ, Чудскіе и Литовскіе, чаще прежняго врывались въ области Новгородскія. Битвы бывали съ ними даже близъ

---

(277) Въ 3 верстахъ отъ Новгорода, къ югу, построенный Игуменомъ Аркадіемъ въ 1153 г. — Нынѣ сей монастырь упраздненъ.

Торопца и самаго Новгорода. Сѣверная Ливонія, съ 1218 года, увидѣла еще новыхъ властителей. Валдемаръ, Король Датскій, для очищенія грѣховъ, прибылъ съ флотомъ, заложилъ Ревель, билъ Чудь, и учредивъ орденъ Данеброга, возвратился въ Данію (278). Въ 1220 году, Король Шведскій также очищалъ грѣхи, нападеніемъ на жителей острова Эзеля (279), и заложилъ тамъ городъ. Желая отличаться вѣрою, Датчане не велѣли Финнамъ креститься у Рыцарей, и вѣшали ихъ, когда они принимали крещеніе отъ пастора Нѣмецкаго. Рыцари требовали того-же въ отношеніи Датчанъ. Приведенные въ отчаяніе, Финны взбунтовались, рѣшились лучше умирать съ оружіемъ въ рукахъ, отказались отъ всякой вѣры, Датской и Нѣмецкой, били священниковъ, и выгнали Рыцарей изъ Феллина, Дерпта, Оденпе (280).

---

(278) *Ревель*, называвшійся отъ Руссовъ *Колывань*, подъ 59° 26 с. ш. и 42° 25 в. д., при заливѣ Балтійскаго моря, основанъ Датчанами въ 1218, или 1219 г. — Говорили, что во время битвы Валдемара съ туземцами, съ неба упало красное знамя съ бѣлымъ крестомъ; въ память чуда, Король учредилъ тогда орденъ Данеброга (см. Кельха, ч. I, стр. 60, 64).

(279) Кельхъ, ч. I, стр. 65. — *Эзель*, островъ при входѣ въ Рижскій заливъ, около 80 верстъ въ длину и 40 въ ширину.

(280) Финны вымыли даже свои жилища, по изгна-

Надобно было воспользоваться симъ случаемъ. Георгій Всеволодовичъ отправилъ брата, Святослава, съ дружинами въ помощь Новгороду. Сей Князь, Новгородцы, Псковитяне, выступили на берега Аа, и осадили Феллинъ, уже снова отбитый Рыцарями у Чуди. Рускіе были отражены, но опустошили множество селеній, жгли Нѣмецкія церкви и раззоряли монастыри. Зимою Рыцари, Литовцы и Чудь тоже дѣлали близъ Пскова.

Новгородцы опечалились, когда юный Князь ихъ тайно уѣхалъ изъ Новгорода со всѣмъ Дворомъ своимъ. « Развѣ тебѣ не угодно, что бы сынъ твой держалъ Новгородъ ? » говорилъ посолъ Новгородцевъ Георгію. « Дай-же намъ брата твоего Ярослава. »—Ненависть къ сему Князю уже была забыта. Онъ пріѣхалъ въ Новгородъ, и разбивъ Литовцевъ, многочисленнымъ войскомъ осадилъ Ревель, бился подъ нимъ цѣлый мѣсяцъ, отступилъ, жегъ, грабилъ Нѣмцевъ, Датчанъ и Финновъ, союзниковъ своихъ. Съ плѣнниками и добычею возвратился онъ въ Новгородъ, и, къ изумленію Новгородцевъ, не захотѣлъ остаться у нихъ. « Не ходи отъ насъ, Князь ! » говорило вѣче, кланя-

---

ніи безчеловѣчныхъ повелителей, какъ будто желая истребить всѣ слѣды ихъ, и почитая домы свои оскверненными ихъ пребываніемъ. — *Феллинъ* находится, за озеромъ Вирцервомъ, на западъ отъ Дерпта.

лось ему, но безуспѣшно. Ярославъ уѣхалъ въ Переяславль, удѣлъ, который еще оставленъ былъ ему Константиномъ. Отъѣздъ Князя былъ совершенно *по своей волѣ*. Опять явился малолѣтній Всеволодъ въ Новгородѣ. Битвы подъ Дерптомъ, и впаденіе Литовцевъ въ предѣлы Старой Руси, ознаменовали его прибытіе (281).

Въ такихъ событіяхъ насталъ ужасный 1224-й годъ, вписанный въ Лѣтописи *на память Рускихъ Князей и Православныхъ Христіанъ*, годъ— эпоха затмѣнія славы Мстислава Мстиславича, навсегда измѣнившій дѣла въ Исторіи Русскаго Народа.

Въ теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ, Мстиславъ былъ геніемъ-хранителемъ Руси. Казалось, что доблестью, великодушіемъ, храбростью, онъ искупалъ общій упадокъ характеровъ, и мирилъ слабыхъ потомковъ съ тѣнями грозныхъ предковъ ихъ. Не уступая предкамъ только въ одномъ—суровости нравовъ, Русскіе Князья, всѣ, кромѣ юнаго сына Романова, Даніила, были недостойные наслѣдники желѣзныхъ Скандинавовъ. Среди такихъ людей, Мстиславъ

---

(281) Дерптъ былъ тогда подъ властію Князя Вячка (Кельхъ пишетъ: Viesceka), съ согласія Новгородцевъ. Вячко храбро отбивалъ приступы Рыцарей, и погибъ въ битвѣ.

казался яркою звѣздою Руси. И въ какомъ вѣкѣ, человѣкъ, ему подобный, не утѣшилъ-бы современниковъ и не былъ предметомъ удивленія потомковъ? Мало найдемъ въ Исторіи многихъ народовъ, не только Руси, характеровъ столь прекрасныхъ, какимъ является намъ Мстиславъ Мстиславичъ Удалый. На славѣ его не легло ни одного пятна, а уму и душѣ его можемъ-ли отказать въ благоговѣйномъ удивленіи!

Рѣшительно безкорыстный, рѣшительно жившій однимъ желаніемъ блага и счастія Руси, силою ума и меча, изъ Князя безсильнаго и неизвѣстнаго, Мстиславъ сдѣлался Княземъ рѣшителемъ судьбы всей Руси. Онъ могъ—и какъ легко могъ— сѣсть на Великокняжескомъ престолѣ, въ Новгородѣ, Владимірѣ, Кіевѣ, но не хотѣлъ. Завоевывая престолы для отдачи законнымъ наслѣдникамъ, Мстиславъ умѣлъ цѣнить душу буйныхъ, но добрыхъ Новгородцевъ, не отличалъ Олеговича отъ Мономаховича, не щадилъ ни жизни, ни трудовъ, и ничего не искалъ въ вознагражденіе. Онъ хотѣлъ быть *Русскимъ Княземъ*, не Кіевскимъ, не Владимірскимъ, не Новгородскимъ, не Смоленскимъ, не Черниговскимъ. Воинскіе подвиги его изумительны. Какъ хорошо разсчитывалъ онъ всѣ обстоятельства и характеры противниковъ и друзей; съ какою благоразумною кротостію простилъ онъ въ Смоленскѣ бунтъ Новгородцевъ, во Владимірѣ щадилъ кровь Суздальцевъ, въ Га-

личѣ извинялъ пылкость Даніила! Но первый походъ изъ Торопца въ Торжокъ, и походъ въ Суздальское Княжество, утвердившій его могущество; отнятіе Кіева у Рыжаго Олеговича; битва противъ Георгія и Ярослава; рѣшеніе судьбы Галича одною битвою — какіе смѣлые, вѣрные и быстрые удары!

Можно подумать, что Мстиславъ въ послѣдствіи какъ будто забылъ Русь для Галича, и здѣсь дѣйствовалъ нерѣшительно, даже своекорыстно, не возвращая Галича роду Романа, объявивъ его своимъ Княжествомъ, и передавъ потомъ зятю, Венгерскому Королевичу. Но такое мнѣніе будетъ несправедливо.

Мстиславъ не забылъ Руси: изъ Галича строго блюлъ онъ судьбу всѣхъ Княжествъ Русскихъ. Правда, до насъ не дошли свѣдѣнія о сношеніяхъ его съ другими Князьями. Но что же значили совѣты Мстислава въ Кіевѣ, а всего болѣе умѣренность, тишина, кротость Князей, всюду видѣнная послѣ Липецкой битвы? Никто не смѣлъ обижать Новгорода: Ярославъ и Георгій, прежде столь дерзкіе, кланялись и повиновались вѣчу. Олеговичи и Мономаховичи таили, какъ будто забывали свою вѣковую вражду. Злодѣйство въ Рязани было безуміе, и кончилось скорою гибелью злодѣя. Битвы съ Булгарами и съ Нѣмцами не могли имѣть важныхъ слѣдствій. По-

ловцы были друзьями и угодниками Мстислава. Замѣтимъ, какъ малыя событія показываютъ, что политика Руси была въ рукахъ Мстислава. Когда Антоній, имъ возведенный въ санъ владыки Новгородскаго, заспорилъ съ Митрофаномъ, Антонія перевели Архіепископомъ въ Галицкій Перемышль, гдѣ властвовалъ Мстиславъ (282).

Кто могъ, кромѣ Мстислава, такъ вѣрно помирить и честь Антонія и волю Новгорода? — Скажемъ о Галичѣ, что собственно онъ не былъ родовымъ наслѣдствомъ Даніила, ибо Романъ держалъ его нѣсколько лѣтъ, захвативъ, какъ хищникъ, обороняя, какъ человѣкъ необыкновенной храбрости и отваги. Кромѣ того, обладаніе Галичемъ удерживало Венгрію и Польшу. Рука самого Мстислава едва могла вырвать сію область у иноплеменниковъ, и только страхъ имени его безопасилъ Галичъ, столь важный для спокойствія Руси отъ Поляковъ, Венгровъ, южной Литвы, бывшій притомъ и такимъ мѣстомъ, гдѣ, не обижая никого отнятіемъ наслѣдства, Мстиславъ могъ княжить, сохраняя порядокъ въ Руси, и защищать предѣлы ея отъ главнѣйшихъ непріятелей. Возводя сына Венгерскаго Короля на престолъ Галицкій, Мстиславъ думалъ, что симъ

---

(282) См. выше, прим. 275.

примиритъ онъ тяжелую для Руси непріязнь Венгріи, и сей поступокъ показываетъ: себѣ-ли прочилъ онъ Галичъ (283)?

---

(283) Не страхъ принудилъ Мстислава отдать Венгерскому Королевичу Галичъ. Заставивъ сначала однимъ именемъ трепетать, потомъ одержавъ блистательную побѣду, и неустрашимо предавая судьбу будущаго нашествія Венгровъ суду Божію, Мстиславъ конечно не пугался битвъ. Карамзинъ обвиняетъ Мстислава въ своекорыстіи, ссылаясь на слова Волынскаго Лѣтописца, который точно говоритъ, что Галичане желали имѣть Княземъ Даніила, но Глѣбъ Еремѣевичь и Судиславъ отговорили Мстислава: «Не можешь держати самъ, а *Бояре* не хотятъ тебя... Аже даси Королевичю, тогда восхощеши и можеши взяти подъ нимъ; даси-ли Данилови, въ вѣки не твой будетъ Галичъ.» (Ист. Г. Р. т. III, пр. 196). Но это было говорено послѣ Калкской битвы, возстанія Королевича, и разбитія Венгровъ, въ 1226 *или* 1227 году, когда слово Мстислава было уже дано Венграмъ, и самъ Лѣтописецъ называетъ дочь Мстислава *обрученною* Королевичу. Великій духъ Мстислава тогда упалъ и измѣнился. Но и въ семъ случаѣ, обвинимъ его только въ излишней точности, съ какою исполнилъ онъ слово, въ излишней довѣрчивости, но не въ своекорыстіи и легкомысленности. Слич. съ выпискою вышеприведенною, другую, въ Ист. Г. Р. т. III, пр. 326. Къ сожалѣнію, Волынскій Лѣтописецъ еще не изданъ, а выписки Карамзина весьма не удовлетворительны. Но самое простое соображеніе показываетъ, какъ несправедливо все, что говоритъ Карамзинъ о Мстиславѣ, съ 13-й строки 184-й до слѣдующей страницы III-го т. Ист. Г. Р. къ множеству ошибокъ и противорѣчій

Такъ! Потомство смѣло можетъ вѣрить безукоризненной чести имени Мстиславова, а Историкъ видѣть, что система политическаго состоянія Руси, которую началъ Мстиславъ въ 1212 году въ Торжкѣ, и утвердилъ на поляхъ Липецкихъ, продолжалась до 1224 года, въ безусловномъ повиновеніи всѣхъ Русскихъ Князей Мстиславу, не *Великому Князю*, но *великому человѣку*.

Но суждено было ему, чтобы жизнь, посвященная на добро всѣхъ, проведенная въ трудахъ и

Карамзина надобно причислить и то, что онъ вовсе не понималъ ни дѣлъ, ни характера Мстислава. Безъ справедливаго негодованія не льзя читать, когда Карамзинъ, при гробѣ Мстислава, говоритъ, что онъ былъ Князь, «*слабый характеромъ, во многихъ случаяхъ неблагоразумный, игралище хитрыхъ Бояръ, и — виновникъ перваго бѣдствія, претерпѣннаго Россіею отъ Монголовъ*» (Ист. Г. Р. т. III, стр. 255)! Кто-же такъ безчеловѣчно терзаетъ память Великаго? Тотъ, кто о Всеволодѣ Георгіевичѣ, вопреки всѣхъ повѣрокъ Историческихъ, говорилъ, что «Всеволодъ былъ рожденъ царствовать,» и «на«помнилъ Руси счастливые дни единовластія» (небывалаго)!! Но, истина — солнце, которое, рано или поздно, блистаетъ, разсѣвая облака и туманы. Если истина могла сохраниться для безпристрастія потомковъ въ безобразныхъ Лѣтописяхъ, то софизмомъ ума хитраго не скрыть ея въ наше время. Жалокъ Историкъ, изрекшій несправедливый приговоръ Удалому Князю, а память Мстислава остается чистою, не смотря на безсильный софизмъ.

подвигахъ тяжелыхъ, не цвѣла радостями. Еще въ порѣ силы и мужества, одинокій, Мстиславъ долженъ былъ видѣть и пережить паденіе и самой славы своей, видѣть, что съ симъ горестнымъ событіемъ всѣ его предпріятія разрушились, прежнія бѣдствія ожили, любимый Новгородъ снова началъ тревожиться своеволіемъ Князей, и что останкамъ его, благодѣтеля Новгородскаго, не было опредѣлено покоиться въ святыхъ стѣнахъ Софійскаго Собора, гдѣ желалъ онъ лечь подлѣ отца своего! На Мстислава должны были воздвигнуться люди, имъ благодѣтельствованные, и послѣдніе дни жизни его отравить горестью и раскаяніемъ! Такими уроками не показываетъ-ли Провидѣніе, что когда назначено отъ него быть *новой эпохѣ въ судьбѣ народа*, то никакая мудрость, никакая доблесть человѣческая не сильны возстановить прежняго порядка? Ветхое гибнетъ, новое настаетъ въ буряхъ и гибели, новая жизнь возникаетъ изъ обломковъ (284). Память подвига добраго остается навсегда; но тяжела участь человѣка подвиго-положника, во времена переломовъ судьбы народа! Хочетъ-ли онъ удержать разрушеніе древняго, или созидаетъ новое — погибель почти неизбѣжный жребій его...

---

(284) Das Alte stürzt; es ändert sich die Zeit
Und neues Leben blüht aus Ruinen...

Шиллеръ.

ГЛАВА IV.

Въ Русскія земли начали доходить странныя, дотолѣ неслыханныя вѣсти. Занятые своими дѣлами, своими Князьями и борьбою съ сосѣдями, Руссы только слыхали, и читали въ древнихъ сказаніяхъ, что на Западѣ, за Уграми, Чехами, Ляхами и Нѣмецкими Рыцарями, есть много земель *Фряжскихъ* и *Нѣмецкихъ* (285). Они знали, что на Востокъ, за Чудью, Булгарами и Половцами, еще болѣе обитаетъ народовъ, *отъ пучины Эѳіопской до Ледяныхъ горъ Лукоморья* (286); вѣдали, что на Западѣ и на Востокѣ есть Цари, хотя не православные, но сильные; что на Востокѣ и на Западѣ бываютъ страшныя, гибельныя битвы, падаютъ и возстаютъ царства. Такъ слухъ ихъ пораженъ былъ, двадцать лѣтъ прежде,

(285) Угры — *Венгерцы*, Чехи — *Богемцы*, Ляхи — *Поляки*: имена, коими Руссы называли сіи народы. *Фряги* и *Нѣмцы* были названія остальныхъ Европейцевъ. Надобно знать вообще состояніе географическихъ понятій тогдашнихъ, даже въ самомъ отечествѣ Страбоновъ и Птолемеевъ.

(286) См. выписки изъ Несторовой Лѣтописи и разборъ этнографическихъ и Историческихъ понятій древнихъ Руссовъ, въ 1-мъ томѣ *Ист. Р. Н.*

завоеваніемъ Греческаго царства Латиною. Все это они знали; но вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ предки ихъ сами гибли въ разливѣ народныхъ океановъ. Отъ погибели Печенѣговъ, извѣстной имъ по Лѣтописямъ, прошекло уже тогда около двухъ столѣтій (287). Половцы были имъ не страшны; они, какъ Нѣмецкіе пришельцы, и Литовцы въ Чудскихъ земляхъ, какъ Булгары на Волгѣ, казались народомъ, осужденнымъ покоряться силѣ Русскаго меча, когда мечъ сей возносился надъ ними, зломъ неизбѣжнымъ, которое, бывъ поставлено на предѣлахъ Руси, наказывало грѣхи Русскаго народа и Князей, подобно совѣсти, наказывающей преступленія. Бѣдствія отъ нихъ были мгновенны, побѣда вѣрна, и конечно не одинъ юный Князь, въ началѣ XIII столѣтія, жалѣлъ, что ему не льзя *полевать* въ степяхъ Половецкихъ, бить поганыхъ и пить златымъ шеломомъ Донскую воду, забывая, что за все это могъ онъ поплатиться раззореніемъ роднаго наслѣдія, и самою жизнію.

Но вѣсти, пришедшія въ Русь около 1224 года, были совсѣмъ различны отъ сихъ понятій. Появились слухи, что за Половцами и Булгарами, по лѣвую сторону Волги, и за Хвалынскимъ моремъ, начались битвы тяжкія и страшныя; что

---

(287) См. *Ист. Р. Н.* т. I, стр. 265.

тамъ, въ дальныхъ, недовѣдомыхъ странахъ, явились народы новые, дикіе, свирѣпые, многочисленные, какъ саранча, насылаемая Божіимъ гнѣвомъ на землю, и грозные, какъ мечъ Ангела, истребителя полчищъ Ассирійскаго Сеннахерима. Кто были сіи народы, и какой былъ языкъ ихъ, какая вѣра? Откуда, отъ какого племени явилися они? Даже *какъ* они именовались? Никто не зналъ! Одни говорили, что новые, неслыханные дотолѣ, безбожные народы называются *Таурменами*; другіе называли ихъ *Татарами*; нѣкоторые утверждали, что это древніе *Печенѣги* (288). Согласны были только въ томъ, что свирѣпостью

---

(288) Описаніе перваго нашествія Монголовъ на Русь составлено подробнѣе описаній другихъ событій, и въ нѣкоторыя Лѣтописи внесено отдѣльною статьею. Менѣе всѣхъ обезображеннымъ находимъ сіе описаніе въ *Новгородской Лѣтописи* (стр. 98—103). *Въ Софійскомъ, Строевскомъ*, есть позднѣйшія прибавки. Современникъ не могъ написать: «Обрати Богъ Татаръ отъ Днѣпра всять на землю Восточную, и повоеваша землю *Таноготьскую* (Тангутскую) и иныя страны; тогда-же и *Чаногцзъ Канъ* (Чингисъ-Ханъ) ихъ убіенъ бысть» (стр. 235). Руссы до 1224 года не знали даже о существованіи Монголовъ. «По грѣхомъ нашихъ» — пишетъ Лѣтописецъ — «придоша языцы *неязаеми, ихъ-же добрѣ ни кто-же не вѣсть кто суть, и отколѣ изыдоша, и что языкъ ихъ, и котораго племени суть, и что вѣра ихъ*. А зовуть я *Татары*, а

превосходятъ они всѣ народы, и что они завоевали уже многія страны, явились по сю сторону Волги, Дона и Хвалынскаго моря, поплѣнили Ясовъ, Обезовъ и Касоговъ (289).

Узнали наконецъ, что новый народъ бьется съ Половцами, что онъ побѣждаетъ ихъ, гонитъ передъ собою къ лукоморью, къ Дону, къ Днѣпру. Безпокойства, опасенія, ужасы увеличивались. Еще нѣкоторые изъ Руссовъ не пугались бѣдствія Половцевъ, даже радовались. «Много тѣ Половцы сотворили зла землѣ Русской,» говорили они, «и всемилостивый Богъ, въ возмездіе, хочетъ погубить сихъ безбожныхъ сыновъ Измаиловыхъ, да отмстится кровь Христіанская (290).»

иніи глаголютъ: *Таурмени* (Туркмены, Тавромены?) а другіи *Печенѣзи*. . . Богъ единъ вѣстъ *кто суть, и отколѣ изыдоша*» (Н. Л. стр. 98).

(289) «*Слышахомѣ*, яко многи страны поплѣниша: Ясы, Обезы, Касогы, и Половечь безбожныхъ множество избиша» (Н. Л. стр. 99).

(290) Передавая читателямъ изображеніе перваго нашествія Монголовъ, точно такъ, *какъ современники передали намъ оное*, мы сохраняемъ всѣ тогдашнія слухи, повѣрья, дабы вѣрнѣе показать духъ времени. Критическимъ разысканіямъ будетъ мѣсто послѣ. Сказавъ, что Монголы » Половечь безбожныхъ множество избиша» — Лѣтописецъ продолжаетъ: « а иныхъ загнаша, и тако измроша, убиваеми гнѣвомъ Божіимъ и Пречистыя его Матери. Много-бо зла сотвориша ти

Но когда свѣдали, что сынъ славнаго Кончака, Юрій, Ханъ, *лихой паче всѣхъ Половцевъ* (291), и Даніилъ, сынъ стараго Кобяка, пали въ бѣгствѣ, подъ мечами побѣдителей, что *вся земля Половецкая* смялась, разбита, бѣжитъ къ Днѣпру — смущеніе объяло самыхъ безстрашныхъ Руссовъ! Взволновалась вся земля Русская, когда трепещущіе Половцы прибѣжали къ Днѣпру, вопія, что по слѣдамъ ихъ гонятся неизвѣстные, страшные побѣдители, когда они отдавали все, хотѣли быть рабами Рускихъ, умоляя только перепустить ихъ черезъ Днѣпръ и спасти отъ неминуемой смерти и гибели. Слыша все это, боясь, трепеща, никто не зналъ однакожъ, что дѣлать, что предпринять.

Въ числѣ бѣглецовъ былъ тесть и другъ Мстислава Мстиславича, сильный Ханъ Половецкій, Котянъ. Взоры и надежды всѣхъ и безъ того обращались на Князя Галицкаго. До прибытія Котяна, казалось, онъ ни на что не рѣшался. Котянъ прибѣжалъ прямо въ Галичъ, съ своими дружинами, женами, дѣтьми и богатствами. « Спасайте насъ,

---

окаянніи Половчи Русской землѣ; того ради всемилостивый Богъ, хотя погубити безбожные сыны Измаиловы, Куманы, яко да отмстятъ кровь крестьянску, еже и бысть надъ ними безаконными »... (Н. Л. стр. 99).

(291) « Бѣ бо лише всѣхъ Половецъ » (Соф. Стр. т. I, стр. 230).

спасайте себя," говорилъ Ханъ; "сегодня враги отняли землю нашу, завтра возмутъ вашу. Поборайте по насъ: сегодня мы побиты ими, завтра они побьютъ васъ, если вы не предупредите ихъ (292)". Мстиславъ не думалъ долго. Оставивъ Василька Романовича намѣстникомъ въ Галичѣ, онъ поспѣшилъ въ Кіевъ, и созвалъ на совѣтъ всѣхъ Князей южной Руси. Съѣхались Князья, разсматривали опасность, разспрашивали Половцевъ. Говоря въ совѣтѣ Князей, Мстиславъ представлялъ и то опасеніе, что если Половцамъ не пособить, то сіи поганые, въ отчаяніи, могутъ соединиться съ новыми врагами, и соединенно обратиться на Русь (293). Къ убѣжденіямъ Котянъ присоединялъ подарки, дарилъ Князей и бояръ конями, верблюдами, буйволами и невольницами. Положено было—взяться за оружіе. Тогда Мстиславъ, всегда готовый на битвы, и всегда разсчитывавшій на быстроту удара, рѣшительность его и силу, уговорилъ Князей не дожидаться новыхъ враговъ сидя дома, съ оружіемъ въ рукахъ, но раздѣльно, и что лучше принять ихъ на чужой землѣ. Понимая опасность борьбы, онъ, какъ глава и надежда другихъ, просилъ собирать болѣе войска, явиться всѣмъ, назначивъ немедлен-

(292) Новг. Л. стр. 100.
(293) Idem, стр. 100.

но весною выступленіе, а мѣсто сбора близъ Олешья, въ устьѣ Днѣпра.

Давно уже не двигалось ополченіе Русское, столь многочисленное и грозное. Только Георгій съ братьями, и Новгородъ, не участвовали въ оном. Подъ предводительствомъ Мстислава Мстиславича, шли дружины Галицкія, Волынскія, Кіевскія, Черниговскія, Смоленскія, Курскія. Князь Мстиславъ Романовичъ *Кіевскій*, старшій въ родѣ Мономаховичей, Владиміръ Рюриковичъ, вѣрный сподвижникъ Удалаго, Мстиславъ *Черниговскій*, братъ Всеволода Рыжаго, Мстиславъ Нѣмой, *Пересопницкій*, Даніилъ Романовичъ *Волынскій*, Олегъ *Курскій*, множество другихъ Князей, бояръ, воеводъ, съ войскомъ бодрымъ, сильнымъ, спускались по правому берегу Днѣпра. У Варяжскаго острова на Днѣпрѣ (294) встрѣтили ихъ послы ожидаемыхъ непріятелей. «Слышимъ мы,» говорили послы сіи Князьямъ, «что послушавъ Половцевъ, идете вы на насъ; но мы не занимали ни земель, ни городовъ, ни селъ вашихъ. По волѣ Бога, идемъ мы на холоповъ, *конюховъ* нашихъ Половцевъ, но съ вами у насъ рати нѣтъ: даемъ вамъ миръ. Мы гонимъ и бьемъ

---

(294) *Хортицы*, называвшагося *Варяжскимъ* потому, что Варяги останавливались на немъ плывя въ Царьградъ (см. Ист. Р. Н. т. I, стр. 120); сей-же островъ называли *островомъ Св. Григорія*.

Половцевъ; гоните, бейте ихъ и вы, и берите себѣ отъ нихъ добычу (295).» Сіи предложенія не были выслушаны. Князья поступали вопреки всѣмъ правамъ: послы были убиты. Не можемъ приписать иного поступка ничему другому, кромѣ безпорядка, какой оказался въ многолюдномъ станѣ Русскихъ, гдѣ множество юныхъ Князей разныхъ линій, и множество Половецкихъ Хановъ, буйствовали, а Мстиславъ Кіевскій ссорился съ знаменитымъ Княземъ Галицкимъ (296). Войско шло далѣе; къ нему присоединились многочисленныя Половецкія полчища; Галицкіе *выгонцы* прибыли также въ ладьяхъ, спустясь изъ Галича по Днѣстру, вошедъ потомъ въ устье Днѣпровское, и поднявшись до самой Хортицы. Тутъ услышали Руссы, что на противномъ берегу появились непріятельскіе конники. Даніилъ и другіе юные Князья бросились на коней, переплыли Днѣпръ и пустились на враговъ; отстрѣливаясь, ускакали отъ нихъ непріятели. Разсказы видѣвшихъ непріятеля были несогласны. Даніилъ и другіе юные воины утверждали, что новые непріятели хуже Половцевъ. Опытный вождь Галицкій, Юрій Домарѣчичъ, говорилъ напротивъ, что они добрые

---

(295) Новг. Лѣт. стр. 100.

(296) «Бѣ бо котора межи има (Мстиславами) велика (Соф. Стр. т. I, стр. 233).

ратники и отличные стрѣлки (297). Поднялись шумъ и преніе. Мстиславъ Мстиславичъ рѣшилъ наконецъ идти далѣе на встрѣчу врагамъ. Все войско переправилось черезъ Днѣпръ. Степи Половецкія наполнены были легкими конными войсками безвѣстныхъ враговъ. Съ тысячью воиновъ, самъ Мстиславъ ударилъ на сильный отрядъ ихъ, разбилъ его, побралъ полонъ, добычу. Отличнаго воеводу вражескаго, Гемябека, нашли скрытаго въ ямѣ и убили. Девять дней шло потомъ Русское воинство, до рѣки Калки (298). Здѣсь опять возстало несогласіе. Мстиславъ Кіевскій не хотѣлъ переправляться черезъ Калку, отдѣлилъ свои дружины, огородилъ ихъ обозами на каменистой горѣ, и равнодушно смотрѣлъ, какъ Мстиславъ Мстиславичъ перешелъ черезъ рѣку съ остальными войсками, и сталъ таборомъ вдали, на дру-

(297) Монголы еще разъ присылали пословъ. « А есте послушали Половечь, а послы наша есте избили, а идете противу насъ, то вы пойдите, а мы васъ не заяли, да всѣмъ Богъ» (*Нове. Лѣт*. стр. 101). Разнорѣчіе Князей и Домарѣчича показываетъ, какъ неустроенно было ополченіе Руссовъ. Замѣчательны слова Даніила и другихъ юныхъ Князей: « *простіи людіе* суть, *пуще и Половецъ*. » Такъ думали Руссы о Половцахъ.

(298) *Калка, или Калака*, нынѣ *Калецъ*; соединясь съ рѣкою Калміусомъ, она впадаетъ въ Азовское море, близъ города Маріуполя.

гомъ берегу Калки. Ханъ Половецкій, Ярунъ, посланъ былъ въ передовой полкъ; за нимъ слѣдовалъ Даніилъ. Вскорѣ показались безчисленныя полчища враговъ и завязалось дѣло. Когда Даніилъ выдерживалъ первый напоръ врага, Мстиславъ Мстиславичъ поднялъ весь станъ свой, и въ досадѣ на Кіевскаго Князя, не хотѣлъ послать къ нему вѣсти о битвѣ и требовать его помощи. Началась сѣча, и была *люта и зла*. Даніилъ, пораженный копьемъ въ грудь, не чувствовалъ раны, сражался, подкрѣпляемый Олегомъ Курскимъ, и гналъ непріятеля. Мстиславъ Нѣмой, мужъ силы необыкновенной, бился на ряду съ нимъ. Но Половцы не выдержали: нестройныя толпы ихъ бросились вспять, стоптали полки Русскіе, и — счастіе, дотолѣ столь вѣрное Мстиславу Мстиславичу, измѣнило ему въ первый разъ, измѣнило ужасно, невозвратно! Не помогли ни мужество, ни отвага: онъ побѣжалъ съ поля битвы; за нимъ ринулось все, въ ужасѣ, безпорядкѣ! Даніилъ прискакалъ къ Калкѣ; томимый жаждою, хотѣлъ утолить ее, и только тутъ увидѣлъ, что онъ раненъ (299). Спасались, кто какъ могъ и успѣвалъ,

---

(299) Мстиславъ «вооружитися повелѣ вборзѣ... Данилу бодену бывшу въ перси, младенства ради и буести, не чуяше раны, бѣ бо силенъ»... Далѣе: «обративъ конь свой, побѣже отъ устремленія противныхъ, и вжада воды пити, и почу ти раны на тѣлѣ

бѣжали по степи Половецкой, гонимые побѣдителями до самаго Днѣпра, и уцѣлѣли только бѣдные остатки войска, за нѣсколько дней столь гордаго и надежнаго. Мстиславъ Мстиславичъ, переправясь черезъ Днѣпръ, велѣлъ жечь, топить и пускать по волнамъ ладьи свои, чтобы отнять у непріятеля средства перейдти черезъ Днѣпръ (300).

Погибъ и Мстиславъ Кіевскій. Въ укрѣпленномъ станѣ своемъ, онъ видѣлъ бѣгство и гибель соратниковъ, и былъ окруженъ врагами. Пустивъ главное войско за бѣгущими, непріятель оставилъ двухъ воеводъ своихъ, Чагырхана и Тешюшхана, овладѣть станомъ Мстислава Кіевскаго (301). Три дня приступали къ стану враги, и рѣшились наконецъ побѣдить вѣроломствомъ. Плоскиня, начальникъ Бродниковъ, былъ посредникомъ; уговорились, что Русское войско будетъ отпущено безвредно, заплатившъ окупъ. Но едва Русскіе ратники оставили свое укрѣпленіе, непріятель напалъ на нихъ, и никто не

своемъ, въ брани-же не позна ся, крѣпости ради, мужества, возраста его, бѣ бо дерзокъ и храборъ, отъ главы и до ногу его не бѣ на немъ порока . . . бѣ сѣча зла и люта» (Соф. Стр. т. I, стр. 233, 234).

(300) Новг. Лѣт. стр. 102.

(301) Соф. Стр. т. I, стр. 234; Новг. стр. 102.

спасся. Самъ Плоскиня связалъ Мстислава Романовича, и двухъ Князей, съ нимъ бывшихъ, зятьевъ его, Князя Андрея и Князя Александра (302). Ихъ привели въ шатеръ вождя побѣдителей, и умертвили ужаснымъ образомъ — раздавивъ живыхъ подъ досками, на которыхъ сѣли пировать воины и воеводы двухъ Хановъ, главныхъ повелителей!

Едва-ли десятый изъ всего воинства успѣлъ прибѣжать во свояси, и передать вѣсть о *побѣдѣ надъ всѣми Князьями Русскими, какой никогда не бывало отъ начала Русской земли* (303). Вѣсть сія быстро разлилась повсюду. Василько Константиновичъ, посланный для соединенія съ Князьями, велъ дружины Суздальскія, и отъ Чернигова поспѣшно воротился къ Георгію Всеволодовичу. Ужасъ, трепетъ были въ Кіевѣ, Черниговѣ, Галичѣ, Смоленскѣ, Новгородѣ, Владимірѣ. « Бысть вопль, и воздыханіе, и печаль по всѣмъ градамъ и волостямъ, » говоритъ современникъ. — « За грѣхи наказалъ насъ Богъ, по-

---

(302) Александра называютъ Лѣтописи Княземъ *Дубровскимъ*, или *Дубровецкимъ*. Есть *Дубровна*, мѣстечко близъ Орши.

(303) « И бысть побѣда на вси Князи Русскіе, якоже не бывала отъ начала Русскія земли никогда-же... воя кождо десятый пріиде... (Соф. Стр. т. I, стр. 234).

ложилъ недоумѣніе и погибель на сколькихъ людей (304)!» повторяли всюду, слыша, что однихъ Князей, кромѣ Мстислава Кіевскаго и двухъ зятьевъ его, убито шестеро и семьдесятъ отличныхъ удальцовъ. Въ числѣ Князей были: Мстиславъ Черниговскій, сынъ его, и Изяславъ Ингворовичъ Луцкій. Съ негодованіемъ слушали разсказъ, что на бѣгущихъ нападали даже и друзья Половцы, убивая Рускаго, чтобы овладѣть конемъ, оружіемъ, или одеждою его (305).

Будущее ужасало каждаго. Думали, что скоро настанетъ часъ гибели для всѣхъ Русскихъ земель, ибо невѣдомые, страшные враги шли по Днѣпру, не щадили ни пола, ни возраста, жгли, раззоряли. Напрасно выходили къ нимъ изъ многихъ селеній съ торжественнымъ привѣтомъ, неся святые кресты и иконы, оказывая совершенную покорность. Все гибло: всюду смерть ожидала жителей, истребленіе жилища ихъ. Уже близъ Вишичева были полчища враговъ, какъ вдругъ, сверхъ всякаго ожиданія, шествіе

(304) Новг. Лѣт. стр. 103.

(305) Другіе убитые Князья были: Святославъ Яновскій, Святославъ Шумскій, Юрій Нѣсвижскій... « И Александръ Поповичъ ту убіенъ бысть, съ нимъ 70-ю храбрыхъ (*Соф. Стр.* т. I, стр. 234). . « Иныхъ Половци побиша изъ коня, а иного изъ *порта* » (одежды).

ихъ было остановлено. Къ изумленію Руссовъ, враги поворотили назадъ по степямъ Заднѣпрскимъ, къ Востоку, исчезли изъ вида, и ушли за Волгу. Спрашивали, ожидали годъ, два — не было полчищъ, казавшихся неизбѣжною казнью Бога: они пропали, неизвѣстно куда, такъ-же, какъ пришли неизвѣстно откуда!

« Кто-же были сіи враги, погубившіе столько Князей, столько воинства Русскаго?« говорили Руссы съ изумленіемъ. Соображали все слышанное, видѣнное, и оканчивали одними словами: « Богъ единъ вѣсть, кто суть, отколѣ изыдоша, и куда идоша.» Обращаясь къ *премудрымъ мужамъ, разумѣющимъ книги*, требовали рѣшенія отъ нихъ. Книгочіи, одумавшись отъ страха, отвѣчали, что безвѣстные враги долженствовали быть никто другіе, кромѣ поганыхъ Азійскихъ народовъ, загнанныхъ нѣкогда Гедеономъ въ конецъ земли, коимъ суждено явиться при кончинѣ міра. Подтверждая сію сказку писаніями Меѳодія Патарійскаго, они заставляли трепетать людей простыхъ, малосвѣдущихъ (306). Комета, *вели-*

---

(306) « Татары-же возвратишася отъ рѣки Днѣпра, и не вѣдаемъ: откуда суть пришли, и гдѣ ся дѣша опять? Богъ вѣсть, отколѣ приде на насъ за грѣхи наши (*Новг. Лѣт.* стр. 103) — « Премудріи мужи вѣдятъ я добрѣ, *кто книги разумѣетъ*, мы-же ихъ не вѣмы кто суть, и здѣ вписахомъ о нихъ *памяти*

чествомъ паче иныхъ звѣздъ, блиставшая на небѣ одиннадцать дней, засухи, жары, отъ коихъ лѣса и болота горѣли, дымъ разстилался по полямъ и задушалъ птицъ, летавшихъ по воздуху, казались страшными предзнаменованіями (307).

Но — забывчивъ народъ! Скоро отдохнули

ради Русскихъ Князь, и бѣды, яже бысть отъ нихъ имъ « (Н. Л. стр. 99). Сіе сказано послѣ выписки о *поганыхъ* народахъ, загнанныхъ Гедеономъ въ Сѣверъ. Эту миѳо-историческую сказку мы видѣли уже прежде (См. Ист. Р. Н. т. I, стр. 29 и 328). Скажемъ здѣсь, что она взята была изъ сочиненій Меѳодія, Епископа Патарійскаго (житіе его въ Минеи Четіи, Іюня 20-го). Карамзинъ нашелъ Славянскій переводъ книги Меѳодія, подъ заглавіемъ: « *Меѳодіа, Епископа Патарскаго, слово о царствѣ языкъ послѣднихъ временъ* (Ист. Г. Р. т II, пр. 64). Вотъ откуда брали книгочіи Русскіе, или *премудрые мужи*, свои изъясненія.

(307) О кометѣ: « Явися звѣзда на западѣ, и бѣ отъ нея луча не взракъ человѣкомъ, но яко къ полуденью подлѣ всходящи, съ вечера, по заходѣ солнечномъ, и бѣ величествомъ паче инѣхъ звѣздъ. » ... Далѣе: « Бѣ ведро вельми, и мнозе борове и болота загорахуся, и дымове сильни бяху, яко не далеча бѣ видѣти человѣкомъ, бѣ бо яко мгла къ земли прилагла, яко и птицамъ по аеру (воздуху) не бѣ лзя летати, но падаху на землю, и умираху (Ист. Г. Р. т. III, пр. 309). Отъ сего настали болѣзни, голодъ всеобщій (см. далѣе).

сердца. Иноки записали нашествие враговъ безвѣстныхъ въ свои памятники, кровь убіенныхъ высохла, селенія обновились, и все легкомысленно предано было забвенію (308).

Историкъ Русскаго народа здѣсь долженъ-бы положить окончаніе періода, начавшагося отъ смерти Ярослава, то есть *періода Удѣловъ*. По неисповѣдимымъ судьбамъ Провидѣнія, еще на двѣнадцать почти лѣтъ отсрочено было двухъ-вѣковое бѣдствіе Руси — *иго Монголовъ*. Сіи годы представляютъ только *одно* замѣчательное обстоятельство. Все другое походило на отдѣльный эпилогъ повѣсти, дописываемой усталою рукою Времени, готовившаго новыя сказанія, и собиравшаго всѣ силы *для* изображенія оныхъ глубокими, кровавыми браздами.

Обстоятельство, достойное особеннаго замѣчанія, былъ *упадокъ славы Мстислава Мстиславича*. Онъ пережилъ пораженіе свое на Калкѣ, но только тѣломъ: духъ его упалъ; мы не узнаемъ Князя, прежде столь великаго. Съ горестью могъ онъ видѣть, что всѣ отношенія къ нему другихъ Князей мгновенно измѣнились,

---

(308) Сообразите слова Лѣтописца: «Вписахомъ памяти ради,» и проч. — Немедленно начинаютъ Лѣтописцы повѣствовать о событіяхъ мѣлкихъ и не важныхъ, съ прежнею заботливостью и важностью.

когда они узнали, что и Мстиславъ Мстиславичъ можетъ быть побѣждаемъ! Мечъ его не страшилъ уже болѣе, а ничего другаго тогда не страшились. Люди, прежде трепетавшіе, своевольствовали предъ нимъ, и—онъ молчалъ, какъ будто желая могилы, какъ будто чувствуя, что она близка.

Михаилъ, сынъ Всеволода Рыжаго, и Олегъ Курскій, были главными представителями усмиреннаго рода Олеговичей (309). Связанные родствомъ съ Георгіемъ Всеволодовичемъ, они первые перестали уважать Мстислава Мстиславича. По крайней мѣрѣ, дотолѣ покорные,

(309) Мстиславъ Черниговскій, погибшій въ Калкской битвѣ, внукъ *Святослава Всеволодовича*, былъ сынъ старшаго сына Святославова, *Глѣба*, а Михаилъ, сынъ младшаго, *Всеволода Рыжаго*; это была *старшая* линія Олеговичей, отъ *Всеволода Олеговича*, бывшаго Великаго Князя (1139—1146 гг.). — Олегъ, сынъ Святослава, убитаго въ Галичѣ, внукъ Игоря (героя *Слова о полку Игоревомъ*), составлялъ младшую линію, отъ добродушнаго *Святослава Олеговича*, извѣстнаго любовію къ несчастному Игорю Олеговичу, бывшему Великому Князю, убитому въ Кіевѣ, въ 1147 году. — Двоюродный братъ Олега Курскаго, сынъ Владиміра Игоревича, бѣжавшаго изъ Галича, былъ старше его родомъ, но онъ скитался на Волыни. Владиміра въ то время, вѣроятно, уже не было въ живыхъ.

безмолвные, сіи Князья первые начали своевольно распоряжать судьбою Русскихъ княжествъ. Крѣпкій союзъ дружбы соединилъ Олеговичей съ Георгіемъ; надолго-ли — увидимъ.

Михаилъ сдѣлался Княземъ Чернигова. Юный сынъ Георгія Всеволодовича, совсѣмъ неожиданно, въ другой разъ оставилъ тогда Новгородъ, уѣхавъ изъ него тайно, ночью (310). Новгородцы не понимали сего поступка, но вскорѣ узнали, что сынъ Георгія остановился въ Торжкѣ, куда собрались многочисленныя дружины, самъ Георгій, братъ его Ярославъ, Василько Константиновичъ, и *Михаилъ Черниговскій*. Не зная никакого повода къ враждѣ, Новгородцы просили Георгія снова отдать имъ сына своего на княженіе. Тогда Георгій потребовалъ отъ нихъ выдачи семи знаменитыхъ Новгородцевъ. «Если не отдадите,» горделиво прибавилъ Георгій, «то я напою коней моихъ Волховомъ, такъ, какъ теперь пою ихъ Тверцою.» Новгородцы оскорбились. «Нѣтъ, Князь!» отвѣчали они, «кланяться тебѣ кланяемся, а братью нашу не выдадимъ. Хочешь-ли проливать кровь — все готово: твой мечъ и наши головы (311)!» Они поспѣшно укрѣпили Новгородъ, собрали войско, построили

---

(310) Въ 1224 году (*Новг. Лѣт.* стр. 103).

(311) Новг. лѣт. стр. 104.

городки, разставили стражу и дружины по всей дорогѣ. Георгій не смѣлъ отважиться на войну, и въ общемъ совѣтѣ положено неожиданное: Михаилу быть Княземъ въ Новгородѣ.

Между тѣмъ войска Георгія надѣлали множество зла въ Новгородскихъ областяхъ. Ласково принятый Новгородцами, Михаилъ ѣздилъ во Владиміръ, и покончилъ съ Георгіемъ споры о вознагражденіи за убытки Новгородцамъ (312). Власть Михаила была *легка*. Но такой власти не любили Князья, и Михаилъ вскорѣ объявилъ вѣчу, что онъ не хочетъ быть Княземъ Новгородскимъ. Вѣче просило его остаться. « Считаю Новгородъ и Черниговъ за одну землю, » отвѣчалъ Князь; « торгуйте у меня свободно, будьте друзьями, но я иду къ себѣ. » Онъ уѣхалъ. Новгородцы призвали, не сына Георгіева, но Ярослава Всеволодовича. Привыкнувъ къ возведенію и смѣнѣ, сей Князь прибылъ, съ двумя сыновьями, Ѳеодоромъ и Александромъ, извѣстнымъ въ послѣдствіи подъ именемъ *Невскаго*. Прежде всего спѣшилъ онъ отвратить бѣдствіе внѣшнее: Литовцы сдѣлали въ тотъ годъ неслы-

---

(312) «Иде Князь Михаилъ къ Гюргю, *править товаровъ, что поималъ* (Георгій) *на Торжку и по своей волости*... Приде Князь Михаилъ, *исправивъ товары* у Гюргя» (Н. л. стр. 104). *Исправить правду*, значило рѣшить споръ о какомъ *либо* дѣлѣ.

хишный набѣгъ на Русскія земли. Семитысячная толпа Литовцевъ только на три версты не дошла до Торжка, ограбила, перерѣзала множество гостей, раззорила жителей. Ярославъ, Владиміръ Псковскій, съ сыномъ, Давидъ Торопецкій, и Новгородцы, спѣшили догонять ихъ. Но дружины Новгородскія воротились отъ Русы. Князья настигли хищниковъ близъ Усвята, напали нечаянно, побили ихъ до 2000, и отняли все ими захваченное. Давидъ Торопецкій палъ въ сей битвѣ. Ярославъ не оскорблялся тѣмъ, что Новгородцы шли съ нимъ и воротились съ дороги. Черезъ годъ, онъ совершилъ походъ на Емь, не препятствовалъ воинамъ рѣзать несчастныхъ плѣнниковъ, а жителямъ Новгорода жечь *волшебниковъ*, которыхъ винили въ какихъ-то преступленіяхъ, хотя благоразумные граждане сомнѣвались въ томъ (313).

Все это было началомъ бѣдствій Новгорода. Давая волю Новгородцамъ шумѣть на вѣчѣ, Ярославъ соглашался съ ними, потакалъ имъ, а между тѣмъ тайно думалъ о самовластіи. Владыка Антоній, въ 1225 году, возвратился изъ Галича въ Новгородъ, но въ 1228 году, пораженный параличемъ, лишился языка, и добро-

---

(313) «Жгоша волхвы 4, творяхуть е потворы дѣюще, а *Богъ вѣсть* (Н. Л. стр. 106).

вольно удалился на покой, въ Хутынскій монастырь. Избрали Арсенія, любимца *Ярославова*. Князь установилъ новые налоги, посылалъ своихъ тіуновъ по областямъ. Новгородцы не любили и тогдашнихъ Посадниковъ и Тысячскихъ своихъ, подозрѣвая ихъ въ потачкѣ Князю. Неудовольствіе народное увеличивалось (314). Сообщники Михаила Черниговскаго дѣйствовали притомъ неусыпно.

Получена была вѣсть, что Емь, на множествѣ лодокъ, пришла мстить за походъ въ ихъ землю, бывшій въ 1227 году. Ярославъ съ Новгородцами поплылъ по Волхову отбивать непріятеля. Между тѣмъ Володиславъ, посадникъ Ладожскій, дрался съ врагами и удержалъ ихъ. Слыша о приближеніи Князя, Емь просила мира, но Володиславъ не согласился, умертвилъ плѣнныхъ,

---

(314) Новгородцы говорили потомъ Ярославу: «*забожницье* отложи, судье по волости не слати» (Н. Л. стр. 111). Объ Арсеніи кричали на вѣчѣ: „выпроводилъ Антонія Владыку на Хутино, а самъ сѣлъ, *давъ мзду Князю*“ (Н. Л. стр. 110). Вотъ причины неудовольствій, и понятно, что побуждало Ярослава такъ дѣйствовать. Карамзинъ видитъ другое (см. Ист. Г. Р. т. III, стр. 247). Что такое: *забожницье*? „Княжеская дань, собираемая съ Нѣмецкихъ церквей въ Новгородѣ,“ думалъ Карамзинъ. (*Ист. Г. Р.* т. III, пр. 324).

напалъ сильнѣе на Емь, сжегъ лодки и разогналъ толпы ихъ по лѣсамъ, гдѣ Ижорцы и Карельцы перебили бѣглецовъ. Между тѣмъ Новгородскія дружины пришли съ Княземъ Ярославомъ, остановились въ устьѣ Невы, обвинили въ чемъ-то Судимира, любимца Ярославова, и на вѣчѣ хотѣли умертвить его. Едва могъ спасти Судимира Ярославъ, спрятавъ его въ своей ладьѣ (315). Новгородцы возвратились во свояси, и здѣсь раздоръ ихъ съ Ярославомъ обнаружился въ полной силѣ.

Дѣло стало за Псковъ. Ярославъ поддерживалъ съ Нѣмецкими Рыцарями и съ Чудью политику прежнихъ Князей Новгородскихъ: билъ Чудь, ходя съ войскомъ въ ихъ земляхъ, дрался съ Нѣмцами, если они встрѣчались, и богатилъ добычею дружины. Граждане Новгорода хотѣли рѣшительнаго: или сильныхъ походовъ, или мира съ Ливоніею. Псковитяне издавна поступали такимъ образомъ, ибо имъ прежде всѣхъ приходилось страдать отъ мщенія Нѣмцевъ во время размирія. Рыцари желали мира, чтобы укрѣплять за собою владычество надъ Чудью, и вообще они не охотно сражались съ Рускими. Въ 1224 году Новгородцы и Псковитяне заключили миръ съ Риж-

---

(315) Новг. Лѣт. стр. 107. „Скры и Князь въ *насадѣ* у себѣ."

скимъ Епископомъ, и Епископъ Моденскій подтвердилъ его. Псковитяне еще болѣе сдружились съ Ригою; если вѣришь письму Папы Гонорія III-го (1227 года), обѣщали даже покорность Римскому владыкѣ, съ тѣмъ, чтобы Рыцари защищали ихъ въ случаѣ нужды (316). Храбрый Владиміръ Мстиславичъ тогда уже скончался. Сынъ его, Ярославъ, удалился въ Оденпе, кланялся Нѣмцамъ, и думалъ о завоеваніи Пскова,

---

(316) *Ист. Г. Р.* т. III, пр. 322. Вотъ слова Гонорія: Gaudemus in Domino, quod sicut audivimus nuntii vestri ad venerabilem fratrem nostrum Mutinensem Episcopum A. S. L. a latere nostro transmissi, eum humiliter rogaverunt, ut partes vestras personaliter visitaret, quia cupientes sana doctrina salubriter instrui, parati estis omnes errores penitus abnegare.... Далѣе: Per vos itaque certificari volentes, an velitis habere ab Ecclesia Rom. legatum, ut eius salutaribus monitis informati, catholicæ fidei amplectamini veritatem, universitatem vestram rogamus, monemus et hortamur attente, quatenus super hoc voluntatem vestram nobis per literas et fideles nuntios intimetis (Райнальд. Annales eccles. т. XIII, p. 371)... „Слышавше Плесковицы, яко приведъ Ярославъ полки, убоявшеся того, взяша миръ съ Рижаны, Новгородъ выложивше, а рекуче: " То вы, а то Новгородцы, а намъ не надобе; но аже пойдутъ на насъ, то вы намъ помозите ", и они (Рижане) рекоша: „Такъ буди." И пояша у нихъ 40 мужъ *въ талбу* (въ тали, въ заложники). — *Новг. Л.* стр. 108, 109.

ренскъ, осаждали Мосальскъ (333), и возвратились во свояси.

Думая, что нелюбовь къ Ярославу была причиною такого нерѣшительнаго похода, бѣглецы Новгородскіе пересылались съ Новгородскими и Псковскими сообщниками Михаила, и съ Ярославомъ Владиміровичемъ, выжидавшимъ въ Оденпе удобнаго случая для завоеванія Пскова. Положась на слова и увѣренія, сынъ Водовика, Святославъ Князь Трубчевскій и бѣглые Новгородцы внезапно явились въ Новгородъ. Ярославъ уѣхалъ тогда въ Переяславль; но вѣче, не смотря на всѣ усилія крамолы, стало за Ярослава. Бѣглецы бросились въ Псковъ, гдѣ нашли болѣе сообщниковъ, сковали Намѣстника Вячеслава, и возмутили городъ. Ярославъ велѣлъ захватить Псковитянъ, бывшихъ въ Новгородѣ, не дозволилъ отпускать соли въ Псковъ, и, не объявляя войны, требовалъ отъ Псковитянъ покорности, и изгнанія мятежниковъ. Лѣто прошло въ переговорахъ; зимою явились

---

(333) «Прибѣгоша Нѣмцы изъ заморія, съ житомъ и мукою, и створиша много добра, а уже бяше при концѣ городъ сій» (Н. Л. стр. 120). — *Серенскъ*, нынѣ село, въ Мещовскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, на рѣкѣ Серенѣ; *Мосальскъ*, городъ на рѣкахъ Городенкѣ и Можайкѣ, на западъ отъ Калуги, въ 105 верстахъ.

Псковитяне съ покорностію, и просили себѣ Князя. Ярославъ послалъ къ нимъ шурина своего, Георгія (334).

Новгородскіе бѣглецы, лишенные всякой надежды, укрылись въ Оденпе, и весною 1233 года напали, съ Ярославомъ Владиміровичемъ и наемными Рыцарями, на Изборскъ. Ярославъ Всеволодовичъ не могъ дать тогда помощи изъ Новгорода, пораженный горестною кончиною старшаго сына, Θеодора. Юный Князь былъ помолвленъ, и готовился праздновать свадьбу. Привезли невѣсту, сварили меды, позвали гостей, и — могила была брачнымъ одромъ Θеодора (335)! Зимою, Ярославъ привелъ войска изъ Переяславля, снарядилъ Новгородскія дружины. Но Псковитяне уже управились съ хищниками Изборска, осадили ихъ и принудили сдаться; въ числѣ плѣнныхъ былъ и несчастный Ярославъ Владиміровичъ. Онъ остался въ Переяславлѣ, въ

---

(334) Слѣдовательно, онъ женился въ третій разъ, разлучась съ дочерью Мстислава Мстиславича.

(335) «И еще младъ, и кто не пожалуетъ сего (не пожалѣетъ о немъ)? Свадьба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, Князи позваны, и бысть въ веселія мѣсто плачъ и сѣтованіе за грѣхи наши! Но Господи, слава тебѣ, Царю небесный, изволишу ти тако, но покой его съ всѣми праведными» (Н. Л. стр. 122).

заточенія (336). Пользуясь случаемъ, и обвиняя Нѣмцевъ въ помощи Новгородскимъ бѣглецамъ, Ярославъ раззорилъ окрестности Дерпта и Оденпе, « опустошилъ землю и потратилъ тамошнее обиліе. » — Заключивъ потомъ миръ, успокоивъ Псковитянъ, и возвращаясь въ Новгородъ, Ярославъ услышалъ о набѣгѣ Литовцевъ. Отбитые въ 1229 году, они пришли еще съ большими силами, ворвались въ Русу, ограбили городъ, и уплыли по Ловати. Ярославъ настигъ ихъ въ Торопецкой области, отбилъ добычу и разогналъ дикія ихъ толпы (337).

Въ такихъ событіяхъ протекло для Сѣверной Руси *десять* лѣтъ послѣ Калкской битвы. Имя *Мстислава Мстиславича* — ангела хранителя Новгородскаго, не упомянулось въ Новгородѣ ни однажды. Мы видѣли, что двухъ братьевъ его не было уже на свѣтѣ, и племянникъ, внукъ Мстислава Храбраго, какъ презрѣнный преступ-

---

(336) Онъ является черезъ двѣнадцать лѣтъ, въ 1245 году, другомъ Рыцарей, а потомъ приверженцемъ Руских ъ, княжащимъ въ Торжкѣ. Его супруга, Княгиня Евпраксія, была убита въ Оденпе, пасынкомъ своимъ, и похоронена въ Псковскомъ Ивановскомъ монастырѣ. Въ Новг. Лѣт. (стр. 137) записано чудо, бывшее отъ гробницы Евпраксіи, въ 1243 году. Гробница ея сохраняется донынѣ.

(337) Н. Л. стр. 122—125.

никъ, сидѣлъ въ тюрьмѣ у Ярослава, нѣкогда униженно кланявшагося отцу его, Владиміру, любимому сыну Мстислава Храбраго (338). Гдѣ былъ, что дѣлалъ Удалый Мстиславъ Мстиславичъ?

Бѣглецомъ явясь въ Галичъ, онъ безмолвно смотрѣлъ на всѣ событія окрестъ себя: на ссору Олеговичей въ 1225 году, въ которой Георгій Всеволодовичъ представлялъ лицо важнаго посредника (339), и завладѣніе Кіева Владиміромъ Руриковичемъ. Этого мало: унывшій духомъ, Мстиславъ подвергся вліянію окружавшихъ его: Галицкихъ вельможъ, особенно Судислава и Глѣба Еремеевича, злобнаго Александра Князя Бѣльзскаго, и Котяна, Хана Половецкаго, тестя своего, поселившагося съ толпами Половцевъ въ Галичѣ. Всѣ они понимали, что Даніилъ Романовичъ высится надъ всѣми ими душою, всѣ могли бояться сближенія двухъ единственныхъ надеждъ Руси, Мстислава и Даніила, и употребили крамолы, чтобы разлучить Мстислава съ зятемъ, котораго любилъ онъ, какъ родственника, и какъ человѣка.

Крамольники успѣли. Едва удалились отъ Днѣпра невѣдомые Руссамъ, страшные враги, какъ явная вражда открылась между Мстиславомъ

---

(338). См. выше, стр. 103.

(339) Выше, прим. 309. — *Пушк.* списокъ (Ист. Г. Рос. т. III, пр. 325).

и Даніиломъ. Александръ Бѣльзскій наклеветалъ, что Даніилъ умышляетъ на жизнь тестя. Съ обѣихъ сторонъ вышли въ поле; Даніилъ призвалъ Поляковъ, напалъ на Бѣльзъ, и Мстиславъ, пришедшій на помощь, былъ прогнанъ. Онъ призвалъ Владиміра Кіевскаго сражаться съ Даніиломъ, раззорявшимъ Бѣльзскую и Галицкую области. Но доброе сердце Мстислава не долго вытерпѣло раздоръ; онъ звалъ къ себѣ Александра и Даніила, хотѣлъ слышать обоихъ вмѣстѣ, убѣдиться въ злоумышленіи, или сознать свою ошибку. Даніилъ явился; Александръ не смѣлъ пріѣхать, и прислалъ своего боярина Яна. Совѣтъ Князей и бояръ собрался близъ шатра Мстиславова. «Говори, Янъ» — сказалъ Мстиславъ — «ваши-ли рѣчи были, что Даніилъ наводитъ на меня Поляковъ?» Клевета обличилась. Въ негодованіи, всѣ говорили, что Александръ долженъ лишиться княжества, а Даніилъ взять его за обиду. Даніилъ великодушно отказался. Тогда Мстиславъ съ радостію обнялъ Даніила, одарилъ богатыми дарами его и дочь свою, супругу Даніилову, отдалъ зятю даже любимаго коня своего, Актаза, столь борзаго и прекраснаго, что другаго лучше не знали въ то время ни Князья, ни бояре (340).

---

(340) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III прим. 326). Добродушная простота разсказа, показывая душу

Едва заключили миръ съ Даніиломъ, какъ новыя коварства причинили новыя огорченія Мстиславу. Клеветникъ, оставшійся безъ наказанія, ободрялъ другихъ къ злоумышленіямъ. Нѣкоторые изъ Галицкихъ бояръ захотѣли сжить съ рукъ тестя Мстиславова, стараго Котяна. Бояринъ Жирославъ умѣлъ увѣрить другихъ, что Мстиславъ, недовольный ими, хочетъ отдать ихъ на избіеніе Хану. Съ изумленіемъ увидѣлъ Мстиславъ, что знатнѣйшіе Галицкіе вельможи тайно скрылись изъ Галича, и бѣжали въ Карпатскія горы. Онъ послалъ за ними духовника своего Тимоѳея, и добрый священникъ успѣлъ образумить, усовѣстить и возвратить бѣглецовъ. Оставалось одно: поссорить Мстислава съ Венгріею. Бояринъ Симеонъ Рыжій наговорилъ обрученному жениху Мстиславовой дочери, Венгер-

---

Мстислава Мстиславича, прелестна! Карамзинъ не понималъ ея. « Исправленію-же бывшу около вежи его (Мстислава), самому-же Александру не смѣявшу ѣхати, посла Яна своего. Мстиславу-бо рекшу: « Твоя бѣ рѣчь, Яне, яко Даніилъ второе всаживаетъ Ляхи на мя? « Познавшимъ-же всѣмъ Княземъ Александрову клевету, и рекшимъ (Даніилу): « Пріими всю власть его за соромъ свой. « Онъ-же за братолюбіе не прія, и вси похвалиша его. Мстиславъ-же *прія* зятя своего *любовью*, и почти его великими дарами, и да ему конь свой, борзый, Актазъ, якого-же въ та лѣта не бысть, и дочерь свою Анну даривъ. «

скому Королевичу, что Мстиславъ не исполняетъ даннаго слова: сочетать его бракомъ съ дочерью своею и отдать за нею Галичъ въ приданое. Папское разрѣшеніе, вѣроятно, было уже тогда получено. Королевичъ, не сказавшись Мстиславу, вдругъ уѣхалъ къ отцу своему, возвратился съ войскомъ, и завоевалъ Перемышль. Сильныя Венгерскія дружины, и самъ Король Венгерскій, слѣдовали за нимъ. Даніилъ вооружился за Мстислава, въ тоже время просьбами и угрозами отклонивъ союзъ Лешка съ Венгріею. Мстиславъ собралъ войско и разбилъ Венгровъ. Судиславъ, любимецъ его, успѣлъ между тѣмъ внушить Князю, что не исполняя обѣщанія своего Королевичу, онъ и послѣ побѣды остается не правъ. Конечно, Мстиславъ видѣлъ уже, что Даніилъ, мужественный и крѣпкій, могъ удержать Галичъ, но, связанный словомъ, онъ хотѣлъ исполнить договоръ съ Венгріею. Заключили миръ, и Мстиславъ показалъ послѣдній, рѣдкій примѣръ безкорыстія: онъ отдалъ дочь свою за Королевича, взялъ съ него клятву не притѣснять православной вѣры, и возвелъ Королевича на Галицкій престолъ, самъ удовольствовавшись небольшою *Понизовскою*, или *Подольскою* областью (341).

---

(341) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 326). За эту уступку, Мстиславъ получилъ отъ Карамзина названіе *легкомысленнаго*! — *Понизье* — ниж-

Даніилъ постоянно покорствовалъ Мстиславу, чтилъ его, какъ отца, и не изъявлялъ негодованія при исполненіи договора, за нѣсколько лѣтъ съ Венгріею заключеннаго. Въ это время скончался Мстиславъ Нѣмой, Князь Пересопницы, Черторійска и Луцка, и при смерти завѣщалъ Даніилу все наслѣдіе и малолѣтнаго сына своего Іоанна. Ярославъ, сынъ Ингваря, нѣкогда княжившаго въ Луцкѣ, считалъ сей городъ своимъ родовымъ наслѣдіемъ, и немедленно овладѣлъ имъ. Даніилъ былъ на богомольѣ, когда услышалъ, что и Ярославъ пріѣхалъ туда (342). Напрасно убѣждалъ Даніилъ Ярослава въ неправотѣ его дѣла. Бояре совѣтовали ему не тратить словъ, и схватить Ярослава. «Нѣтъ!» отвѣчалъ Даніилъ — «онъ и я пріѣхали молиться Богу; онъ не слушаетъ словъ; управлюсь съ нимъ послѣ, но не могу теперь, въ молитвѣ, взять его!» Возвратясь на Волынь, Даніилъ послалъ войско, которое разбило Ярослава, захватило его самого въ плѣнъ, и заняло Луцкъ. Даніилъ отдалъ Луцкъ

ніе берега Днѣстра. «Не отступай отъ мене,» велѣлъ сказать Мстиславъ Даніилу. «*Имамъ правду въ сердци моемъ,*» отвѣчалъ Даніилъ.

(342) «Въ Жидичинъ, къ Св. Николѣ;» вѣроятно, въ Николаевскій монастырь. Слова Даніила: „Приходитъ здѣ молитву творити, и не могу того сотворити« (Бояре говорили: «Здѣ ими его«).

и Пересопницу брату Васильку, уже владѣвшему Брестомъ. Тогда услышалъ Даніилъ о союзѣ Князя Пинскаго, Ростислава, съ Владиміромъ Кіевскимъ и Михаиломъ Черниговскимъ: Ростиславъ требовалъ Черторійска; Владиміръ хотѣлъ мстить Даніилу за отца, говоря, что Романъ оскорбилъ тяжко Рурика, постригъ его, и эта обида еще не отмщена. Напрасно Митрополитъ уговаривалъ Владиміра забыть вражду и обиду, когда гонитель и гонимый уже оба стоятъ предъ престоломъ Божіимъ. « Могу-ли забыть! » отвѣчалъ Владиміръ, и готовилъ войско (343). Съ нимъ соединялись другіе Олеговичи, Князья Туровскіе, и даже пристали Котянъ съ своими Половцами, и Королевичъ Венгерскій, властитель Галича. Князь Пинскій захватилъ Черторійскъ; призванные имъ Литовцы (Ятвяги) грабили около Бреста.

Даніилъ прежде всего хотѣлъ знать мнѣніе Мстислава Мстиславича, объяснилъ ему весь коварный союзъ Князей и неблагодарность Венгерскаго Королевича. Чувствуя, какъ непрочно все имъ созданное, какъ мало уважаютъ его послѣ несчастнаго пораженія на Калкѣ, какими людьми онъ окруженъ—Мстиславъ Мстиславичъ горестно

---

(343) Кіевск. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. III, прим. стр. 184).

отвѣчалъ послу Даніилову: « Вижу, что ошибся я, не отдавъ Галича сыну моему Даніилу (344)! « Подтвердивъ, что право Даніила на Черторійскъ неоспоримо, Мстиславъ хотѣлъ быть посредникомъ между враждующими, думалъ, что голосъ его еще уважатъ Князья, и отправился въ Кіевъ. Въ Торческѣ онъ заболѣлъ. Чувствуя недугъ тяжкій и смертный, Мстиславъ велѣлъ скорѣе звать къ себѣ Даніила, жаждалъ видѣть его, приказывалъ посылать за нимъ. Но одръ умирающаго Князя окружали злодѣи Даніиловы, и не внимали мольбѣ Удалаго (345).... Мстиславъ слабѣлъ, хотѣлъ забыть все земное, велѣлъ постричь себя въ иноческій чинъ, потомъ облечь въ святую схиму, и... скончался лѣтомъ 1228 года (346)...

Благоговѣемъ предъ памятью твоею, человѣкъ великій! И кто не сочувствуетъ горести, съ ка-

---

(344) „Сыну! согрѣшихъ, не давъ тобѣ Галича“ — *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, прим. стр. 183).

(345) „Жадящу-бо ему видити Данила. Глѣбъ-же Зеремѣевичъ, убѣженъ бысть завистью, не пустяше его.„ *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 326).

(346) По словамъ Длугоша, Мстиславъ погребенъ въ Кіевской церкви Св. Креста, имъ созданной. Гдѣ-же гробница, гдѣ прахъ Великаго, предъ которымъ потомокъ долженъ преклонить колѣно? Въ Кіевѣ, или Торческѣ? — О Торческѣ, см. т. II, примѣч. 355.

кою кончилъ ты поприще своей жизни, подъ святою ризою схимника!

Даніилъ началъ между тѣмъ ратовать. Онъ дѣйствовалъ умно и удачно. Давъ свободу плѣнному Ярославу Ингваревичу, Даніилъ помирился съ нимъ и подарилъ ему города: Перемилъ и Межибожье, уговорилъ Котяна отстать отъ союза, и въ то время, какъ братъ его, Василько, билъ и гналъ толпы Литовцевъ отъ Бреста, самъ Даніилъ бросился къ Черторійску. Такъ упорно окружилъ онъ его, что дѣти Князя Пинскаго, засѣвшіе въ семъ городѣ, принуждены были сдаться ему. Слыша, что Кіевскія, Черниговскія, Сѣверскія дружины идутъ на него, Даніилъ послалъ Котяна отвлечь Галичанъ отъ помощи имъ. Котянъ опустошилъ области Галицкія, и ушелъ потомъ за Днѣпръ, въ Половецкія степи. Князь Кіевскій, съ союзниками, осаждалъ Каменецъ Волынскій, когда услышалъ, что Даніилъ и Василько ведутъ на нихъ Поляковъ и Волынцевъ. Съ обѣихъ сторонъ спѣшили заключить миръ — неискренній и ненадежный.

Александръ Бѣльзскій усердно помогалъ въ семъ случаѣ Даніилу; Изяславъ, сынъ одного изъ Игоревичей, погибшихъ въ Галичѣ, былъ также Даніиловымъ союзникомъ. Оба сіи Князя не терпѣли однакожъ Даніила. Но и Михаилъ Черниговскій и Владиміръ Кіевскій, враги его, были соединены между собою подобною-же дружбою.

Михаилъ ладилъ и мирился съ Кіевскимъ Княземъ, когда надобно было ему ѣхать въ Новгородъ; ссорился и сражался, когда ему указывали путь изъ Новгорода въ Черниговъ. Мѣлкія страсти, недовѣрчивость, измѣны до того пріучили всѣхъ къ равнодушію, что никто уже не изумлялся дружбѣ сего дня и враждѣ на завтра. Венгрія безпрерывно старалась ссорить, междоусобить Князей, желая одного – удержанія Галича, гдѣ тѣмъ не менѣе партіи аристократовъ, бояръ и вельможъ, думали только о своей пользѣ. Если сильный отецъ Даніила, Романъ, если Мстиславъ Мстиславичъ, не могли выдерживать съ постояннымъ счастіемъ завистливаго хищничества Князей окрестныхъ и жадности иноземныхъ сосѣдей юго-западной Руси, то могъ-ли Даніилъ, имѣя вѣрнымъ другомъ только одного Василька, брата своего, сдѣлать что нибудь при слабыхъ силахъ, юности (ему было 27 лѣтъ, когда Мстиславъ Мстиславичъ скончался), и доброй, довѣрчивой душѣ, которая не терпѣла злодѣйствъ, и не могла крамольничать и хитрить. Отъ того происходила странная измѣнчивость жребія, удивительная перемѣна счастія и несчастія въ дѣлахъ Даніила.

Провидѣніе судило ему долгоденствовать. Еще сорокъ лѣтъ послѣ Мстислава Мстиславича жилъ Даніилъ — единственный добледушный Князь въ періодъ времени несчастнаго. Семь лѣтъ, про-

шекшихъ послѣ 1228 года, могутъ почесться изображеніемъ цѣлаго вѣка Даніилова. Такъ прошекла потомъ вся жизнь его. Обозримъ сіи годы, удаляя утомительныя подробности.

Казалось, что послѣ мира невыгоднаго для чести Князей Кіевскаго и Черниговскаго, счастіе постоянно начало благопріятствовать Даніилу. Другъ его, Лешко, Король Польскій, былъ измѣннически убитъ (347). Даніилъ сдружился съ Конрадомъ, Княземъ Мазовецкимъ, искавшимъ опеки надъ малолѣтнымъ сыномъ Лешка, помогалъ ему осаждать Калишъ, и воротился во свояси, когда свѣдалъ о возможности завоевать Галичъ. Судиславъ, опытный воинъ и хитрый вельможа, отлучился въ то время изъ Галича; тамъ остался только одинъ Венгерскій Королевичъ. Даніилъ *прилетѣлъ соколомъ*, хотѣлъ быстрымъ приступомъ взять городъ, но дружина его, овладѣвъ загороднымъ дворомъ Судислава, перепилась, начала грабить, и не могла сражаться. Даніилъ отступилъ, и перешелъ на другой берегъ Днѣстра; битва продолжалась на льду рѣки. Ночью взломало ледъ, а Семенъ, бояринъ Галицкій, *какъ лисица рыжій* (348), зажегъ мостъ,

---

(347) Въ 1228 году. По немъ наслѣдовалъ Болеславъ Цѣломудренный, до 1279 года.

(348) Беззаконный, лихій Семенко, подобный лисицѣ, чермности ради„ — *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 346).

единственный путь въ Галичъ. Даніилъ успѣлъ переправиться по обгорѣвшимъ остаткамъ моста, и Галичане сдали ему городъ, выдавъ и Судислава и Королевича.

Льстивый языкъ Судислава убѣдилъ Даніила на миръ. Королевичъ и Судиславъ были отпущены въ Венгрію, и вскорѣ явились опять, съ сильнымъ войскомъ. Но проливные дожди и разлитіе рѣкъ разстроили Венгровъ. Послѣ неудачнаго нападенія на Галичъ, они отступили; множество ихъ погибло въ Днѣстрѣ, оставивъ пословицу у Галичанъ: *Днѣстръ сыгралъ съ Уграми злую игру* (349).

Поражая бѣгущихъ Венгровъ, Даніилъ надѣялся прочнаго владычества. Но въ 1230 году былъ открытъ ужасный заговоръ противъ него и Василька: Галицкіе бояре, и Александръ Бѣльзскій, хотѣли ночью зажечь дворецъ и убить обоихъ Князей. Открытіе заговора сдѣлалось страннымъ случаемъ. Василько, шутя, обнажилъ мечъ и бросился на одного изъ бывшихъ въ заговорѣ; поблѣднѣвшій злодѣй испугался, упалъ на колѣна и открылъ тайну (350). Спѣшили увѣдомить Даніила, который безпечно собирался на пиръ къ участнику измѣны, боярину Филиппу. Александръ оставилъ Бѣльзъ, и бѣжалъ въ Венгрію, со мно-

(349) Кіевск. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. III, пр. 346)
(350) Idem, l. c.

гими Галицкими крамольниками. Василько занялъ Бѣльзъ, и вдругъ дошло въ Галичъ извѣстіе, что Король Венгерскій снова послалъ войско, съ Судиславомъ, и двумя сыновьями своими. Не имѣя способовъ сражаться, Даніилъ удалился; Венгры заняли Галичъ, и Королевичь Венгерскій еще разъ былъ объявленъ *Королемъ Галицкимъ*. Войска Венгерскія преслѣдовали Даніила. « Только трусъ медлитъ сражаться (351)! « сказалъ Даніилъ, и, соединясь съ братомъ, далъ нерѣшительную битву близъ Шумска. Въ слѣдствіе оной, Александръ Бѣльзскій примирился съ Даніиломъ. Битвы продолжались потомъ съ перемѣннымъ счастіемъ, но были неважны. Въ 1234 году, множество бояръ Галицкихъ, и даже, злодѣй Даніила, Глѣбъ Еремѣевичъ, передались сему Князю. Неутомимо сражался онъ, иногда не спалъ по трое сутокъ (352), и былъ готовъ уже взять Галичъ, когда Александръ, внявъ обѣщанію Судислава, что Галичъ отдадутъ ему, опять измѣнилъ Даніилу.

---

(351) Idem. Слово Даніила: „ Медляй на брань, страшливу душу имать. “

(352) Idem. Любопытно, что по случаю измѣны Александра Бѣльзскаго, Лѣтописецъ приводитъ слова Омира: „ О лесть! “ *якоже Омиръ пишетъ,* „ до обличенья сладка есть, обличена-же зла есть, и кто въ ней ходитъ, конецъ золъ пріиметъ. » И такъ въ Галичѣ, въ началѣ XIII вѣка, читали и переводили Омира?

Нечаянная кончина Короля Галицкаго рѣшила споръ. Галичане звали Даніила. Судиславъ успѣлъ убѣжать въ Венгрію; Александра схватилъ Даніилъ на Кіевской дорогѣ, и сей криводушникъ умеръ въ тюрьмѣ.

Изяславъ, сынъ Игоревича, прежній союзникъ Даніила, въ это время уже враждовалъ на него, съ 1233-го года бывъ союзникомъ Венгровъ. Онъ бѣжалъ въ Черниговъ, когда Галичане призвали Даніила. Тамъ всѣ Олеговичи соединились, звали Половцевъ, хотѣли сражаться, отнять Кіевъ у Владиміра Рюриковича и Галичъ у Даніила Романовича. Владиміръ и Даніилъ примирились, думали предупредить ихъ, и, соединивъ дружины, быстро осадили Черниговъ, разбивая повсюду отдѣльные полки Олеговичей въ полѣ. Съ самаго Крещенія до Воздвиженія, Даніилъ не зналъ этотъ годъ покоя въ ратномъ шумѣ. Олеговичи наконецъ смирились. Слыша о приближеніи Изяслава, съ сильною толпою Половцевъ, Владиміръ Кіевскій звалъ Даніила на новый подвигъ. Храбрый Князь не отказался; но при первой встрѣчѣ—Князь Кіевскій постыдно предался бѣгу. Даніилъ отбился отъ непріятелей, и ушелъ въ Галичъ.

Изяславъ съ Половцами и Михаилъ изъ Чернигова, забывъ о недавно заключенномъ мирѣ, спѣшили въ Кіевъ, и взяли тяжкую дань съ жителей, а Половцы схватили Владиміра Рюриковича въ Торческѣ и увели въ степи.

и Даніиломъ. Александръ Бѣльзскій наклеветалъ, что Даніилъ умышляетъ на жизнь тестя. Съ обѣихъ сторонъ вышли въ поле; Даніилъ призвалъ Поляковъ, напалъ на Бѣльзъ, и Мстиславъ, пришедшій на помощь, былъ прогнанъ. Онъ призвалъ Владиміра Кіевскаго сражаться съ Даніиломъ, раззорявшимъ Бѣльзскую и Галицкую области. Но доброе сердце Мстислава не долго вытерпѣло раздоръ; онъ звалъ къ себѣ Александра и Даніила, хотѣлъ слышать обоихъ вмѣстѣ, убѣдиться въ злоумышленіи, или сознать свою ошибку. Даніилъ явился; Александръ не смѣлъ пріѣхать, и прислалъ своего боярина Яна. Совѣтъ Князей и бояръ собрался близъ шатра Мстиславова. «Говори, Янъ» — сказалъ Мстиславъ — «ваши-ли рѣчи были, что Даніилъ наводитъ на меня Поляковъ?» Клевета обличилась. Въ негодованіи, всѣ говорили, что Александръ долженъ лишиться княжества, а Даніилъ взять его за обиду. Даніилъ великодушно отказался. Тогда Мстиславъ съ радостію обнялъ Даніила, одарилъ богатыми дарами его и дочь свою, супругу Даніилову, отдалъ зятю даже любимаго коня своего, Актаза, столь борзаго и прекраснаго, что другаго лучше не знали въ то время ни Князья, ни бояре (340).

---

(340) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III прим. 326). Добродушная простота разсказа, показывая душу

ила уступить Перемышль, бился съ Литовцами, и наконецъ рѣшился искать союза съ Георгіемъ Всеволодовичемъ и Ярославомъ Новгородскимъ. Василько, братъ его, былъ женатъ на дочери Георгія. Всеволодовичи не отказались быть друзьями Даніила, но прежде всего думали о своей пользѣ. Владиміръ Рурикович выкупился въ то время изъ Половецкаго плѣна, изгналъ Изяслава изъ Кіева, и хотѣлъ княжить тамъ по прежнему. Даніилъ, Георгій и Ярославъ объявили Владиміру, что онъ долженъ оставить Кіевъ. Владиміръ не спорилъ, удалился въ Смоленскъ къ родичамъ, и тамъ вскорѣ скончался (355). Ярославъ, оставивъ въ Новгородѣ сына Александра, пріѣхалъ княжить въ Кіевъ. Михаилъ могъ тогда опасаться, что настала чреда его низложенія съ Галицкаго Княжества, Даніилъ могъ надѣяться, что наконецъ добудетъ Галичъ .... *наступилъ роковой для Русскихъ земель 1236 годъ!*

Другія Русскія Княжества не представляли ничего важнаго и замѣчательнаго, въ теченіе всѣхъ одиннадцати лѣтъ, послѣ битвы на Калкѣ.

Храмовыми Рыцарями, тогда обладавшими Пруссіею. Слова Даніила: «Нелѣпо есть держати нашее отчины Крижевникомъ, *Темпличемъ* (Тампліерамъ), рекомымъ *Соломоничемъ*. — Idem, l. c.

(355) Въ 1239 г.

скому Королевичу, что Мстиславъ не исполняетъ даннаго слова: сочетать его бракомъ съ дочерью своею и отдать за нею Галичъ въ приданое. Папское разрѣшеніе, вѣроятно, было уже тогда получено. Королевичъ, не сказавшись Мстиславу, вдругъ уѣхалъ къ отцу своему, возвратился съ войскомъ, и завоевалъ Перемышль. Сильныя Венгерскія дружины, и самъ Король Венгерскій, слѣдовали за нимъ. Даніилъ вооружился за Мстислава, въ тоже время просьбами и угрозами отклонивъ союзъ Лешка съ Венгріею. Мстиславъ собралъ войско и разбилъ Венгровъ. Судиславъ, любимецъ его, успѣлъ между тѣмъ внушить Князю, что не исполняя обѣщанія своего Королевичу, онъ и послѣ побѣды остается не правъ. Конечно, Мстиславъ видѣлъ уже, что Даніилъ, мужественный и крѣпкій, могъ удержать Галичъ, но, связанный словомъ, онъ хотѣлъ исполнить договоръ съ Венгріею. Заключили миръ, и Мстиславъ показалъ послѣдній, рѣдкій примѣръ безкорыстія: онъ отдалъ дочь свою за Королевича, взялъ съ него клятву не притѣснять православной вѣры, и возвелъ Королевича на Галицкій престолъ, самъ удовольствовавшись небольшою *Понизовскою*, или *Подольскою* областью (341).

---

(341) *Кіевск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. III, пр. 326). За эту уступку, Мстиславъ получилъ отъ Карамзина названіе *легкомысленнаго*! — *Понизье* — ниж-

Великое Княжество Владимірское, или Суздальское, рѣшительно потеряло тогда свои преимущества Велико-княженія. Опытомъ узнавшій опасность самовластія, Георгій тихо и постоянно слѣдовалъ правиламъ отца своего. Но, болѣе его добрый, онъ не предпринималъ тайныхъ крамолъ для владычества надъ другими. Георгій участвовалъ въ ссорѣ Олеговичей, въ 1225 году, и враждѣ Ярослава съ Михаиломъ, въ 1236 году, но какъ обыкновенный миротворецъ, а не какъ Великій Князь и верховный повелитель другихъ. Безопася свое Княжество внутри миролюбіемъ съ братьями и племянниками, извнѣ онъ защищалъ только предѣлы его отъ дикихъ, восточныхъ сосѣдей. Такъ, отнявши завоеванный Булгарами Устюгъ въ 1221 году, онъ ходилъ потомъ войною на Мордву, осадившую вновь заложенный Нижній Новгородъ, въ 1236 году (358). Многіе Князья горделиво принимали уже имена *Великихъ*. Мы видѣли это въ примѣрѣ Святослава, Романа; Великимъ-же называлъ себя и Смоленскій Князь.

Событія въ Новгородѣ, гдѣ буйная вольность народная, безпрерывно сражаясь за свое бытіе, не имѣла времени думать о своемъ благоденствіи, и событія въ Галичѣ, гдѣ вѣроломная аристокра-

---

(358) Пушк. спис. (Ист. Г. Р. т. III, пр. 350).

шія поборала Князей умныхъ, желавшихъ добра, и губила счастіе отчизны, при помощи сильныхъ сосѣдей, намъ уже извѣстны. Смольяне составляли нѣчто среднее между Новгородомъ и Галичемъ. Мы видѣли, что суровымъ только правленіемъ удерживалъ ихъ Давидъ подъ своею властію (359). Сыну его Мстиславу, княжившему до 1230 года, наслѣдовалъ внукъ добраго Романа, сынъ Мстислава Романовича, Святославъ. Смольяне не хотѣли принять сего Князя; онъ *взялъ Смоленскъ на щитъ* (360), и овладѣлъ престоломъ, обливъ его кровью подданныхъ. Такъ на крови, пролитой измѣною родныхъ, владѣли Князья Рязанскіе своею отчиною, отдѣлясь отъ системы Олеговичей, и радуясь миролюбію Князя Владимірскаго, котораго отецъ хотѣлъ уничтожить мечемъ и огнемъ бытіе Рязани.

Наступилъ роковой для Русскихъ земель — 1236-й годъ!

---

(359) См. выше, стр. 119.
(360) Новг. Лѣт. стр. 121.

Конецъ третьяго тома.

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ II-му ТОМУ

ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА.

Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь *шести* статей, составляющихъ *Дополненія къ II-му тому Исторіи Русскаго народа*, я предполагалъ представить читателямъ еще *шесть* статей, касательно: *брачныхъ союзовъ Древнихъ Русскихъ Князей съ иноземными Государями, торговли на Сѣверѣ въ древнія времена, Исторіи Русской Іерархіи* и *собранія Древнихъ Русскихъ законовъ*. Но занявшись отдѣльно столь важными предметами, я увидѣлъ себя въ необходимости дать статьямъ объ оныхъ большій, противъ предположеннаго мною сначала, объемъ, и потому принужденъ устранить на время вышеупомянутыя статьи. Онѣ будутъ приложены при одномъ изъ слѣдующихъ томовъ Исторіи Русскаго народа. Читателямъ конечно пріятнѣе видѣть предметы вполнѣ изображенные, нежели слегка очеркнутые.

Такимъ образомъ, съ Историческимъ обозрѣніемъ древней торговли на Сѣверѣ, будетъ соединено изслѣдованіе о древнихъ деньгахъ Русскихъ.

Историческій опытъ о Русской Іерархіи заключитъ въ себѣ, краткую, систематическую Исторію Русской Церкви.

гими Галицкими крамольниками. Василько занялъ Бѣльзъ, и вдругъ дошло въ Галичъ извѣстіе, что Король Венгерскій снова послалъ войско, съ Судиславомъ, и двумя сыновьями своими. Не имѣя способовъ сражаться, Даніилъ удалился; Венгры заняли Галичъ, и Королевичь Венгерскій еще разъ былъ объявленъ *Королемъ Галицкимъ*. Войска Венгерскія преслѣдовали Даніила. « Только трусъ медлитъ сражаться (351)! « сказалъ Даніилъ, и, соединясь съ братомъ, далъ нерѣшительную битву близъ Шумска. Въ слѣдствіе оной, Александръ Бѣльзскій примирился съ Даніиломъ. Битвы продолжались потомъ съ перемѣннымъ счастіёмъ, но были неважны. Въ 1234 году, множество бояръ Галицкихъ, и даже, злодѣй Даніила, Глѣбъ Еремѣевичъ, передались сему Князю. Неутомимо сражался онъ, иногда не спалъ по трое сутокъ (352), и былъ готовъ уже взять Галичъ, когда Александръ, внявъ обѣщанію Судислава, что Галичъ отдадутъ ему, опять измѣнилъ Даніилу.

---

(351) Idem. Слово Даніила: „Медляй на брань, страшливу душу имать.“

(352) Idem. Любопытно, что по случаю измѣны Александра Бѣльзскаго, Лѣтописецъ приводитъ слова Омира: „О лесть!“ *яко же Омиръ пишетъ*, „до обличенья сладка есть, обличена-же зла есть, и кто въ ней ходитъ, конецъ золъ пріиметъ.» И такъ въ Галичѣ, въ началѣ XIII вѣка, читали и переводили Омира?

I.

ДОГОВОРНЫЯ ГРАМАТЫ

НОВГОРОДА СЪ КНЯЗЬЯМИ.

1-я, *писана въ началѣ* 1265 *года* (*).

+ Благословление отъ Владыки, покланяние отъ Посадника Михаила, и отъ Тысяцьскаго Кондрата, и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ Князю Ярославу. На семъ, Княже, цѣлуй хрестъ къ всѣму Новугороду, на цѣмъ то цѣловали дѣди и отцы, и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ ти держати въ старинѣ по пошлинѣ. Что волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, того ти, Княже, не держати своими мужи, нъ държати мужи Новгородьскыми, а даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. А безъ посадника тобѣ волостій не раздавати, а кому раздаялъ волости братъ твой Александръ, или

(*) Это *древнѣйшій* изъ дошедшихъ до насъ дипломатическихъ Русскихъ актовъ; онъ хранится въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и напечатанъ въ I-мъ т. *Собранія Государственныхъ грамать и договоровъ* (М. 1813 г.). Снимокъ съ онаго приложенъ при III-мъ томѣ упомянутаго *Собранія*. Подлинникъ на пергаментѣ; есть признаки, что была привѣшена печать.

Дмитрій съ Новгородци, тобе тѣхъ волостий безъ вины не лишати. А что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивунъ свой държати, на своей части държати, а Новгородьць на своей части държати. А въ Бежицахъ, Княже, тобе, ни твоей Княгыни, ни твоимъ бояромъ ни твоимъ дворяномъ селъ не държати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородьской. А се, Княже, волости Новгородьскые: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьць Палиць, а то есме дали Иванкови; потомъ: Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра. А въ Русу ти, Княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити, ездити на *озвадо* звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара по грамотѣ отця своего Ярослава. А судъ, Княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на Г лѣта, судье не слати. А изъ Бежиць, Княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни Дворяномъ твоимъ, ни смерда ни купцины. А безъ вины ти мужа волости не лишити, а грамотъ ти, Княже, не посуживати. А пожне, Княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое, а что былъ отьялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, Княже, не надобѣ. А что, Княже, братъ

швой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а шого ся, Княже, оптступи. Дворяномъ швоимъ и шивунимъ погонь имаши, како шо пошло. А на шомъ, Княже, на всемъ хресшъ цѣловаши, бесъ перевода, при нашихъ послѣхъ, а мы ши ся, Княже, кланяемъ. А что, Княже, мышъ по швоей земли, и по иной волосши, и по всей Суждальской земли, и шо, Княже имаши по В векши опъ лодье, и ошъ воза, и ошъ лну, и ошъ хмелна короба. А дворяномъ швоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имаши, развѣ рашной весши. Такъ, Княже Господине, пошло ошъ дѣдъ и опъ ошецъ, и опъ швоихъ и ошъ нашихъ, и опъ швоего ошча Ярослава.

2-я, *писана въ 1305 — 1308 гг.* (*)

Поклонъ ошъ Посадника, и ошъ Тысячьского, и опъ всихъ спарѣйшихъ, и ошъ всихъ мѣншихъ, и ошъ всего Новагорода, Господину Князю Великому *Михаилу*. На семь, Господине, Новгородъ весь кресшъ цѣлуешь. Княжение швое чесшно дѣржаши по пошлинѣ, безъ обиды; а шобѣ, Господине,

---

(*) Подлинникъ пергаменшный; при немъ двѣ свинцовыя печаши. На одной надписи: *Новгорочка печать*; съ другой стороны: *и посаднича*. На другой: *печать матьфея Фалелѣвича*, съ другой стороны: *Тысяцкого Новгорочково*.

Сказано, и сказано, въ нѣкоторомъ смыслѣ, справедливо, что *тотъ народъ счастливъ, котораго Исторія скучна* (356). Но — нѣтъ правила безъ исключенія, и слова о скучномъ счастіи народовъ нейдутъ къ Русскимъ Княжествамъ XIII-го столѣтія. Ихъ спокойствіе было подобно, или твердынѣ, подмываемой волнами рѣки и падающей въ мелкихъ обломкахъ, или судорожнымъ движеніямъ умирающаго: умирала честь Князей и довѣренность народа къ ихъ власти, которую могло удерживать только одно наглое и безпощадное безчеловѣчіе.

Половцы, особливо послѣ нашествія новыхъ, сильнѣйшихъ Азійскихъ Ордъ, истребившихъ множество сихъ враждебныхъ сосѣдей Руси, уже рѣдко являлись самобытными опустошителями. Князья нанимали иногда небольшія орды ихъ на истребленіе другъ друга (357). Но западные сосѣди, Литва и Рыцари Ливонскіе, усиливались болѣе и болѣе: первые были страшны хищными, быстрыми набѣгами; другіе прочностію, какую придавали они каждому своему завоеванію; занятое ими было имъ крѣпко. Полоцкіе Князья уничтожались предъ такими сосѣдями.

---

(356) Вель.

(357) Слич. выше, прим. 297. — Часть ихъ поселилась въ Галичѣ, другая на юго-востокъ отъ Владиміра, и безпрерывно нанималась у Русскихъ Князей.

ти, того вымене не таити въ сихъ волостехъ; а холопъ или поручники выдавати, а всему тому судъ въ Новѣгородѣ. А што ти, Княже, пошло въ Торьжку и на Волоцѣ, тиунъ свой дѣржати на своей части; а Новгородьча на своей части. А въ Бѣжицахъ тобѣ, Княже, ни твоей Княгинѣ, ни твоимъ Боярамъ, ни твоимъ слугамъ селъ не държати, ни купити, ни даромъ приимати, ни по всей волости Новгородьской. А се, Княже, волости Новгородьскыи: Волокъ съ всими волостьми, Торжокъ, Бѣжицѣ, Палѣць городець, Мелеца, Шипино, Егна, Заволочье, Тѣрь, Перме, Печера, Югра, Вологда. А свиньи ти бити за 60 върстъ отъ города. А въ Ладогу ти слати, Княже, осетреника своего и медовара по грамотѣ Прадѣда твоего *Ярослава*; а ѣздѣти тобѣ, Княже, въ Ладогу на третьее лѣто. А изъ Бѣжиць, Княже, людий въ свою волость не выводити, ни изъ иныхъ волостий Новгородьскыхъ; ни грамотъ давати, ни закладниковъ приимати, ни Княгинѣ твоей, ни Боярамъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ, ни смерда, ни купцины; а грамотъ ти не посужати. А што пожни твои и твоихъ мужь, то твое и твоихъ мужь; а Новгородьскыи Новугороду. А Дворянамъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ Князя по пяти кунъ, а отъ тиуна по двѣ долгѣи. А што, Княже, мыто по Суждальской земли и въ твоей волости, отъ воза по двѣ вѣкшѣ, отъ лодьи, отъ хмѣлна короба,

и отъ лияна. А Дворянамъ швоимъ у купецъ повозовъ не имашп, развѣ рашной вѣсши; а свободъ и мытовъ на Новгородьской волосши не ставиши. А холопъ или роба почнешь вадипи на господу, шому ши вѣры не яши. А на Низу шобѣ, Княже, Новгородча не судиши, ни волосший роздаваши; а кшо почнешь вадиши къ шобѣ, шому ши вѣры не яши. А въ Нѣмѣчьскомъ дворѣ шобѣ, Княже, шорговаши нашею брашьею; а двора ши не зашвараши, а присшавовъ не присшавливаши. А госши нашему госшиши межю Суждальскою землею безъ рубежа, по Царевѣ грамошѣ. А судьи слаши шобѣ свои на Петровъ день, шако пошло. А вывода ши, Княже, межю Суждальскою землею и Новгородьскою не чиниши. А шшо закладнѣ швои въ Торжьку или индѣ гдѣ, или за шобою, или за швоею Княгинею, или за мужи швоими, кшо купецъ, поидешь въ свое сшо. А коли будешь Новугороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляши ши, Княже, по Новѣгородѣ бесъ хытросши; а безъ Новгородьского ши слова, Княже, войны не замышляши. А присшавовъ ши съ Низу въ всю въ Новгородьскую волосшь не всылаши; а кшо купецъ, поидешь въ свое сшо, а смердъ поидешь въ свой погосшъ: шако пошло въ Новѣгородѣ; ошпусши ихъ прочь. А гнѣва ши, Княже, до Новагорода не держаши, ни до одиного человѣка. А ряду, Княже, въ Новгородьской волосши шобѣ и швоимъ судьямъ

не посужати , а самосуда не замышляти; а старостѣ ни холопа ни робы, безъ осподаря, не судити твоимъ судьямъ. А за рубежь изъ Новгородьской волости твоимъ Дворяномъ суда не выводити, ни судити: а свободъ ти и селъ съступитися. А на семь на всемь Князь Великый крестъ человалъ. А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду съ всими городы съ Нѣмѣчкыми, на тѣ ти грамоты, Княже, не наступатися; а Новгородьской ти души блюсти. А вынесутъ тобѣ изъ Орды Княжение Великое, намъ еси Князь Великый: или пакъ не вынесуть тобѣ Княжения Великого изъ Орды, пойти твоимъ Намѣстникамъ изъ Новагорода прочь, и изъ Новгородьскыхъ пригородовъ; а въ томъ Новугороду измѣны нѣту.

II.

Выписка изъ сочиненія Гизо: Histoire générale de la civilisation en Europe, depuis la chute de l'empire Romain jusqu'à la révolution Française, къ стр. 72-й II-го тома *Исторіи Русскаго народа*, прим. 61-е.).

— Предположимъ, что въ 1789-мъ году, въ то время, когда начиналось ужасное перерожденіе Франціи, гражданинъ, житель городской общины XII-го столѣтія, вдругъ явился среди насъ;

Кромѣ помѣщенныхъ здѣсь *шести* статей, составляющихъ *Дополненія къ II-му тому Исторіи Русскаго народа*, я предполагалъ представить читателямъ еще *шесть* статей, касательно: *брачныхъ союзовъ Древнихъ Русскихъ Князей съ иноземными Государями, торговли на Сѣверѣ въ древнія времена, Исторіи Русской Іерархіи* и *собранія Древнихъ Русскихъ законовъ*. Но занявшись отдѣльно столь важными предметами, я увидѣлъ себя въ необходимости дать статьямъ объ оныхъ большій, противъ предположеннаго мною сначала, объемъ, и потому принужденъ устранить на время вышеупомянутыя статьи. Онѣ будутъ приложены при одномъ изъ слѣдующихъ томовъ Исторіи Русскаго народа. Читателямъ конечно пріятнѣе видѣть предметы вполнѣ изображенные, нежели слегка очеркнутые.

Такимъ образомъ, съ Историческимъ обозрѣніемъ древней торговли на Сѣверѣ, будетъ соединено изслѣдованіе о древнихъ деньгахъ Русскихъ.

Историческій опытъ о Русской Іерархіи заключитъ въ себѣ, краткую, систематическую Исторію Русской Церкви.

Правда Русская будетъ представлена не въ одномъ, древнѣйшемъ спискѣ, но въ сводѣ многихъ списковъ.

Изслѣдованіе о брачныхъ союзахъ Русскихъ Князей не могло быть кончено за неполученіемъ нѣкоторыхъ необходимыхъ, но рѣдкихъ у насъ книгъ.

I.

ДОГОВОРНЫЯ ГРАМАТЫ

НОВГОРОДА СЪ КНЯЗЬЯМИ.

1-я, писана въ началѣ 1265 *года* (*).

+ Благословление отъ Владыкы, покланяние отъ Посадника Михаила, и отъ Тысяцьскаго Кондрата, и отъ всѣго Новагорода, и отъ всѣхъ старѣйшихъ, и отъ всѣхъ меньшихъ, къ Князю Ярославу. На семъ, Княже, цѣлуй хрестъ къ всѣму Новугороду, на цѣмъ то цѣловали дѣди и отцы, и отецъ твой Ярославъ. Новгородъ ти держати въ старинѣ по пошлинѣ. Что волостий всѣхъ Новгородьскыхъ, того ти, Княже, не держати своими мужи, нъ дьржати мужи Новгородьскыми, а даръ имати тобѣ отъ техъ волостий. А безъ посадника тобѣ волостій не раздавати, а кому раздаялъ волости братъ твой Александръ, или

(*) Это *древнѣйшій* изъ дошедшихъ до насъ дипломатическихъ Русскихъ актовъ; онъ хранится въ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, и напечатанъ въ I-мъ т. *Собранія Государственныхъ граматъ и договоровъ* (М. 1813 г.). Снимокъ съ онаго приложенъ при III-мъ томѣ упомянутаго *Собранія*. Подлинникъ на пергаментѣ; есть признаки, что была привѣшена печать.

Дмитрій съ Новгородци, тобе тѣхъ волостий безъ вины не лишати. А что ти, Княже, пошло на Торожку и на Волоцѣ тивунъ свой държати, на своей части държати, а Новгородьць на своей части държати. А въ Бежицахъ, Княже, тобе, ни твоей Княгыни, ни твоимъ бояромъ ни твоимъ дворяномъ селъ не държати, ни купити, ни даромъ приимати, и по всей волости Новгородьской. А се, Княже, волости Новгородьские: Волокъ съ всеми волостьми, Тържькъ, Бежицѣ, городьць Палиць, а що есме дали Иванкови; потомъ: Мелечя, Шипино, Егна, Вологда, Заволоцье, Трѣ, Перемь, Печера, Югра. А въ Русу ти, Княже, ездити осень, а лѣтѣ не ездити, ездити на *озвадо* звѣри гонитъ. А въ Ладогу ти, Княже, слати осетрьникъ и медовара по грамотѣ отця своего Ярослава. А судъ, Княже, отдалъ Дмитрий съ Новгородци Бежичяномъ и Обонижаномъ на Г лѣта, судье не слати. А изъ Бежиць, Княже, людий не выводити въ свою землю, ни изъ иной волости Новгородской, ни грамотъ имъ даяти, ни закладниковъ приимати, ни Княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни Дворяномъ твоимъ, ни смерда ни купцины. А безъ вины ти мужа волости не лишити, а грамотъ ти, Княже, не посуживати. А пожне, Княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое, а что былъ отьялъ братъ твой Александръ пожне, а то ти, Княже, не надобѣ. А что, Княже, братъ

твой Александръ дѣялъ насилие на Новѣгородѣ, а того ся, Княже, отступи. Дворяномъ твоимъ и тивунимъ погонь имати, како то пошло. А на томъ, Княже, на всемъ хрестъ цѣловати, бесъ перевода, при нашихъ послѣхъ, а мы ти ся, Княже, кланяемъ. А что, Княже, мытъ по твоей земли, и по иной волости, и по всей Суждальской земли, и то, Княже имати по В векши отъ лодье, и отъ воза, и отъ лну, и отъ хмелна короба. А дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати, развѣ ратной вести. Такъ, Княже Господине, пошло отъ дѣдъ и отъ отецъ, и отъ твоихъ и отъ нашихъ, и отъ твоего отча Ярослава.

2-я, писана въ 1305—1308 *гг.* (*)

Поклонъ отъ Посадника, и отъ Тысячьского, и отъ всихъ старѣйшихъ, и отъ всихъ мѣншихъ, и отъ всего Новагорода, Господину Князю Великому *Михаилу*. На семь, Господине, Новгородъ весь крестъ цѣлуетъ. Княжение твое честно дѣржати по тошлинѣ, безъ обиды; а тобѣ, Господине,

---

(*) Подлинникъ пергаментный; при немъ двѣ свинцовыя печати. На одной надписи: *Новгорочка печать;* съ другой стороны: *и посаднича*. На другой: *печать матьфея Фалелѣвіча,* съ другой стороны: *Тысяского Ноугорочково.*

шакоже Новгородъ дѣржаши по пошлинѣ, безъ обиды. Что свободъ *Дмитриевыхъ* и *Андрѣевыхъ*, что селца шягнуло къ шымъ свободамъ, шого всего шобѣ съ ступашися, по все къ Новугороду бесъ кунъ. А что, Княже, селъ швоихъ, и Владычнихъ, и Княгининыхъ, и Бояръ швоихъ, и слугъ швоихъ на Новгородской земли, которое село зашло бесъ кунъ, шо бесъ кунъ поидешь къ Новугороду; а кто купилъ, а шый знаешь своего исшьца, или дѣшѣй его: исшца ли не будешь, ни дѣшѣй его, цѣловаши ему кресшъ; како шо исшца не вѣдаешь, взяши ему куны, колко будешъ далъ по исправѣ, а земля къ Новугороду. А рубежь ши, Княже, межю Суждальскую землю и Новгородьскою даши ши сшарый, како было при Дѣдѣ швоемь и при Праошцѣ швоемь *Ярославѣ*. А што волосший Новгородьскыхъ, шѣхъ волосший шобѣ не дѣржаши, Княже, своими мужи, дѣржаши мужи Новгородьскыми; а даръ шобѣ имаши ошъ шѣхъ волосший. А бесъ Посадника ши, Княже, суда не судиши, ни волосши раздаваши, ни грамошъ даваши; а безъ вины мужа волосши не лишиши. А въ Русу, Княже, ѣздиши въ осень, како пошло; а лѣшѣ ѣздиши на въ звадъ звѣри гонишъ. А за Волокъ ши слаши своего мужа изъ Новагорода въ дву насаду, по пошлинѣ, а опять ѣхаши шуды же на Новгородъ; а съ Низу ши не слаши, шакоже и въ Бѣжицѣ. А что пошлины, Княже, въ Новгородьской волос-

ти, того вымене не таити въ сихъ волостехъ; а холопъ или поручникы выдавати, а всему тому судъ въ Новѣгородѣ. А што ти, Княже, пошло въ Торьжку и на Волоцѣ, тиунъ свой дѣржати на своей части; а Новгородьча на своей части. А въ Бѣжицахъ тобѣ, Княже, ни твоей Княгинѣ, ни твоимъ Боярамъ, ни твоимъ слугамъ селъ не държати, ни купити, ни даромъ приимати, ни по всей волости Новгородьской. А се, Княже, волости Новгородьскыи: Волокъ съ всими волостьми, Торжокъ, Бѣжицѣ, Палѣць городець, Мелеца, Шипино, Егна, Заволочье, Тѣрь, Перть, Печера, Югра, Вологда. А свиньи ти бити за 60 върстъ отъ города. А въ Ладогу ти слати, Княже, осетреника своего и медовара по грамотѣ Прадѣда твоего *Ярослава*; а ѣздѣти тобѣ, Княже, въ Ладогу на третьее лѣто. А изъ Бѣжиць, Княже, людий въ свою волость не выводити, ни изъ иныхъ волостий Новгородьскыхъ; ни грамотъ давати, ни закладниковъ приимати, ни Княгинѣ твоей, ни Боярамъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ, ни смерда, ни купцины; а грамотъ ти не посужати. А што пожни твои и твоихъ мужь, то твое и твоихъ мужь; а Новгородьскыи Новугороду. А Дворянамъ твоимъ, како пошло, погонъ имати отъ Князя по пяти кунъ, а отъ тиуна по двѣ долгѣи. А што, Княже, мыто по Суждальской земли и въ твоей волости, отъ воза по двѣ вѣкшѣ, отъ лодьи, отъ хмѣлна короба,

и отъ лиха. А Дворяномъ твоимъ у купецъ повозовъ не имати, развѣ ратной вѣсти; а свободъ и мытовъ на Новгородьской волости не ставити. А холопъ или роба почнетъ вадити на господу, тому ти вѣры не яти. А на Низу тобѣ, Княже, Новгородча не судити, ни волостий роздавати; а кто почнетъ вадити къ тобѣ, тому ти вѣры не яти. А въ Нѣмѣцькомъ дворѣ тобѣ, Княже, торговати нашею братьею; а двора ти не затварити, а приставовъ не приставливати. А гости нашему гостити межю Суждальскою землею безъ рубежа, по Царевѣ грамотѣ. А судьи слати тобѣ свои на Петровъ день, тако пошло. А вывода ти, Княже, межю Суждальскою землею и Новгородьскою не чинити. А что закладнѣ твои въ Торжьку или индѣ гдѣ, или за тобою, или за твоею Княгинею, или за мужи твоими, кто купецъ, поидетъ въ свое сто. А коли будетъ Новугороду розмирье съ Нѣмчи, или съ Литвою, или съ иною землею, пособляти ти, Княже, по Новѣгородѣ бесъ хитрости; а безъ Новгородьского ти слова, Княже, войны не замышляти. А приставовъ ти съ Низу въ всю въ Новгородьскую волость не всылати; а кто купецъ, поидетъ въ свое сто, а смердъ поидетъ въ свой погостъ: тако пошло въ Новѣгородѣ; отпусти ихъ прочь. А гнѣва ти, Княже, до Новагорода не держати, ни до одиного человѣка. А ряду, Княже, въ Новгородьской волости тобѣ и твоимъ судьямъ

не посужати, а самосуда не замышляти; а старостѣ ни холопа ни робы, безъ осподаря, не судити твоимъ судьямъ. А за рубежь изъ Новгородьской волости твоимъ Дворяномъ суда не выводити, ни судити: а свободъ ти и селъ съступитися. А на семь на всемь Князь Великый крестъ чѣловалъ. А что ти грамотъ крестныхъ Новугороду съ всими городы съ Нѣмѣчкыми, на тѣ ти грамоты, Княже, не наступатися; а Новгородьской ти души блюсти. А вынесутъ тобѣ изъ Орды Княжение Великое, намъ еси Князь Великый: или пакъ не вынесуть тобѣ Княжения Великого изъ Орды, поити твоимъ Намѣстникамъ изъ Новагорода проць, и изъ Новгородьскыхъ пригородовъ; а въ томъ Новугороду измѣны нѣту.

II.

Выписка изъ сочиненія Гизо: Histoire générale de la civilisation en Europe, depuis la chute de l'empire Romain jusqu'à la révolution Française, къ стр. 72-й II-го тома *Исторіи Русскаго народа*, прим. 61-е.).

— Предположимъ, что въ 1789-мъ году, въ то время, когда начиналось ужасное перерожденіе Франціи, гражданинъ, житель городской общины XII-го столѣтія, вдругъ явился среди насъ;

что ему дали читать (предположимъ его грамотнаго) одно изъ тѣхъ сочиненій, которыя столь сильно волновали тогда умы, на примѣръ, сочиненіе Сіейса: Qu'est-ce que le tiers (*что такое значить:* Среднее состояніе)? — Онъ читаетъ слѣдующія слова, составляющія основаніе всего сочиненія: « Среднее состояніе есть Французская нація, безъ дворянъ и духовенства. « Спрашиваю: какое впечатлѣніе произведутъ сіи слова на умъ стариннаго нашего гражданина? Думаете-ли вы, что онъ пойметъ ихъ? Нѣтъ! онъ не пойметъ выраженія: *Французская нація,* ибо это выраженіе не представитъ ему ни одного изъ предметовъ, ему извѣстныхъ, ни одного изъ дѣлъ его времени. Еслибы онъ и понялъ сіи слова, еслибы онъ и ясно увидѣлъ владычество надъ цѣлымъ обществомъ, приписываемое Среднему состоянію, то, на вѣрно, такое предположеніе показалось-бы ему почти безумнымъ и безбожнымъ. Такъ противорѣчило-бы сіе предположеніе тому, что онъ видалъ, и общности всѣхъ его понятій и чувствованій.

Теперь, попросите этого изумленнаго гражданина слѣдовать за вами; ведите его въ какую нибудь изъ городскихъ общинъ вашего времени: въ Реймсъ, Бове, Лаонъ, Нойонъ — новое изумленіе съ его стороны! Онъ входитъ въ *городъ* и — не видитъ ни башенъ, ни валовъ, ни городскаго войска, ни какого средства защиты: все открыто

все предается первому пришлецу, первому, кто захочетъ занять городъ! Пришелецъ нашъ трепещетъ за безопасность общины, находитъ ее слишкомъ слабою, слишкомъ плохо обезпеченною. Онъ идетъ далѣе, спрашиваетъ о дѣлахъ, о томъ, какъ управляется община, о жребіи обитателей оной. Ему говорятъ, что внѣ города есть власть, налагающая на него подати, какъ ей угодно, и безъ всякаго согласія горожанъ; что сія власть сзываетъ городское войско и посылаетъ его на войну, также не спрашиваясь воли горожанъ. Ему говорятъ о судьяхъ, начальникѣ, чиновникахъ городскихъ, и онъ узнаетъ, что *не горожане* назначаютъ ихъ. Онъ узнаетъ, что дѣла общины рѣшаются совсѣмъ не въ самой общинѣ, что дѣлами правитъ Королевской чиновникъ, одинъ, издалека. Еще болѣе: ему сказываютъ, что горожане не имѣютъ ни какого права собираться, разсуждать общимъ совѣтомъ о томъ, что до нихъ касается, и что *вѣчевой* колоколъ не призываетъ ихъ на площадь народную. Гражданинъ XII-го столѣтія совсѣмъ смѣшался и ничего не понимаетъ! Недавно еще его изумило, ужаснуло величіе, важность, какую приписывало себѣ Среднее состояніе, и вотъ — онъ видитъ его въ мѣстѣ его жительства, подчиненнымъ, слабымъ, ничтожнымъ въ такой степени, какой онъ дотолѣ не знавалъ. Отъ зрѣлища одного рода, онъ перешелъ къ зрѣлищу совсѣмъ

противному, отъ гражданства повелительнаго къ гражданству безсильному, и какимъ-же образомъ хотите вы, чтобы онъ все это понялъ, согласилъ, чтобы умъ его не замѣшался рѣшительно?

Обратимся теперь, на свой чередъ, въ XII-е столѣтіе: мы—граждане, горожане XIX-го вѣка; мы также будемъ удивленными свидѣтелями двоякаго зрѣлища, рѣшительно сходнаго, только въ обратномъ видѣ. Если въ XII-мъ вѣкѣ, мы будемъ смотрѣть на общность государственныхъ дѣлъ, на правительство, вообще на общественность, мы нигдѣ не встрѣтимъ горожанъ, гражданъ, мы ничего объ нихъ не услышимъ: они не имѣютъ никакой важности, они ничто. И не только что въ государствѣ они со всѣмъ не важны, но если мы захотимъ узнать, что они сами думаютъ, что они говорятъ, каково въ ихъ собственныхъ глазахъ положеніе ихъ въ отношеніи къ Правительству Франціи вообще, мы найдемъ ихъ говорящимъ языкомъ робости, униженія чрезвычайнаго. Ихъ прежніе властители, господа, у которыхъ вырвали они свою свободу, показываютъ въ обращеніи съ ними— по крайней мѣрѣ, на словахъ—гордость, изумляющую насъ: они не дивятся этому, они не оскорбляются этимъ.

Войдемъ-же въ городъ, въ общину ихъ; посмотримъ, что тамъ дѣлается: зрѣлище перемѣнилось! Мы въ какой-то сильной крѣпости, защи-

щаемой вооруженными горожанами. Сіи горожане сами распредѣляютъ свои подати, сами избираютъ своихъ судей, судятъ, наказываютъ, собираются на *вѣчѣ* говорить о своихъ дѣлахъ, ведутъ войну противъ своего повелителя, содержатъ свою милицію. Словомъ: они сами правительствуютъ собою, они властители.

Здѣсь таже противуположность, которая во Франціи XVIII-го вѣка изумляла гражданина XII-го столѣтія, только роли перемѣнились: въ одномъ случаѣ — Нація гражданъ составляетъ все: община ничего не значитъ; въ другомъ — Нація гражданъ ничто: община все составляетъ....

III.

Грамата на проѣздъ изъ Новгорода, данная Посламъ Ганзейскихъ городовъ (къ стр. 83-й II-го тома *Исторіи Русскаго Народа*, прим. 75).

+ Отъ Великого Князя Андрея, отъ Посадника *Смена*, отъ Тысячького Машка, отъ всего Новагорода. Се пріеха Иванъ бѣлыи изъ Любка, Адамъ съ Гочкого берега, *Ингя Олгятъ* изъ Рыги, отъ своіе братии, отъ своихъ Коупѣчь Латиньского языка. И дахомъ имъ Г. поути горьнии по своіей волости, а четвертый врѣчкахъ. Гости

іехати безъ пакости, на божии роучѣ, и на княжи, и на всего Новагорода. Оже боудетъ не чистъ поушь врѣчкахъ, Князь велитъ своимъ моужемъ проводити сія гость, а вѣсть имъ подати.

Къ сей грамотѣ привѣшены три печати. На одной можно разобрать: *Тысяцьского печать Матвеа;* на другой: *Семенова печать Ивановича.*

IV.

Окончательная грамата, о спорѣ между Новгородомъ и Ганзейскими городами (къ стр. 83-й II-го тома *Исторіи Русскаго народа*, пр. 75).

Отъ Архіепископа Новгородьского владыки Олексѣя, отъ Посадника Юргя, отъ Тысячького Матфѣя, отъ всего Новагорода, о той жалобѣ, что у насъ былѣ на Любцянѣ, и на Годьцкѣ бережанѣ, что взялъ оу насъ товаръ передъ Невою разбойникы, той товаръ творилѣ есма въ ихъ городѣхъ, тако и тый товаръ, что оу Стеколмѣ взялѣ, такоже іесмя творилѣ въ ихъ городѣхъ, въ Любкѣ, да оу Гочкого берега, то іесмя снимн доконцялѣ сними правдою, какъ мы и наши стыхъ іесня *спустили назень что*, ни вкотороіе веремя не поминать. То іесмя доконцялѣ спосломъ съ Яковомъ, и съ Иваномъ изъ Любка, да съ Григорьіею, да съ Иваномъ изъ Гоцкого берега. На томъ

Яковъ да Иванъ изъ Любка, да Григорій, да Иванъ изъ Гоцкого берега хрестъ цѣловалѣ про тый товаръ безъ хытрости.

Къ сей грамотѣ привѣшены двѣ печати. На одной, съ двухъ сторонъ надпись: *Юрьева печать Иванича Посадника Новгорочкого;* на другой, также съ обѣихъ сторонъ, надпись: *печать Матфѣя Фалелѣевича Тысячького Новгорочького.*

V.

Духовная, или посланіе Владиміра Мономаха къ его дѣтямъ.

(*Изъ Пушкинскаго* списка Лѣтописи Нестора и его продолжателей).

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ благовласнымъ славнымъ нареченѣмъ въ крещеніи Русьскымъ именемъ Володимиръ отцемъ взлюбленымъ и матерью своею Мьномахы. . . . .
. . . .
. . . .
Люди и дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ, отъ всѣхъ бѣдъ: сѣдя на санѣхъ помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днѣвъ грѣшнаго допровади: да дѣти мои или инъ кто слышавъ сю грамотицю не посмѣйтеся, но ому же любо дѣтій моихъ,

а применъ е въ сердце свое, и не лѣнишься начнешъ, такоже и тружашися, первое Бога дѣля и душа своея: страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ, и милостыню творя неоскудну: то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекутъ: надалечи пути, да на санѣхъ сѣдя безлѣпицю си молвилъ. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша потснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича, и волость ихъ отъимемъ, иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ: и рѣхъ, аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни Креста переступити. И отрядивъ я, веземъ Псалтырю, въ печали разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши душе, вскую смущаеши мя, и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду и написахъ: аще вы послѣдняя не люба, а передняя пріимайте. Вскую печальна еси душе моя, вскую смущаеши мя, упова на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ беззаконье, зане лукавнующіи потребятся: терпящіи же Господа ти обладаютъ землею. И еще мало и не будетъ грѣшника, взыщетъ мѣста своего и не обрящетъ: кротціи же наслѣдятъ землю, насладятся на множьствѣ мира. Назираетъ грѣшный праведнаго и поскрегчетъ нань зубы своими, Господь же посмѣется ему, и прозритъ яко придетъ день его. Оружья

извлекоша грѣшницы, напряже лукъ свой, и стрѣляти нища и убога: заклати правыя серцемъ: оружье ихъ внидетъ въ сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Лучше есть праведнику малое паче богатства грѣшныхъ многа, яко мышца грѣшныхъ скрушится. Утверждаетъ же праведныя Господь, яко се грѣшници погыбнутъ, праведныяже милуя и даетъ: яко благословящіи его наслѣдятъ землю, кленущіи же его потребятся. Отъ Господа стопы человѣку исправятся, егда ся падетъ и не разбьется, яко Господь подъемлетъ руку его. Унъ бѣхъ и состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба: весь день милуетъ и взаимъ даетъ праведный, и племя его благословено будетъ. Уклонися отъ зла, створи добро, взыщи мира и пожени, и живи въ вѣкы вѣка. Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша: внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила. Помилуй мя Боже, яко попра мя человѣкъ: весь день боряся стужи ми: попраша мя врази мои, яко мнози борющися со мною свыше. Возвеселится праведникъ, и егда видитъ месть, руцѣ свои умыетъ въ крови грѣшника: и рече убо человѣкъ, аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли. Измій мя отъ врагъ моихъ Боже, и отъ встающихъ на мя отъими мя: избави мя отъ творящихъ беззаконье, и отъ мужа крови спаси мя: яко се уло-

виша душу мою, и яко гнѣвъ въ ярости его и животъ въ воли его: вечеръ водворится плачь, а за утра радость: яко лучши милость твоя паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя: яко благословлю тя въ животѣ моемъ, и о имени твоемъ воздѣю руцѣ мои. Покры мя отъ сонма лукаваго, и отъ множьства дѣлающихъ неправду. Взвеселитеся вси праведніи сердцемъ. Благословлю Господа на всяко время, выну хвала его, и прочая.

Якожъ бо Василій учаше, собравъ ту юноша душа чисты, нескверни тѣлеси: худу кротку бесѣду и въ мѣру слово Господне, яди, питью безъ плища велика быти. При старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными и меньшими любовь имѣти безъ луки бесѣдующе, а много разумѣти, не свирѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ не лѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, пребѣгати нестрѣкати учить.' Легкыхъ власти ни въ кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, отъ Бога мьзды да чаетъ, и вѣчныхъ благъ насладится. О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не взношуся суетою міра сего, въ пустошнѣмъ семъ житьи. Научися вѣрный человѣче быти благочестной дѣлатель! научися по Евангель-

скому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смеренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла Господа ради: лишаемь, не мьсти: ненавидимъ, любо гонимъ, терпи: хулимъ, моли: умертви грѣхъ: избавите обидима: судите сиротѣ: оправдайте вдовицю: придѣте, да сожжемся, глаголетъ Господь: аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіяетъ весна постная, и цвѣтъ покаянія: очистимъ собѣ, братья! отъ всякоя крови плотьскыя и душевныя, свѣтодавцю вопьюще, рцемъ: слава тобѣ человѣколюбче.

Поистиннѣ дѣти моя разумѣйте, како ти есть человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ, мы человѣцы грѣшни суще и смертни, кто оже ны зло створитъ, то хощемъ и пожрети, и кровь его прольяти вскорѣ: а Господь нашь, владѣяй животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпитъ и пакы и до живота нашего: яко отецъ чадо свое любя, бья, и пакы привлачитъ е къ собѣ, такоже и Господь нашъ; показалъ ны есть на врагы побѣду 3-ми дѣлы добрыми, избыти его и побѣдити его, покаяньемъ, слезами и милостынею: да то вы дѣти мои не тяжка заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитися молю вы, ся небывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка;

ні одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко иніи добріи терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити милость Божію. Что есть человѣкъ, яко помниши и;

Велій еси Господи и чудна дѣла твоя, ни какъ же разумъ человѣческъ не можетъ исповѣдати чудесъ твоихъ. И паки рчемъ: велій еси Господи и чудна дѣла твоя, и благословено и хвально имя твое въ вѣки, по всей земли. Иже кто не похвалитъ, ни прославляетъ силы твоея, и твоихъ великихъ чудесъ, и добротъ устроенныхъ на семъ свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водахъ положена; Господи твоимъ промысломъ! Звѣрье разноличніи, и птица и рыбы украшено твоимъ промысломъ, Господи! И сему чуду дивуемся, како отъ персти создавъ человѣка: како образи разноличніи въ человѣческыхъ лицахъ, аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лиць образомъ по Божіи мудрости. И сему ся подивуемы, како птицы небесныя изъ Ирья идутъ, и первѣе наши руцѣ, и не ставятъ ся на одиной земли, но и сильныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣньемъ: да наполнятся лѣси и поля: все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика Господи милость твоя на насъ, яже та угодья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены то-

бою Господи! егда повелиши, то вспоютъ, и человѣкы веселятъ тобѣ: и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онѣмѣютъ: а благословенъ еси Господи и хваленъ зѣло. Всяка чудеса и ты доброты сотворивъ, и здѣлавъ: да иже не хвалить тебѣ Господи и не вѣруетъ всѣмъ сердцемъ, и всею душею, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ. Си словца прочитаюче, дѣти моя, Божественная, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою: и се отъ худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене, аще не всего пріимете, то половину. Аще вы Богъ оумагчитъ сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якожъ блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй: и въ церькви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли, али вы ся начнетъ не мочи а трижды, а того не забывайте не лѣнитеся: тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола: и что въ день согрѣшишь, а тѣмъ человѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче, не будетъ ни съ кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не оумѣете молвити, а Господи помилуй, зовѣте безпрестани въ тайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя. Всего же паче оубогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами,

ieхапи безъ пакосши, на божии роучѣ, и на княжи, и на всего Новагорода. Оже боудешъ не чисшъ поушь врѣчкахъ, Князь велишъ своимъ моужемъ проводиши сія гость, а вѣсшь имъ подаши.

Къ сей грамошѣ привѣшены шри печаши. На одной можно разобрашь: *Тысяцьского печать Матвеа;* на другой: *Семенова печать Ивановича.*

IV.

Окончательная грамата, о спорѣ между Новгородомъ и Ганзейскими городами (къ спр. 83-й II-го шома *Исторіи Русскаго народа*, пр. 75).

Ошъ Архіепископа Новгородьского влыдыки Олексѣя, ошъ Посадника Юргя, ошъ Тысячького Машфѣя, ошъ всего Новагорода, о шой жалобѣ, чшо у насъ былѣ на Любцянѣ, и на Годьцкѣ бережанѣ, чшо взялъ оу насъ шоваръ передъ Невою разбойникы, шой шоваръ шворилѣ есма въ ихъ городѣхъ, шако и шый шоваръ, чшо оу Сшеколмѣ взялѣ, шакоже іесмя шворилѣ въ ихъ городѣхъ, въ Любкѣ, да оу Гочкого берега, шо іесмя сними доконцялѣ сними правдою, какъ мы и наши сшыхъ іесня *спустили назень что,* ни вкошороіе веремя не поминашь. То іесмя доконцялѣ спосломъ съ Яковомъ, и съ Иваномъ изъ Любка, да съ Григорьіею, да съ Иваномъ изъ Гоцкого берега. На шомъ

Яковъ да Иванъ изъ Любка, да Григорѣй, да Иванъ изъ Гоцкого берега хрестъ цѣловалѣ про тый товаръ безъ хытрости.

Къ сей грамотѣ привѣшены двѣ печати. На одной, съ двухъ сторонъ надпись: *Юрьева печать Иванича Посадника Новгорочкого;* на другой, также съ обѣихъ сторонъ, надпись: *печать Матфѣя Фалелѣевича Тысячького Новгорочького.*

V.

Духовная, или посланіе Владиміра Мономаха къ его дѣтямъ.

(*Изъ Пушкинскаго* списка Лѣтописи Нестора и его продолжателей).

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ благовласнымъ славнымъ нареченѣмъ въ крещеніи Русьскымъ именемъ Володимиръ отцемъ взлюбленымъ и матерью своею Мьномахы. . . . .

. . . .

. . . .

Люди и дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ, отъ всѣхъ бѣдъ: сѣдя на санѣхъ помыслихъ въ души своей и похвалихъ Бога, иже мя сихъ днев грѣшнаго допровади: да дѣти мои или инъ кто слышавъ сю грамотицю не посмѣйтеся, но ому же любо дѣтій моихъ,

а приметъ е въ сердце свое, и не лѣниться начнетъ, такоже и тружатися, первое Бога дѣля и душа своея: страхъ имѣйте Божій въ сердци своемъ, и милостыню творя неоскудну: то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекутъ: надалечи пути, да на санѣхъ сѣдя безлѣпицю си молвилъ. Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моея на Волзѣ, рѣша потснися къ намъ, да выженемъ Ростиславича, и волость ихъ отъимемъ, иже ли не поидеши съ нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ: и рѣхъ, аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни Креста переступити. И отрядивъ я, веземъ Псалтырю, въ печали разгнухъ я, и то ми ся выня: вскую печалуеши душе, вскую смущаеши мя, и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду и написахъ: аще вы послѣдняя не люба, а передняя пріимайте. Вскую печальна еси душе моя, вскую смущаеши мя, упова на Бога, яко исповѣмся ему. Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ беззаконье, зане лукавнующіи потребятся: терпящіи же Господа ти обладаютъ землею. И еще мало и не будетъ грѣшника, взыщетъ мѣста своего и не обрящетъ: кротціи же наслѣдятъ землю, насладятся на множьствѣ мира. Назираетъ грѣшный праведнаго и поскрегчетъ нань зубы своими, Господь же посмѣется ему, и прозритъ яко придетъ день его. Оружья

извлекоша грѣшницы, напряже лукъ свой, и стрѣляти нища и убога: заклати правыя серцемъ: оружье ихъ внидетъ въ сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Лучше есть праведнику малое паче богатства грѣшныхъ многа, яко мышца грѣшныхъ скрушится. Утверждаетъ же праведныя Господь, яко се грѣшници погыбнутъ, праведныяже милуя и даетъ: яко благословящіи его наслѣдятъ землю, кленущіи же его потребятся. Отъ Господа стопы человѣку исправятся, егда ся падетъ и не разбьется, яко Господь подъемлетъ руку его. Унъ бѣхъ и состарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба: весь день милуетъ и взаимъ даетъ праведный, и племя его благословено будетъ. Уклонися отъ зла, створи добро, взыщи мира и пожени, и живи въ вѣкы вѣка. Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша: внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила. Помилуй мя Боже, яко попра мя человѣкъ: весь день боряся стужи ми: попраша мя врази мои, яко мнози борющися со мною свыше. Возвеселится праведникъ, и егда видитъ месть, руцѣ свои умыетъ въ крови грѣшника: и рече убо человѣкъ, аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли. Измій мя отъ врагъ моихъ Боже, и отъ встающихъ на мя отъими мя: избави мя отъ творящихъ беззаконье, и отъ мужа крови спаси мя: яко се уло-

вища душу мою, и яко гнѣвъ въ ярости его и животъ въ воли его: вечеръ водворится плачь, а за утра радость: яко лучши милость твоя паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя: яко благословлю тя въ животѣ моемъ, и о имени твоемъ вздѣю руцѣ мои. Покры мя отъ сонма лукаваго, и отъ множьства дѣлающихъ неправду. Взвеселитеся вси праведніи сердцемъ. Благословлю Господа на всяко время, выну хвала его, и прочая.

Якожъ бо Василій учаше, собравъ ту юноша душа чисты, нескверни тѣлеси: худу кротку бесѣду и въ мѣру слово Господне, яди, питью безъ плища велика быти. При старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, съ точными и меньшими любовь имѣти безъ луки бесѣдующе, а много разумѣти, не свѣрѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обильно смѣятися, срамлятися старѣйшихъ, къ женамъ не лѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, пребѣгати нестрѣкати учить.' Легкыхъ власти ни въ кую же имѣти, еже отъ всѣхъ честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти, отъ Бога мьзды да чаетъ, и вѣчныхъ благъ насладится. О Владычице Богородице! отъими отъ убогаго сердца моего гордость и буесть, да не взношуся суетою міра сего, въ пустошнѣмъ семъ житьи. Научися вѣрный человѣче быти благочестной дѣлатель! научися по Евангель-

скому словеси, очима управленье, языку удержанье, уму смеренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла Господа ради: лишаемь, не мьсти: ненавидимъ, любо гонимъ, терпи: хулимъ, моли: умертви грѣхъ: избавите обидима: судите сиротѣ: оправдайте вдовицю: придѣте, да сожжемся, глаголетъ Господь: аще будутъ грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я, и прочее. Восіяетъ весна постная, и цвѣтъ покаянія: очистимъ собѣ, братья! отъ всякоя крови плоньскыя и душевныя, свѣтодавцю вопьюще, рцемъ: слава тобѣ человѣколюбче.

Поистиннѣ дѣти моя разумѣйте, како ти есть человѣколюбецъ Богъ милостивъ и премилостивъ, мы человѣцы грѣшни суще и смертни, кто оже ны зло створитъ, то хощемъ и пожрети, и кровь его прольяти вскорѣ: а Господь нашь, владѣяй животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпитъ и пакы и до живота нашего: яко отець чадо свое любя, бья, и пакы привлачитъ е къ собѣ, такоже и Господь нашъ; показалъ ны есть на врагы побѣду 3-ми дѣлы добрыми, избыти его и побѣдити его, покаяньемъ, слезами и милостынею: да то вы дѣти мои не тяжка заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствія не лишитися. А Бога дѣля не лѣнитися молю вы, ся незабывайте 3-хъ дѣлъ тѣхъ, не бо суть тяжка;

ни одиночьство, ни черночьство, ни голодъ, яко иніи добріи терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити милость Божію. Что есть человѣкъ, яко помниши и;

Велій еси Господи и чудна дѣла твоя, ни какъ же разумъ человѣческъ не можетъ исповѣдати чудесъ твоихъ. И паки рчемъ: велій еси Господи и чудна дѣла твоя, и благословено и хвально имя твое въ вѣки, по всей земли. Иже кто не похвалитъ, ни прославляетъ силы твоея, и твоихъ великихъ чудесъ, и добротъ устроенныхъ на семъ свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣтъ, и земля на водахъ положена; Господи твоимъ промысломъ! Звѣрье разноличніи, и птица и рыбы украшено твоимъ промысломъ, Господи! И сему чуду дивуемся, како отъ персти создавъ человѣка: како образи разноличніи въ человѣческыхъ лицахъ, аще и весь міръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лиць образомъ по Божіи мудрости. И сему ся подивуемы, како птицы небесныя изъ Ирья идутъ, и первѣе наши руцѣ, и не ставятъ ся на одиной земли, но и сильныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, Божіимъ повелѣньемъ: да наполнятся лѣси и поля: все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика Господи милость твоя на насъ, яже та угодья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены то-

бою Господи! егда повелиши, то вспоютъ, и человѣкы веселятъ тобѣ: и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онѣмѣютъ: а благословенъ еси Господи и хваленъ зѣло. Всяка чудеса и ты доброты сотворивъ, и здѣлавъ: да иже не хвалитъ тебѣ Господи и не вѣруетъ всѣмъ сердцемъ, и всею душею, во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будетъ проклятъ. Си словца прочитаюче, дѣти моя, Божественная, похвалите Бога, давшаго намъ милость свою: и се отъ худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене, аще не всего пріимете, то половину. Аще вы Богъ оумагчитъ сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якожъ блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй: и въ церькви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли, али вы ся начнетъ не мочи а трижды, а того не забывайте не лѣнитеся: тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола: и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ человѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче, не будетъ ни съ кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не оумѣете молвити, а Господи помилуй, зовѣте безпрестани въ тайнѣ, та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя. Всего же паче оубогыхъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придавайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами,

а не вдавайте сильнымъ погубити человѣка. Ни права, ни крива, не оубивайте, ни повелѣвайте оубити его: аще будетъ повиненъ смерьти, а душа не погубляете ни какоя же хрістьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не клѣнитеся Богомъ, ни хреститеся, нѣту бо ти нужа никоея же: аще ли вы будете Крестъ цѣловати къ братьи или гкому али оуправивше сердце свое, на немже можете оустояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдете, да не преступни погубите душе своее. Епископы и Попы, и Игумены, съ любовью взимайте отъ нихъ благословенье, и не оустраняйтеся отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да пріимете отъ нихъ молитву, отъ Бога. Паче всего гордости не имѣйте въ сердци и въ оумѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, день живы а за оутра въ гробъ: се все чести еси вдалъ, не наше но твое: поручилъ ны еси на мало дній, и въ земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ.

Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью, въ дому своемъ не лѣнитеся, но все видите: не зрите на Тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящіи къ вамъ, и дому вашему, ни обѣду вашему.

На войну вышедъ не лѣнитеся, не зрите на воеводы, ни питью, ни ѣденью, не лагодите, ни спанью: и стороже сами наряживайте, и ночь отвсюду нарядивше около вои, то же

лязите: а рано востанѣте: а оружья не снимайте съ себѣ: въ борзѣ не розглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаетъ. Лжѣ блюдися, и пьянства и блуда, въ томъ бо душа погыбаетъ и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чужимъ, ни въ селѣхъ, ни въ житѣхъ, да не кляти васъ начнутъ. Куда же пойдете, идѣже станете, напойте, накормите оунеина: и болѣ же чтите гость, откуду же къ вамъ придетъ, или простъ или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашномъ и питьемъ, ти бо мимоходячи прославятъ человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ. Больнаго присѣтите: надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы: и человѣка не минѣте не привѣчавше, добро слово ему дадите: жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти.

Се же вконецъ всему, страхъ Божій имѣйте выше всего: аще забываете всего, а часто прочитайте, и мнѣ будетъ безъ сорома, и вамъ будетъ добро.

Его же оумѣючи, того не забывайте доброго, а его же не оумѣючи, а тому ся оучите: якоже бо отецъ мой дома сѣдя изумѣяше 5 языкъ: въ томъ бо честь есть отъ инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати, еже оумѣетъ, то забудетъ, а его же не оумѣетъ, а тому ся не оучитъ: добрѣ же творяще, не мозитеся лѣнити ни на что

же доброе: первое: къ церькви да не застанетъ васъ солнце на постели. Тако бо отецъ мой дѣяше, блаженый и вси добріи мужи свершеніи, за оутреню отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцу всходящу, и оузрѣвше солнце и прославити Бога съ радостью: и рече просвѣти очи мои Христе Боже, и далъ ми еси свѣтъ твой красный: и еще, Господи приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ грѣховъ своихъ покаявся оправдивъ животъ. Тако похвалю Бога, и сѣдше думати съ дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть отъ Бога присуждено полудне, отъ чина и опочиваетъ и звѣрь и птици и человѣци. А се вы повѣдаю дѣти моя трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣяй и ловы 13 лѣтъ: первое къ Ростову идохъ сквозѣ Вятиче, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску: и пакы 2 къ Смолиньску, съ Ставкомъ Скордятичемъ: то и пакы отиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску: то и Смолиньска идохъ Володимерю. Той же зимы то и посласта Берестію брата на головнѣ, иде бяху пожгли, то и ту блюдъ городъ тихъ: та идохъ Переяславлю отцю, а по велицѣ дни и съ Переславля та Володимерю, на Сутѣйску мира творить съ Ляхы. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять: та посла мя Святославъ въ Ляхы, ходивъ за Глоговы, до Чешскаго лѣса: ходивъ въ земли ихъ 4 мѣсяци: и въ

тоже лѣто и дѣтя ся роди, старѣйшее Новгородское: та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю: та же Турову. И Святославъ оумре, и азъ паки Смолиньску, а и Смолиньска той же зимѣ та къ Новугороду: на весну Глѣбови въ помочь, а на лѣто со отцемъ подъ Полтескъ: а на другую зиму съ Святополкомъ подъ Полтескъ, ожгоша Полтескъ. Онъ иде Новугороду, а я съ Половци на Одрьскъ, воюя та Чернигову. И паки и Смолиньска къ отцю придохъ Чернигову: и Олегъ приде изъ Володимера выведенъ, и возвахъ и къ собѣ на обѣдъ со отцемь въ Черниговѣ, на краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 грив. золота. И паки и Смолиньска же пришедъ, и проидохъ сквозѣ Половечьскыи вои бьяся до Переяславля, и отца налѣзохъ съ полку пришедше: то и паки ходихомъ томъ же лѣтомъ со отцемь и со Изяславомъ бится Чернигову съ Борисомъ и побѣдихомъ Бориса и Олга. И паки идохомъ Переяславлю и стахомъ въ Обровѣ и Всеславъ Смоленскъ ожъже: и азъ всѣдъ съ Черниговци о двою коню, и не застахомъ въ Смоленьскѣ, тѣмъ же путемъ по Всеславѣ пожегъ землю, и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову. А на ту зиму повоеваша Половци Стародубъ весь, и азъ шедъ съ Черниговци, и съ Половцы на Деснѣ изимахомъ Князи, Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша: и на заутреѣ за Новымъ городомъ разгнахомъ

силны вои Белкатгина, а се мечи и полонъ весь отъяхомъ. А въ Вятичи ходихомъ по двѣ зимѣ, на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну ходихъ 1 ю зиму : и паки по Изяславичихъ за Микулинъ, и не постигохомъ ихъ, и на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды. Томъ же лѣто гонихомъ по Половцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша : и на ту осень идохомъ съ Черниговци и съ Половци съ Читѣевичу къ Мѣньску, изѣхахомъ городъ и не оставихомъ оунего ни челядина ни скотины. И на ту зиму идохомъ къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихомъ. И на весну посади мя отецъ въ Переяславли передъ братьею, и ходихомъ за Супои : и ѣдучи къ Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапу Половечьскіе князи 8 тысячь, и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ оуслали на передъ на повозѣхъ, и внидохомъ въ городъ: только Семцю яша одинаго живого, ти смердъ нѣколико, а на́ши онѣхъ болѣ избиша и изъимаша, и не смѣша ни коня пояти въ руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи: и за оутра на Госпожинъ день идохомъ къ Беле вежи, и Богъ ны поможе и святая Богородица, избиша 900 Половецъ, и два Князя яша, Багу Барсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко оутекоста. И потомъ на Святославль гонихомъ по Половцихъ : и потомъ на Торческый городъ : и потомь на Гюргевъ по Половцихъ. И паки на той же сторонѣ оу Красна Половци побѣдихомъ : и

потомъ съ Ростиславомъ же оу Варина Веже взяхомъ. И потомъ ходивъ Володимерю, паки Ярополка посадихъ, и Ярополкъ оумре.

И пакы по отни смерти и по Святополцѣ на Сулѣ бившеся съ Половци до вечера, быхомъ оу Халѣпа, и потомъ миръ створихомъ съ Тугорканомъ и со инѣми князи Половечьскими, и оу Глѣбови чади пояхомъ, дружину свою всю. И потомъ Олегъ на мя приде съ Половечьскою землею къ Чернигову, и бишася дружина моя съ нимь 8 днiй о малу..... не вдадуче имъ въ острогъ.... жали вси христьяныхъ душъ, и селъ горящихъ, и манастырь, и рѣхъ, не хвалитися поганымъ. И вдахъ брату отца своего мѣсто, а самъ идохъ на отця своего мѣсто Переяславлю, и внидохомъ на святаго Бориса день изъ Чернигова, и ѣхахомъ сквозѣ полкы Половчьскiе не въ 100 дружинѣ, и съ дѣтми и съ женами, и облизахутся на насъ акы волци стояще, и отъ перевоза изъ горъ: Богъ и святый Борисъ неда имъ мене въ користь, невреженн доидохомъ Переяславлю. И сѣдѣхъ въ Переяславли 3 лѣтъ и 3 зимы, и съ дружиною своею, и многы бѣды прiяхомъ отъ рати, и отъ голода: и идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе, избиша и а другiя поимаша: и пакы Итлареву чадь избиша, и вежи ихъ взяхомъ, шедше за Голтавомъ. И Стародубу идохомъ на Олга, зане ся бяше приложилъ къ Половцемъ. И на Бокъ идохомъ съ Святополкомъ на Боняка, за Рось

и Смолиньску идохомъ, съ Давыдомъ смирившеся: паки идохомъ другое съ Вороницѣ: тогда же и Торци придоша ко мнѣ и съ Половецъ, и Читѣевичи, идохомъ противу имъ на Сулу.

И потомъ паки идохомъ къ Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихомъ Смолиньску, и се нынѣ иду Ростову: и пакы съ Святополкомъ гонихомъ по Боняцѣ.... оубиша, и не постигохомъ ихъ: и потомъ по Боняцѣ же гонихомъ за Рось, и не постигохомъ. И по ино зиму Смолиньску идохъ, и Смолиньска по велицѣ дни выидохъ и Гюргева мати оумре. Переяславлю пришедъ на лѣто, собрахъ братью, и Бонякъ приде со всѣми Половци, къ Снятиню идохомъ зане и съ Переяславля за Сулу: и Богъ ны поможе и полкы ихъ побѣдихомъ, и князи изъимахомъ лѣпшіи. И по рождествѣ створихомъ миръ съ Аепою, и поимъ оу него дчерь, идохомъ Смолиньску и потомъ идохъ Ростову. Пришедъ изъ Ростова, паки идохъ на Половци на Оурубу, съ Святополкомъ, и Богъ ны поможе. И потомъ паки на Боняка къ Лубьну, и Богъ ны поможе: и потомъ ходихомъ въ войну съ Святополкомъ: и потомъ пакы на Донъ идохомъ, съ Святополкомъ и съ Давыдомъ, и Богъ ны поможе: и къ Вереви бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти и: къ Ромну идохъ, со Олгомъ и съдѣтьми нань, и они очитивше бѣжаша. И потомъ къ Мѣньску ходихомъ на Глѣба, оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихомъ

свое мышленое. И потомъ ходихомъ къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злобъ его. А изъ Чернигова до Кыева нестшишь ѣздилъ ко отцю, днемъ есмь переѣздилъ до вечерни: а всѣхъ путій 80 и 3 великихъ: а прока не испомню меньшихъ, и заровъ есмь створилъ съ Половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца: а дая скота много и многы порты свое: и пустилъ есмь Половечьскыхъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багу Барсова 3, Овчины братье 4, а всѣхъ лѣпшихъ князи и инѣхъ 100: а самы князи Богъ живы въ руцѣ дава: Коксусь съ сыномъ, Акланъ Бурчевичь, Таревскый князь Азгулай, и инѣхъ кмети и молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, и сѣкъ вметахъ въ ту рѣчку въ Славліт, по чередамъ избьено не съ 200 въ то время лѣпшихъ.

А се тружахся ловы дѣя, понеже сѣдохъ въ Черниговѣ, а и съ Чернигова вышедъ и..... о лѣта по Стугани ва.....имъ даромъ, всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, иже со отцемъ ловилъ есмь всякъ звѣрь: а се въ Черниговѣ дѣялъ есмь: конь дикихъ своима рукама связалъ есмь въ пущахъ 10 и 20 живы конь, а кромѣ того иже по рови ѣздяималъ есмь своима рукама, тѣже кони дикіе: Тура мя 2, метала на розѣхъ и съ конемъ: Олень мя одинъ болъ, а 2 Лоси одинъ ногами топталъ, а другый рогама болъ: Вепрь ми на бедрѣ мечь оттялъ: Медведь ми оу

колѣна подклада оукусилъ, лютый звѣрь ко мнѣ скочилъ на бедры и конь со мною поверже, и Богъ не врежена мя сблюде: и съ коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ оуности своей вередихъ, не блюда живота своего, не щадя головы своея.

Еже было творити отроку моему, то самъ есмь створилъ дѣла, на войнѣ и на ловѣхъ ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ оупокоя, на посадники не зря, ни на биричи, самъ творилъ что было надобѣ: весь нарядъ и въ дому своемъ то я творилъ есмь, и въ ловчихъ ловчій нарядъ самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ, и о ястрябѣхъ, тоже: и худаго смерда и оубогые вдовицѣ не далъ есмь сильнымъ обидѣти: и церьковнаго наряда и службы самъ есмь призиралъ. Да не зазрите ми дѣти мои, но инъ кто прочетъ: не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ сблюдъ отъ тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ худаго на вся дѣла человѣческая потребна.

Да сю грамотицю прочитаючи потснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога съ святыми его. Смерти бо ся дѣти не боячи, ни рати, ни отъ звѣри, но мужьское дѣло творите, каковы Богъ подастъ: оже бо язъ отъ рати, и отъ звѣри, и отъ воды, отъ коня спадаяся, то никтоже васъ не можетъ вредитися и оубити, понеже не

будетъ отъ Бога повелѣно: а иже отъ Бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти: но оіпче добро есть блюсти, Божіе блюденье лѣплѣе есть человѣческаго.

VI.

СЛОВО

О плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова.

Не лѣполи ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславича! Начати же ся тъй пѣсни по былинамь сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо речь първыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашеть 10 соколовь на стадо лебедѣй, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярослову, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовь на стадо лебедѣй пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря; иже истягну умь крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половѣцькую за землю Руськую. Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты, и рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти: а всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону. Спала Князю умь похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хоцу бо, рече, копіе приломити конець поля Половецкаго съ вами Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону. О Бояне, соловію стараго времени! абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чресъ поля на горы. Пѣти было пѣсь Игореви, того (Олга) внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому; чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовь внуче! Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Кыевѣ; трубы трубять въ Новѣградѣ; стоять стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты Игорю, оба есвѣ Святъсла-

влича; сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти Куряни свѣдоми кмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конець копія въскръмлени, пути имь вѣдоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени, сами скачють акы сѣрыи влъци въ полѣ, ищучи себе чти, а Князю славѣ. Тогда въступи Игорь Князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому полю. Солнце ему тъмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди свистъ звѣринъ въ стабьи; дивъ кличетъ връху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и поморію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый блъванъ. А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени. Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць; подобію влъци грозу въ срожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чръленыя щиты. О Руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Длъго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.

Съ заранія въ пяткъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю,

помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты: орьтъмами и япончицами, и кожухы начашя мосты мостяти по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половѣцкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, сребрено стружіе храброму Святьславлячю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чръный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому.

Другаго дни велми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чръныя тучя съморя идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца: а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи. Быти грому великому, итти дождю стрѣлами съ Дону великаго: ту ся копіемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Руская землѣ! уже не Шеломянемъ еси. Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ, рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ, Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Рускыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русици преградиша чрълеными щиты. Яръ туре Всеволодѣ! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы

мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ злашымъ шеломомъ посвѣчивая, шамо лежашъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ шебе Яръ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, брашіе, забывъ чши и живоша, и града Чрънигова, ошня злаша стола, и своя милыя хоши красныя Глѣбовны свычая и обычая? Были вѣчи Трояни, минула лѣша Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Свяшьславличя. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и спрѣлы по земли сѣяше. Ступаешъ въ злашъ спремень въ градѣ Тьмушороканѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ сынъ Всеволожь: а Владиміръ по вся ушра уши закладаше въ Черниговѣ; Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Олгову храбра и млада Князя. Съ тояже Каялы Свяшоплъкь повелѣ я отца своего междю Угорьскими иноходьцы ко Свяшѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшеся и растяшешь усобицами; погибашешь жизнь Даждь-Божа внука, въ Княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомь скрашишась. Тогда по Руской земли рѣшко рашаевѣ кикахушь: нъ часто врани граяхушь, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхушь, хошять полешѣши на уедіе. То было въ ты раши, и въ ты плъкы; а сице и рапи не слышано: съ зараніа до вечера, съ вечера до свѣша летяшъ спрѣлы каленыя;

гримлютъ сабли о шеломы; трещатъ копіа харалужныя, въ полѣ незнаемѣ среди земли Половецкыи. Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Руской земли. Что ми шумить, что ми звенить давеча рано предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую. Ничить трава жалощами, а древо стугою къ земли преклонилось. Уже бо, братіе, не веселая година въстала, уже пустыни силу прикрыла. Въстала обида въ силахъ Дажь-Божа внука. Вступилъ дѣвою на землю Трояню, въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море у Дону плещучи, убуди жирня времена. Усобица Княземъ на поганыя погыбе, рекоста бо братъ брату: се мое, а то моеже; и начяша Князи про малое, се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати: а поганіи съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую. О! далече зайде соколъ, птиць бья къ морю: а Игорева храбраго плъку не крѣсити. За нимъ кликну Карна и Жля по скочи по Руской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ. Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію

смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Руской земли; печаль жирна тече средь земли Рускыи; а Князи сами на себе крамолу коваху; а поганіи сами побѣдами нарищуще на Рускую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора. Тіи бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславь грозный Великый Кіевскый. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи; наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота, а поганаго Кобяка изъ луку моря отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихръ выторже, и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли. Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, каютъ Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша. Ту Игорь Князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево; уныша бо градомъ забралы, а веселіе пониче. А Святъславь мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено; сыпахутьми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ

великый женчюгь на лоно, и нѣгуюшъ мя; уже дьскы безъ кнѣса вмоемъ теремѣ златоврьсѣмъ. Всю нощь съ вечера босуви врани възграяху, у Плѣсньска на болони бѣша дебрь Кисаню, и не сошлю къ синему морю. И ркоша бояре Князю: уже Княже туга умь полонила; се бо два сокола слѣтѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомь Дону. Уже соколома крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опустоша въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ тъмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнѣздо. и въ морѣ погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже връжеса дивь на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ местъ Шароканю. А мы уже дружина жадни веселія. Тогда Великій Святславъ изрони злато слово слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую пролiясте. Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте

моей сребреней сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго, и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями, съ Могуты и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тіи бо бес щитовъ съ засапожникы кликомъ плъкы побѣждаютъ, звонячи въ прадѣднюю славу. Нъ рекосте: мужа имѣся сами, переднюю славу сами похитимъ, а заднюю ся сами подѣлимъ. А чи диво ся братіе стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду. Нъ се зло Княже ми не пособіе; на ниче ся годины обратиша. Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володиміръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову Великый Княже Всеволоде! не мыслію ти прелетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти? Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а Кощей по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти удалыми сыны Глѣбовы. Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита Господина въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Рускую, за раны Игоревы, буего Святславлича! Галичкы Осмомыслѣ Ярославе высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ. Подперъ горы Угорскыи

своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затвори въ Дунаю ворота, меча времены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; оттворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй Господине Кончака, поганаго Кощея за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святславлича. А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ васъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хинова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи. Нъ уже Княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рси и по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти Княже кличетъ, и зоветъ Князи на побѣду. Олговичи храбрыи Князи доспѣли на брань. Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, не худа гнѣзда шестокрилци, не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Рускую, за раны Игоревы буего Святъславлича. Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Поло-

чаномъ подъ кликомъ поганыхъ. Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечи. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, Княже, птицъ крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша. Не бысь ту брата Брячеслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чресъ злато ожереліе. Уныли голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи. Ярославе, и вси внуце Всеславли уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вережени; уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ. Вы бо своими крамолами начясте наводити поганыя на землю Рускую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи! На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи, изъ Бѣла-града, обѣсися синѣ мьглѣ, утръ же воззни стрикусы отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ. На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Рускихъ

сыновъ. Всеславъ Князь людемъ судяше, Князем ъ грады рядаше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, и съ Киева дорискаше до Куръ Тиутороканя; великому хръсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутреню рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Киевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути. О! стонати Руской земли, помянувше пръвую годину, и пръвыхъ Князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы; нъ рози нося имъ хоботы пашутъ, копіа поютъ на Дунаи.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру Князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ. Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему Господине насильно вѣеши? Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горъ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему Господине мое веселіе по ковылію развѣя? Ярославна рано плачеть Путивлю городу на за-

боролѣ, аркучи: о Днепре словутицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй господине мою ладу къ мнѣ, а быхъ неслала къ нему слезъ на море рано. Ярославна рано плачетъ къ Путивлѣ на забралѣ, аркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему господине простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имь лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами; Игореви Князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Рускую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари: Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою; велитъ Князю разумѣти. Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въшумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горнастаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя бръзая комоня. Донецъ рече: Княже Игорю!

не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселія. Игорь рече, о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу Князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрьнядьми на ветрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрьши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя по уноши Князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило, а не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ. Млвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дивицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣстворца стараго времени Ярославля Ольговá Коганя

хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы: Руской земли безъ Игоря. Солнце свѣтится на небесѣ, Игорь Князь въ Руской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей. Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ Княземъ, а по томъ молодамъ. Пѣти слава Игорю Святъславлича, буй туру Всеволодѣ, Владиміру Игоревичу. Здрави Князи и дружина, побарая за христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ Аминь.

VII.

ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ

ПОКАЗАНІЕ СОБЫТІЙ

ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА,

съ 1055-го по 1236-й годъ.

(По лѣтописямъ).

Лѣта отъ Р. Х.

1054. Изяславъ, Великій Князь. Шесть Княжествъ Русскихъ.

1055. Появленіе Половцевъ.

1057. Смерть Вячеслава Смоленскаго.

1059. Освобожденіе Судислава. Смерть Игоря.

1061. Половцы нападаютъ на Переяславль.

1064. Ростиславъ Владиміровичъ въ Тмуторокани.

1066. Кончина его.

1067. Всеславъ Полоцкій нападаетъ на Новгородъ. Битва на Нѣмецѣ. Всеславъ въ плѣну.

1068. Русскіе Князья разбиты Половцами на Альтѣ.

—— Бунтъ въ Кіевѣ. Всеславъ Великій Князь.

—— Князь Черниговскій разбиваетъ Половцевъ.

Лѣта
Отъ Р. Х.

1069. Польша защищаетъ Изяслава. Бѣгство Всеслава. Изяславъ въ Кіевѣ, Великій Князь. Война Кіева съ Полоцкомъ.

1073. Изяславъ изгнанъ братьями. Святославъ Черниговскій въ Кіевѣ, Великій Князь.

1075. Грамата Папы въ защиту Изяслава.

1076. Кончина Святослава.

1077. Изяславъ снова Великій Князь. Новое дѣленіе Руси. Уничтоженіе удѣловъ Святославова рода.

1078. Война съ Полоцкомъ.

—— Дѣти Святослава и Вячеслава являются съ Половцами. Битва близъ Чернигова.

—— Всеволодъ Великій Князь.

—— Новыя покушенія дѣтей Святослава.

—— Война съ Полоцкомъ.

1079. Олегъ Святославичъ въ Родосѣ.

1083. Олегъ возвращается изъ Греціи.

1084. Дѣти Ростислава получаютъ удѣлы на Волыни. — Удѣлъ Давиду, сыну Игоря.

1085. Ярополкъ Изяславичъ противится Кіеву.

1086. Миръ съ нимъ, и убіеніе его.

1088. Булгары берутъ Муромъ.

1090. Моръ въ Кіевѣ. Набѣгъ Половцевъ.

1093. Кончина Всеволода. Святополкъ Изяславичъ Великій Князь.

—— Битвы съ Половцами.

Лѣта
Отъ Р. Х.

1094. Олегъ въ Черниговѣ; Владиміръ Мономахъ въ Переяславлѣ.
—— Первая саранча въ Руси.
1095. Избіеніе Ишларя и Половцевъ. Война Святополка и Мономаха съ Олегомъ.
1097. Олегъ въ Муромѣ.
—— Съѣздъ Князей въ Любечѣ.
—— Ослѣпленіе Василька Ростиславича.
1098. Война Олега и Мономаха противъ Святополка, и миръ.
1099. Походъ Святополка на Давида. Приходъ Венгровъ.
1100. Новый съѣздъ Князей.
1101. Смерть Ярослава Ярополковича.
—— Смерть Всеслава Полоцкаго.
—— Походъ на Половцевъ.
1104. Мордва побѣждаетъ Ярослава Святославича.
—— Война съ Полоцкомъ.
—— Походъ на Половцевъ.
1107. Походъ на Боняка.
1108. Миръ съ Половцами.
1109. } Новые походы противъ нихъ.
1111.
1113. Кончина Святополка. Владиміръ Всеволодовичъ, Мономахъ, Великій Князь.

Лѣта
Отъ Р. Х.

1115. Походъ на Минскъ.
—— Кончина Олега Черниговскаго.
1116. Походъ на Половцевъ.
1118. Битвы съ Ярославомъ Святополковичемъ.
1120. Погибель Торковъ.
1125. Кончина Мономаха. Мстиславъ Владимировичъ Великій Князь.
1127. Начало Рязанскихъ и Муромскихъ Князей. Своевольство Всеволода Олеговича.
—— Походъ на Полоцкъ.
1129. Полоцкіе Князья ссылаются въ Грецію.
1132. Кончина Мстислава. Братъ его, Ярополкъ, Великій Князь.
—— Всеволодъ Мстиславичъ въ Переяславлѣ. Противоборство Георгія Долгорукаго.
—— Вячеславъ въ Переяславлѣ. Изяславъ Мстиславичъ въ Туровѣ.
—— Возвращеніе Полоцкихъ Князей.
1133. Изяславъ въ Новгородѣ.
1135. Договоръ Георгія съ Ярополкомъ о Переяславлѣ.
—— Походъ на Суздаль. Битва на Ждановой горѣ. Союзъ Князей противъ Ярополка и Георгія. — Андрей въ Переяславлѣ, Изяславъ во Владимірѣ.
1136. Битва на Супоѣ.

Лѣта
Отъ Р. Х.

1137. Всеволодъ Мстиславичъ во Псковѣ.

1139. Кончина Ярополка. — Всеволодъ Олеговичъ Великій Князь.

—— Владимірко Галицкій воюетъ противъ Изяслава.

1142. Смерть Андрея. Изяславъ въ Переяславлѣ.

1143. Походъ въ Польшу.

1144. Война съ Галичемъ.

1145. Возмущеніе Іоанна Берладника.

1146. Походъ на Галичъ. Кончина Всеволода, Игорь Олеговичъ Великій Князь. Сверженіе его. Изяславъ Мстиславичъ Великій Князь.

1147. Первое свѣдѣніе о Москвѣ.

—— Соборъ въ Кіевѣ о поставленіи Митрополита.

—— Убіеніе Игоря.

1148. Миръ Давидовичей съ Изяславомъ. Изяславъ въ Новгородѣ.

1149. Походъ на Суздаль.

—— Походъ Георгія на Кіевъ. Битва у Переяславля. Георгій въ Кіевѣ.

1150. Походъ на Волынь. Битвы подъ Луцкомъ. Миръ въ Пересопницѣ.

—— Бѣгство Георгія. Владимірко въ Кіевѣ.

1151. Походъ Изяслава съ Венграми на Кіевъ. Бѣгство Георгія. Осада Кіева. Битва на Рутѣ.

Лѣта
отъ Р. Х.

1151. Андрей Георгіевичъ въ Суздальской области.

1152. Владимірко разбиваетъ Венгровъ. Георгій въ Суздалѣ.

—— Владимірко осажденъ въ Перемышлѣ. — Осада Чернигова.

1153. Кончина Владимірка.

1154. Кончина Изяслава. — Ростиславъ Мстиславичъ Великій Князь.

1155. Кончина Вячеслава. Георгій Великій Князь.

1156. Война съ Мстиславомъ Изяславичемъ.

1157. Кончина Георгія. Изяславъ Давидовичъ въ Кіевѣ, и признанъ Великимъ Княземъ отъ другихъ Князей.

1158. Безпокойства въ Полоцкѣ.

—— Ссора и война за Берладника. Мстиславъ Изяславичъ беретъ Кіевъ. Ростиславъ Мстиславичъ объявленъ Великимъ Княземъ отъ другихъ Князей.

1159. Союзъ Кіева и Чернигова. Берладъ. Андрей Георгіевичъ вступается за Изяслава.

1160. Андрей Князь Новгородскій.

—— Ссора Олеговичей съ Ростиславомъ.

1161. Изяславъ Давидовичъ въ Кіевѣ. Битвы. Смерть Изяслава.

1162. Ссора Ростислава съ Мстиславомъ Изяславичемъ.

Лѣта
отъ Р. Х.

1163. Изгнаніе братьевъ Андреевыхъ.

1164. Побѣда надъ Булгарами. Ересь Епископа Леонтія.

1166. Кончина Святослава Черниговскаго. Олеговичи ссорятся.

—— Походъ на Булгаровъ.

—— Походъ на Половцевъ.

1167. Кончина Ростислава. Мстиславъ Изяславичъ въ Кіевѣ, Великій Князь.

1168. Походъ на Половцевъ.

1169. Походъ войскъ Андрея и другихъ Князей на Кіевъ; взятіе и раззореніе сего города. Андрей Георгіевичъ объявляетъ себя Великимъ Княземъ. Кіевъ удѣльное Княжество.

1170. Неудачная осада Вышгорода Мстиславомъ Изяславичемъ. Кончина сего Князя.

—— Походъ войскъ Андрея и другихъ Князей на Новгородъ. Спасеніе Новгорода.

—— Кончина Глѣба въ Кіевѣ.

1171. Ростиславичи возводятъ на Кіевское княжество Владиміра Мстиславича. Кончина его. Романъ Ростиславичъ въ Кіевѣ.

—— Георгій, сынъ Андрея, въ Новгородѣ.

—— Кончина Мстислава, сына Андреева.

1173. Ссора Андрея съ Ростиславичами.

—— Михаилъ въ Кіевѣ.

Лѣта
отъ Р. Х.

1173. Михаилъ Изгнанъ. Рурикъ въ Кіевѣ.
—— Походъ войскъ Андрея и другихъ Князей на Кіевъ. Побѣда Ростиславичей. Величіе Мстислава Ростиславича, *Храбраго*.

1174. Ярославъ Луцкій въ Кіевѣ.
—— Святославъ Черниговскій грабитъ Кіевъ.
—— Убіеніе Андрея.
—— Споры за великое Владимірское княжество. *Мстиславъ и Ярополкъ*, дѣти Ростислава Георгіевича, *Михаилъ и Всеволодъ* Георгіевичи; первые превозмогаютъ.
—— Поселенія Новгородцевъ въ Вяткѣ.

1175. Худое правленіе Мстислава и Ярополка. Наглость Рязанскаго Князя.
—— Михаилъ и Всеволодъ Георгіевичи во Владимірѣ. Михаилъ Великій Князь.
—— Бунтъ въ Смоленскѣ. Великодушіе Мстислава Храбраго.

1176. Кончина Михаила. Всеволодъ Георгіевичъ Великій Князь.
—— Война его съ Мстиславомъ, Ярополкомъ и Рязанью.
—— Святославъ Черниговскій въ Кіевѣ.

1177. Побѣда Всеволода. Смерть Рязанскаго Князя. Ослѣпленіе и прозрѣніе Ярополка и Мстислава.

Лѣта
отъ Р. Х.

1178. Они въ Новгородѣ. Кончина Мстислава. Война Всеволода съ Новгородомъ.

1179. Мстиславъ Храбрый въ Новгородѣ.

1180. Кончина его.

—— Кончина Олега Святославича. Ярославъ Всеволодовичъ въ Черниговѣ.

—— Всеволодъ идетъ на Рязань.

—— Ухищренія Святослава Всеволодовича. Рурикъ въ Кіевѣ.

—— Кончина Романа Ростиславича.

1181. Война Всеволода съ Святославомъ. Влено ское дѣло. Святославъ въ Кіевѣ.

—— Миръ Всеволода съ Новгородцами.

1182. Миръ Всеволода съ Святославомъ.

1183. Походъ на Булгаровъ.

1184. Набѣгъ Литвы на Псковъ.

—— Походъ Святослава и другихъ Князей на Половцевъ.

1185. Походъ Игоря на Половцевъ.

1186. Всеволодъ воюетъ Рязань.

—— Меингардъ въ Икскулѣ.

1187. Кончина Ярослава Галицкаго.

1188. Сынъ его Владиміръ. Романъ, сынъ Мстислава Изяславича, въ Галичѣ. Венгры берутъ Галичъ.

1189. Покушенія Святослава и Рурика на завла-

Лѣта
по Р. Х.

дѣніе Галичемъ. Смерть сына Берладникова.

1190. Владиміръ снова въ Галичѣ.

1194. Кончина Святослава Всеволодовича. Рурикъ въ Кіевѣ. Ссора за Романа Волынскаго. Неудача Романа въ Польшѣ.

1196. Ссора Олеговичей съ Рурикомъ и Смоленскомъ. Походъ Всеволода на Олеговичей и миръ съ ними.

1197. Кончина Давида Смоленскаго. Мстиславъ Романовичъ въ Смоленскѣ.

1198. Кончина Ярослава Черниговскаго.

—— Всеволодъ воюетъ Половцевъ.

1199. Романъ Мстиславичъ властвуетъ въ Галичѣ и Волыни.

1200. Основаніе Риги. Орденъ Меченосцевъ.

1202. Романъ воюетъ Кіевъ. Ингварь Луцкій въ Кіевѣ. Кончина Игоря Святославича.

1204. Олеговичи и Рурикъ грабятъ Кіевъ. Постриженіе Рурика.

1205. Смерть Романа въ Польшѣ.

—— Венгрія, Польша, Рурикъ и Олеговичи спорятъ о Галичѣ.

1206. Константинъ Всеволодовичъ въ Новгородѣ.

—— Всеволодъ Рыжій. Игоревичи въ Галичѣ. Дѣти Романа въ Польшѣ и Венгріи.

Лѣта
отъ Р. Х.

1209. Мстиславъ Удалый въ Торопцѣ.
1210. Рурикъ въ Черниговѣ.
—— Погибель Игоревичей въ Галичѣ.
1211. Кончина Рурика.
1212. Гнѣвъ Всеволода на Константина. Кончина Всеволода. Георгій Всеволодовичъ Великій Князь.
—— Своеволіе Всеволода Рыжаго. Походъ Мстислава Удалаго на Кіевъ.
—— Мстиславъ Романовичъ въ Кіевѣ.
1214. Коломанъ въ Галичѣ.
1215. Ярославъ Всеволодовичъ въ Новгородѣ.
1216. Избавленіе Новгорода Мстиславомъ Удалымъ. Липецкая битва. Взятіе Владиміра.
—— Константинъ Всеволодовичъ Великій Князь.
1218. Кончина Константина. Георгій Всеволодовичъ Великій Князь.
—— Датчане въ Ливоніи.
—— Убійства въ Рязани.
1219. Освобожденіе Галича Мстиславомъ. Даніилъ во Владимірѣ.
1220. Шведы въ Ливоніи.
—— Походъ на Булгаровъ.
1221. Побѣда Мстислава Удалаго надъ Венграми.
—— Заложеніе Нижняго Новгорода.
1222. Письмо Папы Гонорія III-го, о бракѣ дочери Мстислава.

Лѣта
Отъ Р. Х.

1224. Нашествіе Монголовъ. Битва на Калкѣ.
1225. Михаилъ Черниговскій въ Новгородѣ.
1226. Набѣгъ Литовцевъ. Смерть Давида Торопецкаго.
—— Мстиславъ отдаетъ Галичъ зятю своему.
1228. Кончина Мстислава Удалаго.
1229. Ссора Ярослава съ Новгородцами за Псковъ.
—— Даніилъ беретъ Галичъ.
1230. Заговоръ противъ него Галичанъ.
—— Землетрясеніе, голодъ и моръ.
1233. Кончина Венгерскаго Королевича, зятя Мстиславова.
1234. Война Даніила и Кіевскаго Князя съ Олеговичами. Михаилъ въ Галичѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Стран.

Стр.

Лѣта
отъ Р. Х.

1209. Мстиславъ Удалый въ Торопцѣ.
1210. Рурикъ въ Черниговѣ.
—— Погибель Игоревичей въ Галичѣ.
1211. Кончина Рурика.
1212. Гнѣвъ Всеволода на Констаптина. Кончина Всеволода. Георгій Всеволодовичъ Великій Князь.
—— Своеволіе Всеволода Рыжаго. Походъ Мстислава Удалаго на Кіевъ.
—— Мстиславъ Романовичъ въ Кіевѣ.
1214. Коломанъ въ Галичѣ.
1215. Ярославъ Всеволодовичъ въ Новгородѣ.
1216. Избавленіе Новгорода Мстиславомъ Удалымъ. Липецкая битва. Взятіе Владиміра.
—— Константинъ Всеволодовичъ Великій Князь.
1218. Кончина Константина. Георгій Всеволодовичъ Великій Князь.
—— Датчане въ Ливоніи.
—— Убійства въ Рязани.
1219. Освобожденіе Галича Мстиславомъ. Даніилъ во Владимірѣ.
1220. Шведы въ Ливоніи.
—— Походъ на Булгаровъ.
1221. Побѣда Мстислава Удалаго надъ Венграми.
—— Заложеніе Нижняго Новгорода.
1222. Письмо Папы Гонорія III-го, о бракѣ дочери Мстислава.

Лѣта
Отъ Р. Х.

1224. Нашествіе Монголовъ. Битва на Калкѣ.

1225. Михаилъ Черниговскій въ Новгородѣ.

1226. Набѣгъ Литовцевъ. Смерть Давида Торопецкаго.

—— Мстиславъ отдаетъ Галичъ зятю своему.

1228. Кончина Мстислава Удалаго.

1229. Ссора Ярослава съ Новгородцами за Псковъ.

—— Даніилъ беретъ Галичъ.

1230. Заговоръ противъ него Галичанъ.

—— Землетрясеніе, голодъ и моръ.

1233. Кончина Венгерскаго Королевича, зятя Мстиславова.

1234. Война Даніила и Кіевскаго Князя съ Олеговичами. Михаилъ въ Галичѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Стр.

Стр.

Стр.

Его Сіятельство, Князь Димитрій .... Грузинскій.

Его Сіятельство (Егермейстеръ), Князь .... Волконскій.

Его Сіятельство, Князь Николай Сергѣевичъ Гагаринъ.

Ея Сіятельство, Графиня Александра Григорьевна Лаваль.

Его Сіятельство (Адмиралъ), Графъ Григорій Григорьевичъ Кушелевъ.

Его Сіятельство, Графъ Станиславъ Осиповичъ Коссаковскій.

Его Высокопревосходительство, Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ.

Его Превосходительство, Константинъ Яковлевичъ Булгаковъ.

Его Превосходительство, А. И. Бекъ.

Его Превосходительство, ... Самбурскій.

Его Превосходительство, Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гежелинскій.

Его Превосходительство, Александръ Степановичъ Бируковъ.

Его Превосходительство, Василій Алексѣевичъ Полѣновъ.

Его Высокородіе, Григорій Ѳедоровичъ Гежелинскій.

Его Высокоблагородіе, Гвардіи Полковникъ, Николай Петровичъ Летюхинъ.

Его Высокоблагородіе, Ѳедоръ Михайловичъ Юдинъ.

Его Высокоблагородіе, Иванъ Дмитріевичъ Чертковъ.

Прикомандированный къ 1-му Кадетскому Корпусу 4-го Сапернаго баталіона Подпоручикъ. . . . . Вощининъ.

Его Благородіе, Левъ Петровичъ Шубинъ.

Его Благородіе, Людовикъ Михайловичъ Еничъ.

Его Благородіе, Степанъ Николаевичъ Лезинъ.

Его Благородіе, Александръ Өедоровичъ Волковъ.

Его Благородіе, Егоръ Никитичъ Лебедевъ.

Его Благородіе, Николай Павловичъ Гертовъ.

Его Благородіе, Алексѣй Алексѣевичъ Поршняковъ.

Его Благородіе, Иванъ Артемьевичъ Чороковъ.

Его Благородіе, Василій Өедосеевичъ Өедосеевъ.

Его Благородіе, Алексѣй Васильевичъ Валабуевъ.

Его Благородіе, Іосифъ Николаевичъ Сабонинъ.

Г-нъ Шабишевъ.

Баронъ Розенъ.

Коммерціи Совѣтникъ, Андрей Яковлевичъ Поповъ.

Приходскій Священникъ Доминиканскаго Ордена, церкви Св. Екатерины, Максимиліанъ Спанесскій.

Иванъ Лукичъ Поповъ.

Евграфъ Васильевичъ Берсеневъ.

Левъ Ивановичъ Цаппеттини.

Валеріанъ Александровичъ Ильинъ.

Иванъ Максимовичъ Ореусъ.

Иванъ Тимоѳеевичъ Лисенковъ.

Петръ Михайловичъ Поповъ.

Михайла Игнатьевичъ Игнатьевъ.

Купецъ, Дмитрій Михайловичъ Полежаевъ.

Купецъ, Василій Ивановичъ Брилинъ.

Купецъ, Григорій Акимовичъ Немиловъ.

Купецъ, Василій Ивановичъ Галкинъ.

Купецъ, ... Блиновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Стр.

ВЪ ТОРОПЦѢ.

Его Превосходительство, Василій Ильичъ Есауловъ.

ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Купеческій сынъ, Алексѣй Федотовичъ Вышкинъ.

ВЪ ЯЛУТОРОВСКѢ.

Купецъ, Никита Θедоровичъ Мясниковъ.

[illegible]

